

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КУЛЬТУРА
НАСЕЛЕНИЯ
ОЛЬВИИ
И ЕЕ ОКОРУГИ
В АРХАИЧЕСКОЕ
ВРЕМЯ

КИЕВ
НАУКОВА ДУМКА
1987

В монографии обобщены результаты исследований по культуре населения Ольги и ее окружи в архаическое время. Содержит разнообразные сведения об истории, экономике и культуре Ольгийского государства в период его основания и первоначального развития. Представлена подробная характеристика архаической керамики, ремесленного производства орудий труда, оружия.

Для археологов, историков, искусствоведов, преподавателей и студентов исторических факультетов.

Авторы

*С. Д. Крыжицкий, Ю. И. Козуб, А. С. Руслев,
С. Б. Буйских, В. Н. Корпусова,
В. В. Крапивина, Н. А. Лейпунская,
С. Н. Мазарати, К. К. Марченко,
В. М. Огрешко, М. В. Скржинская,
Н. А. Сон*

Ответственный редактор

С. Д. Крыжицкий

Рецензенты

А. А. Белецкий, В. М. Зубарь

Редакция литературы
по социальным проблемам
зарубежных стран, археологии
и документалистике

К 050700000-284
М221(04)-87 63-87

© Издательство «Наукова думка», 1987

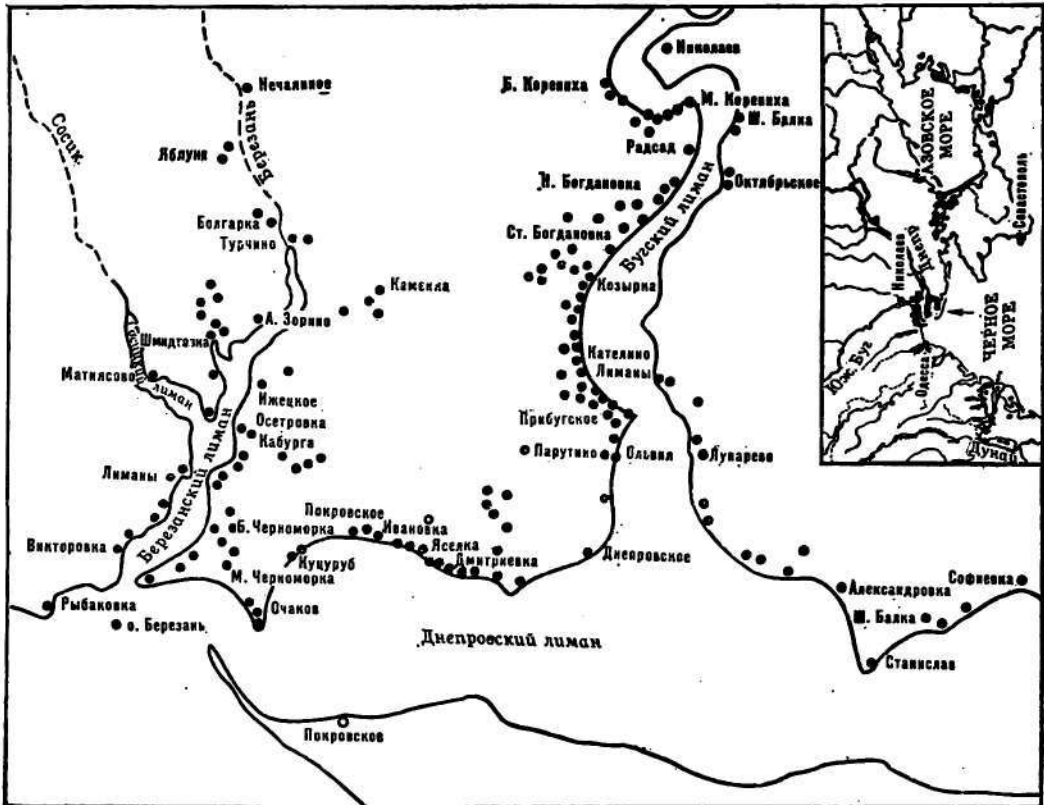
ПРЕДИСЛОВИЕ

Усилившиеся с начала 70-х годов исследования архаических слоев Ольвии и поселений Нижнего Побужья позволили накопить значительное количество материалов, благодаря которым получены новые данные, проливающие свет на развитие культуры не только населения Ольвии или поселения о. Березань, но и жителей сельской округи на этапе освоения греками района Нижнего Побужья. Несомненно, многочисленные материалы из ранних слоев античных памятников тре-

буют систематизации и обобщающей характеристики.

В монографии характеризуются градостроительство и архитектура, керамический комплекс, орудия труда, предметы быта и украшения, памятники письменности и скульптура. Рассмотрение всех этих материалов в комплексе производится впервые, что дает относительно полное представление о

Рис. 1. Карта-схема поселений Ольвийского государства в архаический период.

культуре Нижнего Побужья в целом. В работе рассматриваются памятники культуры со второй половины VII в. до н. э. (основание поселения на о. Березань) по первую четверть V в. до н. э. (время прекращения жизни на подавляющем большинстве сельских поселений). Исследуемая зона — от устья Днепра на востоке до Березано-Сосицкого лимана на западе и до широты г. Николаева на севере — охватывает Ольвийский регион на этапе формирования государства (рис. 1).

Монография подготовлена коллективом сотрудников отдела античной археологии Института археологии АН УССР в составе: С. Д. Крыжицкий, С. Б. Буйских, Ю. И. Козуб, В. Н. Корпусова, В. В. Крапивина, Н. А. Лейпунская (ЦНПМ АН УССР), С. Н. Ма-

зарати, К. К. Марченко (ЛОИА АН СССР), В. М. Отрешко, А. С. Русяева, М. В. Скржинская, Н. А. Сон. Список литературы подготовлен Н. А. Сон, иллюстрации В. Н. Корпусовой, А. В. Буйских, В. В. Назаровым, М. Ш. Петковским.

В монографии использованы материалы, хранящиеся в научных фондах и архивах Института археологии АН УССР, ЦНПМ АН УССР, Государственного исторического музея (г. Киев), Киевского государственного университета им. Т. Г. Шевченко, Киевского музея западного и восточного искусства, заповедника «Ольвия», ЛОИА АН СССР, Государственного Эрмитажа, Николаевского и Херсонского краеведческих музеев, Одесского археологического музея АН УССР.

Глава 1 ПАМЯТНИКИ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА И АРХИТЕКТУРЫ.

Основные этапы развития

Впервые строительные остатки позднеархаического времени, относящиеся к началу — первой половине V в. до н. э. [Крыжицкий, 1982]. — были открыты Б. В. Фармаковским в Ольвии в 1903 г. при раскопках Зевсова кургана. Это остатки каменного цоколя с перекрывающей его сырцово-кладкой, выложенного, судя по фасаду, по полигональной системе, приближающейся к технике «зубья пилы» [Фармаковский, 1906а; 1929, рис. 26—28]. Судя по характеру цоколя, он представлял собой, скорее всего, остатки наземной стены.

В дальнейшем при раскопках в Верхнем городе до материка Б. В. Фармаковский неоднократно открывал различные углубления и хозяйственные ямы, содержащие материалы архаического времени. Однако они не трактовались им как строительные остатки архаических сооружений. Так, в частности, Б. В. Фармаковский отмечал, что три нижних культурных слоя, относимых им к «ионийской» и частично к «афинской» эпохам (по современным данным середина — вторая половина VI — начало V в. до н. э.), представлены только отдельными находками [1926а, с. 152].

Строительные остатки архаического и позднеархаического времени в большинстве своем были открыты в 40-е годы на участке АГД, к северу от дома № 10 и под развалом эллинистического дома № 3 [Славин, 1962, с. 7—11]. Проведенные здесь работы позволили установить наличие двух полуземляночных сооружений, трактованных как временные жилища греческих переселенцев [Славин, 1958, с. 280].

В конце 50-х — начале 60-х годов

остатки нескольких архаических полуземлянок были раскопаны при исследовании теменоса [Карасев, 1964, с. 32] и участка Е₉ [Брашинский, 1965]. На территории последнего обнаружены также фрагменты позднеархаического, по-видимому, наземного сооружения. К концу VI — началу V в. до н. э. относится и древнейший строительный период теменоса, а также начало строительства агоры [Леви, 1956; Карасев, 1964, с. 32 и сл.]. Остатки нескольких землянок и двух наземных позднеархаических сооружений открыты в районе дикастерия и к западу от него в 70-е годы [Карасев, 1972; Карасев, Леви, 1975; Копейкина, 1975а; Леви, 1978; Пругло, 1978]. Архаический слой *in situ*, в том числе ямы и углубления, зафиксированы в районе агоры и юго-западной части раскопа НГФ [Леви, 1941; 1956, с. 40].

Однако, отрывочность полученных данных не позволяла сделать достаточно обоснованные обобщения по строительству и архитектуре города архаического времени.

Принципиально важные материалы были получены в 70-е годы при исследовании широкими площадями архаических напластований на участках АГД и Центрального квартала [Крыжицкий 1976; 1979а; Крыжицкий, Русяева, 1978]. Именно эти работы позволили выделить два основных начальных этапа строительства в городе и определить характер его застройки: во второй половине VI в. до н. э. — земляночной и полуземляночной, а в начале V в. до н. э. — повсеместный переход к обычному наземному сырцово-каменному домостроительству [Крыжицкий, 1975]. Кроме того, проведен-

ные работы позволили пересмотреть датировку наиболее ранних наземных домов, открытых экспедицией ЛОИА АН СССР, и отнести их не ко второй половине VI в. до н. э., а к первой половине V в. до н. э.; отказаться от трактовки землянок как «земляных или грунтовых подвальных», в некоторых случаях якобы прорезавших более ранние наземные постройки [Леви, 1978, с. 38]. В действительности «подвальные» на самом деле представляли собой ранние полуземлянки [Крыжицкий, 1982, с. 15]. Последнее подтвердилось дальнейшими работами на участке ЛОИА АН СССР [Пругло, 1978, с. 46].

Перечисленными объектами в основном исчерпываются строительные остатки позднеархаического времени, открытые в самой Ольвии. Что же касается Ольвийского предместья, то, как уже отмечалось ранее [Крыжицкий, Русяева, 1978, с. 23], отсутствуют достаточные основания относить к VI в. до н. э. открытые в предместье комплексы святилища [Козуб, 1975] и печи [Козуб, 1979, с. 4—5]. Эти объекты более реально связывать с основной массовой застройкой предместья, относящейся главным образом ко второй половине V в. до н. э. [Козуб, 1979].

Строительные остатки архаического времени открыты также на всех раскапывавшихся архаических поселениях сельской округи Ольвии, где они представлены землянками. Это Широкая и Закисовая Балки [Рабичкин, 1951; Отрешко, 1975, раскопки А. С. Русяевой, С. Н. Мазарати]; Бейкуш [Русяева, 1968а; 1967; 1971б; 1972]; Большая Черноморка II, Каборга I [Отрешко, 1976]; Чертоватое II, VII [Рубан, Отрешко, 1976]; Козырка IX (Раскопки В. М. Отрешко); Старая Богдановка II [Марченко, Доманский, 1981]; Кудуруб I [Марченко, Доманский, Виноградов и др., 1978; Марченко, Виноградов, Головачева, 1979; Марченко, 1980; 1981], Викторовка I [Капошина, 1956а, с. 240]. На некоторых поселениях зафиксированы остатки наземного сырцово-каменного строительства, не поддающегося какому-либо восстановлению, за исключением Старой Богдановки II. В одном случае открыты остат-

ки наземного глиняно-плетневого сооружения (раскопки В. В. Рубана).

Значительный материал по строительству архаического времени получен при раскопках Березанского поселения. Здесь еще в 1908 г. Э. Р. Штерном [1910а; 1912] были открыты земляночные структуры получившие подтверждение дальнейшими раскопками М. Ф. Болтенко [1949], а затем раскопками 60—70-х годов, проводившимися В. В. Лапиным, К. С. Горбуновой и Л. В. Копейкиной [Лапкин, 1966, с. 86, 153; 1967; 1968; 1972; 1975/114; Копейкина, 1975а, 1979/68а]. Л. В. Копейкиной и В. В. Лапиным открыты и позднеархаические наземные сооружения, главным образом жилого назначения, планировка которых в какой-то мере поддается восстановлению [Копейкина, 1975а; 1982; Лапкин, 1966, с. 119; 1967]. Раскопки этих исследователей явились наиболее значительными и результативными за все время изучения Березанского поселения.

Специальное архитектурное изучение архаических строительных остатков Ольвийского региона началось сравнительно недавно. Оно проводилось в двух направлениях: анализ архитектурной терракоты и анализ жилых построек. Первая попытка обобщения имеющихся материалов по архитектурной терракоте была предпринята в 1959 г. В. М. Скудной. Затем эта тема была развита И. Б. Брашинским [1966]. В результате были реконструированы черепицы с расписными симами из Коринфа, датируемые концом VI — началом V в. до н. э. [Брашинский, 1966, с. 50]. В 1979 г. в Ольвии на участке АГД был открыт в ботросе V в. до н. э. интереснейший комплекс милетской архитектурной терракоты (раскопки А. С. Русяевой). Архитектурные детали этого комплекса относились к культовым сооружениям второго ольвийского теменоса. Появление первых наземных архитектурных сооружений относится, скорее всего, к концу VI — началу V в. до н. э. Архитектурная терракота этого времени привозная и найдена в Нижнем Побужье только в Ольвии.

Начало изучения планировки и конструкции архаических жилищ региона

в архитектурном аспекте относится к 1966 г., когда впервые был обобщен накопленный материал по планировке землянок и полуземлянок на поселениях ольвийской периферии и Березани [Лавин, 1966, с. 153—158]. В. В. Лавинным было выделено два типа жилищ — полуземлянки и каменные дома. Автор описывает прямоугольные, круглые и овальные в плане полуземлянки, имея в виду, по-видимому, однокамерные структуры, однако не дает их четкой классификации. В отношении каменных домов фиксируется только их наличие.

Позднее, в 1975 г., был определен архитектурный тип раннего жилища, намечены основные этапы развития типологии северопричерноморского дома [Крыжицкий, 1975; 1976; 1979а]. В это же время В. В. Лавинным была выдвинута гипотеза о самостоятельном зарождении и развитии северопричерноморского дома на базе эволюции от однокамерных землянок к многокамерным с последующим их перерастанием в наземные жилые дома обычных типов [Лавин, 1975]. Эта гипотеза, в которой основополагающим является тезис о существовании многокамерных землянок, не подтверждена достаточной фактологической базой [Крыжицкий, Русяева, 1978; Крыжицкий, 1982, с. 20, 27].

Анализу планировки остатков наземных домов, открытых в Ольвии и на Березани, определению генезиса строительной традиции посвящены две статьи Л. В. Копейкиной [1975а; 1976]. Автор приходит к выводу о том, что в Ольвии и на Березани уже в середине VI в. до н.э. начинается массовое наземное каменное строительство; существовали наземные дома мегаронного типа, подвалы, а весь комплекс архитектурно-строительных традиций относится исключительно к ионийскому влиянию. Работы, проведенные в 70-е годы в Ольвии, анализ всей совокупности данных не подтверждают выводы Л. В. Копейкиной. В Ольвии VI в. до н.э. подвалы отсутствовали. Они появляются только в V в. до н.э. и то, очевидно, во второй половине века. Массовое наземное каменное строительство начинается только в V в. до

н.э.; тип наземных домов в Ольвии (по Л. В. Копейкиной — архаических) вообще не поддается определению (так как ввиду отсутствия какого-либо обоснования реконструкция их планировки не обладает достаточной достоверностью), типы же березанских домов явно относятся не к мегаронному; не обоснован вывод и об исключительно ионийском характере архитектурно-строительных традиций [Крыжицкий, 1982, с. 15].

В последние годы ранние типы жилых домов — как наземных, так и земляночных, — их конструкции и объемно-планировочные решения были проанализированы на фоне развития архитектуры жилых домов Северного Причерноморья в целом [Крыжицкий, 1980, 1982]. Выделено два основных этапа начального развития домов — появление специфического типа однокамерного дома колониста (в основном земляночного, реже — наземного) и впоследствии смена его заимствованными из Греции обычными типами жилых домов.

Были также проанализированы и обобщены данные в целом по архитектуре и строительству Ольвии, в том числе на начальных стадиях развития города [Крыжицкий, 1985, с. 57].

Перечисленными исследованиями практически исчерпывается круг работ, в той или иной степени посвященных вопросам архитектуры Ольвии и поселений Нижнего Побужья в архаическое время.

В хронологическом отношении материалы по строительству и архитектуре относятся главным образом ко второй половине VI в. до н.э. Часть из них, касающаяся в основном наземного сырцово-каменного строительства датируется началом V в. до н.э.

К концу VI в. до н.э. появляются вымощенная камнем дорожка, алтарь и так называемое квадратное здание, раскопанные на Центральном теменисе [Карасев, 1964, с. 32; Крыжицкий, 1985, с. 65]. Примерно этим же временем могут датироваться остатки фундаментного ряда, очевидно, храма на втором теменисе, открытые в последнее время (раскопки А. С. Русяевой в 1985 г.). Архитектурные детали, най-

денные, как уже говорилось, в ботросе второго теменоса и поблизости от него, также датируются VI в. до н. э. и, возможно, началом V в. до н. э.

В целом в архаическое время в развитии архитектуры Ольвии прослеживаются следующие основные этапы: 1) середина VI в. до н. э. — начало земляночной застройки Верхнего города, появление единичных землянок и полуземлянок; 2) вторая половина VI в. до н. э. — развитие сплошной земляночной застройки Верхнего города, формирование главной продольной улицы; 3) конец VI — начало V в. до н. э. — появление культового монументального строительства (на теменосах Ольвии оно началось, возможно, несколько ранее — в конце третьей четверти VI в. до н. э. [Крыжицкий, Отрешко, 1986, с. 8, 9]), переход к наземному сырцово-каменному домостроительству; 4) начало — первая половина V в. до н. э. — широкое наземное сырцово-каменное домостроительство при относительно низком уровне развития строительной техники, начало освоения Нижнего города Ольвии. К началу V в. до н. э., очевидно, следует относить и появление в Ольвии наземных построек общественно-административного назначения, как, например, открытое к западу от дикастерия трехкамерное сооружение [Крыжицкий, 1982, с. 15—19].

Этапы развития строительства на Березани так четко пока не прослеживаются [Крыжицкий, 1982, с. 26, 27]. Вполне надежно установлен только факт смены земляночного строительства наземным, что произошло в середине — третьей четверти VI в. — по данным Л. В. Копейкиной [1979, с. 110, 1981, с. 192 и сл.] или же в начале V в. до н. э. — по В. В. Лапину [1966, с. 100]. Отметим, что, несмотря на обилие материалов первой половины VI в. до н. э., строительных остатков этого времени на Березани пока не обнаружено.

Те же два этапа — земляночного и наземного строительства — прослеживаются и на поселениях сельской округи, где переход к наземному строительству происходит в начале V в. до н. э.

Полуземлянки и землянки

На арханческих поселениях Нижнего Побужья полуземлянки и землянки являлись наиболее ранними и распространенными постройками. Подавляющее большинство из них, если не все, однокамерные, четырехугольной, круглой и овальной формы.

Количественно преобладали четырехугольные полуземлянки и землянки. Они открыты на Березани (рис. 2), в Ольвии (рис. 3) на ряде сельских поселений Березанского, Днепровского и Бугского лиманов.

На Березани одна из лучше сохранившихся построек этого типа открыта на раскопе II в 1960 г. [Лапин, 1978]. Полуземлянка в плане имела трапециевидную форму с прямым юго-восточным и юго-западным, тупым северо-восточным и закругленным северо-западными углами. Длина стен от 2,4 до 3,5 м, площадь около 8 м². Котлован углублен в материк на 0,9 м. Его борты были, видимо, побелены — местами сохранились следы извести. Под глинобитный. Возле южной стены находилась площадка шириной 0,6—0,8 м, приподнятая над полом на 0,1 м. Основанием для нее служили, видимо, большие плоские камни, обмазанные сверху глиной. На расстоянии 0,75 м от юго-восточного угла площадка перерезалась узкой (0,35 м) канавкой, доведенной до уровня поля. Ее конструктивное назначение неясно. В. В. Лапин полагал, что здесь могла находиться деревянная лесенка, ведущая в помещение. В северо-западном углу помещения размещался небольших размеров очаг (0,75 × 0,45 м), углубленный в пол на 0,06 м. В полу обнаружено несколько ямок, возможно, имевших какое-то конструктивное назначение. Постройка имела наземные стены, возведенные на бортах котлована. Сохранился небольшой участок восточной стены длиной 0,95 м и шириной 0,6 м, имевший 3—4 ряда кладки высотой 0,25 м. Отметим, что остатки каменных наземных стен сохранились и у нескольких других березанских полуземлянок [Лапин, 1978].

Об ольвийских постройках этого типа определенное представление дает раскопанная на участке АГД полузем-

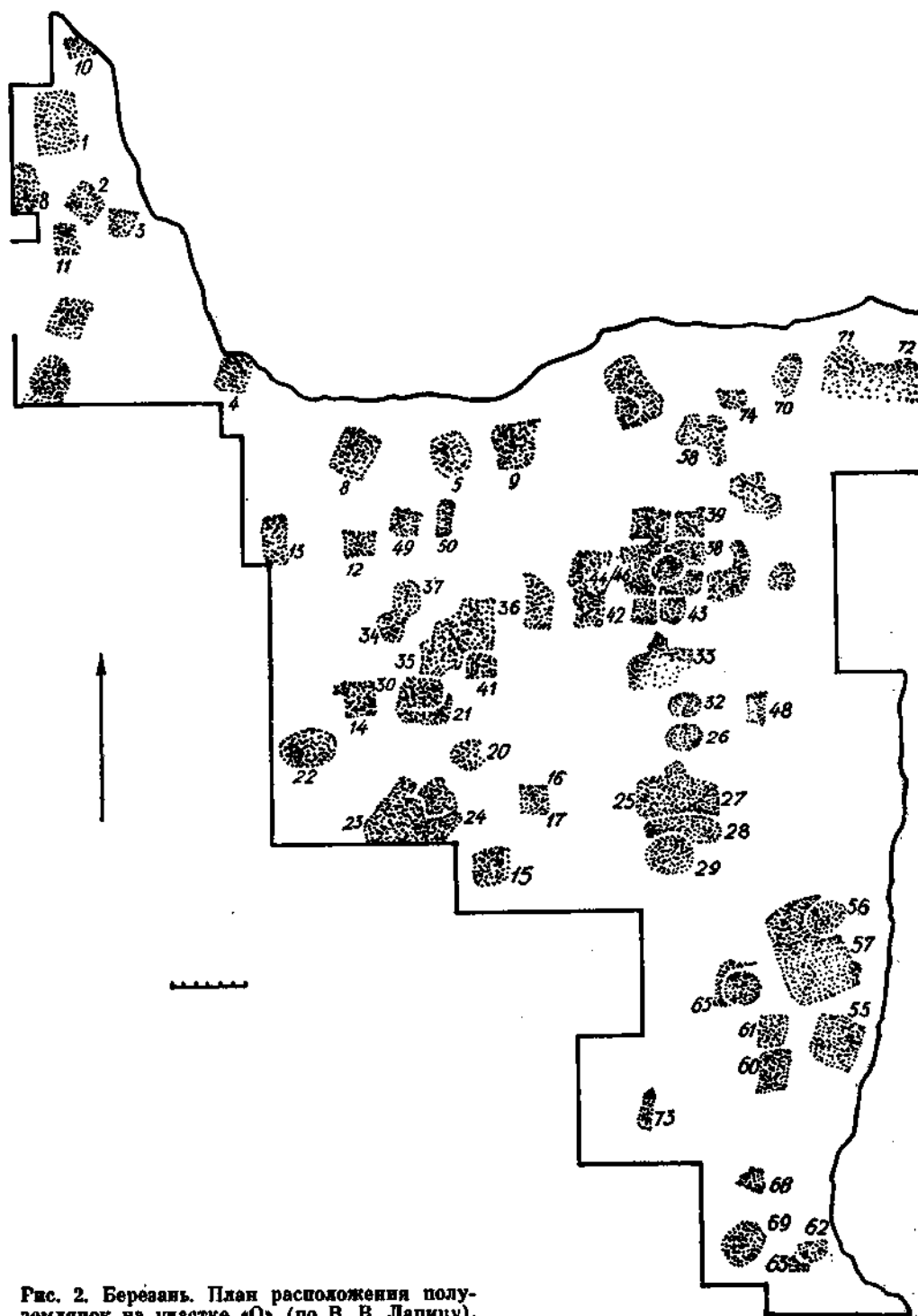

Рис. 2. Берёзняк. План расположения полу-землянок на участке «О» (по В. В. Лапину).

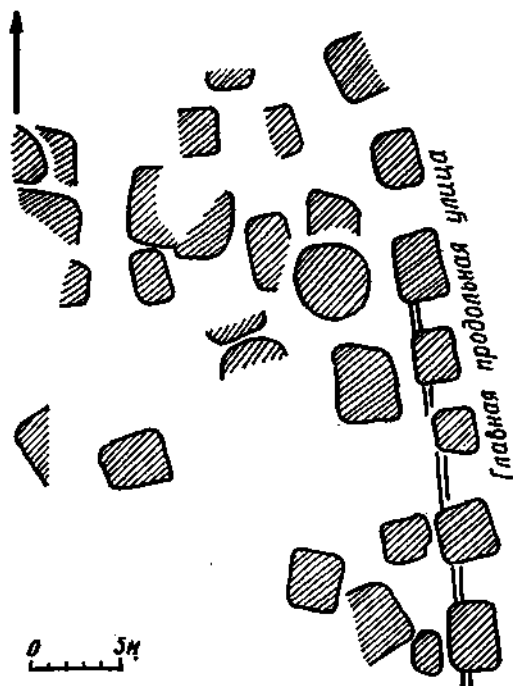

Рис. 3. Озьяль. План расположения землянок на участке АГД.

лянка № 28 [Русяева, Рутковский, 1976/1]. В плане ее форма близка к квадрату, размером $4,05 \times 3,95$ м. Глубина котлована — 1,4 м от уровня поверхности древней почвы. С северо-востока в помещение вел вход, от которого сохранились три ступеньки, вырезанные в материке. Длина их от 0,6 до 1,1 м, ширина от 0,30 до 0,45, высота от 0,1 до 0,4 м. Пол помещения глинобитный, со следами обмазки. В северо-восточной части пола вырыты два углубления корытообразной формы, в стенках которых вырезаны ниши. В юго-восточном углу в прямоугольном углублении, размерами $1,2 \times 0,8$ м и глубиной от пола 0,25 м, помещался очаг.

Аналогичные строения открыты и на сельских поселениях. Среди наиболее хорошо сохранившихся — полуземлянка № 1 на Бейкуше [Русяева, 1968а]. Она ориентирована по странам света, в плане квадратная, размерами $2,6 \times 2,56$ м. Котлован заглублен на 1,3 м. С северной стороны (возле северо-восточного угла) в помещении вела лестница из трех ступенек, вырезанных в

материке. Длина ступенек от 1 до 1,6 м, ширина 0,3—0,5, высота около 0,3 м. В нижней ступеньке — небольшая ямка диаметром 0,2 м, видимо, от опорного столба. Для другого опорного столба в материковом борту котлована рядом с лестницей вырезано вертикальное углубление, полукруглое в плане, диаметром $0,7 \times 0,5$ м. Пол жилища смазан желтоватой глиной. В северо-восточном углу размещался очаг, от которого сохранилось скопление кусков обожженной глины, стенок амфор и раковин мидий. В полу восточной части помещения вырыто полукруглое углубление, видимо, хозяйственного назначения, размерами $1 \times 0,5$ м и глубиной 0,2 м, заполненное раковинами мидий.

С точки зрения конструктивных особенностей среди построек этого типа интересна полуземлянка «А» на раскопе № 4 поселения Широкая Балка [Рабичкин, № 471]. Она ориентирована по странам света, в плане прямоугольной формы, размерами $2,8 \times 2,5$ м. Котлован углублен на 0,9 м. В юго-западном углу размещался вход — лестница из трех ступеней, вырезанных в материке. В северном борту котлована вырезана дилла арочной формы, высотой 0,5 м, шириной 0,4 и глубиной 0,8 м, в центре которой лежал небольшой плоский камень. В северо-восточном и юго-восточном углах в полу помещения обнаружены две небольшие конусовидные ямки — веясно, для опорных столбов или же для установки амфор. Пол обмазан толстым слоем глины. Остатки очага не обнаружены.

Северной, западной и южной границами помещения служили материковые борта котлована. Восточная граница частично образована материковым бортом, а частично — врезанной в грунт каменной кладкой. В основании последней — два крупных блока, на которых были уложены пять рядов плоских камней на глиняном растворе. Длина кладки 2 м, ширина 0,5, высота 1,15 м — т.е. на 0,25 м выше материковых бортов, что может свидетельствовать о соответствующем характере наземных стен. Кладка прорезает хозяйственную яму (№ 15), от которой сохранилась находящаяся за пределами полуземлянки восточная часть.

Приведенные описания свидетельствуют о наличии общих черт в прямоугольных постройках (причем наиболее хорошо сохранившихся), открытых на территории различных населенных пунктов — Березани, в Ольвии и на сельских поселениях. Следует обратить внимание на некоторое конструктивное отличие широкобалковской полуземлянки — использование каменной кладки, врезанной в грунт и замещающей часть материкового борта котлована. В некоторых других строениях встречаются каменно-сырцовые стены, приставленные к бортам котлованов и как бы облицовывающие их. Высказанное ранее мнение о том, что данный технический прием являлся особенностью местного домостроительства Нижнего Побужья [Рабичкин, 1951], представляется неубедительным. Землянки, стены которых местами облицованы каменными кладками, известны и в других районах, и в другое время. Например, на Нижнем Дону на поселениях кобяковской культуры эпохи поздней бронзы [Шарафутдинова, 1973] и на Елизаветовском поселении IV—III вв. до н. э. [Брашинский, Марченко, 1978]. Интересно, что исследователи считают такой прием особенностью микрорегиона Нижнего Дона. В частности, использование его на Елизаветовском поселении объясняют местными, негреческими, строительными традициями.

По данным А. С. Русяевой и С. Д. Крыжицкого, на участке АГД в Ольвии во время функционирования полуземлянки № 5 ее северная стена была повреждена, а затем отремонтирована с помощью кладки из сырцовых кирпичей [Крыжицкий и Русяева, 1978]. В. В. Лапин отмечал, что сооружение каменных стен в углубленных частях построек на Березани диктовалось, как правило, нарушениями на этих участках материка более ранними полуземлянками и ямами [Лапин, 1978]. По этнографическим данным, подобный строительный прием применялся в тех случаях, когда материк был не настолько прочный, чтобы борта котлованов могли выдержать тяжесть наземных стен. Если грунт был слабым, то борта котлована полностью обкладывались изнутри стенами — ка-

менными, сырцовыми, глиняно-плетеными и т. п. Если же грунт был достаточно прочен и лишь в некоторых местах вызывал недоверие строителей — например, нарушения предшествующими постройками — борта котлована обкладывались не полностью, а частично. Наземные стены в этом случае сооружались на бортах, а частью — на обкладке бортов котлованов.

В Нижнем Побужье материковый лесс обычно достаточно прочен, и наземные стены сооружались в большинстве случаев на бортах полуземлянок. Прямоугольные помещения, у которых искусственными стенами были бы обложены все борта, отсутствуют. Там, где применялась кладка, прослежено нарушение грунта. В качестве примера рассмотрим полуземлянку «А», раскопанную на участке «Ж» поселения Широкая Балка [Рабичкин, 1951]. В плане она прямоугольная, размерами 2,7 × 2,2 м, и углублена в материк на 0,65 м. Южной границей помещения являлся материковый борт котлована. Западный материковый борт сильно поврежден, сохранилась только нижняя часть, к которой пристроена стена из крупных полигональных плит неправильной формы. Она сложена в системе полигональной кладки, широкие промежутки между плитами забиты кулачником и залиты глиной. Восточной границей помещения являлся частично материковый борт, частично — врезанная в грунт каменная стена. Ее длина внизу достигала 1,2, а вверху 2,3 м. Нижняя часть состояла из нескольких крупных и средних камней, сложенных в полигональной системе. Выше были уложены четыре ряда небольших плоских камней. Крайние камни 2—4-х рядов лежат на соответствующих материковых выступах, в результате чего длина кладки сверху увеличилась. Северной границей помещения являлся материковый борт, в котором камнями заложен проем, шириной 0,65 м — лесс в этом месте нарушен соседней полуземлянкой.

Таким образом, описанный строительный прием был вызван чисто техническими причинами и сам по себе не может быть интерпретирован как этнографическая особенность какого-

либо населения или региона. Конечно, исключить возможность открытия в Нижнем Побужье построек, все борта которых обложены стенами, нельзя. Подобный прием может встретиться в случае углубления котлованов, например, в песчаный или какой-либо другой недостаточно прочный грунт. И наконец, по аналогии с кладками, углубленными в древнюю почву или материк, можно в определенной степени судить о конструкции наземных частей построек, что существенно дополняет немногочисленные имеющиеся данные.

Отметим, что при сооружении наземных и углубленных стен могла применяться и другая строительная техника, например, глиняно-плетневая. В качестве примера опишем полуземлянку № 57, открытую на раскопе О на Березани [Лапин, 1978]. Она имеет подпрямоугольную в плане форму, размерами $7,5 \times 4,6$ м и занимает площадь $34,5$ м². Реконструируемая глубина в материке от 0,85 до 1,1 м. У юго-восточного угла в восточном борту котлована — полукруглый тамбур диаметром 0,9 м и глубиной в материке 0,6 м, который, видимо, связан с устройством входа.

От столбовой конструкция стен сохранились ямки диаметром около 0,2 м, расположенные, как правило, в створе, с длиной шага 0,7—0,8 м. Они прослежены вдоль трех бортов котлована. В центре постройки находились две ямы для опорных столбов, диаметром около 0,6 м и глубиной 0,5 м. Расстояние между ними 1,75 м, расстояние от северной и южных стен — соответственно 2,5 и 3 м. В южной части помещения расположены две очажные площадки.

На Бейкушском поселении аналогичную конструкцию имела полуземлянка № 2 [Русяева, 1968а]. Она сильно разрушена обвалом берега Березанского лимана, сохранились только два борта котлована. В углах на всю глубину котлована вырезаны полукруглые углубления для опорных столбов. Еще два углубления, диаметром 0,25 м и глубиной 0,4 м вырезаны в хорошо сохранившемся восточном борту помещения. Очевидно, постройка имела наземные глиняно-плетневые стены.

Среди прямоугольных строений имелись не только жилые, но и хозяйственные. Примером последних может служить полуземлянка «Б» на раскопе № 4 поселения Широкая Балка [Рабичкин, 1951]. В плане она прямоугольная, размерами $4,3 \times 2,7$ м, заглублена в материк на 1,2 м. Южной границей помещения являлся материковый борт котлована. Восточной и западной — служили каменно-сырцовые стены, пристроенные к бортам. В высоту сохранилось 14—16 рядов мелких камней, среди которых встречаются сырцовые кирпичи. Обе стены обмазаны слоем глины. В подошве северной стены открыт ряд камней средних размеров, подстилающих семь рядов стандартных сырцовых кирпичей, размерами $0,3 \times 0,09 \times 0,09$ м. На них лежали 6—7 рядов мелких камней, уложенных на глине без соблюдения строгой горизонтальности каждого ряда. Крайняя западная часть этой стены плавно поворачивала на север, оформляя вход в помещение, устроенный в северо-западном углу. Сохранились три каменные ступени, верхняя из которых служила порогом.

Южную половину помещения занимала большая печь, размером $2,6 \times 2,2$ м. По вполне вероятному предположению Б. М. Рабичкина, она предназначалась для сушки зерна.

Отличить жилые постройки от хозяйственных довольно трудно: сказывается и степень сохранности большинства полуземлянок и, особенно, неразработанность соответствующих критериев. Так, например, отсутствие очага еще ни о чем не говорит — вместо него могла использоваться переносная жаровня. Во многих случаях отсутствуют материковые или каменные ступени. Однако вход мог осуществляться по деревянным лестницам, причем затруднительно сказать, как это соотносилось с назначением постройки. Наличие полуземлянки «Б» подтверждает существование построек хозяйственного назначения, о чем свидетельствует печь для сушки зерна, занимавшая больше половины площади помещения.

Другим примером хозяйственных прямоугольных строений может служить помещение № 75 на поселении

Большая Черноморка II [Отрешко, № 1976/12; Отрешко, № 1977/1]. В плане оно прямоугольное с закругленными углами, размерами 6,4×4,2 м, углублено на 0,3—0,4 м. На бортах котлована местами сохранились следы сырца от наземных стен. Пол обмазан тонким слоем глины. В юго-западном углу сохранились остатки печи, размером 1,3×0,9 м, примыкавшей к бортам котлована. В центре помещения, на расстоянии 0,7 м друг от друга, располагались два очага, размерами 0,7×0,6 м. Рядом с ними в пол были врезаны две хозяйственные ямы колоколовидной формы, глубиной до 1,4 и диаметром нижней части до 1,3 м. Вдоль северной и восточной стен помещения в полу небрежно вырыты две канавы, примыкающие одна к другой под прямым углом. Первая из них длиной 3 м, шириной 0,6 и глубиной до 0,4 м. Вторая — длиной 2,7 м, шириной до 0,8 и глубиной до 0,7 м. Дно канав в разрезе закругленное. Стенки и дно обмазаны плотным слоем зеленоватой водонепроницаемой глины. В настоящее время сельские жители Николаевщины иногда используют аналогичные канавы для кормления скота. Возможно, что и помещение № 75 использовалось для содержания домашнего скота, особенно в зимний период.

Очевидно, хозяйственные полуземлянки существовали не только на сельских поселениях. По мнению В. В. Лапина, на Березани к их числу можно отнести полуземлянку № 40 на раскопе О [1978]. В плане она подпрямоугольная, размером 2,55×2,9 м. Глубина 1,45 м от уровня древней поверхности. Пол глинобитный. В центре помещения в полу находились углубления: два смежных разновеликих прямоугольника, к большему из которых (восточному) с юга примыкал полукруг диаметром 0,9 м. Назначение углублений неясно. Однако их наличие затрудняло размещение спальных мест.

В Ольвии одна из полуземлянок, по данным С. Д. Крыжидкого и А. С. Русевой, использовалась для хранения щепенки [1978].

Размеры большинства полуземлянок невелики. Уникальна в этом отношении

полуземлянка или землянка № 15, открытая на поселении Старая Богдановка II [Марченко, Доманский, 1981]. Сохранность постройки плохая. В плане она подчетыреугольной формы с закругленными углами. Длина стен составляет 8 и 8,5 м, площадь достигает 64 м². Котлован углублен до 1,5 м от уровня поверхности древней почвы. Пол — плотный материковый суглинок, местами сохранил следы тонкой глиняной обмазки. Возле юго-восточного борта открыто материковое возвышение шириной 1,5 и высотой 0,15 м. В полу обнаружено семь неглубоких ям, возможно, хозяйственного назначения, и пять небольших конусовидных ямок, скорее всего, для опорных столбов.

Кроме прямоугольных, на Березани, в Ольвии и на сельских поселениях встречаются углубленные в материк постройки круглой формы.

Среди строений этого типа, открытых на Березани, хорошо сохранились немногие. Одна из построек исследована в 1965 г. на северо-западном участке [Горбунова, № 1965/29]. Диаметр полуземлянки около 3,5 м, углубленность от уровня древней почвы 0,75 м. Следов входа не обнаружено. Пол помещения материковый, сильно сглаженный. В южной части полуземлянки размещался очаг, вплотную примыкавший к борту котлована. Очаг прямоугольный с закругленными углами, размером 0,7×0,5 м, высота от пола до 0,35 м. Плотная чистая огнеупорная глина образует своеобразный борт, толщиной около 0,1 м. С западной стороны к нему приставлена плоская известняковая плита. К востоку от очага в пол были вкопаны две хиосские амфоры.

В 1973 г. на северо-западном участке исследована полуземлянка VII [Копейкина, № 1973/71] диаметром 2,7 и глубиной 0,9 м. Стены полуземлянки — ровные отвесные. На них местами сохранилась глиняная обмазка. Вход в помещение располагался в северо-западной стороне. Пол глинобитный. В центре помещения в полу открыта яма для опорного столба. Возле южной стенки размещалась площадка из материковой глины, прямоугольной в плане формы с закругленными углами,

размером $0,9 \times 0,7$ м. Края выделены валикообразным бортиком и укреплены вмазанными в глину камнями. Рядом находилась небольшой очажок — два обгорелых камня, вмазанные в пол. К востоку от глинобитной площадки в полу у борта полуземлянки имелась небольшая ямка воронкообразной формы, возможно, для установки амфоры. Судя по заполнению котлована, постройка имела сырцовые наземные стены.

В Ольвии открыта полуземлянка № 6 хорошей сохранности на участке АГД [Крыжидкий, Русяева, 1978]. Ее диаметр 3,9 м, углубленность от уровня поверхности древней почвы около 1,5 м. Борты котлована вертикальные, следы обмазки или побелки отсутствуют. Вход не обнаружен. Пол глинобитный, хорошо прослежены четыре слоя глиняной обмазки. В восточной и западной частях помещения в борту врезаются небольшие ниши, в одной из которых находилась расписная самосская амфора. В южной части полуземлянки к борту примыкала четырехугольная в плане глинобитная площадка, размером $1,1 \times 0,75$ м, высотой от пола 0,35 м. Рядом с ней в полу вырыта ямка диаметром 0,5 м и глубиной 0,3 м, возможно, предназначенная для установки амфоры. В центре помещения находились две необработанные полигональные плиты, положенные одна на другую. Верхняя из них имела углубление диаметром 0,14 м и глубиной 0,05 м. Они предназначались, видимо, для центрального опорного столба. Возможно, для других опорных столбов предназначались некоторые из пяти ямок, вырытых в полу помещения.

Очевидно, сходную конструкцию имела полуземлянка № 4 на поселении Старая Богдановка II [Марченко, Доманский, 1981]. Площадь ее достигала 8 м², глубина 0,9 м. Возле южного борта на материковом полу находилась невысокая (0,1 м) подчетыреугольная загородка из сырца (длиной около 1 м и шириной около 0,4 м). В полу помещения — в центре и возле бортов — выявлен ряд небольших конусовидных ямок, очевидно, от опорных столбов.

В большинстве случаев подобные строения имели, вероятно, сырцовые

наземные стены. Наземные, а также углубленные части стен иногда могли быть глиняно-плетневыми. В качестве примера приведем полуземлянку № 20 на поселении Широкая Балка [Рабичкин, 1951]. Котлован частично разрушен береговым оползнем. Диаметр постройки достигал 3,5, глубина 0,5 м. Пол глинобитный. Вдоль борта в полу сохранившейся части котлована вырыты три ямы диаметром 0,6 и глубиной 0,25 м, а также несколько более мелких углублений. Скорее всего, они предназначались для опорных столбов глиняно-плетневых стен.

Перекрытие помещений в большинстве случаев коническое, опиравшееся на центральный опорный столб и наземные стены. Для центрального столба нередко выкапывались ямы в полу помещений. Во многих случаях углублений для центрального столба не было, однако их функция могли выполнять каменные плиты с углублениями, положенные на пол помещений, подобно полуземлянке № 6 на участке АГД в Ольвии. Камень, предназначенный для центрального опорного столба, обнаружен и в полуземлянке № 60 на поселении Большая Черноморка II [Отрешко, № 1976/26].

При сооружении кровли в большинстве случаев использовались, скорее всего, солома или камыш. Иногда перекрытие могло иметь и более сложное устройство. Приведем описание полуземлянки № 13 на поселении Большая Черноморка II [Отрешко, № 1973/13]. Диаметр котлована достигал 2,9, глубина 1,1 м. В юго-восточной части в борту вырезаны три ямки, расположенные вплотную одна к другой, диаметром от 0,15 до 0,30 м и глубиной до 0,65 м. Очевидно, они имели отношение ко входу в помещение. На дне котлована лежал слой плотно утрамбованной камки толщиной 0,06 м. Выше находился золистый слой с узкими прослойками светлой глины, мощностью до 0,5 м. Над ним залегал слой камки толщиной до 0,2 м. Выше — слой чистой желтой глины мощностью до 0,55 м.

Нижний слой камки, скорее всего, служил полом помещения. На него, видимо, рухнула крыша, в состав которой входила зола, камка (второй слой)

и глина. В заполнение котлована попала и глина из какой-то части наземных стен.

Интересно отметить, что в современных сельских домах Николаевщины при сооружении крыш нередко используются слои золы и камки, обмазанные сверху глиной. Очевидно, подобным способом была перекрыта и описываемая полуземлянка. Крыша в этом случае должна была быть плоской, с небольшим уклоном для стока дождевых вод.

По-разному оформляется и вход в круглые полуземлянки. В некоторых случаях делались материковые ступени — например, полуземлянке № 2 на поселении Каборга I [Отрешко, 1971/20д] или в полуземлянке № 100 на Большой Черноморке II [Отрешко, 1977/1]. В других случаях могли использоваться деревянные лестницы.

Среди круглых строений встречались не только полуземлянки, но и землянки. Среди наиболее углубленных строений выделяется открытое на Бейкушском поселении помещение № 5 [Русяева, 1971]. По данным А. С. Русяевой, оно подвергалось перестройке. Первоначально диаметр котлована достигал 2,6, глубина 2,25 м. Пол был покрыт слоем камки. Затем котлован постройки был расширен до диаметра 3,6 м, а уровень пола повышен на 0,15 м. Пол обмазан слоем розовой глины. По углубленности данная постройка уникальна. Несомненно, это была землянка, не имевшая наземных стен.

Очевидно, круглые постройки главным образом были хозяйственными, хотя, как уже отмечалось, критерия для отличия жилых от хозяйственных помещений не разработаны. Приведем некоторые соображения по этому поводу. Незначительная площадь большинства строений такого рода в сочетании с круглой формой делает их весьма неудобными для размещения спальных мест. Мешают этому и центральный опорный столб, возводившийся в большинстве помещений, и нередко встречаемые различные хозяйственные углубления в полу. Однако утверждать, что все подобные строения имели хозяйственное назначение, мы не можем.

На Березани и некоторых сельских поселениях открыты постройки, форма которых в плане приближается к овалу. На Березани наиболее хорошо сохранившимся строением этого типа является полуземлянка № 1, расположенная на северо-западном участке [Копейкина, № 1972/83]. Ее размеры 4,3 × 3,1 м, глубина 0,65 м. Вход в помещение находился с северо-западной стороны. Недалеко от него сохранилось углубление от опорного столба с остатками древесины. В центре помещения открыты остатки глинобитного очага. Здесь найдены многочисленные куски горелого сырца, печина, уголь и обгоревшие фрагменты керамики.

Для выяснения конструктивных особенностей подобных сооружений представляет интерес полуземлянка, распавшая на поселении воле Закисовой Балки [Отрешко, 1975]. Она частично разрушена оврагом. Размеры сохранившейся части 3,6 × 3 м, глубина 1 м. Борта котлована вертикальны по отношению ко дну, с небольшим закруглением в месте соединения. В полу вырыты две ямы для опорных столбов. Одна из них, диаметром 0,25 и глубиной 0,35 м, находилась в южной части помещения. Рядом лежало несколько камней, очевидно, предназначенных для укрепления столбов. Другая ямка, диаметром 0,25 и глубиной 0,15 м, размещалась в северной части помещения.

Возле северо-восточного борта в полу вырыта хозяйственная яма, частично разрушенная оврагом. Глубина ее от пола достигала 0,8 м, диаметр горловины (судя по сохранившейся части) 0,7, а диаметр дна 1,2 м. В заполнении найдено несколько камней, которыми, возможно, была обложена горловина. В восточной части помещения у борта в полу вырыто углубление размером 1,1 × 0,6 и глубиной 0,1 м. Заполнение котлована следующее. Над полом находился слой пепла, скорее всего, от сгоревшей соломы, толщиной 0,15—0,30 м, повышавшийся воле западного борта. Частично он перекрыт слоем чистой красной глины, мощность которого от центра к восточному борту повышается от 0,1 до 0,7 м. Никаких культурных остатков в этом слое не обнаружено.

Над глиной в восточной части котлована и над щелом в западной помещался сероглинистый слой с включениями большого количества керамики. Над этим слоем залегал серозолистый, также содержащий большое количество керамики VI в. до н. э.

Судя по наличию хозяйственной ямы и углубления в полу, отсутствию очага и обмазки пола, небрежно выкопанному котловану, постройка имела хозяйственное назначение. Наземные стены были сырцовыми или глинобитными, при их разрушении в заполнение сполз массив красной чистой глины. Правда, на самых бортах следов красной глины обнаружено не было — очевидно, остатки стен были свесены при нивелировании площади под более позднее наземное сооружение.

Судя по расположению двух ямок для опорных столбов, крыша была двухскатной. Во время пожара соломенная крыша сгорела, и на дно котлована попал довольно толстый слой пепла, перекрытый впоследствии развалом стен.

Вероятно, большинство овальных полуземлянок имело аналогичную конструкцию. Иногда при сооружении наземных стен использовался камень. Так, в частично разрушенной обвалом берега полуземлянке № 3 на Бейкушском поселении на восточном берегу котлована зафиксирован развал кладки из необработанных камней [Русяева, 1968]. Судя по отсутствию ступенек, вход в большинство помещений осуществлялся по деревянной лестнице. В некоторых случаях возможны и иные варианты. Например, в полуземлянке № 2 на Большой Черноморке II короткая северная часть борта была пологой — угол наклона составлял около 30° [Отрепко, № 1973/13].

О степени распространенности овальных полуземлянок судить трудно. Возможно, их было немного. Нередко к ним относят круглые строения с небольшими колебаниями в диаметре. Площадь их невелика, обычно 6—12 м². По сведениям Л. М. Славина, на Викторевке I открыты остатки овальной или круглой полуземлянки, диаметром около 12 м [Славин, 1955а]. Однако на опубликованном плане участка видны

остатки не овальных, а прямоугольных котлованов с закругленными углами [Рудык, 1957].

По утверждению В. В. Лапина, существуют строения эволюционирующего типа от овальных к прямоугольным. К ним он относит землянку № 26 на участке О на Березани [Лапин, 1978] длиной 3, шириной 2 м. Она углублена в материк до 1 м. На уровне полевки пятно плана имеет ярко выраженную эллипсоидную форму, глубже стенки выравниваются и на уровне пола землянка становится подпрямоугольной в плане формы. По нашему мнению, подобного эволюционирующего типа не существует. Скорее всего, верхняя часть бортов котлована осыпалась или же была повреждена. В. В. Лапин отмечал, что землянка № 26 с востока и запада нарушена ямами, а сверху перекрыта более поздней каменной стеной 105а [Лапин, 1978].

Необоснованны так же утверждения В. В. Лапина и о существовании многомерных землянок — точнее, комплексов земляночных помещений [1975, 1978]. Судя по описаниям, речь идет о группах разновременных построек, различной углубленности, не связанных между собой. Недостаточная аргументированность данной гипотезы уже отмечалась исследователями [Крыжицкий, 1982]. Правда, речь идет только о реконструированных В. В. Лапиным комплексах земляночных строений. В принципе же существование многокамерных полуземлянок и землянок вполне возможно. Нельзя исключать, к примеру, что открытая на Старой Богдановке II полуземлянка № 15, площадью 64 м², могла иметь какое-то внутреннее членение и состоять не из одного, а из нескольких помещений, подобно многокамерным постройкам Елизаветовского городища, типологическая планировочная основа которых имела ярко выраженный неантичный характер. Не вызывает сомнений, однако, что подавляющее большинство землянок и полуземлянок являлись однокамерными постройками.

Таким образом, в настоящее время довольно уверенно можно выделить три основные группы земляночных и полу-

земляночных строений: четырехугольные, круглые и овальные.

Количественно преобладают четырехугольные. Площадь их в большинстве случаев составляла 6—14 м², реже — до 27, 34 и даже 64 м². Котлованы углублены на 0,4—1,5 м, чаще всего на 0,6—1,0 м. Борты котлованов иногда обкладывались или ремонтировались с помощью сырцово-каменных стен и, возможно, глиняно-плетневых конструкций. Наземные стены в большинстве случаев не сохранились. Однако известны данные о том, что они были каменно-сырцовыми или глиняно-плетневыми. Не исключена возможность и других способов их сооружения.

Черепицы на поселениях не обнаружено. Крыши построек были, скорее всего, соломенными или камышовыми, возможно, обмазанными глиной.

Некоторые строения отличаются друг от друга способом устройства входа, расположением и устройством очагов, наличием или отсутствием хозяйственных ям, канав и углублений, вырытых в полу, а также ниш в бортах котлованов. По своему назначению различаются жилые и хозяйственные постройки.

Реже встречаются сооружения круглой формы. Площадь большинства из них составляла 3—10, реже — до 20 м². Углублены они обычно на 0,5—1 м, максимально — 2,25 м. У большинства из них, очевидно, были сырцовые или глиняно-плетневые наземные стены. Крыша обычно коническая, из соломы или камыша. Иногда крыши делались тяжелыми, плоскими, сложной конструкции с применением золы, камки и глины. Как и прямоугольные, круглые строения отличаются друг от друга способом устройства входа, наличием или отсутствием очага, глинобитного «столика», хозяйственных ям и углублений.

Наименее изученными и, возможно, наименее распространенными были овальные постройки. Площадь их составляла 6—10 м², углубленность 0,6—1 м. Стены постройки возводились из камня и глины; двухскатные крыши — из соломы или камыша. Различия между отдельными постройками заключаются в устройстве входа, наличии или отсутствии очага и хозяйственных углублений.

Градостроительство

Планировка всех исследованных поселений региона, за исключением Березанского, формировалась стихийно; без соблюдения регулярности. Среди поселений выделяются по величине три типа: небольшие хутора площадью около 0,2 га; средние — 2—3 га; крупные — до 50—70 га [Крыжицкий, Буйских, Бураков и др., 1980, с. 4]. Ни в одном из поселений не прослежена уличная сеть, отсутствуют квартальная структура и какие-либо элементы благоустройства. Не выявлены также и комплексы общественного, административного, торгового или культового назначения. Судя по данным раскопок, все три типа поселений имели нерегулярную кустовую структуру и состояли из отдельных небольших скоплений однокамерных жилищ, располагавшихся друг от друга на расстояниях в несколько десятков метров. На поселениях, в зависимости от их размеров, могло размещаться от 1 до 100—160 таких «кустов» или модулей [Буйских, 1986].

От населенных пунктов Нижнего Побужья второй половины VI в. до н.э. отличается поселение на о. Березань, где в части поселения стихийное размещение землянок сменяется во второй половине VI в. до н.э. (при переходе к наземному строительству) относительно прямоугольной, очевидно, регулярной планировкой. Здесь, в западной части поселения, на участке «Г» формируется квартальная структура застройки, возникает четкая уличная сеть, появляются элементы благоустройства — водостоки. Если следовать интерпретации В. В. Лапиным результатов работ Г. Л. Скадовского [Лапин, 1966, с. 14], то на поселении уже в V в. до н.э. существовал в достаточно развитом виде культовый участок. В восточной части поселения, на участке О какого-либо упорядочения планировки в VI в. до н.э. не происходит. Следует также подчеркнуть наличие, причем на обоих упомянутых участках, высокой плотности застройки, типичной для городских центров.

В Ольвии с середины VI в. до н.э. начинается формирование уличной сети, а в конце третьей четверти VI в.

до н.э. появляются агора и теменос. В размещении землянок прослеживается определенная закономерность. Типична высокая плотность застройки. Можно также предполагать начало формирования кварталов, которые по периметру имели ограждения [Крижицкий, Русяева, 1978, с. 5]. Территория города в это время достигала примерно 16,5 га, а ширина Главной продольной улицы — 6 м [Крыжицкий, 1979б, с. 121]. Какой-либо дифференциации застройки не прослеживается. Размещение теменосов частично на территории, ранее застроенной жилыми землянками и полуземлянками, свидетельствует о том, что строительство не велось по заранее продуманному плану. Для второй половины VI в. до н.э. для Ольвии характерно и отсутствие какого-либо благоустройства. Его элементы, в частности водостоки, появляются только в V в. до н.э., когда происходит окончательное формирование уличной сети и кварталов. Как и впоследствии, Ольвия в архаическое время не имела регулярной прямоугольной системы планировки.

Наземные сооружения. В противоположность земляночному строительству остатки наземных сооружений периода архаики изучены недостаточно. Практически отсутствуют сооружения, планировку которых можно было бы полностью восстановить [Крижицкий, 1971, с. 64]. Нередко остатки наземных сооружений столь незначительны, что вообще не могут дать представления об общей планировочной схеме.

Наиболее значительные фрагменты наземных (или слегка углубленных в землю, но не более, чем полуподвальных) [Крыжицкий, 1982, прим. на с. 12] построек открыты на поселении Старая Богдановка II [Марченко, Доманский, 1981]; в меньшей степени на поселениях Козырка IX (работы В. М. Отрешко), Чертоватое VII (работы С. Б. Буйских, В. В. Рубана), Широкая Балка (работы А. С. Русевой, С. Н. Мазарати). Остатки наземных сооружений раскопаны также в Ольвии и на Березани. Наиболее репрезентативны строительные остатки Березанского поселения.

Однако отметим, что все постройки, за исключением, возможно, Березанских, уверенно датируются временем не ранее начала V в. до н.э. В отношении сельских поселений подобная датировка дается непосредственно авторами раскопок. Что же касается датировок наиболее ранних наземных сооружений Ольвии, они были пересмотрены нами ранее [Крыжицкий, 1982, с. 18, 30; 1985, с. 63]. Исключения представляют только упомянутые выше постройки обеих ольвийских теменосов.

Наземные комплексы поселения на о. Березань. Наземные сооружения Березанского поселения, поддающиеся интерпретации и анализу, открыты главным образом в последние два десятилетия в западной (Л. В. Копейкина) и восточной (В. В. Ланин) частях.

В западной части поселения фрагментарно открыты остатки наземных, главным образом жилых домов, размещавшихся по обеим сторонам улицы, шириной около 3,5 м. Установлены ширина квартала, равная примерно 24 м, и длина, составляющая не менее 49,5 м [Копейкина, 1977/94, план северо-западного участка II] (рис. 4). Границы кварталов, в которые входили эти дома, полностью не раскопаны, в связи с чем, а также из-за фрагментарности строительных остатков нельзя достаточно точно реконструировать планировку домов. Тем не менее можно сделать определенные выводы. Дома блокировались в кварталы и имели четкую прямоугольную разбивку на местности. Их площадь могла колебаться в пределах, скорее всего, 60—230 м². Мы исчисляли примерную площадь отдельных сооружений по длине стен, которые могли ограждать каждый в отдельности дом. Дома, очевидно, имели внутренние дворы. Основным планировочным принципом раскопанных до настоящего времени жилых домов являлся равнозначно-параллельный. Планировка и размеры домов в одном и том же квартале различны. Известно полуподвальное помещение, углубленное до 0,6 м, функционировавшее по Л. В. Копейкиной в конце VI — начале V в. до н.э. [1981а, с. 199].

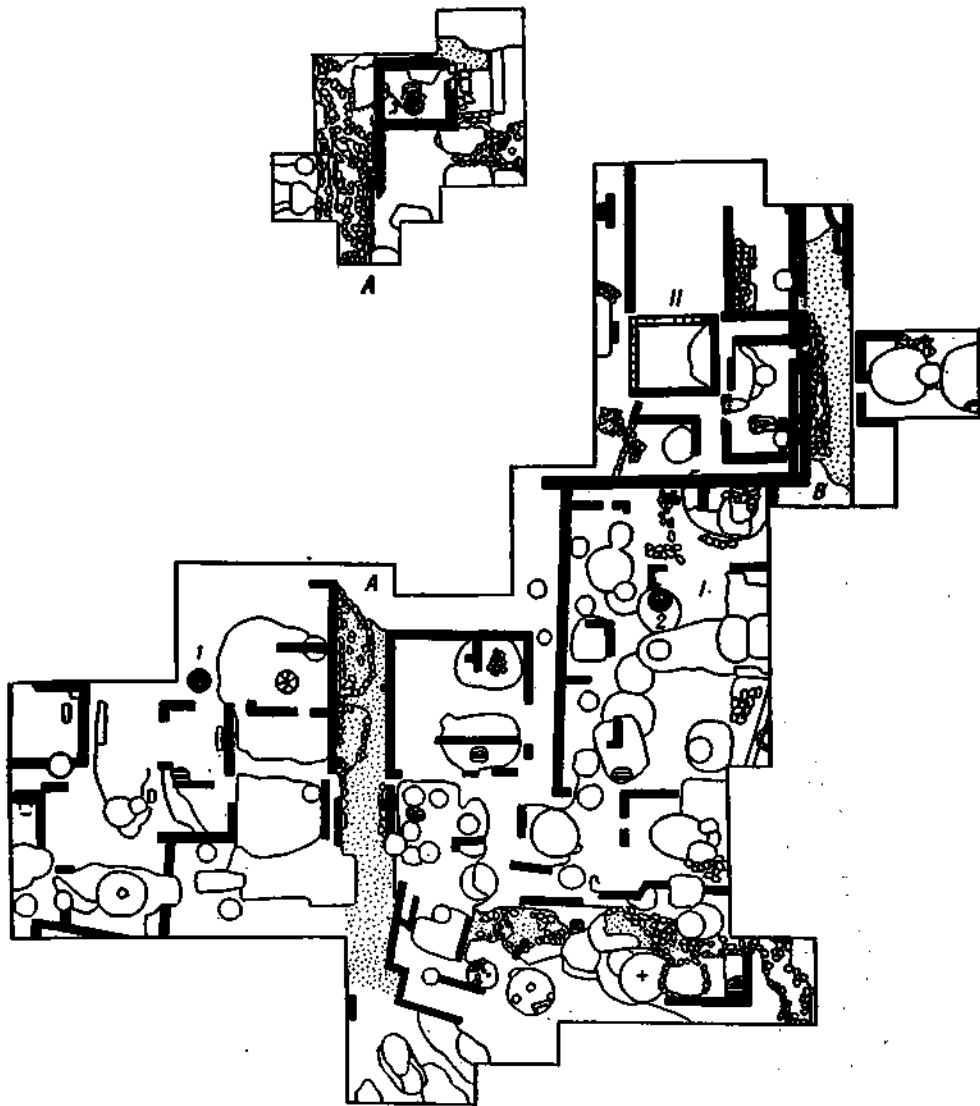

Рис. 4. Березань. План строительных остатков на участке Л. В. Копейкиной.

Интерпретировать открытые остатки помещений довольно трудно. Тем не менее находки печей и хозяйственных ям в западном здании алтаря позволяют согласиться с автором раскопок в том, что большинство домов являлись жилыми. Возможно, только один из них, дом с алтарем, мог служить культовым или другим общественным целям [Копейкина, 1981а, с. 202].

Предложенная Л. В. Копейкиной реконструкция планировки домов не характерна для устоявшихся греческих

типов [1975а, с. 188, рис. 1; 1981а, с. 194, рис. 2]. В связи с этим необходимо сказать, что автор не дает обоснований реконструкции планировки, а это, учитывая значительную фрагментарность сохранившихся остатков, делает предлагаемую реконструкцию весьма неубедительной. Так, судя по опубликованному плану раскопанного участка, отсутствуют основания для вывода А. В. Копейкиной [1981а, с. 198, рис. 2] о том, что дома якобы, как правило, состояли из двух помещений. Планировка сохранившихся остатков свидетельствует о другом. Неверен вывод и о изолированности домов — боль-

шинство их блокировались. Только в одном случае (дом к востоку от «Главной улицы») можно предположить возможность изолированного размещения. Не являлся анфиладой и комплекс помещений, располагавшийся к востоку от упомянутого дома, поскольку, во-первых, отсутствуют какие-либо доказательства о наличии анфиладной связи помещений; во-вторых, расположение стропильных остатков на территории комплекса свидетельствует о том, что он мог иметь Г-образное в плане расположение крытых помещений. Не соответствует опубликованному плану и описание комплекса, располагавшегося в северной части раскрытого квартала [Копейкина, 1981в, с. 198, рис. 7, а]. Отсутствуют также достаточные основания для вывода о мегаронном типе здания, находящегося к востоку от улицы [Копейкина, 1975а, с. 190]. Судя по опубликованному плану, здание, скорее всего, имело развитие в западном направлении. Не характерно для зданий мегаронного типа и размещение входов в северный блок не по одной оси (в северное помещение вход мог находиться в западной, а не южной стене). Сооружение же, трактуемое автором как база опорного столба, судя по его конструкции, размерам и размещению в плане помещения, вряд ли могло являться базой колонны. Это, скорее всего, могла быть база алтаря (или статуи). Аналогичные базы были открыты на втором теменосе Ольвии. Позднее Л. В. Копейкина, по-видимому, также пришла к такому выводу [1981а, с. 202]. В последнем случае, учитывая значительные размеры базы, здание вряд ли могло быть обычным жилым домом.

Очевидно, также нельзя отнести к архаическому периоду и подвал, открытый в южной части раскопа. Против этого свидетельствуют поворот и сдвиг относительно архаического квартала планировочных сеток комплекса, с которым связан подвал, а также сам факт наличия подвала и техника кладки его стен, выложенных по однорядной постелистой системе из прямоугольных по фасаду плит. Подобная техника, судя по раскопкам в восточной части поселения, типична для времени не ранее

V в. до н. э. Приведенные аргументы в пользу поздней датировки подвала представляются более убедительными, чем датировка по заполнению, предложенная Л. В. Копейкиной. Датировка по последнему методу позволяет установить лишь время, ранее которого подвал не мог быть засыпан. Практически не имеет основания и реконструкция планировки здания, располагавшегося к западу от улицы.

Полы в большинстве помещений земляные, реже глинобитные. Кровли, очевидно, были саманными или тростниковыми. Для строительства второй половины VI в. до н. э. типичны в основном двухслойные кладки на грязевом растворе по так называемой системе зубья пилы: по орфостатно установленным полигональным камням фундамента выкладывалась выравнивающая постелистая кладка из мелких полигональных плит (в данном случае не по однорядной, а по иррегулярной системе) (рис. 5, 2) [Копейкина, 1977/94а, рис. 22]. К началу V в. до н. э. Л. В. Копейкина относит аналогичную постелистую иррегулярную кладку из мелких полигональных рваных по слою плит или бута, но без фундаментного орфостатного ряда (рис. 5, 1) [Копейкина, 1979/68а, фасад стены 16а]. Описанные кладки второй половины VI в. до н. э. в Северном Причерноморье типичны главным образом для Нижнего Побужья, а начала V в. до н. э. — для региона в целом.

Судя по небольшой толщине кладок (до 0,5 м) * и их плохому качеству, дома могли быть только одноэтажными. Недостаток данных не позволяет предложить реконструкцию объемов какого-либо из этих зданий.

Никаких данных о существовании на Березани в это время ордерных домов нет.

Наиболее ранние наземные жилые дома Березани, открытые в восточной части поселения В. В. Лапиным, дати-

* В одной из последних работ Л. В. Копейкина называется толщину стен, равную 0,5—0,8 и даже 1 м [1981а, с. 198]. Однако этому противоречат данные обмерных чертежей (см., например, Копейкина, 1981а, рис. 7а). На приведенном плане створая квадратной сетки равна 2 м.

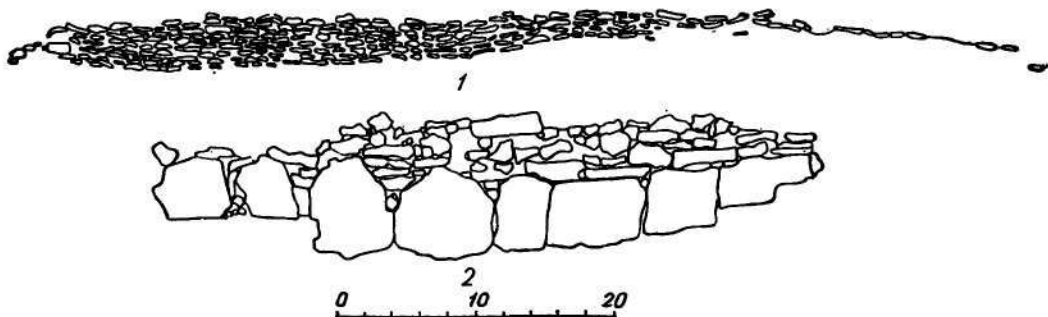

Рис. 5. Березань. Фасировки кладок на раскопе В. В. Лапина.

руются им временем не ранее V в. до н. э. [1966, с. 100; 1968, с. 152]. Отметим, что, насколько можно судить по отдельным планировочным узлам крайне фрагментированных остатков (реконструкция поддается только один дом [Крыжицкий, 1982, рис. 4]), планировка этих домов была менее прямоугольной и четкой, чем в западной части поселения на раскопе Л. В. Копейкиной. Отличалась и кладка стен, которая чаще всего велась по однорядной постелистой системе из прямоугольных и полигональных плит либо по иррегулярной, приближающейся к однорядной, хотя для этого времени здесь известны и двухрядные орфостатные системы, а также кладки типа «зубья пилы».

Остатки наземных построек нежилого назначения в восточной части поселения — абсидальный храм (?), размещавшийся на огражденной территории, и ряд сооружений неустановленной планировки также датируются V в. до н. э. [Лапин, 1967; 1972; 1978, фонд № 24]. Из них к первой половине V в. до н. э. В. В. Лапин относил только абсидальный храм, представляющий собой в планировочной реконструкции вытянутую в плане трехкамерную структуру [Лапин, 1967]. Характер планировки и отсутствие выразительного бытового инвентаря дали основание В. В. Лапину считать это сооружение храмом [1966, с. 119]. Необходимо, однако, отметить, что многокамерность и значительная вытянутость пропорций ($5,5 \times 20$ м) самого сооружения, отсутствие, по-видимому, портика нетипичны для храмов VI—V вв.

до н. э. Поэтому культовое назначение «храма» не представляется абсолютно бесспорным. В объемном отношении здание было одноэтажным, возможно с двухскатной кровлей.

К V в. до н. э. В. В. Лапин относит и наземные постройки неустановленной планировки и назначения, открытые на территории некрополя второй половины VI в. до н. э. Г. Л. Скадовским [Лапин, 1966, с. 121]. Наличие толосовидных, полуовальных и абсидальных сооружений, а также площадок (недостаточность отчетной документации не позволяет охарактеризовать эти постройки более конкретно) дали, как уже говорилось, основание автору для предположения о том, что здесь мог находиться теменос [Лапин, 1975/114, с. 121]. Аргументация В. В. Лапина в пользу приведенного предположения представляет несомненный интерес, особенно в отношении стратиграфического расчленения могильника и упомянутых сооружений. Однако в датировке строительных остатков много неясного. Нельзя исключать и того, что последние могут относиться к заключительной стадии расцвета Березанского поселения.

Наземные сооружения сельских поселений Нижнего Побужья. Среди них привлекает особое внимание сооружение, открытое на поселении Старая Богдановка II в комплексе начала V в. до н. э. (рис. 6). Это сооружение, относящееся к последнему строительному периоду существования поселения, представляло собой в плане прямоугольник площадью $720\text{--}750\text{ м}^2$, обнесенный по периметру стенами [Марченко, Доманский, 1981, с. 66, рис. 4]. Северная треть комплекса отделялась от осталь-

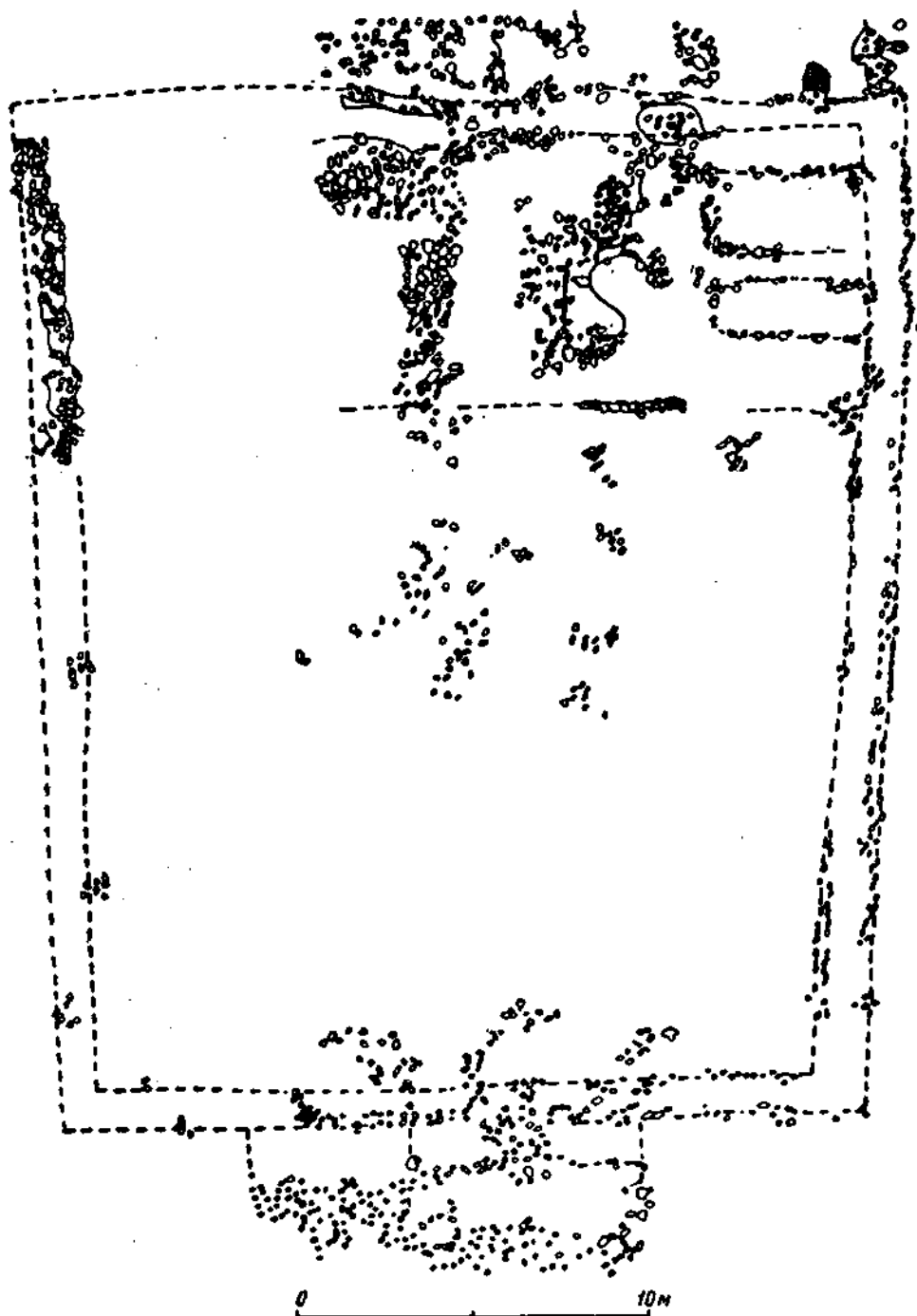

Рис. 6. Старая Богдановка II. План «убежища» (по К. К. Марченко и Я. В. Доманскому).

ной территории стеной и была частично вымощена камнем. К востоку от вымостки располагалась не менее пяти

узких, вытянутых в плане помещений. С юга примыкала симметрично расположенная пристройка. Обращают внимание отсутствие очагов, и хозяйственных ям, а также значительная толщина наружных стен (до 1,2 м), что во

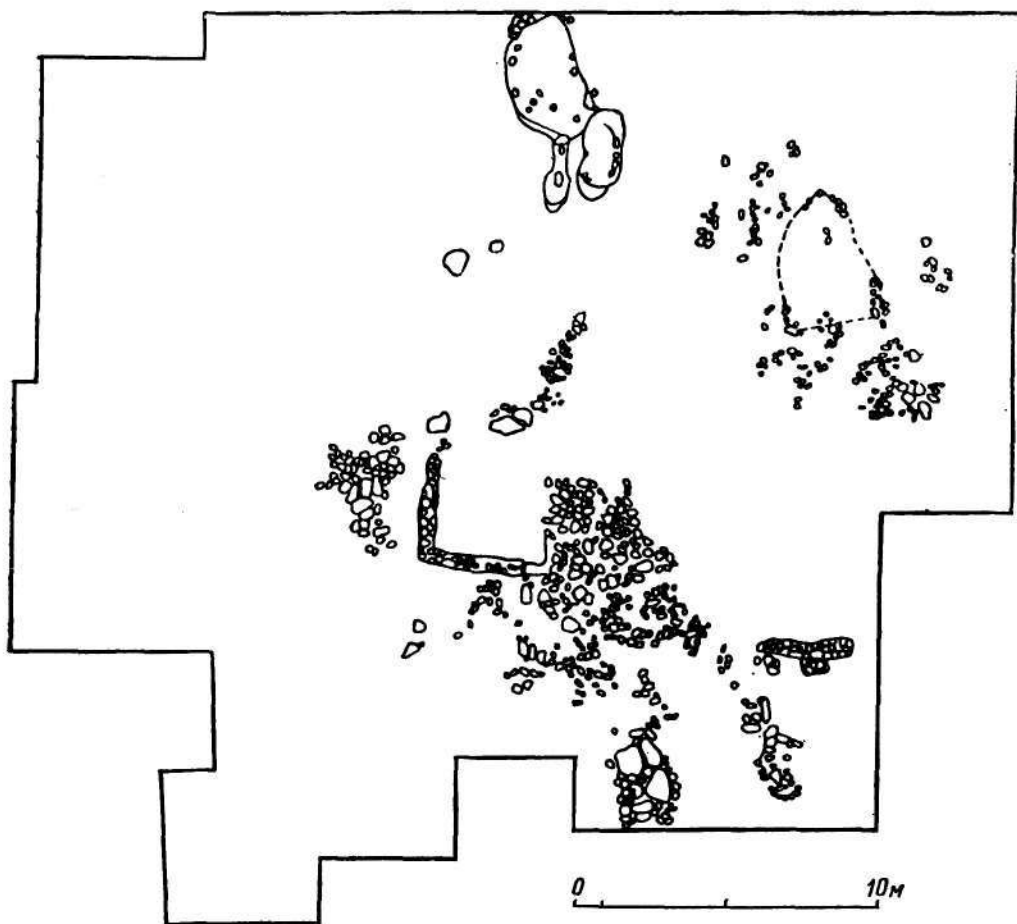

Рис. 7. Старая Богдановка II. План остатков наземных однокамерных сооружений (по К. К. Марченко и Я. В. Доманскому).

характерно для античной строительной техники.

Стены глинобитные, в цокольной части трехслойные: внешние слои выложены из небольших орфостатно установленных необработанных плит. Судя по пролету в северной трети комплекса (около 8 м в чистоте) и наличию вымостки, можно предположить, что перекрытия имели только узкие помещения. Раскопанное сооружение исследователи склонны рассматривать в качестве временного убежища [Марченко, Доманский, 1981, с. 73]. Однако более вероятным представляется возможным, учитывая отсутствие жилых комнат и слишком малое количество помещений вообще, считать, что этот

комплекс, скорее всего, был связан с хозяйственным использованием, или же для содержания скота.

Так, планировка комплекса совершенно не типична для сооружений с оборонительной функцией. Достаточно напомнить коллективную усадьбу, идентифицированную Н. А. Онайко с древним Ториком [1980, рис. 4]. Убежище, пусть даже и временное, несомненно, должно было иметь крытые помещения, пригодные для жилья. Более того, планировка комплекса в Старой Богдановке II отнюдь не противоречит предположению, что это могла быть своеобразная ферма для зимнего содержания скота: в южной части размещались животные, в северной — подсобное хозяйство, связанное с обслуживанием и, возможно, хранением кормов. Значительная же толщина внешних стен комплекса может объясняться необходи-

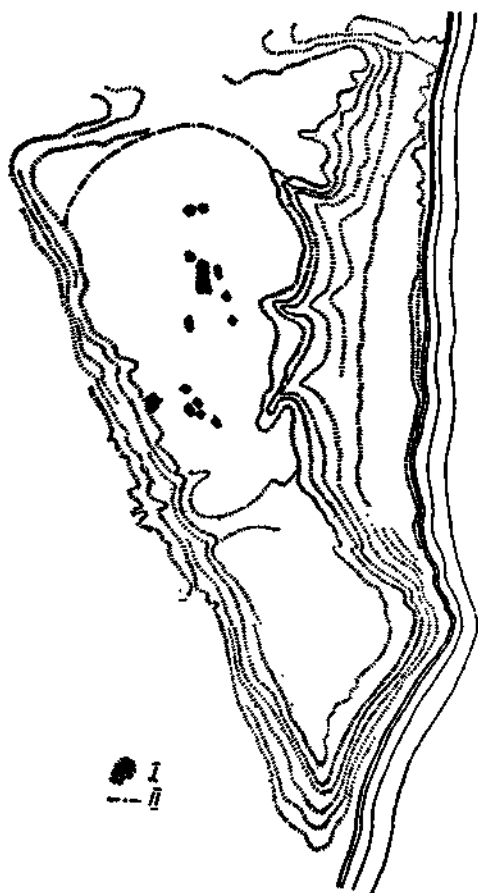

Рис. 8. План Ольвии архаического периода: I — зафиксированные архаические остатки; II — северная граница.

мостью создания достаточно устойчивой против атмосферных осадков ограды из столь ненадежного в этом отношении материала, как глина, причем не защищенная кровлей. Для этой же цели были возведены и каменные цоколи в наружных слоях ограды.

Поселение Старая Богдановка II представляет интерес и в отношении наземных сырцово-каменных однокамерных жилищ, сменивших полуземляночные [Марченко, Доманский, 1981, с. 65] и представлявших собой типичный наземный дом колониста (рис. 7) [Крыжицкий, 1982, с. 73]. Аналогичные одно-двухкамерные дома, нередко углубленные в землю до 0,3—0,4 м, той же хронологической группы, известны и на других ранних поселениях, в частности на Широкой Балке (рас-

копки 1980 г. А. С. Русяевой и С. Н. Мазараги), Чертоватом VII (раскопки 1981—1984 гг. С. Б. Буйских, В. В. Рубана), Козырке IX (раскопки 1979, 1980 гг. В. М. Отрешко).

Все открытые дома имели глинобитные полы. Цоколи выкладывались по одно-, двух- или трехслойным односторонним постелистым или приближающимся к ним иррегулярным системам из небольших, иногда слегка подтесанных, полигональных плит, а также по орфостатным в цокольной части двухрядным полигональным системам типа «зубья пилы». Крыши были тростниковые или саманные. Хозяйственная территория (двор), располагавшаяся вокруг одно-двухкамерных жилищ, капитальных ограждений, по-видимому, не имела. В редких случаях двор вымощивался камнем.

Наземные сооружения Ольвии. Как уже отмечалось, в Ольвии пока не обнаружено ни одного наземного сырцово-каменного жилого сооружения, которое можно было бы датировать временем ранее V в. до н. э. [Крыжицкий, 1982, с. 14] (рис. 8).

Единственными наземными сооружениями, которые можно отнести к концу VI — началу V в. до н. э., являются, как уже говорилось, строительные остатки культовых построек на теменисах Ольвии.

На Центральном теменисе города (рис. 9) в конце VI — начале V в. до н. э., судя по наличию вымощенной камнем дорожки, ведущей от алтаря к северу (в сторону священной рощи) [Карасев, 1964, с. 32 и сл.], мог находиться небольшой храм [Крыжицкий, 1985, с. 64 и сл.]. Характер объемного решения алтаря и сокровищницы (?) неизвестен.

Существенно больше данных о возможном решении храма было получено при раскопках второго темениса, где, помимо остатков фундаментного ряда одной из стен храма конца VI — начала V в. до н. э., обнаружено значительное количество архитектурных деталей. Это прежде всего расписная терракота, датируемая временем не позднее конца VI в. до н. э. [Русяева, 1980; 1980а] (рис. 10, б): фронтальный акротерий, угловые антефиксы, фраг-

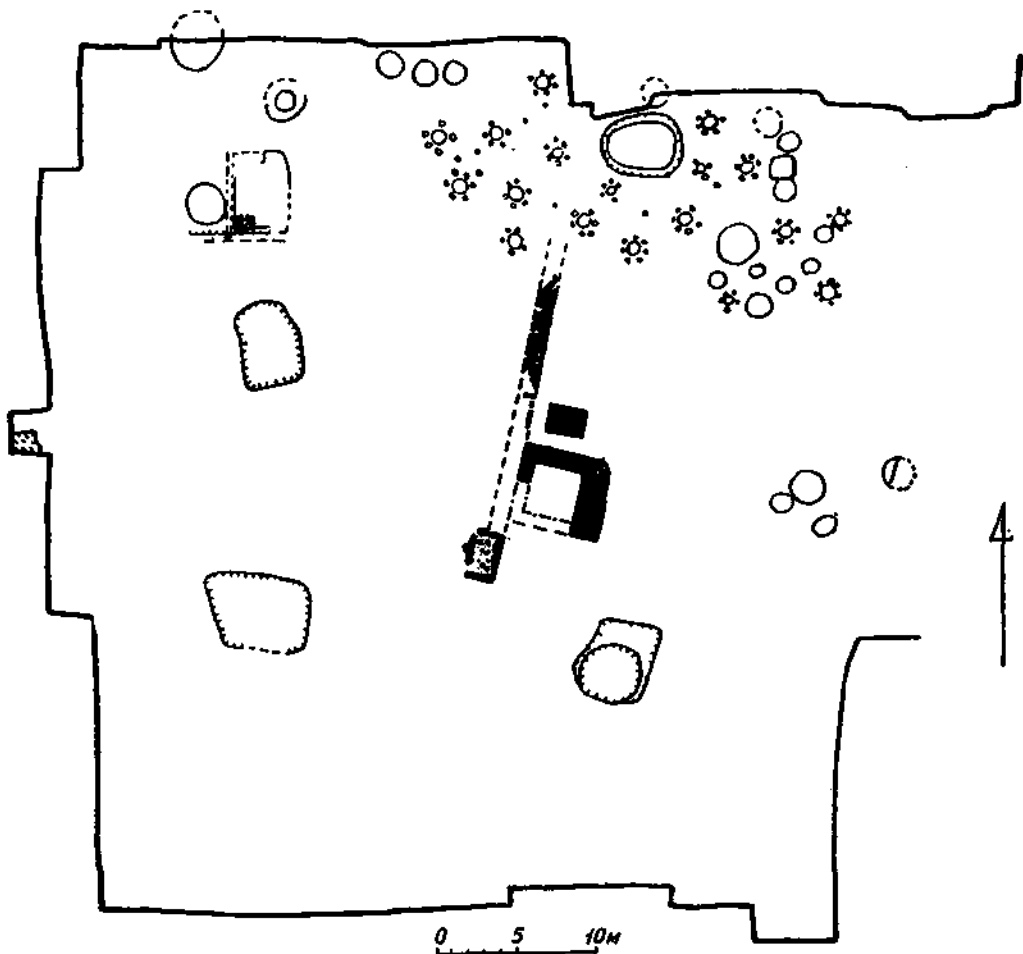

Рис. 9. Ольвия. План центрального теменоса конца VI — начала V в. до н. э. (по А. Н. Карсеву).

менты сим, фронтальных керамид и калиптеров, а также известняковые детали: двухфасадная с большим вышом волют и слегка вогнутыми балюстрадами ионическая капитель, две базы малоазийского варианта ионического ордера, причем с пазами для установки решетки, главный коньковый акротерий с горгонейоном и др. Все эти детали по своим стилистическим особенностям и размерам могли принадлежать одному и тому же сооружению — храму*. Такой храм, решенный в ма-

лоазийском варианте ионического ордера, был бы небольшим по своим размерам, двухколонного антового или четырехколонного простильного планировочного типа [Крыжицкий, 1985, с. 65, 66]. Высота колоннады (до низа архитрава) могла составлять 4 и 6—7 м, достигая конька крыши. Теоретически храм мог быть и шестиколонным амфипростилом или периптером, как это изображено на схематическом граффити на черепице, найденной в одном из ботросов. Однако, учитывая конкретную планировочную ситуацию, места на втором теменосе для размещения подобной значительной по размерам постройки явно недостаточно.

* Полученные в последнее время данные дают основание отказаться от высказанного нами ранее предположения о возможной

принадлежности упомянутых деталей храму не второго, а Центрального теменоса [Крыжицкий, 1985, с. 66].

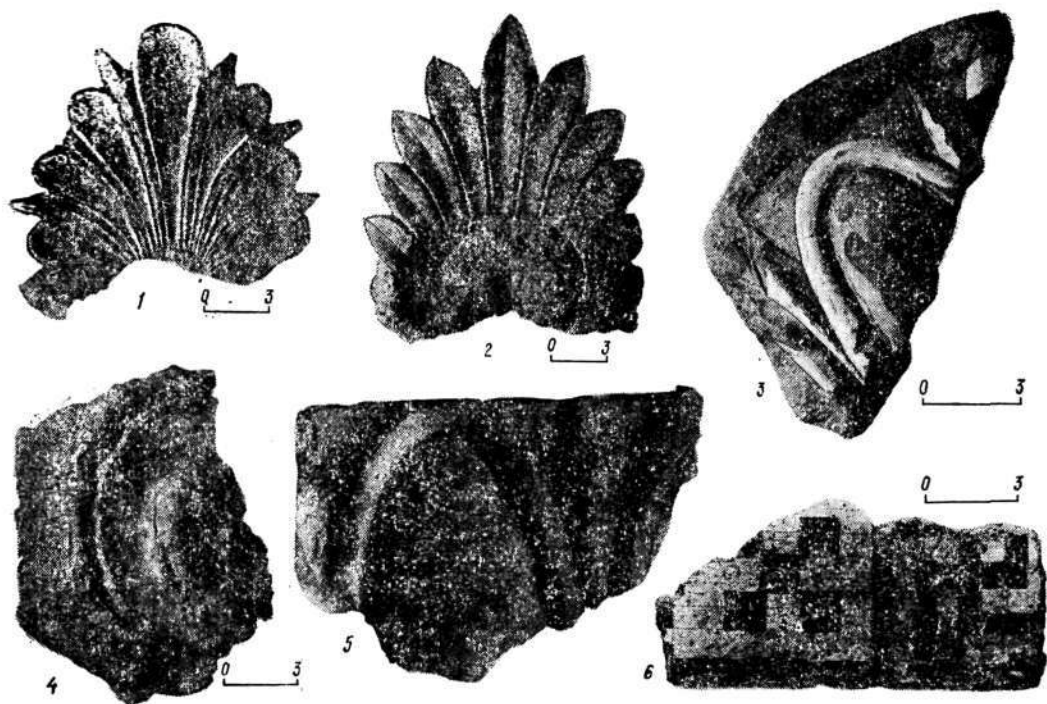

Рис. 10. Архитектурные детали:

1, 2 — угловые акротерии; 3, 5 — ионика; 4 — ионийская капитель; 6 — сима.

Следует отметить, что, за исключением найденной на Центральном темевосе накладной волюты (рис. 10, 4), все архитектурные терракотовые детали были привозными. Среди них — гладкие симы с использованием в росписях геометрического орнамента, в основном меандра [Брашинский, 1966; Скуднова, 1959] (рис. 10, 1, 2, 3, 5). Основное количество терракоты относится к ионийскому кругу, часть сим — к коринфскому [Брашинский, 1966]. Для этих росписей, а также росписей продольных коньковых калиптеров характерен краснофигурный стиль с использованием светлого бело-розового цвета обмазки, черного или темно-бурого и красного цветов. Близкие сочетания, но иногда с добавлением синего цвета и с использованием принципов чернофигурного стиля, характерны для рельефной терракоты — антефиксов, акротериев и сим с горгонеионом [Бібіков, Крижицкий, 1982, рис. 8, 10].

Храмы обоих темевосов, несомненно, должны были доминировать среди пре-

имущественно земляночной и полуземляночной застройки всей Ольвии как в цетровом, так и в объемном отношении.

Разумеется, в Ольвии должны были существовать и другие наземные сырцово-каменные постройки, связанные с функционированием полиса, однако достоверно датированных VI в. до н.э. таких остатков пока не обнаружено. От агоры этого времени (конец VI в. до н.э.) до нас дошли только небольшие фрагменты невыразительных вымосток.

Подводя итоги изложенному, можно констатировать следующее. Наиболее ранними формами строительства в Ольвийском регионе являлись землянки и полуземлянки. Позднее наряду с землянками, а иногда и вместо них, появляются наземные однокамерные дома колонистов и начинается строительство наземных сооружений общественного назначения. Последнее относится ко времени конца, возможно, второй половины VI — начала V в. до н.э. Вероятно, именно этот этап следует связывать с началом проведения градостроительных (в архитектурном аспек-

те) мероприятий в данном регионе, коснувшихся в первую очередь Березани и затем Ольвии. И только в начале — первой половине V в. до н. э. здесь распространяются обычные наземные как жилые, так и другие виды сооружений.

Погребальные сооружения некрополей Ольвии и ее округи

Погребальные сооружения древнейшего этапа сложения и начального периода развития Ольвийского государства не отличались разнообразием. Это площадки для кремации и захоронения, а также простые ямные могилы. В это же время возникает еще один тип погребальных сооружений — подбойные могилы, получившие широкое распространение в некрополе Ольвии в последующий период [Козуб, 1974, с. 12].

В основу принципа классификации погребальных сооружений положен морфологический признак — форма погребальных сооружений, тесно связанная с обрядом захоронения, что еще больше подчеркивает различие в типах погребений. Описание типов могил выдержано в хронологической последовательности.

Древнейший тип погребений, существовавший в конце VII — первой половине VI в. до н. э., на некрополе Березани представлен хорошо выровненными площадками, на которых производилась кремация погребенных, а также захоронение урн с прахом* [Капошина, 1956, с. 225]. Последний тип захоронений получил значительное распространение в древнейшем некрополе Березани. Березанские площадки имели круглую или овальную в плане форму, размерами от $0,9 \times 0,8$ до $1,42 \times 2,5$ [Капошина, 1956, с. 218] и $1,7 \times 2,6$ м [Копейкина, 1976, с. 31]. Расположены они на глубине от 0,35 до 1,5 м на материковом или тонком слое грунта, перекрывавшем материк, имели хорошо

* Такие площадки получали различные названия: кострища [Капошина, 1956, с. 217—232; Копейкина, 1979, с. 346], точки [Копейкина, 1976, с. 31, 1978, с. 26], труположения [Копейкина, 1980а, с. 104].

утрамбованную поверхность, на которой разжигался костер. От костров обычно остаются фрагменты обугленных бревен и поленьев, сложенных крест-накрест или в виде клетки, большое количество угля, золы, остатки кальцинированных костей [Копейкина, 1976, с. 31]. Здесь же, очевидно, после кремации совершались жертвоприношения и тризны, от которых сохранились многочисленные обломки расписной керамики родосско-ионийского, коринфского, хисосского круга.

Захоронения праха совершалось либо в амфорах, либо в сосудах других форм на самих площадках, а также вблизи них в небольших ямах, вырытых по форме и размерам погребальных урн. После совершения захоронения площадки и сосуды засыпались слоем земли. Некоторые из них сверху еще заваливались крупными обломками сосудов или камнем. Известны случаи, когда помосты или площадки специально выкладывались из бутового камня или же из отесанных плит [Капошина, 1956, с. 218]. В одном случае такого рода сооружение имело усложненную конструкцию: кострище перекрывалось четырехугольной каменной площадкой со ступеньками [Капошина, 1956, с. 219].

Оригинальное сооружение над жженным точком открыто на Березани в 1960 г. Детская кремация совершена на площадке, залегавшей на глубине 1,1 м, покрытой слоем золы и угля с кальцинированными косточками толщиной 0,1 м [Лалин, 1961а, с. 44—45]. Диаметр точки 0,5 м. Сверху он перекрыт небольшими камнями яйцевидной формы. Некоторые из них лежали в основании кострища. Каменная конструкция была покрыта толстым слоем глыбы [Лалин, 1966, с. 210]. Следует отметить, что захоронение обнаружено на территории поселения, а не некрополя.

Нередко кремация совершалась на одном и том же месте неоднократно. При раскопках березанского некрополя Г. Л. Скадовским в отдельных случаях зафиксировано до семи наслоенных таких кострищ [Капошина, 1956, с. 217].

В ряде случаев площадки огражда-

лись каменными кольце- или подковообразными стенами [Капошина, 1956, с. 218—219]. Подковообразные стены имели расширенные концы, проем между которыми служил входом в это сооружение. При раскопках березанского некрополя в 1900—1901 гг. открыто 13 таких объектов [Капошина, 1956, с. 219]. По-видимому, это были особые культовые погребальные сооружения, связанные с обрядом кремации [Капошина, 1956, с. 218].

Описанный тип погребальных сооружений характерен для березанского некрополя конца VII — первой половины VI в. до н. э. [Штерн, 1907, с. 47; Капошина, 1956, с. 222, 225]. На протяжении второй половины VI в. до н. э. количество таких кострищ в некрополе Березани сокращается. В это время они сосуществуют с другими типами погребальных сооружений, постепенно исчезая к концу столетия [Капошина, 1956, с. 226; Коцейкина, 1980а, с. 104; 1981, с. 264].

Отметим, что описанный тип погребальных сооружений в архаическое время был характерен только для березанского некрополя. Ольвийский некрополь, возникший в середине VI в. до н. э., заметно отличался от березанского. С самого начала существования некрополя Ольвии кремация в нем составляла крайне незначительный процент. Так, большая площадка (кострище), где производился обряд сожжения, зафиксирована лишь в одном случае [Фармаковский, 1918, с. 36—37]. Площадка имела форму прямоугольника размером 3,6×2,88 м. Ее поверхность, покрытая очень тонким слоем золы, свидетельствовала о неоднократном использовании. В центре площадки находилось прямоугольное углубление (1,2×1 м), врезанное в материк. В юго-восточной части, на уровне материка, было еще одно углубление воронковидной формы (диаметр 0,5, глубина 0,25 м). В нем найдены фрагменты сероглиняного кувшина. Возможно, это жертвенный сосуд, поэтому углубление интерпретировалось как котлован [Фармаковский, 1918, с. 37].

В качестве урн применялись амфоры или же большие сосуды, ставившиеся в небольшие ямы, соответствовавшие их

размерам и форме [Фармаковский, 1918, с. 37].

Ориентация погребальных урн в основном восточная. Подобные захоронения совершались на глубине около 0,8 м. Некоторые сосуды с кремацией после засыпки их землей перекрывались еще слоем камня. Такая выкладка закрывала погребение 1915/13. Ее размер: 0,75×0,6 м [Фармаковский, 1918, с. 37, рис. 48]. Комплекс 1909/31, относящийся к третьей четверти VI в. до н. э., состоял из ямы (0,8×0,56 м), борта которой были обложены камнем. Кремация совершена на полу могилы. Рядом находились сосуды сопровождающего инвентаря.

Обряд кремации обычно связывают с влиянием греческого востока [Dragendorf, с. 90—93]. Малоазиатские влияния в греческом погребальном обряде играли немаловажную роль, поэтому такое предположение не лишено оснований. Не исключено, что обряд кремации мог быть связан и с определенными воззрениями отдельных членов семей, родов и фиссов. Выбор обряда погребения мог быть и свободным.

В середине VI в. до н. э. намечается тенденция к изменению погребального обряда и переход к другому типу погребальных сооружений, так как преимущественно стала применяться ингумация. Это ямная могила четырехугольной или овальной в плане формы. Подобные могилы выкапывались в лесовом или материковом грунте ольвийского и мариупольского некрополей, вырубались в скальном основании о. Березань. Размеры ямных могил зависели от роста и возраста погребенных.

В некрополе березанского поселения прослеживается процесс постепенной смены погребальных обрядов в древнейших ямных могилах. Так, во второй половине VI в. до н. э. площадки с сожжениями размещались на одной территории с ямными могилами, иногда даже перекрывая их [Капошина, 1956, с. 219—220]. В трех ямных могилах обнаружены полусожженные скелеты.

В этом плане интересно уникальное погребальное сооружение в погребении № 371 березанского некрополя [Капошина, 1956, с. 220, 230]. В яму, размером 3,28×1,86×0,79 м, был вшпун

сруб из толстых бревен. Некоторые из них обуглены. Стены сруба возводились на глиняном фундаменте и снаружи обмазывались глиной. Внутреннее пространство сруба заполнено углем.

Сверху сруб был перекрыт деревянной крышей, лежащей на пяти крупных брусках и продольных стенах сооружения. Внутренняя поверхность стен сруба изолирована от угля слоем мха. Пол могилы смазан глиной. На нем лежал скелет в вытянутом положении, головой на восток. Некоторые кости скелета имели следы огня. Погребение сопровождалось богатым и многочисленным инвентарем, состоявшим из различных сосудов, оружия, украшений. Комплекс датировался концом VII — началом VI в. до н. э. [Фабрициус, 1951, с. 59] или второй половиной VI в. до н. э. [Капошина, 1956, с. 230]. По-видимому, ближе к истине вторая датировка, хотя она базируется только на анализе золотых украшений.

Древнейшие ямные могилы, датированные серединой VI в. до н. э., открыты в некрополях Березани и Ольвии [Капошина, 1956, с. 229; Скуднова, Архаический некрополь Ольвии, с. 1—15, фонды античного отдела Гос. Эрмитажа). В Ольвии во второй половине VI в. до н. э. они составляли 96 % всех погребений [Козуб, 1971, с. 300].

В некрополях Ольвийской хоры в эпоху архаики господствующей формой погребальных сооружений являлось погребение, имевшее, в основном, широтную ориентацию [Ebert, 1913, с. 2; Бураков, Буйских, Отрепко, 1973, с. 97—98].

Судя по изобразительным памятникам классического периода, ямные могилы, очевидно, могли иметь небольшие насыпи. В Марицынском и Березанском некрополях, наряду с такими насыпями, уже во второй половине VI в. до н. э. сооружались хотя и небольшие, но настоящие курганные насыпи [Штерн, 1907, с. 45; Ebert, 1913, с. 2, рис. 21] (рис. 11). В начале XX в. они были хорошо заметны, достигая высоты от 0,4 до 0,75 м. Диаметр курганов составлял 12—13 м. Наибольшие размеры имел курган из Марицынского некрополя (рис. 11, 1, 2). В Ольвии

насыпи появились не ранее IV в. до н. э. [Козуб, 1974, с. 17]. Каждый курган содержал по одному захоронению, совершенному в прямоугольной яме.

Небольшая часть ямных могил имела дополнительные конструкции из дерева или камня, имитировавшие жилища. Известны конструкции двух типов: сочетавшие все или почти все элементы, и неполные, состоявшие из одного элемента, чаще — перекрытия.

В ольвийском некрополе остатки деревянных конструкций зафиксированы в пяти погребениях последней четверти VI в. до н. э. В могиле № 1902/122 дерево сохранилось на бортах, а погребения № 1909/36, 1937/7 и 1937/8, очевидно, были перекрыты деревянным настилом. Большое количество дерева, в том числе бревна диаметром до 25 см, сохранились в комплексе 1909/6. Это столбовая конструкция с обшивкой досками бортов и перекрытием. В могиле № 1910/79 сохранились следы штукатурки. В могиле № 1914/80 и 1914/20 выявлены продольные углубления по краю земляных бортов, предназначавшихся, по-видимому, для крепления деревянных перекрытий.

В Березанском некрополе деревянные конструкции таких типов немногочисленны. Так, среди 150 ямных могил, раскопанных Г. Л. Скадовским, они прослежены в 5—6 комплексах [Капошина, 1956, с. 220; Лапин, 1966, с. 227]. В раскопках Л. В. Конейкиной они еще более редки [1980, с. 23]. Наиболее монументальной была описанная срубная конструкция в могиле № 371. Полная конструкция представлена также в могиле «К» [Лапин, 1966, с. 227]. Пол и борта могилы обшиты досками, сверху перекрыты дощатым настилом.

Однотипные деревянные конструкции имели подкурганые ямные могилы типа Марицынского некрополя. Они состояли из перекрытия — потолка и пола. Потолок выкладывался из продольных досок толщиной 2—3 см, к которым гвоздями прибывались поперечные плахи [Ebert, 1913, с. 5, 11, рис. 1, 1]. Эти комплексы относились к середине VI—V вв. до н. э. Материалы Марицынского могильника позволили сделать вывод о том, что могилы с деревянными монументальными конструк-

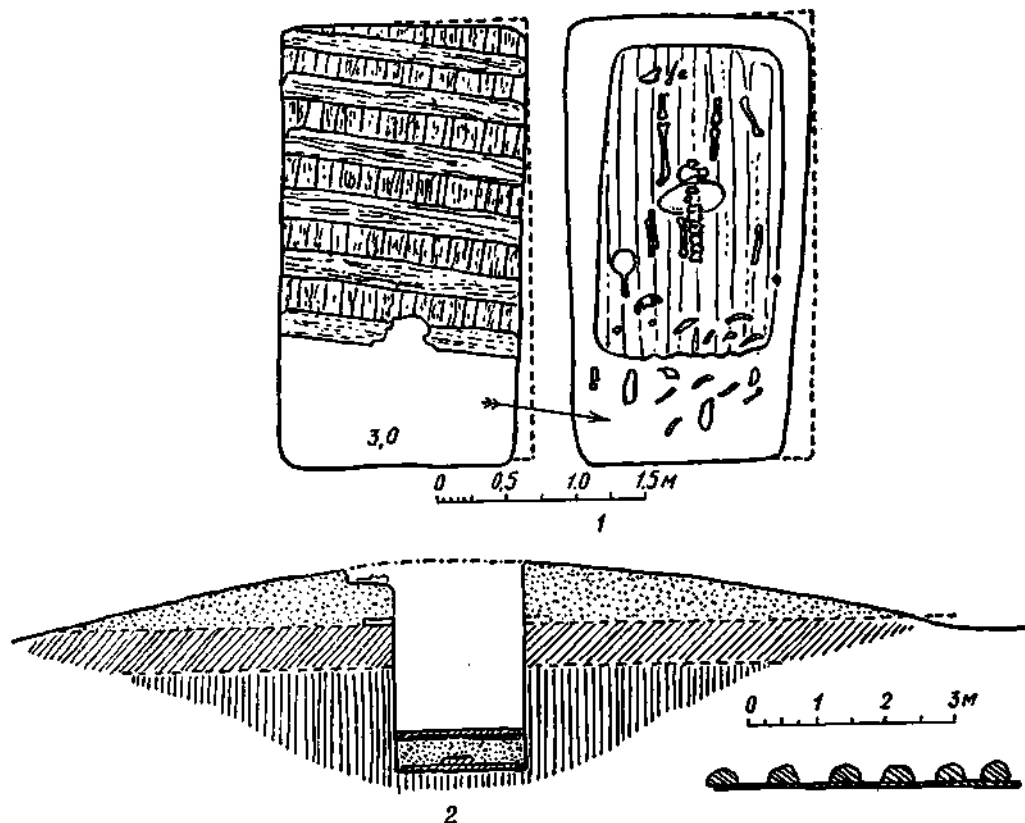

Рис. 11. Мариупольский некрополь. Планы погребальных сооружений.

циями хронологически предшествовали простым ямным погребениям [Еберт, 1913, с. 11].

Наряду с деревянными применялись и каменные конструкции. В некрополе Ольви их открыто четыре. Среди них известны вымостки из бута не только на дне погребальной ямы, но и перекрытия могил. Иногда камнем обкладывались борта могилы. Наиболее полная каменная конструкция представлена в комплексе 1909/29: борта могилы тщательно выложены камнем, сверху она перекрыта большими каменными плитами.

На Березани могилы с каменными конструкциями встречались чаще — известно около 30 [Капошина, 1956, с. 220; Копейкина, 1980, с. 21]. Они относятся ко второй половине VI в. до н. э. [Капошина, 1956, с. 230]. В качестве примера можно привести оформление могилы № 54, раскопан-

ной в 1980 г. [Копейкина, 1980, с. 21, рис. 52]. Она представляла собой каменную обкладку бортов могилы, вырытой в скальном материковом грунте и перекрытую каменными плитами.

В научной литературе упоминаются каменные ящики, найденные в архаическом некрополе Березани [Капошина, 1956, с. 230]. Подобные конструкции отмечались и Г. Л. Скадовским. В. В. Лавин, оперируя его данными, называет около 20 плитовых гробниц и большое количество каменных развалов от подобных сооружений [1966, с. 205]. В 1979 г. Л. В. Копейкиной раскопано погребение № 35 (ямное захоронение начала V в. до н. э.), окруженное поставленными на ребро массивными каменными плитами. По ее предположению, это остатки каменного ящика [Копейкина, 1979, с. 24]. На основании южной ориентации погребенного, ноги которого были перекрещены, и предполагаемого каменного ящика автор раскопок сочла погребение не греческим. Отметим, что в

ольвийском некрополе каменные склепы в виде ящиков появились только в IV в. до н. э.

Кроме вышеописанных конструкций, внутри могил делались выкладки из разнокалиберного, иногда крупного камня, перекрывавшие ямные могилы на уровне древней дневной поверхности [Копейкина, 1975, с. 298]. Очевидно, помимо конструктивного значения, они играли роль своеобразных памятников, обозначавших места захоронений. Подобные выкладки встречаются и в других некрополях Ольвийского региона. Так, при разведочных работах на могильнике Рыбаковка II, расположенного на Рыбаковской косе, при сляпании Березанского лимана с Черным морем, обнаружено архаическое захоронение, перекрытое выкладкой из 16 необработанных камней и крупных фрагментов амфоры. Длина сооружения 1,3, ширина 0,3—0,45 м. Оно находилось на глубине 0,3—0,45 м от современной поверхности. Могила ориентирована по линии северо-запад — юго-восток [Бураков, Буйских, Отрешко, 1973, с. 97].

В то же время отметим, что в ольвийском некрополе подобные каменные выкладки известны лишь для первых веков нашей эры [Козуб, 1980, с. 284].

Вариантом второго типа погребальных сооружений можно считать ингумированные захоронения в сосудах, нередко встречающиеся в некрополе Березани.

Большей частью это детские амфорные погребения [Прендель, 1886, с. 218; Штерн, 1909, с. 56; Капошина, 1956, с. 220; Лазик, 1966, с. 225—227; Горбунова, 1968, с. 207; Копейкина, 1981, с. 264]. В Ольвии известно семь таких погребений.

Амфоры иногда снаружи обкладывались камнем (1910/2, 1910/31), а горло плотно закрывалось камнем или чашевидным сосудом. Внутренность амфор выстилалась растительной подстилкой или тканью. Помимо амфор для захоронения детей, применялись специально изготовленные погребальные урны определенной, стандартной формы, напоминавшие небольшой пифос. Урны, высотой 0,6 м, имели массивный, широкий венчик (диаметром 0,35—0,4 м),

округлый корпус, резко сужающийся книзу, и плоское дно на кольцевом поддоне. Некоторые из них были слабо обожжены, что подчеркивает их исключительно ритуальное значение.

В Ольвийском некрополе известны два таких захоронения (одно из них 1909/25), совершено в яме размером 1,3×1 м, на глубине 0,8 м. Урна врезана в материк на 0,3 м и лежала на боку. С обеих сторон она была обложена камнями [Фармаковский, 1913, с. 90]. Такая же урна открыта в погребении № 1914/36 [Фармаковский, 1918, с. 29, рис. 23] (рис. 12, 3). Она лежала в прямоугольной в плане яме, горлом на восток. Горло сосуда плотно закрыто двуручной котилой. Со всех сторон урна была обложена крупной средиземноморской галькой, причем отдельные камни лежали возле ее дна и горла, за котилой, служившей крышкой. Вокруг урны находились сосуды сопровождающего инвентаря.

В качестве урн использовались не только целые сосуды, но и их фрагменты, главным образом, донные части. В ольвийском комплексе № 1910/73 зафиксирована урна, состоявшая из сложенных вместе нижних частей двух пифосов [Фармаковский, 1913, с. 91]. К сожалению, характер обработки и форма сосудов остались неизвестны. По-видимому, они представляли собой не что иное, как описанные пифосовидные урны. Урна была установлена в четырехугольной яме длиной 1,3 м, врезанной в материк на 0,68 м.

В эпоху архаики на Березани обычай погребения детей в подобных урнах был весьма распространен. Так, Р. А. Прендель отмечал находку детского труположения в большом сосуде «типа чана или макотры» [1886, с. 218]. Среди материалов раскопок Г. Л. Скадовского имеются сведения о не менее чем десяти захоронениях в подобных урнах [Крисин, 1930, с. 98]. Березанские урны в основном однотипны. Это были сосуды яйцевидной формы, сужающиеся к небольшому плоскому поддону. Горло очень широкое с небольшим венцом и двумя расположенными симметрично петлевыми ручками (рис. 12, 1). Размеры этих урн близки ольвийским [Крисин, 1930,

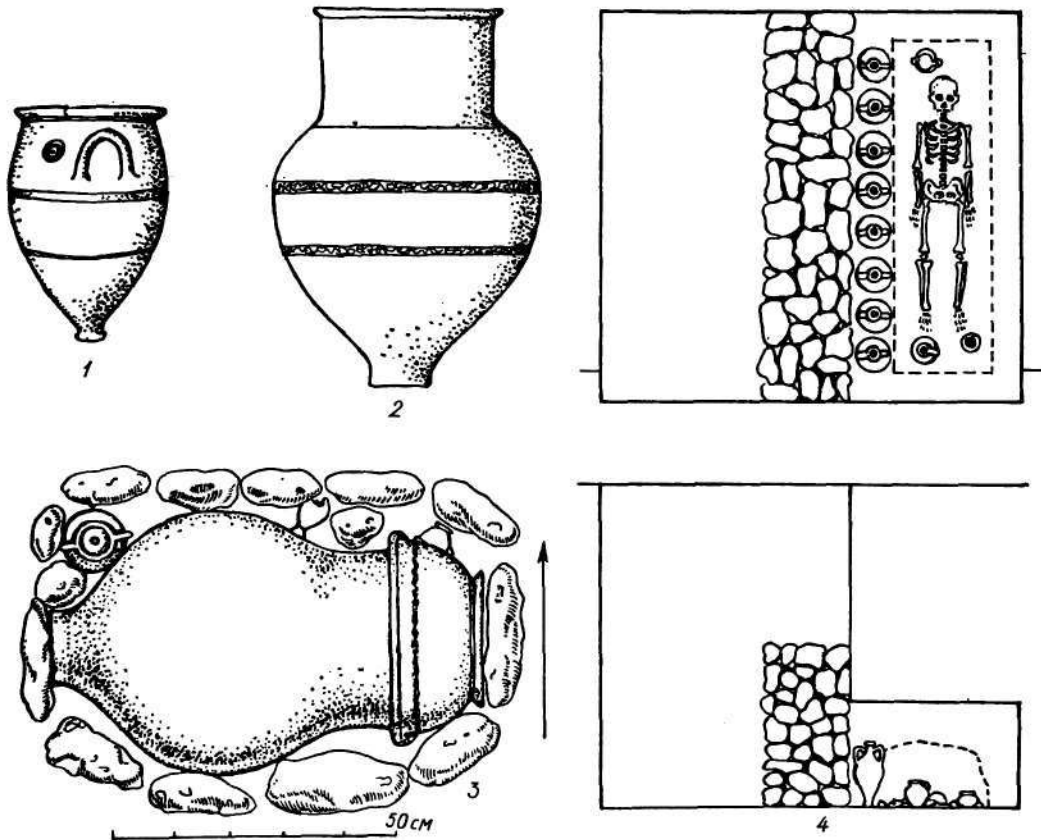

Рис. 12. Березань и Ольвия:

1, 2, 3 — погребения в ассуариях; 4 — подбойная могила.

с. 99—101]. Изредка урны украшались геометрическим орнаментом [Крисин, 1930, с. 100—101, рис. 7]. Особым своеобразием отмечалась урна (рис. 12, 2), напоминавшая формой стамнос или очень широкогорлую амфору, лишенную ручек. Она имела выступающий, четко выделенный венеч, крутые плечи, шаровидный корпус, резко сужающийся к небольшому плоскому поддону, аналогичному днищам обычных урн [Крисин, 1930, с. 102—103, рис. 12—14]. Корпус сосуда украшен двумя рельефными поясами различных орнаментальных мотивов: пальметки с цветами лотоса и плетенки. Характер орнамента свидетельствует об ионийском происхождении сосуда. Урна отличалась и большими размерами: высота 0,9 м, диаметр горла 0,45, диаметр окружности корпуса 0,65, дна 0,15 м

[Крисин, 1930, с. 103]. Отверстие урны плотно закрывалось нижней частью такой же урны, но более грубой. Снизу урна укреплена тремя камнями, обмазанными глиной. Глиной же обмазано и отверстие основной урны, вместе с дном второй урны, перекрывавшей его.

Следует отметить, что, как правило, все урны плотно закрывались обломками подобных урн или амфор или же просто камнем. Снаружи погребальные урны крепились камнями. Сопровождающий материал помещался внутри урны. Неоднократно отмечалось, что урны изнутри выстилались морской травой. После совершения обряда урны засыпались чистым морским песком [Крисин, 1930, с. 100].

Несомненно, к этой же категории погребений следует отнести и захоронение в пифосе, открытое в 1980 г. [Копейкина, 1981, с. 284].

Все урновые погребения помещались в небольшие ямные могилы. Только

одна из них имела дополнительные деревянные конструкции. Это могила «К» березанского некрополя, дно, стенки и перекрытие которой укреплены досками [Лалин, 1966, с. 227]. На дне могилы обнаружено женское захоронение, а рядом урну, состоящую из двух амфор с отбитыми днищами, соприкасающихся местами отбоя.

В последней трети VI в. до н.э. в некрополе Ольвии появились первые подбойные могилы — третий тип погребальных сооружений, получивших впоследствии здесь широкое распространение (рис. 12, 4). В настоящее время их известно всего 11. Причем к концу VI в. до н.э. относится шесть, а к самому началу V в. до н.э. — пять погребений [Скуднова, 1966].

Таким образом, представляется возможным проследить процесс появления нового типа погребальных сооружений в некрополе Ольвии с самого его начала. С выделением нескольких подбоев VI в. до н.э. становится более понятным процесс их возникновения и распространения.

Для подбойных могил Ольвии характерна четкость форм. Как правило, они находились на одном уровне с полом входной ямы и представляли собой аккуратно вырезанное сводчатое помещение. Входная яма имела вертикальные стенки. Для древнейших подбойных могил типичны каменные заклады — в виде кладок, закрывавших подбой. Лишь в одном случае, в могиле начала V в. до н.э., заклад сделан из сырцового кирпича, а в двух — из амфор. В каждом из таких закладов было по пять амфор.

В подбойных могилах хоронили не только взрослых, но и детей. Размеры погребальных камер зависели от роста умерших.

Подбойные могилы составляли одну из важнейших оригинальных особенностей некрополя Ольвии. Появление этого типа погребальных сооружений в древнейшее время свидетельствует о том, что он был принесен первыми поселенцами в уже сложившемся виде. Захоронение в подземных камерах было широко распространено в Греции еще в эпоху бронзы. В архаической Греции подбойные могилы применялись

наряду с ямными [Kurtz, Boardmann, 1971, p. 71]. И хотя впоследствии они постепенно выходили из широкого применения, как, например, в Афинах, где в классическую эпоху подбой стали редкостью, в других областях греческого мира — на Родосе, Эгине, Дельфах, Мирине — подбой продолжали применяться [Kurtz, Boardmann, 1971, p. 193].

Ольвийские подбой в V в. до н.э. и последующее время находили самое широкое применение, что свидетельствует о самостоятельном пути развития этого типа погребальных сооружений в Ольвии.

В связи со сказанным представляется несостоятельным бытовавшее мнение о скифском происхождении ольвийских подбойных могил [Гайдукевич, Капошина, 1961, с. 166]. Подбойные могилы Ольвии и скифские катакомбы — явления различного характера, происхождения и дальнейшего развития [Козуб, 1974, с. 43; Ольховский, 1977, с. 113]. Несомненно, важным в этом споре является и хронологический фактор. Так, скифские катакомбы становятся основным типом погребальных сооружений только в IV в. до н.э.

Совершенно иной хронологический диапазон подбойных могил Ольвии. Их раннее появление в Причерноморье, а именно во второй половине VI в. до н.э., широкое применение с V в. до н.э. почти до конца (II в. н.э. включительно) существования Ольвии не позволяет ставить подбой Ольвии в зависимость от скифских катакомб. Кроме того, ольвийские подбойные могилы морфологически отличались от скифских катакомб. Как справедливо отметил В. С. Ольховский для них характерна сравнительно небольшая глубина входной ямы, отсутствие ступенек и обязательно наличие закладов из амфор, сырцового кирпича, камня [Ольховский, 1977, с. 115]. Добавим, что ольвийские подбой значительно меньше скифских катакомб. Как правило, каждая могила имела по одному подбою.

Ареал распространения ольвийских подбоев и скифских катакомб также различен: катакомбы встречались в степных и лесостепных областях

расселения скифских племен и не характерны для ближайшего ольвийского окружения. За пределами Ольвии нам не известны подбой или какие-либо переходные формы такого типа сооружений. В раннее время подбой типичны только для некрополя Ольвии. На территории ольвийской хоры они известны лишь в Марицывском могильнике и то не ранее конца IV — начала III в. до н. э. В основном, подбой здесь датировались III в. до н. э. [Ebert, 1913, с. 104—111].

В некрополях других античных центров Северного Причерноморья подбойные могилы не получили широкого распространения. Отметим, что даже в древнейшем некрополе Северного Причерноморья на о. Березань подбойные могилы неизвестны.

В целом тип подбойных могил, известный в принципе как на Балканах, так и в Малой Азии, был привезен первыми поселенцами Ольвии в готовом виде как свойственный греческому погребальному обряду.

В некрополе Ольвии, по-видимому, ритуальное значение имели различные углубления, в основном конусовидной формы, а также канавки и ограждения.

Так, в четырех могилах (№ 1909/32, 1909/33, 1910/20, 1910/26) канавки глубиной 0,2—0,3 и шириной 0,3—0,5 м проложены вдоль коротких сто-

рон могилы или же вдоль смежных бортов. Можно было бы предположить, что это остатки крепления от какой-то деревянной конструкции, но в погребении № 1909/32 скелет лежал сверху канавки. Аналогичные канавки известны в некрополях Афин и других центров материковой Греции [Kurtz, Boardmann, 1971, p. 193]. Возможно, что они предназначались для жертвенных возлияний и приношений. Эта очень древняя черта греческого погребального обряда широко распространена в период архаики, а затем постепенно исчезает. В ольвийском некрополе она также не встречается позже рубежа VI—V вв. до н. э.

Кроме того, на поверхности ольвийского некрополя Б. В. Фармаковским были прослежены большие дугообразные канавы, ограждавшие территорию 10—12 м диаметром [Фармаковский, 1918, с. 27—29]. Очевидно, некоторые могилы или же группы могил ограждались специальными канавками или стенами, подобно архаическому некрополю на о. Березань. Такие стены известны в некрополе Самоса [Kurtz, Boardmann, 1971, p. 95]. На Родосе открыты стены иной конструкции: прямые, замыкавшие большие пространства, где помещались группы погребений с определенными обрядами, свойственными отдельным родам или семьям.

На античных поселениях Нижнего Побужья керамика является массовым археологическим материалом, характеризующим хозяйство, торговлю, быт и духовную культуру греков. Ее классификация, приведенная ниже, традиционна. В отдельные разделы выделены расписная восточногреческая керамика, коринфская и аттическая, остальная классифицируется по функциональному назначению и технологическим особенностям производства. В эту же главу включен раздел о металлической посуде, поскольку по своему назначению она идентична керамической.

Восточногреческая расписная керамика

На территории Ольвийского государства найдены различные группы архаической расписной восточногреческой керамики: родосско-ионийская, хиосская, стиля Фикеллура, клазоменская. Эта керамика типична для наиболее ранних слоев архаических поселений и некрополей. В наибольшем количестве она представлена на Березани, значительно меньше в Ольвии и совсем мало в сельской округе. На наиболее ранних поселениях Березанского лимана найдены обломки ионийских киликов, светильников (Викторовка I), родосских тарелок [Капошина, 1956а, с. 244—246, рис. 20, 1—4]. Фрагменты родосско-ионийской, клазоменской и хиосской посуды обнаружены на Бейкушском поселении, родосской — на поселении Малая Черноморка [Русьева, 1967, с. 142; 1968, с. 148]. Меньше этой керамики в районе Ольвии. На поселении Чертоватое II найдены только фрагменты ионийской керамики и стиля

Фикеллура [Рубан, Отрешко, 1976, с. 387]. Подобное распространение расписной керамики, по-видимому, объясняется, прежде всего, хронологическими различиями в существовании поселений, а также степенью их изученности, сохранностью культурного слоя.

Классификация расписной керамики при учете характера черепка и покрытия поверхности сосудов основывается на стилевых особенностях их росписи. Следует, однако, отметить, что в настоящее время не всегда можно достаточно определенно идентифицировать все группы керамики с конкретными производственными центрами. Ярким примером может служить хиосская керамика, считавшаяся в недалеком прошлом навкратийской. Особенно дискуссионным является вопрос о месте изготовления посуды родосско-ионийской и стиля Фикеллура.

Родосско-ионийская керамика. Из всех групп восточногреческой керамики, обнаруженной на исследуемой территории Северного Причерноморья, наиболее многочисленной является родосско-ионийская. На Березани она найдена в количестве нескольких тысяч единиц, хотя опубликована незначительная часть. Керамике, найденной на Березани, посвящены специальные работы В. М. Скудновой, Л. В. Копейкиной, отдельные публикации [Фабрициус, 1951, с. 59; Капошина, 1956а, с. 214; Скуднова, 1960, с. 153; Копейкина, 1968; 1970; 1970а; 1970б; 1973; 1982; Леви, 1940; 1972 и др.].

Единого термина для обозначения этой керамики нет. Ее называют по-разному: родосской (А. П. Манцевич, В. М. Скуднова, В. Д. Блаватский),

милето-родосской (М. И. Максимова), восточногреческой (Т. Н. Книпович), родосско-ионийской (Р. В. Шмидт, Л. В. Копейкина, Н. А. Сидорова и др.). Большинство советских исследователей (В. М. Скуднова, Н. А. Сидорова и др.) придерживаются классификации и датировок, предложенных В. Шпригом (стилистические группы Камир, Эфорб, Власто и группа Лондонского диноса [Schiering, 1957]), в меньшей степени К. Кардарой [Копейкина, 1970б, с. 559; 1982, с. 34, ссылка 53]. Классификации Р. Кука и Дюпона в советской историографии еще не приняты [Cook, 1960; Dupont, 1983]. Центры производства родосско-ионийской керамики — Родос, Самос, Милет, Эфес, Смирна, Аль-Мина, Фасос, эолийские центры, близкие по культуре ионийским [Cook, 1960, р. 124; Schiering, 1957, S. 13]. В Северном Причерноморье, по мнению одних исследователей [Скуднова, 1960; Сидорова, 1962], преобладает импорт Родоса. По мнению других [Копейкина, 1982] — Милета, Самоса, Эфеса, Смирны. Среди родосско-ионийской керамики, обнаруженной на территории Ольвийского государства, имеются стилистические группы Камир, Власто, группа Лондонского диноса.

Группа Камир. Большое количество наиболее ранней (VII в. до н. э.) керамики этой стилистической группы, производившейся в юго-восточных областях Средиземноморья (Милет, Эфес, Самос, Родос) и пользовавшейся наибольшей популярностью в то время, обнаружено на о. Березань [Walter, 1968, S. 63; Копейкина, 1982, с. 6—25].

Глина этой керамики содержит примесь слюды, цвет черенка различен: коричневый, серо-коричневый, красновато-кирпичный. Обмазка сосудов либо светлая с ровным легким блеском, либо более темная, матовая. Роспись наносилась темно-коричневым лаком. Характерны фризы с изображением животных, фантастических существ, выполненные в технике так называемых пропущенных линий, при которой фигуры животных выполнены частью в силуэте, частью в контуре, а внутренний рисунок, для обозначения деталей, передан тонкими, незакрашенными ли-

ниями фона. В росписи применялись накладные краски: пурпурная и белая. Гравировка и чернофигурная техника мастерами группы Камир не применялись. Для рисунка характерны четкость и живость; контуры животных строгие, стройные, движение их передано немногим условно, но мастерски. На плоскости вокруг изящных фигур животных расположен тонкий, обильный, но не густой, заполнительный орнамент.

Основными формами являются ойнохон и тарелки, менее характерны — диносы, амфоры, блюда и пр. Наиболее распространены высокогорлые ойнохон высотой 30—35 см, с трехствольной ручкой с ротеллями у венчика, с наибольшим диаметром корпуса в верхней части. Декор таких ойнохон состоял из нескольких фризов с изображением животных и растительного орнамента [Копейкина, 1982, с. 629, рис. 2; 3; 5].

Роспись некоторых из них (АВ/80—95; АВ/79—672) * выполнена в миниатюрной технике и отличается высоким мастерством и тонкостью исполнения, что характерно для третьей четверти VII в. до н. э. [Schiering, 1957, S. 35] (рис. 13, 4, 5). Четыре фриза с изображением спокойных пасущихся козлов и ланей, а также лотоса разделены плетенкой. Среди заполнительного орнамента — подвесные треугольники, подкововидные подвески, крестообразный знак и пр. Несколько угловатые фигуры животных переданы в технике «пропущенных линий», плечевые и бедренные части козлов подчеркнуты пурпуром, животы пятнистых ланей украшены рядом точек. Кремевая обмазка тонкая. Лак от темно-коричневого цвета переходит к золотистому.

В росписях других ойнохон этого времени встречается изображение горгоисфона [Копейкина, 1970б, с. 560; табл. I, 2, примеч. 12]. Наиболее ранние из них на Березани датируются третьей четвертью VII в. до н. э.

На сосудах конца VII в. до н. э. размеры фризов увеличиваются. В изображении вытянутых фигур животных появляется монументальность, заполни-

* Здесь и далее приводятся шифры неопубликованных сосудов из раскопок В. В. Лапина на о. Березань.

Рис. 13. Березань. Родосско-понийская керамика стиля Камир.

тельный орнамент становится более схематичным (рис. 14, 1—3). Обмазка одной из ойнохой (АВ/79—678) плотная кремевая, покрытая блестящим лаком темно-коричневого цвета. В росписи отсутствуют гравировка и белая краска. Плечики при переходе к горлу подчеркнуты узким пояском язычков. Корпус украшен тремя фризами. На верхнем — плечевом — фризе изображены спокойно пасущиеся козлы, обращенные влево и вправо, а перед ними — шагающий гусь, гирлянды цветов и бутонов лотоса. Пространство под ручкой заполнено лучами, обращенными вниз.

Второй фриз отделен от верхнего узкой полоской плетенки. На нем изображены бегущие вправо козлы с поднятой головой. Навстречу им бегут три собаки, обращенные одна влево, две вправо. Ниже фриза проходит полоса лака. На сохранившихся остатках третьего фриза также изображены бегущие вправо козлы и в разные стороны собаки. Оставшаяся свободной часть корпуса ойнохой украшена корзинкой лучей. Фигуры козлов выполнены в технике «пропущенных линий». Пурпур применен только для верхнего пле-

чевого фриза. Им же подсвечен лотос, голова, крылья и кончик хвоста гуся, хвосты и бедра козлов. Животы козлов подчеркнуты точками. Среди обильного, но не густого заполнительного орнамента — подкововидные подвески, свисающие треугольники, различной формы кресты, волкюты, розетки. Ваза имеет широкую кольцевую ножку, по дну которой красноватым лаком проведены перекрещивающиеся линии.

На Березани найдены и небольшие по размеру ойнохой, обычно украшенные только одним фризом, расположенным на плечиках [Скуднова, 1960, рис. 10; Копейкина, 1982, с. 9, рис. 6, 7a]. Сюжетом росписи являются идущие друг за другом птицы и орнаментальная эмблема, помещенная в метопу. Датируются они второй половиной — последней четвертью VII в. до н. э.

К первой половине VI в. до н. э. относятся ойнохой с изображениями протом людей и животных, маски-апотропеи [Копейкина, 1982, с. 10, рис. 76]. Ойнохой VI в. до н. э. менее стройны, более приземисты, расплывчатые, горло более мягко переходит в плечики, исчезают ротелли возле ручек. Декор становится проще, стиль росписи грубее. Фигуры животных теряют четкость и тонкость, становятся массивнее. Запол-

Рис. 14. Березань. Родосско-ионийская ойнохоя стиля Камир.

нительный орнамент крупнее, небрежнее по исполнению, гуще покрыт тоном.

Второй наиболее распространенной формой посуды являются тарелки на высоких ножках конусовидной формы. На Березани найдены фрагменты тарелок, расписанных с обеих сторон. Внутренняя сторона украшена несколькими фризами с изображением животных — пасущихся козлов, оленей. С внешней стороны они декорированы метопно-

триглифным фризом. Тарелки датируются 30-м годом VII в. до н. э. [Копейкина, 1982, с. 14, рис. 11].

Тарелки, декорированные только метопно-триглифным фризом с внутренней стороны, относятся к третьей четверти VII — началу VI в. до н. э. [Левин, 1940, табл. X, 1; 1941, с. 312, рис. 3, 1, 3; Копейкина, 1982, с. 14—18, рис. 12, а, б]. К концу VII в. до н. э. в метопах появляются новые орнаментальные мотивы, например, орнамент фригийского типа [Копейкина, 1982, рис. 18]. Намного чаще, чем в 30-е годы VII в. до н. э., наряду с орнаментальными эмблемами начинают помещать протомы людей и животных (АБ/78—163; АБ/79—61) [Скуднова, 1960, с. 157, 158, 161; рис. 1, 2; Лапин, 1961а, с. 47] (рис. 13, 2, 3). Тонкий слой обмазки такой тарелки (АБ/78—862) покрывает обе поверхности, внутри он более густой (рис. 13, 1). Роспись нанесена темным лаком с коричневатым оттенком и пурпуром. Внутри тарелка украшена метопно-триглифным фризом. В метопе помещено изображение женской головы влево. Заполнительный орнамент состоит из четвертой розетки в углу, группы лучей, обращенных вершинами вверх, розетки из Т-видных значков. Снаружи тарелка украшена поясками лака.

Еще одна подгруппа тарелок, найденных на Березани, относится к последней четверти VII — началу VI в. до н. э. Они орнаментированы фризом с различными элементами растительного орнамента (гирлянды цветов и бутонов лотоса) и центральной розеткой [Копейкина, 1982, рис. 13б; 16; 17]. Изредка между бутонами лотоса поменяется орнаментальная эмблема, протомы людей или животных [Копейкина, 1982, рис. 13в, 14г, 18в].

Из закрытых сосудов, кроме ойнохой, обнаружены фрагменты диносов, редко изготовлявшиеся мастерами стиля Камир. В Ольвии найден динос третьей четверти VII в. до н. э. с изображением птицы и грифона [Фармаковский, 1914, табл. I, 1]. Найденный на Березани динос украшен фризом с метопно-триглифной декорацией с изображением птицы [Копейкина, 1982, с. 11—13, рис. 9].

Редкая для стиля Камир форма ваз — кратеры — известна на Березани. Горло украшено сложной плетенкой. Плечевой фриз разделен на триглифы и метоны, куда помещены изображения птиц, окруженных дополнительным орнаментом (четвертные розетки, подкововидные подвески с петельчатым орнаментом, кресты и т. д.), относящиеся к 30-м годам VII в. до н. э. [Копейкина, 1982, с. 14, рис. 9].

Группа Власто. Керамика этой группы стилистически разнообразна и объединяет продукцию различных мастерских малоазийского побережья, в основном Северной Ионии [Копейкина, 1982, с. 25]. Керамика VII в. до н. э. сравнительно малочисленна и обнаружена на Березани. В этот период она расписывалась в технике «пропущенных линий».

Из мастерской, изготовившей ойнохою, найденную в кургане Темир-Гора, происходит ряд ваз третьей четверти VII в. до н. э., обнаруженных на Березани. Нередко встречаются ойнохой, украшенные фризами с изображениями пасущихся козлов [Копейкина, 1982, с. 25—26, рис. 19а]. В этот период изготавливались и тарелки на высоких ножках. Одна из них, уникальная по росписи, относящаяся к 40-м годам VII в. до н. э., декорирована метоно-триглифным фризом с изображением маски-апотропей (горгонейон). В центре тарелки помещен сфинкс, окруженный пальметками, с сидящими на них ласточками. Роспись выполнена лаком без применения гравировки и накладных красок [Копейкина, 1970а, с. 197; 1970б, с. 560, табл. I, 1].

Ойнохой других мастерских, поступившие на Березань в 40-х годах VII в. до н. э., расписаны под сильным влиянием мастерских стиля Камир, почти имитируя его. Сюжеты росписи обычны для родосско-ионийской керамики — изображения козлов. Особенности росписи ваз этой школы проявились в построении композиции, пропорциях между фигурами и дополнительным орнаментом, в мягкости и округленности рисунка [Копейкина, 1970б, табл. 2, 3, а, б].

Хорошо представлена на Березани продукция мастерских Северной Ионии,

изготавливавших керамику типа Лондонского (Британского музея) диноса [Schiering, 1957, S. 14, taf. 9, 1; Kinch, 1914, fig. 73; Копейкина, 1982]. Композиция, тематика, типы росписи этих диносов сходны с росписью стиля Камир, но манера их подачи резко отличается от стиля Камир. Роспись Лондонского диноса тяжеловесна, рисунок животных угловатый, дополнительный орнамент представляет собой уже не фон, а является равноправным элементом декора. Наиболее ранний динос, обнаруженный на Березани, относится к третьей четверти VII в. до н. э. [Копейкина, 1970б, с. 562, табл. 2, 1]. Венчик его украшен плетенкой, горло опоясано лепестковым орнаментом, корпус декорирован несколькими фризами с изображением животных: быков, львов, козлов. Дополнительный орнамент не слишком крупный, состоит из подвесных треугольников, солярных знаков, спиралей, розеток.

Диносов последней четверти VII—VI в. до н. э. известно больше. В их росписи применяются пурпур и белая накладная краска, которые наносятся не на лак, а на белую обмазку. Тематика росписи старая — сходна с предыдущим периодом [Копейкина, 1970б, с. 563, табл. 1, 4—5; 2, 2].

Из Северной Ионии происходят и тарелки VII в. до н. э., украшенные метоно-триглифным фризом, состоящим из лучей и розеток или цветов и бутонов лотоса [Копейкина, 1982, с. 29—30, рис. 25].

Поздним периодом Власто, первая половина VI в. до н. э., датируется большинство родосско-ионийской керамики, обнаруженной на территории Нижнего Побужья. Эта керамика является продукцией различных по художественным традициям мастерских, неразрывно связанных между собой и некоторое время существовавших параллельно. Мастера одной из этих школ расписывали сосуды в старой технике «пропущенных линий», а другой — в смешанной технике, третьи работали в чернофигурной.

Для родосско-ионийской керамики смешанной техники, бытовавшей преимущественно в первой четверти VI в. до н. э., характерно применение

Рис. 15. Березань. Родосско-ионийская керамика стиля Власто.

старой техники «пропущенных линий» и новой чернофигурной, заимствованной из Коринфа и Аттики. Роспись строго делилась по технике исполнения: плечевой фриз украшался чернофигурным силуэтом с применением гравировки, а старая техника «пропущенных линий» допускалась лишь на фризах корпуса сосудов, причем никогда в одном изображении не соединялись контурный рисунок с гравировкой. В последней технике работало несколько мастерских.

На Березани найдены расписанные в смешанной технике динос (фрагменты) и амфора-стамнос с великолепной росписью [Манцевич, 1927, с. 283, табл. 19; 20]. Последняя среди родосско-ионийской керамики уникальная по форме. На верхнем фризе, украшающем плечики вазы, изображены львы, нападающие на оленя. В росписи применены гравировка, пурпур. Заполнительный орнамент состоит из больших силуэтных розеток и пальметт с гравировкой. На нижних фризах с традиционно родосско-ионийским орнаментом помещены пасущиеся и скачущие козлы.

На Березани и Ольвии обнаружены и фрагменты ойнохой с такой же системой и техникой росписи [Копейки-

на, 1970, рис. 2; 1976, рис. 5]. Эти нарядные многофривовые вазы служили парадной посудой.

Для повседневного пользования употреблялись небольшие сосуды, расписанные в старой технике, найденные в огромном количестве на Березани и в меньшем в Ольвии. Ойнохой и амфоры расписаны скромно [Капошина, 1956а, с. 226, рис. 4; Скуднова, 1960, рис. 13, 5, 4; Копейкина, 1968, с. 44; 1976, рис. 5, 7]. Одна из ойнохой (АБ/62—436) покрыта жидкой кремовой обмазкой, по которой нанесена роспись темно-коричневым лаком с применением пурпура и белой краски, гравировка отсутствует (рис. 15, 3). На венчике сверху полосы лака белой краской нанесены магические знаки — апотропеи (глаза). Горло подчеркнуто пояском меандра. Плечики декорированы фризом с изображением одной фигуры бегущего козла — туловище сильно изогнуто, голова повернута назад. Детали фигуры подчеркнуты пурпуром. На фризе по обе стороны ручки расположены пальметты, сплетенные с волютой (рис. 15, 4). Фигуру козла окружает заполнительный орнамент. Ниже фриза проходит широкая полоса лака, ограниченная тонкими поясками пурпура и белой краски. От дна вазы отходит корзинка лучей. Плечики небольших по размеру амфор (АБ/78—760) украшены изображением бегущего козла или орнаментом в виде волют (рис. 15, 1). Роспись небольших кратеров более разнообразна: геральдическая композиция, состоящая из двух козлов, бегущей собаки и т. п. [Фармаковский, 1914, табл. X, 1; Копейкина, 1970, рис. 5, 6].

Чернофигурная керамика в большей части датируется второй четвертью VI в. до н. э. Обнаружена она на Березани и в Ольвии. Животные на этих вазах изображены небрежно, нередко пурпур и белая краска вообще не применяются, заполнительный орнамент зачастую отсутствует. Иногда поверхность ваз не покрывается светлой обмазкой. Формы сосудов, расписанных в чернофигурной технике, различны. Это и большие закрытые многофривовые сосуды, и небольшие кратеры [Радлов, 1910, табл. IV].

На кратерах изображение одного животного или группы помещались в метопу, занимавшую всю центральную часть корпуса. Сюжетами росписи является геральдическая композиция, сцены терзания, мифологические персонажи: сфинксы, сирены [Копейкина, 1970, рис. 6—9; 1976, рис. 6]. На одном из кратеров, найденных на Березани (АБ/80—10, рис. 15, 2), помещен необычный для родосско-ионийской керамики сюжет — танцующие комасты (или пигмей?). Этот колонный кратер изготовлен из светло-коричневой плотной глины с примесью блесок. Поверхность не имеет обмазки. Роспись выполнена темно-коричневым лаком без резьбы и накладных красок. Горизонтальная поверхность венчика украшена меандром, а горизонтальная плоскость пластины ручки — лучами. Вертикальная плоскость венчика украшена прямыми линиями, а внутренняя — пояском лака. Переход от горла к плечикам обозначен узким пояском лепестков. Поверхность под ручкой покрыта поясками лака. На плечиках между ручками с обеих сторон изображено по два танцующих комаста или пигмея, обращенных влево. Между ними помещено стилизованное дерево, напоминающее пальметту. Ваза по сюжету вторая в родосско-ионийской керамике и аналогична кратеру из Смирны, датированному серединой VI в. до н. э. [Cook, 1965, p. 121].

Тарелки или блюда первой половины VI в. до н. э. широко представленные на Березани, встречаются и в Ольвии. По форме они подобны более ранним. Нередко у них не высокая ножка, а низкий кольцевой поддон. Широкий отогнутый край орнаментирован простейшим меандром. Тарелки украшены одним или двумя фризами животных, или фризом из бутонов и цветов лотоса с вихревой розеткой или звездой в центре [Книпович, 1940, с. 97, рис. 8; Капошина, 1956а, с. 224, рис. 2; Скуднова, 1960, с. 162—163; Леви, 1972, с. 45—46, рис. 13, 1].

Ко второй четверти VI в. до н. э. относятся фрагменты двух плоских блюд (АБ/80—19; АБ/80—441+450), роспись которых выполнена красным блестящим лаком. В центре блюда в

круге из точек помещена розетка. Ее окружает пояс с шахматным узором, над которым расположен фриз с гирляндой цветов и бутонов лотоса на одном блюде и пальметт на другом (рис. 16, 7, 8). На тарелке (АБ/74—477) с плоским краем, украшенным меандром, в центре помещена розетка из бутонов лотоса и ромбовидных лепестков (рис. 16, 6). Иногда край тарелки слегка загнут внутрь, меандр проходит ниже края, а еще ниже расположен фриз из гирлянды цветов и бутонов лотоса (рис. 16, 4).

Керамика второй половины VI в. до н. э. достаточно хорошо представлена на Березани и в Ольвии. Редкой формой является курильница из Ольвии [Леви, 1972, рис. 13, 2, с. 47; Крыжипкий, Руслева, 1978, рис. 9].

Килики. Не вся родосско-ионийская керамика поддается классификации по стилистическим признакам. Из-за стандартности и однообразия росписи нельзя причислить к той или иной группе керамики килики, которые встречаются довольно часто. Хронологический диапазон их широк: от 70—60-х годов — до начала V в. до н. э. Наиболее ранний килик из Березани имеет полушарический корпус на низкой кольцевой подставке и выделенный венчик [Копейкина, 1973]. По плотной белой обмазке внешней поверхности сосуда черным лаком нанесена роспись в виде пересекающихся ромбов. Внутри на дне, в медальоне, помещен шахматный орнамент, а на стенках, покрытых лаком, пурпуром нанесены круги с точками.

Килики второй половины VII в. до н. э., украшенные фризами с изображением ромбов и птиц, встречаются довольно часто [Шалагинова, 1980, с. 23, рис. 1, 4; Копейкина, 1982, рис. 26а]. Один из них (АБ/80—474), изготовлен из плотной светло-коричневой глины и имеет плотную обмазку (рис. 16, 1). На внешней поверхности нанесен метопно-триглифный декор с изображением заштрихованного ромба и розетки, разделенных вертикальными линиями и четвертной розеткой в углу. Другие килики этого времени декорированы просто: фриз с точечными розетками и вертикальными лепестками

Рис. 16. Березань. Родосско-ионийская керамика стиля Власто и килики разных стилей.

(АБ/80—228, рис. 16, 5) [Шалагинова, 1980, с. 24, рис. 2; Копейкина, 1982, рис. 26б]. Нередко в этот период килики украшались меандром и вертикальными полосками, маской-апотропеем [Копейкина, 1982, рис. 26в; Шалагинова, 1980, с. 25—26, рис. 3]. Хорошо представлены и килики с фризами, на которых изображены животные (козлы, собаки) и птицы [Шалагинова, 1980, рис. 5; 6; 7, 3; 8, 3]. Они встречаются в раннее и более позднее время. К началу VI в. до н. э. относится ки-

лик (АБ/78—156) с изображением бегущего козла, выполненного в технике «пропущенных линий». Детали его фигуры подсвечены пятнами пурпура. Голова козла повернута назад, что характерно для позднего периода. Густой заполнительный орнамент в виде волют, розеток и т. п. нанесен по светлому фону (рис. 16, 2). В середине VI в. до н. э. роспись киликов подражает более ранней VII в. до н. э. На фризе такого килика (АБ/78—335) изображены идущие птицы (гуси), выполненные в чернофигурной технике (рис. 16, 3). Пространство между птицами покрыто густым заполнительным

орнаментом в виде подковообразной подвески с петельчатым оформлением края, лучей, крестов, розеток-клякс. Другие поздние килики украшены геометрическим орнаментом (шахматно-клеточным, плетенкой) [Шалагинова, 1980, рис. 8, 1, 2].

«Полосатая ионийская керамика». В различных центрах Восточного Средиземноморья, начиная с конца VII, полностью в VI и частично в V в. до н. э., изготовлялась простая посуда, украшенная только полосами лака (горизонтальными и волнистыми). Эта так называемая полосатая ионийская керамика, встречающаяся на Березани, в Ольвии, на мелких поселениях, особенно во второй половине VI в. до н. э. Формы ее разнообразны и повторяют расписные: амфоры разных типов, ойнохои, кувшинчики, аски, лекифы, амфориски, кратериски, скифосы, чаши различных форм, килики, стамбосы, пиксиды, светильники [ИАК, вып. 8, табл. V, 16; ОАК за 1909—1910, с. 92, рис. 111; ОАК за 1911, с. 17, рис. 16; Скуднова, 1945; Фабрициус, 1951, табл. VIII, 1, 4; Капошина, 1951, 1956а, с. 229—230, рис. 9; 11, 2, 3; Копейкина, 1981в, рис. 86]. Не исключено, что часть их могла изготовляться на месте, в Нижнем Побужье, так же, как это было на Боспоре [Шмидт, 1952, с. 228—230, рис. 1, 4—8; Худяк, 1952, с. 257, рис. 18; Скуднова, 1957, с. 73—75].

Хиосская керамика. На Нижнем Побужье она изучена сравнительно мало. В дореволюционный период была опубликована только работа Н. А. Энман, посвященная хиосскому кубку с Березани [Энман, 1911, с. 142—158]. Хиосская керамика, хранящаяся в Эрмитаже из раскопок Березани до 1957 г., опубликована В. М. Скудновой [1957б, с. 128—139]. Отдельные экземпляры этой посуды описываются Т. Н. Книпович, Е. И. Леви и др. В работе В. М. Скудновой дана классификация только хиосских кубков. Вслед за Павом и Р. Куком она поддерживает мнение А. Румфа о том, что Хиос, а не Навкратис являлся центром производства этой керамики [Rumpf, 1920, S. 167; 1933, S. 55—83; Raube, 1934, p. 169; Cook, 1949, p. 154],

однако не представила новых доказательств.

Вопрос о центре производства хиосской керамики дискусионен и в настоящее время. Так, Н. А. Сидорова, как и К. М. Колобова, считает, что хиосская керамика производилась одновременно в двух центрах — на Хиосе и в Навкратисе, а в Северное Причерноморье привозилась из Хиоса [Колобова, 1951, с. 320; Сидорова, 1962, с. 100—102]. В. М. Скуднова полагает, что торговые связи Березани с Хиосом установились с раннего периода существования Березанского поселения — с конца VII в. до н. э. и продолжались в VI в. до н. э. [1957б, с. 139].

Из всех поселений Нижнего Побужья наибольшее количество этой керамики обнаружено на Березани. Значительно меньше ее в Ольвии [Леви, 1941, с. 311—317, рис. 4; Скуднова, 1957б, с. 131; Сидорова, 1962, с. 100—102].

Для хиосской керамики характерна однородная, мелкая, очень плотная глина. Она почти без видимых примесей, серовато-розового или коричневатого цвета. Поверхность ваз покрывалась густой блестящей обмазкой хорошего качества, молочно-белого или кремового цвета. Поверх обмазки внутренней стороны сосудов открытого типа нанесен черный лак. По нему и по обмазке внешней стороны сосудов лаком, пурпуром и белой краской наносилась полихромная роспись.

Наиболее ранние сосуды, относящиеся ко второй половине VII в. до н. э., расписаны фризами животных и фантастических существ. В росписи ранней хиосской керамики, в отличие от родосско-ионийской, широко распространены изображения людей. Рисунки наносились в технике «пропущенных линий». Заполнительный орнамент обильный, с характерными для VII в. до н. э. подковообразными подвесками и звездами.

Среди расписных хиосских сосудов раннего периода, обнаруженных на Березани и в Ольвии, преобладают кубки, реже встречаются леканы, фиалы, светильники.

Кубки-кратеры этого времени (первая группа по В. М. Скудновой) боль-

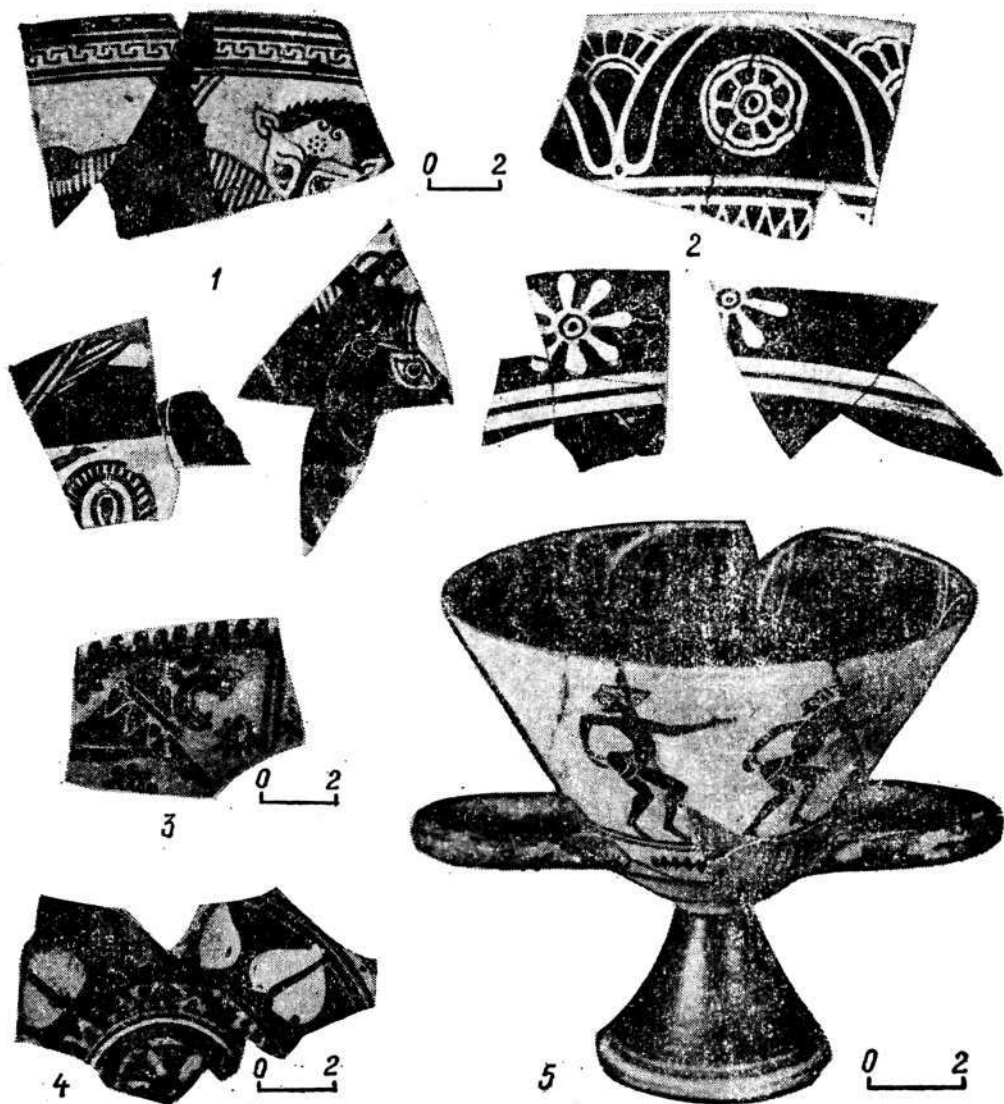

Рис. 17. Березань. Хиосская керамика.

ших размеров. Прямые стенки без выделенного края имеют около 20 см в диаметре и скошены от горизонтальных ручек, расположенных в нижней части корпуса, к эхинообразной подставке. На Березани найдены в небольшом количестве фрагменты кубков с изображениями львов и быков (сцены терзания). Один из них (рис. 17, 1) изготовлен из глины розоватого цвета. Кремовая обмазка внешней поверхности сосуда, по которой была нанесена роспись лаком от черного до желтовато-золотистого

оттенка и пурпуром, местами отслоилась. На внешней стороне кубка частично сохранилось изображение льва, терзающего быка, выполненное в технике «пропущенных линий». Голова льва передана контуром, грива и нос покрыты пурпуром, на лбу точечная розетка и два спиральных завитка. Детали головы быка (глаз, рог) оставлены в цвете обмазки так же, как место перехода головы к шее и ухо. Туловище быка покрыто пятнами пурпура, его верхняя часть обозначена косыми черточками. Пространство вокруг быка украшено дополнительным орнаментом

в виде подковообразной подвески и подвесного треугольника с точечным заполнением. Под краем кубка проходит поясик меандра.

На внутренней поверхности кубка сохранилось два фриза (рис. 17, 2). На верхнем пурпуром и белой краской изображены цветы лотоса с тычинками, чередующиеся с восьмилепестковыми розетками. Лепестки последних обозначены белым контуром и покрыты пурпуром. Вся розетка обведена непрерывной белой линией. На нижнем фризе, отделенном от верхнего зигзагом, сохранилось изображение розеток, состоящее из чередующихся 16 лепестков, выполненных белой глиной и пурпуром.

На фрагменте кубка-кратера (АБ/76—631) второй половины VII в. до н. э. лаком (от черно-коричневого до золотистого цветов с применением пурпура) изображены пеший и конный воины. Скачущая лошадь обращена вправо. Пурпуром обозначены грива и хвост коня. Всадник одет в короткую юбку, силуэтно обозначенную пурпуром (рис. 18, 1). Всадник слегка откинул корпус назад, приготовившись к метанию дротика правой поднятой рукой. В левой вытянутой руке воин держит уздечку с S-видными псалиями. Лицо всадника обрамлено остроконечной бородкой, волосы разделены на три пряди локонов, ниспадающих на спину, на голове повязка. Второй воин стоит, повернувшись влево, держа в левой руке щит, в росписи которого применен пурпур (рис. 18, 3). Правая нога воина отведена назад, корпус также слегка отклонен. Воин приготовился к метанию дротика правой рукой. В правом ухе круглая серьга; борода, прическа и головная повязка такие же, как и у конного воина. По краю кубка нанесен меандр. Среди заполнительного орнамента, покрывающего плоскость вазы между изображениями,— подковообразные подвески, сложная звезда и семилепестковые розетки. Точечные розетки помещены и на теле воинов.

Внутренняя сторона кубка украшена несколькими орнаментальными фризами (рис. 18, 2, 4). Верхний состоит из чередующихся цветков лотоса с тычинками и розеток. Лепестки обозначены

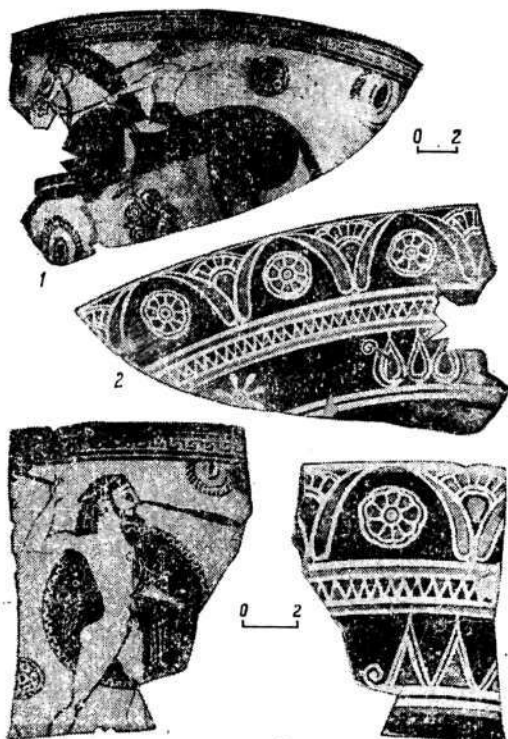

Рис. 18. Березань. Фрагменты хиосского кубка.

пурпуром и обведены белой краской. Нижний фриз, отделенный от верхнего зигзагом, состоит из розеток с чередующимися лепестками из пурпура и белой краски, группы бутонов лотоса и треугольников, угол которых оканчивается спиралью. Оба фриза ограничены узкими полосами пурпура и белой краски. Стиль росписи, характер рисунка без применения резьбы в технике «пропущенных линий», своеобразная манера передачи фигур людей, элементы заполнительного орнамента, точечные розетки на телах воинов, форма и размеры кубка-кратера позволяют отнести его ко второй половине VII в. до н. э.

На Березани найдены и более поздние кубки, относящиеся к началу VI в. до н. э. (вторая группа по Скудновой). Как и ранние, они больших размеров. Корпус конусовидной формы на небольшой подставке. Роспись сохраняет приемы, характерные для конца VII в. до н. э., но иногда отсутствует заполнительный орнамент. На фризах изображены львы, быки, женские головы [Скуднова, 1957б, с. 131, 138, рис. 6].

Кубки первой половины и середины VI в. до н. э. (третья группа по Скудновой) найдены на Березани и в Ольвии [Энман, 1911, с. 142—158, рис. 1; Книпович, 1941, рис. 46; Скуднова, 19576, с. 131—132, рис. 7, 1—3; 8, 1—2]. Корпус кубков этого периода уменьшается в диаметре до 12—13 см, становится равным по высоте с подставкой и повторяет ее форму. Внутренняя поверхность покрыта цветами лотоса.

В первой четверти VI в. до н. э. в рисунке, украшающем обычно одну сторону сосуда, применяется контурная техника без резьбы и пурпура. На кубках этого времени, найденных на Березани, изображены сфинксы. Уникален рисунок человека в плаще с лотосом в руке [Энман, 1911, с. 142—158, рис. 1; Скуднова, 19576, с. 134—135, рис. 7, 1—3].

Во второй четверти VI в. до н. э. для выделения росписи применяются резьба, белая краска, пурпур; на некоторые сосуды наносится дополнительный орнамент в виде розеток-пятен, заимствованных из коринфской керамики. На Березани и в Ольвии найдены кубки с изображением коматов (рис. 17, 5) [Левин, 1941, с. 315, рис. 4, 3; Книпович, 1941, рис. 4, 6; Скуднова, 19576, с. 135, рис. 7, 4, 5].

Ко второй половине VI в. до н. э. относится кубок из Ольвии с изображением быка на внешней стороне и многолепестковой пальметты на внутренней [Левин, 1972, с. 49, рис. 14, 2]. Для хосских кубков этого периода, обнаруженных на Березани и в Ольвии, подобный сюжет чрезвычайно редок. Таким же редким сюжетом росписи для хосских кубков является изображение петухов. На Березани найдены фрагменты кубка с таким изображением [Скуднова, 19576, с. 136, рис. 8].

Ко второй четверти VI в. до н. э. относятся кубки с выделенным краем, выпуклым корпусом и двустольными вертикальными ручками, высоко поднятыми над венчиком. Они расписаны птицами, дельфинами, животными. Пространство между изображениями заполнено орнаментом. В рисунке применяется резьба, отсутствует пурпур. Описанные кубки малочисленны как на Березани, так и в Ольвии [Левин,

1941, с. 314, 315, рис. 4, 2; Скуднова, 19576, с. 136—137, рис. 9, 1—4].

Среди хосской керамики первой половины VI в. до н. э. встречаются фиалы, украшенные поясами лепестков и бутонов лотоса, светильники и леканы [Левин, 1941, с. 315, рис. 4, 1; Скуднова, 19576, с. 138]. Один из светильников, обнаруженных на Березани (АБ/80—275+429) (рис. 17, 4), покрыт внутри черным лаком. На горизонтальной плоскости выступа изображена розетка из чередующихся лепестков, выполненных пурпуром и белой накладной краской. Орнамент в виде зигзага и бутонов лотоса опоясывает основание выступа, росписанного также белой краской и пурпуром. Внешняя поверхность покрыта плотной кремовой обмазкой, по которой проходят пояски коричневого лака с золотистым оттенком. Полость выступа без обмазки. Отсутствие резьбы в росписи свидетельствует о его ранней датировке, не позже первой четверти VI в. до н. э.

На Березани обнаружены и фрагменты крышек леканы, украшенные фризами с изображениями львов, сфинксов и обильным заполнительным орнаментом середины VI в. до н. э. [Скуднова, 19576, с. 137—138, рис. 10, 1—4]. Одна из крышек (АБ/80—624) с внутренней стороны покрыта жидким слоем обмазки, с внешней — плотным покрытием, по которому нанесена роспись с обильным применением резьбы и пурпура (рис. 17, 3). Роспись выполнена небрежно. Сохранилось изображение льва, грива которого трактована зубцами. Заполнительный орнамент состоит из розеток и лестнички. Выделенный венчик украшен палочным орнаментом.

Во второй половине VI в. н. э., когда на Хосе расписная керамика сменилась монохромной, на территории Ольвийского государства (Березань, Ольвия) получила распространение керамика иной формы (миниатюрные кувшинчики) — ольпы и плоскодонные кубки [Книпович, 1940, с. 101, рис. 15; Скуднова, 19576, с. 138]. Как и более ранние сосуды, с внешней стороны они покрыты светлой обмазкой. Декор их очень скромный — пояски буровато-желтоватого лака; изнутри по черному лаку, покрывающему всю поверхность,

нанесены узкие полоски белой накладной краски.

Керамика стиля Фикеллура. Некоторые советские исследователи считают эту керамику самосской [Шмидт, 1952, 4. 232—233; Горбунова, 1966, с. 35—38], другие, вслед за Р. Куком, местом ее изготовления считают Самос или Родос, допуская возможность существования и других, еще не идентифицированных центров [Cook, 1933; 1934; Сидорова, 1962, с. 102—103]. Одним из них была Истрия [Duron, 1983, p. 36]. Эта керамика в основном датируется концом первой четверти — третьей четвертью VI в. до н. э. [Cook, 1933; 1934, p. 16, 18, 19, 33, 34, 39; Сидорова, 1962, с. 102; Леви, 1972, с. 49; Копейкина, 1976, с. 135—136]. В значительном количестве она встречается в Ольвии и на Березани [ИАК, 1909 вып. 33, с. 119, рис. 24—25; с. 118, рис. 23; ИАК, 1916 вып. 13, с. 218, рис. 157; с. 219, рис. 158; Горбунова, 1966, с. 38; Леви, 1972, с. 49]. К сожалению, в настоящее время отсутствуют работы, посвященные керамике стиля Фикеллура. Всего опубликовано несколько экземпляров [Фармаковский, 1909, с. 119, рис. 23—25; Книпович, 1940, рис. 4, с. 101—102; Леви, 1956, с. 41, рис. 8; Фабрициус, 1954; Капошина, 1956а, с. 232, рис. 11, 1; Горбунова, 1966, с. 35—38].

Глина керамики стиля Фикеллура различна по цвету и фактуре. Обычно она розовато-коричневая, мягкая и слоистая, с большой примесью слюды. Реже она оранжевого или красноватого цвета, плотная, без блесток слюды или с их небольшим количеством. Обмазка на сосудах светлая, желтоватая, тонкая, плохого качества, почти незаметная на поздних сосудах. Рисунок выполнен коричневым лаком, иногда переходящим в красный цвет. В росписи господствует сплошной силуэт с обозначением деталей тонкими линиями незакрашенного фона. Контурный рисунок отсутствует, гравировка и накладные краски (пурпур и белая), за редким исключением, не применяются.

В декоре керамики стиля Фикеллура наиболее распространен чешуйчатый орнамент, полностью покрывающий корпус сосуда. Также популярны в де-

коре ряды из полумесяцев, гирлянды из бутонов и цветов лотоса, листьев плюща, меандр, плетенка, чередующиеся в шахматном порядке косые полосы [Фармаковский, 1909, рис. 23—24; Капошина, 1956а, с. 232, рис. 11, 1]. Известны сосуды с изображением животных и редким заполнительным орнаментом, но они в керамике этого стиля почти не распространены [Леви, 1956, с. 41, рис. 8].

Основной формой сосудов этого стиля являются амфоры. На Березани и в Ольвии встречаются амфориски больших размеров [Капошина, 1956а, с. 232, рис. 41, 1; Крижицкий, Русяева, 1978, с. 91, рис. 9]. Другие формы сосудов встречаются редко, например, погребальная урна из Березани.

На амфорах стиля Фикеллура, с широким корпусом и плоскими плечиками, от которых четко отделено горло с эхиновидным венчиком, основной декоративный фриз расположен на плечиках или самом корпусе. Горло украшено меандром и плетенкой. Несколько иначе орнаментирована амфора с Березани. На горле этой вазы с одной стороны (в метопах) помещено изображение двух сирен, стоящих друг перед другом. Между ними помещен лотос (рис. 19, 1). Сирены изображены в виде силуэтов; детали обозначены незакрашенными линиями цвета глины, крылья и хвост подсвечены разбавленным лаком. На плоскости метопа — редкий заполнительный орнамент. Вверху метопа ограничивает лестничка, внизу — полоса лака.

Другая сторона горла украшена традиционной для этой керамики плетенкой (рис. 19, 4). Эхиновидный венчик орнаментирован чередующимися цветами и бутонами лотоса. Такая же гирлянда проходит на плечиках, основная часть которых декорирована фризом с изображением пальметт, переплетенных с волктами. Большая часть корпуса покрыта чешуйчатым орнаментом с черной точкой лака по середине. Фриз с двух сторон подчеркнут лесенкой. Ниже проходят еще два фриза, разделенных лесенкой: на верхнем расположена гирлянда из цветов и бутонов лотоса, на нижнем — полумесяцы. Трехствольные ручки покрыты косыми

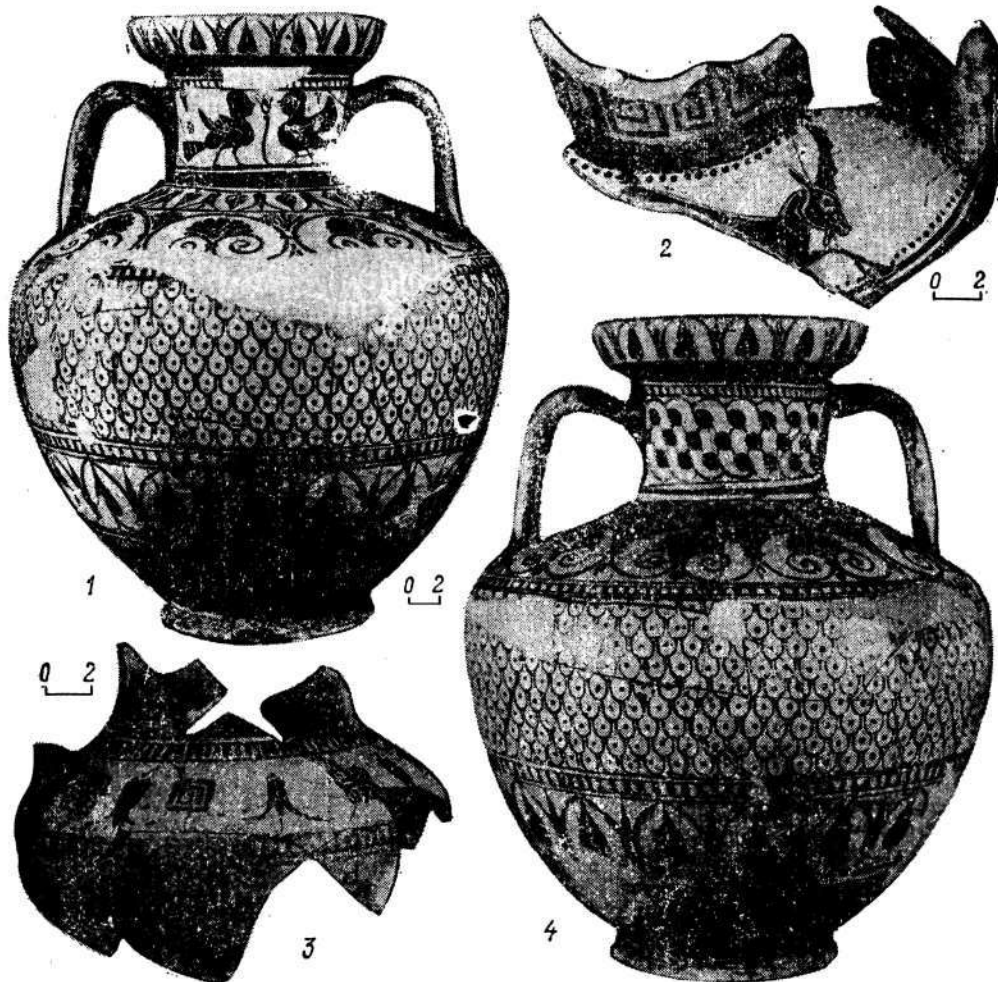

Рис. 19. Березань. Керамика стиля Фикеллура.

насечками, пространство под ними заполнено лучами. Глина амфоры слоистая, светло-коричневатого цвета, с большой примесью блесок. Поверхность покрыта плотной обмазкой кремового цвета, по которой нанесена роспись темно-коричневым лаком.

На Березани и в Ольвии встречаются амфоры с изображением комастов [Фармаковский, 1909, рис. 25; Горбунова, 1966, рис. 2—3]. На амфоре из Березани, основной декоративный фриз, расположенный на плечиках, составлен из двух фигур, обращенных друг к другу комастов. За их спинами — пальметты, соединенные с волютами. Стилистически ваза относится к изделиям наи-

более известного мастера (так называемого Альтенбургского), расписывавшего керамику стиля Фикеллура, и датируется 550—540 гг. до н. э. [Горбунова, 1966, с. 35—38, рис. 1, 2]. По характеру глиняного черепка К. С. Горбунова относит вазу к самосской керамике. Ручкою Альтенбургского мастера расписаны и другие сосуды, найденные на Березани и в Ольвии [Горбунова, 1966, с. 38, рис. 3].

Интересна необычным декором и характером черепка амфора с трехствольными ручками (АБ—80/—382), найденная на Березани. Сохранилась только верхняя часть сосуда. Он изготовлен из плотной глины зеленоватого цвета, обмазка на внешней поверхности светлая, кремовая, довольно плотная, роспись нанесена темно-коричневым

матовым лаком (рис. 19, 2). Горло украшено меандром, на плечиках в метоппе помещено изображение бегущего козла, обращенного вправо головой вперед, что характерно для росписи VII в. до н. э. В росписи сплошным силуэтом, без применения накладных красок, детали фигуры козла подчеркнуты обильной гравировкой. Рисунок грубоватый, но выполнен уверенной рукой мастера. Заполнительный орнамент практически отсутствует, только по периметру метоппы проходит ряд точек. Не исключено, что этот сосуд изготовлен на Березани.

На Березани обнаружена своеобразная по росписи ваза. Корпус украшен пальметтами, среди которых помещено фантастическое существо — собакоголовый крылатый человек [Фабрициус, 1954, рис. 18, 59].

Редкой по форме является и погребальная урна с Березани (АБ/70—623), украшенная фризом с чешуйчатым орнаментом, нанесенным поверх кремевой обмазки, покрывающей плечики. Чешуйки с точкой лака посередине и без нее чередуются в шахматном порядке. Верхняя часть корпуса и высокая ножка покрыты полосами темно-коричневого лака.

Сравнительно часто встречаются плоскдонные, конусовидные амфориски, на корпусе которых помещены два фриза. Верхний — украшен волютами, нижний — полумесяцами. Придонная часть декорирована узким пояском палочного орнамента [Капошина, 1956, рис. 11, 1]. Одна из березанских vaz (АБ/80—580) украшена по горлу клеточками и узким пояском из язычков (рис. 19, 3), а плечевой фриз состоит из чередующихся элементов заполнительного орнамента: солярный знак простой и усложненный волютами в ромб, квадрат с крестом и точками в середине, цветы и бутоны лотоса [Копейкина, 1981в, рис. 10а].

Клазоменская керамика. Подробное исследование клазоменской керамики, куда вошли и опубликованные до 1960 г., найденные на Березани и в Ольвии, произведено Р. Куком [Cook, 1960]. Автор классифицировал клазоменскую керамику, выделив шесть классов. Им установлена хронология деятельности керамической школы кла-

зоменского стиля в пределах 560—525 гг. до н. э. и определено время прекращения ее деятельности последней четвертью VI в. до н. э. [Cook, 1952, p. 148].

Продукцию мастерских первых трех классов (Тюбинген, Петри, Урла) Р. Кук связывает с Клазоменами. Сосуды четвертого и пятого классов, названные именами русских исследователей Т. Н. Книпович и П. Эрман, включая сосуды найденные в Северном Причерноморье, по мнению Р. Кука изготовлялись не в самих Клазоменах, а в каких-то североионийских городах. Такого же мнения придерживалась и Т. Н. Книпович, считая местом производства этих сосудов Самос [Книпович, 1927, с. 85—101]. Л. В. Копейкина, разделяя точку зрения Т. Н. Книпович, полагала, что в Северное Причерноморье клазоменская керамика поступала не только с Самоса, но в большинстве своем из каких-то других североионийских центров и в незначительном количестве из самих Клазомен [Копейкина, 1979а, с. 7—25].

В североионийских мастерских изготовлялись и сосуды шестого так называемого смешанного класса [Cook, 1960; Копейкина, 1979а, с. 19—23]. Найденные на Березани изделия этого класса частично изданы Т. Н. Книпович и Л. В. Копейкиной [Книпович, 1927; Копейкина, 1979а]. Л. В. Копейкиной опубликована керамика, хранящаяся в Эрмитаже. Керамика этой группы из Ольвии частично издана Т. Н. Книпович, Б. Ф. Фармаковским, О. Вальдгауэром, Е. И. Леви [Фармаковский, 1909; Книпович, 1927; Waldhauser, 1929; Леви, 1954; 1972].

Клазоменская керамика известна на Березани и в Ольвии в меньшем количестве, чем другие группы восточногреческой расписной керамики [Леви, 1972, с. 47; Копейкина, 1979а, с. 10]. Глина клазоменских сосудов светлая, серовато-коричневая или розовая с небольшим количеством блесков слюды. Поверхность vaz, в отличие от других групп расписной керамики, не имела специальной обмазки-покрытия, она просто хорошо заглажена. Прямо по ней и наносилась роспись коричневаточерным лаком. В росписи обильно при-

меняются гравировка, белая накладная краска и пурпур, придавая ей нарядный вид. Характерными формами керамики клазоменского стиля являются амфоры, кратеры, аски, гидрии, аналогичные по форме атическим чернофигурным сосудам середины VI в. до н. э. Встречаются ойнохон и дияосы. В Ольвии найдены единичные экземпляры амфор классов Тюбинген и Урла [Копейкина, 1979а, с. 9, 23]. Сосуды четвертого и пятого классов на Нижнем Побужье многочисленны, известны и вазы шестого, смешанного, класса.

Декор ваз классов Тюбинген и Урла разделен на фризы. Основной фриз расположен на корпусе. На нем помещены многофигурные композиции: хороводы женщин, танцующие комасты, мифологические сцены, сатиры и всадники. На других фризах, второстепенных, расположенных на горле, плечиках, крышках сосудов, изображались животные, птицы, сирены, сфинксы. В орнаменте сосудов этих классов наиболее популярны полумесяцы, переплетения пальметт и лотосов.

Наиболее ранние образцы клазоменской керамики первого этапа ее развития (вторая четверть VI в. до н. э.), являющиеся промежуточным звеном между хиосской и клазоменской керамикой, найдены на Березани [Cook, 1952, p. 139; Копейкина, 1979а, с. 9]. К ним относятся кратер и небольшой фрагмент сосуда* с изображением мужских фигур [Культура и искусство..., 1983, кат. 125]. Роспись кратера (АБ/70—480) первоклассна, выполнена темно-коричневым лаком, пурпуром, белой накладной краской и резьбой (рис. 20, 1, 2). По горизонтальной поверхности венчика проходит сложная плетенка, а вертикальная плоскость украшена зооморфным фризом с изображением сцен терзания (пантеры нападают на оленя и быка), бегущими лошадьми, идущими пантерами, быком, львами в геральдической позе. Плечики украшены двумя узкими фризами. На верхнем — гирлянды цветов и бутонов лотоса. На нижнем — помещено праздничное шествие: флейтист, четыре пля-

* О принадлежности этого фрагмента и дияоса к одному стилю обратила внимание Н. А. Лейпунская.

шущих комаста, за ними сцена состязания на колесницах: чередующиеся фигуры скачущих всадников (верховых и четырех в колесницах). Перед последней колесницей с парной упряжкой стоит мужчина, сзади которого бежит воин в шлеме и со щитом. За воином возле ручки сосуда помещен бык.

От декора корпуса сохранились части двух фризов. На центральном показан хоровод из шести женщин с подобранными волосами, приносящих жертву. Перед ними идут две кифаристки с распушенными волосами. Такой же хоровод женских фигур изображен и на другой стороне вазы. Между двумя кифаристками в уменьшенном масштабе помещена небольшая фигурка женщины с лабрисом в руках. От нижнего фриза сохранилась фигура конного всадника и голова человека. Пространство под ручкой сосуда заполнено изображением скачущего всадника с собакой.

На Березани найдены и другие первоклассные образцы клазоменской керамики, относящейся к третьей четверти VI в. до н. э.: две фрагментированные амфоры «мастерской Антестерия» с изображениями сцены сбора винограда на одной, собаки и лотоса на другой [Культура и искусство..., 1983, кат. 137, 138].

В Ольвии наиболее ранняя клазоменская керамика относится к середине VI в. до н. э. Здесь найдены фрагменты амфоры с изображением пантеры на одном и сатира с козлом на другом [Леви, 1972, с. 48—49, рис. 14, 3].

Класс Книпович. Многочисленные фрагменты ваз класса Книпович, отличающиеся стилистическим единством и техническим исполнением, найдены на Березани и в Ольвии. Формы сосудов этого класса по сравнению с первыми тремя, нечеткие. Декорировалась только верхняя часть сосуда каким-либо изображением или орнаментом, помещенным в метопу, оставленную в цвете глины. Остальная поверхность сосуда покрывалась темным лаком, причем на нижней наносились пояса лака.

Нередко встречаются фрагменты амфор с изображением в протоме взлетающего крылатого ковы. Среди них имеются экземпляры с хорошей

Рис. 20. Березань. Клазоменская керамика.

росписью, близкие к ранним образцам этого класса и относящиеся к 40-м годам VI в. до н. э., и с небрежной, датирующиеся началом последней четверти VI в. до н. э. [Книпович, 1927, с. 95, табл. XII, 2; Леви, 1972, с. 47—48, рис. 14, 1; Копейкина, 1979а, с. 17—18]. На других амфорах класса Книпович светлое поле метоп украшено чешуйчатым орнаментом с белыми и черными точками в центре [Книпович, 1927, с. 91, табл. XI, 2; Копейкина, 1979а, с. 19, рис. 20; Крижицкий, Русяева, 1978, с. 9, рис. 9]. Переход от горла к плечикам таких амфор (АВ/76—854) украшен узким пояском язычков (рис. 20, 3). Последние выполнены в чередующемся порядке лаком и белой краской. Метопы заполнены чешуйками, середина которых украшена чередующимися в шахматном порядке точками белой краски и темного лака. Нижняя часть амфоры покрыта тремя узкими и одной широкой полосами лака. Глина светло-красная со значительной примесью блесток слюды. Лак темно-коричневый, переходящий в красный. Поверхность без обмазки, хорошо заглажена.

Некоторые из амфор с чешуйчатым орнаментом украшались силуэтной пальметтой, помещенной на горле вазы [Леви, 1972, с. 49, рис. 14, 4]. Они датируются третьей четвертью VI в. до н. э.

Чешуйчатым орнаментом украшались, помимо амфор, небольшие ойнохон, кратеры и другие сосуды, найденные на Березани и в Ольвии [Копейкина, 1979а, с. 19]. Среди них привлекает внимание уникальностью формы небольшая ритуальная амфора из Ольвии приближающаяся к остродонным [Леви, 1954, с. 335, рис. 14]. С одной стороны высокого горла помещено изображение сфинкса, на другой — вертикальные зигзаги. По плечикам проходит поясик язычков, корпус расписан чешуйчатым орнаментом; нижняя часть корпуса, переходящая в ножку, орнаментирована лепестками.

Класс Эрман. Композиция росписи сосудов этого класса подобна классу Книпович и отличается только сюжетом росписи. Для этого класса характерно помещение в центре метопы од-

ной фигуры животного (козел, лев, пантера), птиц (петух), осьминогов, фантастических существ (сирена, сфинкс). Формы сосудов разные: амфоры, ойнохон, аски. Для росписи типичен монументальный характер, скупое использование гравировки, лаконичность и выразительность рисунка, качество которого служит основанием для датировки. Наиболее ранние сосуды класса Эрман, очевидно, относятся ко второй четверти VI в. до н. э.

На сосудах закрытого типа имеются изображения пантеры, петуха, льва, козла, сфинкса, осьминогов [Копейкина, 1979а, с. 11—12, рис. 4]. Они датируются третьей четвертью VI в. до н. э. [Фармаковский, 1909, с. 122, рис. 26; 31; Waldhauer, 1929, S. 246, Abb. 4, 5; Копейкина, 1979а, с. 11]. Отметим, что аск с осьминогом из Ольвии Р. Кук относит к классу Книпович, однако сама Т. Н. Книпович, а также Л. В. Копейкина склонны относить его к группе Эрман [Книпович, 1927, с. 98; Cook, 1952, p. 137; Копейкина, 1979а, с. 16]. На сосудах самого позднего времени существования класса Эрман, обнаруженных в Ольвии и на Березани, имеются более небрежные изображения пантеры, сирены, сфинксов, крыльев [ОАК за 1913—1915, 1918, с. 30, рис. 25; Копейкина 1979а, с. 11].

Смешанный класс. К этому классу Р. Кук отнес все вазы клазоменского стиля, не соответствующие традиционным нормам и не вошедшие в перечисленные выше пять классов. Среди керамики этого класса встречаются изделия мастеров группы Нортаптон [Cook, 1965, p. 121]. К ним относятся обломки стенок от закрытого сосуда с изображением льва и быка [Книпович, 1927, с. 95, табл. XII, 1; Cook, 1952, p. 140], фрагменты амфоры с изображением лани, а также обломки стенок сосудов с изображением волот и пальметт [Копейкина, 1979а, с. 22, рис. 22; 24]. С группой Нортаптон, по-видимому, следует связать и те сосуды из Ольвии, которые группируются вокруг аска Ханенко [Книпович, 1927, с. 96—97, табл. XIII; Копейкина, 1979а, с. 22].

К шестому, смешанному, классу керамики клазоменского стиля, очевидно,

следует отнести и обломок североионийского большого закрытого сосуда (кентавра?) с изображением кентавра (АБ/80—381) (рис. 20, 4). Глина сосуда розового цвета, плотная с небольшой примесью слюды. Внешняя поверхность покрыта желтоватой обмазкой, по которой нанесена роспись красно-коричневым лаком теплого тона. Сохранилась часть фриза с изображением кентавра, обращенного вправо, с поднятой правой и согнутой левой рукой. На голове кентавра остроконечный убор. Фигура выполнена темно-коричневым лаком (сплошным силуэтом), переходящим в красный. Ее очертания и детали (глаза, нос, головной убор, левая рука, туловище коня) переданы гравировкой. Головной убор покрыт сплошным мазком пурпура, туловище коня покрыто точками белой накладной краски. Выше кентавра сохранилась часть фриза, украшенного вертикальной полосой белой краски и точками пурпура.

Итак, рассмотренная выше расписная восточногреческая керамика свидетельствует о тесных торговых связях греков Нижнего Побужья с различными центрами Ионии и, возможно, с Истрией. Не исключено и местное производство керамики. Торговые связи были прямые и опосредствованные. Однако некоторые центры, выпускавшие керамику в стиле Эфорба, полихромные килики и др., среди археологических находок в Нижнем Побужье не встречаются. Сюда доставлялась в массовом количестве ординарная посуда, но нередко поступали и высокохудожественные изделия, имеющие большое значение для изучения истории отдельных школ вазописи, формирования и развития художественных стилей.

Восточногреческая керамика второй половины VII в. до н. э. встречается на Березани в большом количестве. Очевидно, отсюда она могла транзитом перевозиться на территорию варварских племен Приднепровья, Побужья и Степного Крыма [ОАК за 1870—1871, с. 178; Онайко, 1966, с. 56, табл. I—III; Корпусова, 1980, с. 100—104]. В Ольвии расписная восточногреческая керамика получает значительное распространение с середины VI в. до н. э.

Коринфская керамика

Эта керамика нередко встречается на Березани, в Ольвии, реже на небольших поселениях [Капошина, 1956а, с. 244, 246, рис. 20; Копейкина, 1981 в, рис. 10 в; Русяева, 1968а, с. 148]. Она привлекла к себе внимание исследователей еще в дореволюционный период. Специальная работа И. Малева посвящена анализу стиля и хронологии коринфских арибаллов, найденных в Ольвии [1914, с. 83—98].

Вопросам хронологии раннекоринфских алабастров из коллекции Голубцова, найденных якобы в Ольвии, посвящены работы Б. В. Фармаковского и И. Малева [Фармаковский, 1914; Малев, 1915]. Достаточно разработанная Пэйном, Р. Куком, Йохансеном хронология коринфской вазописи [Paun, 1931; Cook, 1960], ясность в вопросе локализации ее изготовления привели к тому, что публиковались только отдельные экземпляры коринфской керамики Березани и Ольвии [Фабрициус, 1951; Книпович, 1955; Капошина, 1956а; Штительман, 1977, кат. 5, 6; 7; 8]. В результате у зарубежных авторов сложилось неверное представление о находках коринфской керамики второй половины VII в. до н. э. в Северном Причерноморье [Paun, 1931, p. 187; Cook, 1946, p. 76, 90, 91 и др.]. Оно основывается на дореволюционных публикациях первоклассных целых сосудов, приобретенных музеями у антикваров.

По справедливому мнению С. П. Борисковской, установить точное происхождение всех ранних прото- и раннекоринфских целых сосудов не представляется возможным. Вряд ли они действительно были найдены на Березани и в Ольвии [Boriskovskaja, 1967]. Кроме того, появилось ошибочное мнение о случайном, эпизодическом ввозе в Северное Причерноморье керамики из Коринфа через Милет или Афины [Шмидт, 1952, с. 247; Сидорова, 1962, с. 148]. С. П. Борисковская, опираясь на основные выводы И. Малева и новый материал, доказывает существование прямых торговых связей между колониями Северного Причерноморья и Коринфом, начиная с середины VI в.

до н. э. [Boriskovskaja, 1966: 1967, p. 426—429].

Глина коринфской керамики высокого качества, чистая, однородная, черепок хорошо обожжен. Цвет глины светлый, колеблется от желтоватого с оливковым оттенком до розовато-желтого. Обмазка поверхности коринфской керамики отсутствовала. Роспись наносилась на хорошо заглаженную поверхность сосудов коричневато-красноватым лаком, переходящим в черный цвет. Широко применялись накладные краски — белая и пурпур, использовалась гравировка. Большие сосуды украшались несколькими фризами с фигурными изображениями или орнаментом.

Декор мелких сосудов либо аналогичен большим, либо состоит из одного распластанного фигурного или орнаментального изображения. Темой росписи, выполненной в силуэтной технике, являются спокойно идущие животные (львы, пантеры, быки, кабаны, олени, козлы, бараны), птицы (гуси, совы, орлы, петухи), змеи, фантастические существа (сирены, сфинксы, грифы). Изображения людей встречаются реже. Это — воины, всадники, колесницы, комасты, свадебные шествия, пиры, мифологические сцены. Для дополнительного орнамента характерны розетки-пятна (кляксы), расчлененные гравировкой или краской.

Формы сосудов разнообразны. Типичным для них является раздутый корпус (арибаллы, алабастры, котилы (скифосы), пиксиды, кофоны, кратеры, амфоры и пр.).

Наиболее ранняя коринфская керамика обнаружена на Березани. Здесь найдена ойнохоя середины VII в. до н. э. [Копейкина, 1982, с. 31]. Однако столь ранняя находка пока единична. Сравнительно многочисленную группу составляет керамика среднекоринфского периода (конец VII — первая четверть VI в. до н. э.). Найдена она главным образом на Березани и только единичные находки первой четверти VI в. до н. э. происходят из Ольвии [Фабрициус, 1951, табл. VII, 3; X, 1; XIII, 4; Книпович, 1955, рис. 6; Капошина, 1956а, рис. 5, 3].

Керамика этого периода расписана в ориентализирующем и повествователь-

ном (чернофигурном) стиле. Это время наивысшего подъема массового керамического производства Коринфа. Для него характерны строгое сочетание коричневого лака и пурпура с желтоватым тоном в цвете глины, густой заполнительный орнамент с массивными гравированными розетками. К концу первой четверти VI в. до н. э. почти полностью исчезает дополнительный орнамент, роспись становится полихромной. Используется разбавленный красноватый и желтоватый лак в сочетании с пурпуром. Такая же роспись характерна и для более позднего периода.

В среднекоринфский период нередки круглодонные арибаллы, расписанные цветами и бутонами лотоса (конец VII в. до н. э.), [Капошина, 1956, с. 227, рис. 5, 3]. Позже, в первой четверти VI в. до н. э., арибаллы расписывались фризом из изображений воинов [Борисковская, 1974, с. 10, рис. 5]. В росписи арибалла с Березани (AB/80—103 + AB/77—351) применены гравировка, пурпур, белая краска (рис. 24, 4). Шлемы и щиты воинов подсвечены пурпуром, край щитов обозначен темно-коричневым лаком и орнаментирован точками белой краски. Кнemiды переданы гравировкой. Дно покрыто вихревым узором. В этот период подобным сюжетом расписаны и круглодонные алабастры.

Встречаются пиксиды с изображениями животных в геральдической позе, растительного орнамента, массивных гравированных розеток [Фабрициус, 1951, табл. VII, 3; X, 1; XIII, 4; Капошина, 1956а].

К этому же времени относится и котила (AB/79—279) со следами (отверстиями) ремонта (рис. 24, 3). Роспись полихромная. Темно-коричневым лаком сплошным силуэтом переданы животные, детали которых обозначены гравировкой, подсвечены пурпуром, поверхность которого нанесена жидкая белая краска. Ниже края венчика котилы проходит поясок у вертикальных волнистых линий, ниже которого помещен фигурный фриз. На нем изображены идущие навстречу друг другу козел и две пантеры. Козел обращен налево, пантеры направо и налево. На остав-

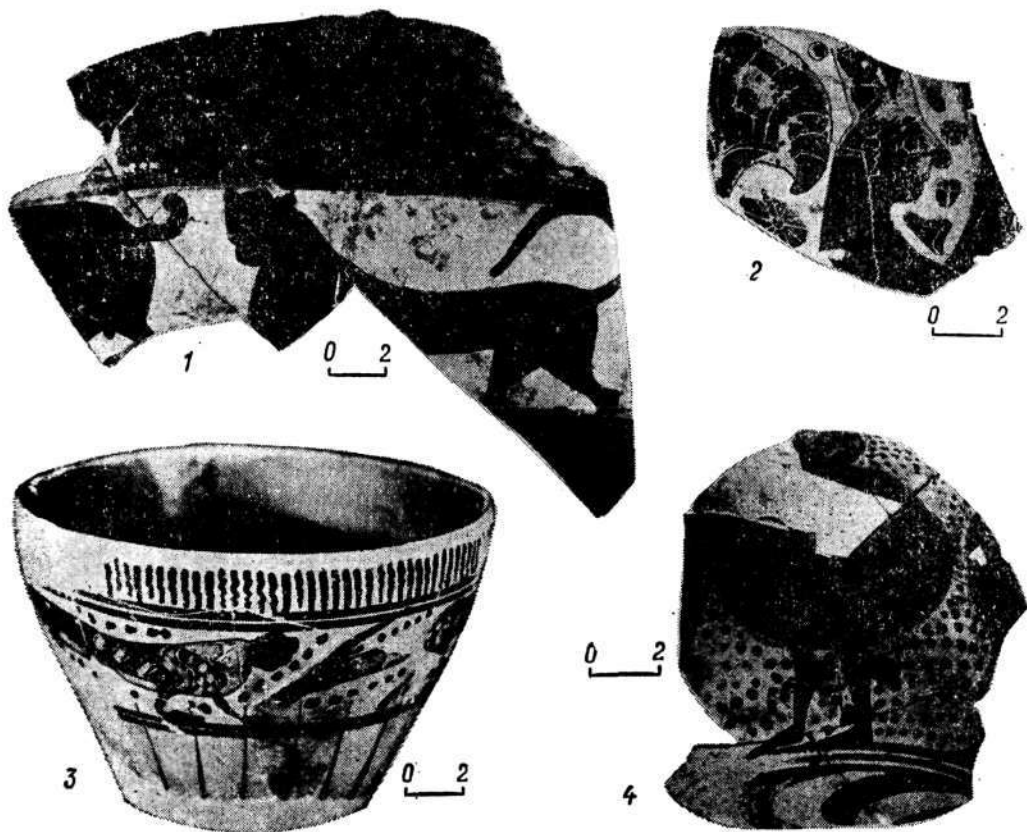

Рис. 21. Коринфская керамика. Березань.

шесмя свободном пространстве между пантерами помещена розетка. Заполнительный орнамент — в виде точек. Поверхность вазы ниже фризиса украшена корзинкой лучей. Внутренняя поверхность сосуда покрыта черным лаком, по которому отступя от края и по середине корпуса нанесены полосы пурпура.

Из больших сосудов в среднекоринфский период встречаются так называемые колонные кратеры [Boriskovskaja, p. 426], получившие распространение в первой четверти VI в. до н. э. Наиболее ранним является обломок кратера с изображением льва, пантеры, быка [Горбунова, 1969, рис. на с. 35]. На другом фрагменте колонного кратера [АБ/78—368], относящегося к концу первой четверти VI в. до н. э. помещено несколько фризисов росписи (рис. 21, 1). От верхнего, расположенного на уровне ручек, сохранилось изображение хвоста животного. На ниж-

нем, на желтоватом фоне цвета глины, изображены спокойно идущие пантеры, обращенные налево. Роспись выполнена темно-коричневым лаком, детали (шея, грудь, живот, ребра, лапы) пантеры подсвечены пурпуром. Широко применена гравировка. Заполнительный орнамент отсутствует. Ниже фризиса — полоса лака, которым покрыта и внутренняя поверхность сосуда.

Во второй четверти VI в. до н. э. роспись становится небрежнее. Воспроизводятся сюжеты более ранней росписи. К таким сосудам относится алабастр с двумя фризисами с изображением воинов со щитами и заполнительным орнаментом в виде точечных розеток [ОАМ АН УССР, 1983, с. 27, 169, рис. 44]. Горизонтальная поверхность венчика орнаментирована язычками, вертикальная — точками. Для второй четверти VI в. до н. э. характерны арибаллы различной формы. Сюжетом росписи круглодонных арибаллов является цветочный орнамент — крестовид-

ное сплетение пальметт [Boriskovskaja, 1967, p. 426, taf. 7, 3]. Встречается изображение сирены с распростертыми крыльями и повернутой влево головой (АБ/78—460; рис. 21, 2). Фигура сирены передана силуэтом, детали выделены гравировкой и подсвечены пурпуром (лицо, грудь, спина). Перья в верхней части крыла, обозначены в чередующемся порядке то лаком, то пурпуром, нанесенным поверх лака. Густой заполнительный орнамент состоит из гравированных розеток-клякс. Округлое дно украшено концентрическими кругами лака.

К этому же времени относятся плоскодонные арибаллы. Один из сосудов с изображением сирены приписывается мастеру Мюнхенской сирены, другой, с цветочным орнаментом, — изготовлен в стиле мастера Химеры [Boriskovskaja, 1967, p. 426, taf. 7, 1, 2].

На Березани найден уникальный по росписи кольцевой арибалл. Он украшен фризом из воинов со щитами. Для кольцевых арибаллов подобный сюжет был неизвестен до находки березанского сосуда [Boriskovskaja, 1967, p. 426, taf. 8, 1].

С Березани происходит и колонный кратер с яркой полихромной росписью, с фигурами и надписями [Boriskovskaja, 1967, p. 426].

Большинство коринфской керамики, найденной на территории Ольвийского полиса, относится ко второй половине VI — началу V в. до н. э. — времени наибольшего ввоза изделий Коринфа на Восток.

С третьей четверти VI в. до н. э. (позднecоринфский период) иногда копируются более ранние сюжеты, роспись ограничивается преимущественно растительным и геометрическим орнаментом. На территорию Ольвийского государства поступают арибаллы с цветочным орнаментом и розеткой [Boriskovskaja, 1967, p. 426, taf. 6, 3; p. 427; ИАК, 1914, вып. 54, с. 88], с изображением воинов со щитами.

Другая форма сосудов третьей четверти VI в. до н. э., получившая распространение на Березани и в Ольвии — широкодонные ойнохосы, украшенные линейным орнаментом. Разнообразием их являются ойнохосы с

более высоким корпусом, высокой шейкой и рельефным дном. Датируются они концом VI в. до н. э. [ОАК за 1914, с. 17, рис. 16; Boriskovskaja, 1967, p. 427, taf. 8, 2].

В Ольвии обнаружены пиксиды двух видов — на трех ножках («белого» стиля) и круглые с поднятыми ручками, украшенные линейным и цветочным орнаментом [Boriskovskaja, 1967, p. 427, taf. 9, 1, 3]. Второй позднecоринфский период (конец VI — начало V в. до н. э.) датирован не точно, так как развитие и изменение стиля вазописи этого времени с трудом поддаются определению [Boriskovskaja, 1967, p. 427]. Роспись этого времени низкого качества с линейным, геометрическим и растительным орнаментом.

Для позднecоринфского периода характерны маленькие котилы (или скифосы) с двумя горизонтальными ручками, орнаментированные поясками лака и пурпура, а под венчиком — пояском из вертикальных линий, зигзагов или косых прямых линий. Внутренняя поверхность котил полностью покрывалась черно-коричневым лаком, а поверх лака наносилась тонкая полоска пурпура [ИАК, вып. 13, с. 225; Капошина, 1956а, с. 227, рис. 5, 2, 4].

Нередко встречаются скифосы с кольцевой ножкой и прямыми стенками, нижняя часть которых украшена косыми параллельными линиями или лучами [Boriskovskaja, 1967, p. 427, taf. 10, 3]. Из других форм необходимо назвать одноручную чашечку на низкой кольцевой ножке, с округленными стенками, украшенную у края с обеих сторон поясками лака, а также пиксиду из Ольвии [Boriskovskaja, 1967, taf. 9, 2], кофоны, амфориски.

Приведенный обзор коринфской керамики, найденной на территории Ольвийского государства, свидетельствует о том, что уже с VII в. до н. э. она импортировалась на Березань, а позднее в Ольвию. Особенной популярностью пользовалась у жителей Нижнего Побужья начиная с середины VI в. до н. э. коринфская керамика разнообразного ассортимента и качества. Наряду с характерными формами встречаются очень редкие. Среди сосудов, расписанных безмянными рисоваль-

щиками, выделяются изделия известных мастеров росписи коринфской керамики.

Аттическая керамика

Среди вещественного материала архаического периода значительное место занимает аттическая чернофигурная керамика. Она появилась в начале VI в. до н. э. и на протяжении столетия составляет одну из массовых категорий находок в жилых комплексах и культурных слоях Березани, Ольвии, поселений вдоль Днепро-Бугского и Березанского лиманов.

Несмотря на массовость материала, его богатство и разнообразие, до сих пор отсутствуют обобщающие работы не только по чернофигурной керамике Северного Причерноморья, но и отдельным ее центрам, в частности, Ольвии, Березани и других поселений хоры. Лакуну отчасти заполняют разнохарактерные работы исследователей, производивших раскопки на территории названных центров.

Исчерпывающей полнотой отличаются исследования чернофигурной керамики В. М. Скудной. Одна из ее работ посвящена классификации и датировке чернофигурных лекифов из некрополя Ольвии [1958], другая — содержит краткую характеристику чернофигурных киликов Березани [1955].

Некоторые обобщения, касающиеся взаимосвязей Северного Причерноморья и Березанского поселения, в частности, с Афинами, художественной и хронологической характеристики комплекса чернофигурной керамики одного из участков Березанского поселения, представлены в содержательной и высококвалифицированной работе К. С. Горбуновой [1982]. Основное внимание уделено автором уникальным образцам керамики, расписанной выдающимися греческими вазописцами.

Кроме того, имеется серия статей, посвященных отдельным, наиболее известным в художественном отношении памятникам Березани. В основном, это работы К. С. Горбуновой о кратере Лидоса [1964], о килике с комастами [1970], о чашах Тлесона [1976] и др. Чернофигурной керамике Березани,

идентификации отдельных ее образцов посвящены изыскания А. М. Тарадаш [Тарадаш, 1972; Горбунова, 1982, с. 39].

Комплекс чернофигурной керамики теменоса и агоры вкратце охарактеризован в работах Е. И. Леви [1964; 1972]. Необходимо отметить и работу И. Ю. Шауба, посвященную одной из групп массового, рядового материала из раскопок теменоса и агоры Ольвии [1979].

Краткие сведения о чернофигурной керамике содержатся в ряде общих работ. К их числу относятся статьи и рукописные отчеты, хранящиеся в архивах Института археологии АН УССР и Государственного Эрмитажа: К. С. Горбуновой, Л. В. Колейкиной, Е. И. Леви, Т. Н. Книпович, Ю. И. Козуб, Н. А. Лейпунской, С. Д. Крыжичко, А. С. Русяевой, А. В. Буракова, С. Б. Буйских, В. М. Отрешко. Назовем также работы В. М. Скудной по архаическим некрополям Ольвии и Березани, хранящиеся в архиве Государственного Эрмитажа. В них содержатся данные о чернофигурной керамике как части комплексов вещественного материала этих памятников. Подробная характеристика включает датировки на основе широкого круга аналогий, описание форм и росписей сосудов.

Классификация чернофигурной керамики Нижнего Побужья, представленная в данном разделе, основана на хронологическом принципе. Керамика рассматривается по формам и манере росписи сосудов в пределах нескольких временных периодов.

Аттическая керамика чернофигурного стиля поступала в Северное Причерноморье с начала VI в. до н. э. В первой четверти VI в. до н. э. эти связи были спорадическими, так как Афины в области экономики только выходили на широкую международную арену и по размаху производственно-торговой деятельности заметно уступали ионийским центрам, да и контрагентом в Северном Понте могло выступать лишь небольшое Березанское поселение. Этим и объясняется немногочисленность, единичность фрагментов аттической чернофигурной керамики начала VI в. до н. э. в слоях Березанского поселе-

ния. Находки представлены древнейшими образцами ваз чернофигурного стиля, поэтому сложилось мнение о случайных, опосредствованных связях Березани с Афинами в указанный период [Горбунова, 1982, с. 36].

Ранние экземпляры представлены незначительной группой из раскопок Э. Р. Штерна [Горбунова, 1982, с. 36]. Среди древнейших форм чернофигурной керамики в Северном Причерноморье известны амфоры и динос. Они сохранились в сильно фрагментированном состоянии; от диноса осталась только высокая подставка. И тем не менее этот фрагмент представляет значительный интерес, так как является уникальным экземпляром для нашей территории [Скуднова, 1957а, с. 48]. Три фрагмента — два от закрытого сосуда типа амфоры и упомянутая подставка диноса — стали объектом специального исследования В. М. Скудновой, определявшей принадлежность росписи на них аттическому мастеру Софилосу [1957а, с. 48—49]. Это чрезвычайно интересно не только потому, что в Северном Причерноморье отсутствуют изделия этого мастера, но и потому, что имя Софилоса было первым среди имен аттических вазописцев, известных по подписям на сосудах. В художественной манере Софилоса прослеживаются некоторые черты предыдущего периода, для которого характерен ковровый стиль. Так, животные изображались им крупно и помещались в горизонтальные пояса и медальоны. Свободное пространство щедро заполнялось элементом коврового орнамента — розетками. Для росписи использовался пурпур, широко применялась резьба. Резные линии подчеркивали мускулатуру животных, очень выразительно выделяя глаза, нос, уши, гривы. На одном из фрагментов амфоры изображен лев, присевший на задние лапы, на другом — кабан с закрученным хвостом.

Подставка диноса, найденная в комплексе одного из погребальных кострищ, расписана тремя поясами: в верхнем — помещена пантера, в среднем — козел, в нижнем — идущие друг за другом гуси в оборотительной позе — с пригнутыми головами. Д. Бизли

высказал мнение, поддержанное В. М. Скудновой, что Софилос не был первоклассным рисовальщиком, хотя его рисунки не лишены выразительности и экспрессивности [Beazley, 1956, S. 37—38; Скуднова, 1957а, с. 49]. На основании сходства росписей березанских фрагментов с ранними работами Софилоса, В. М. Скуднова датировала их началом VI в. до н. э. [1957а, с. 49].

Второй хронологический этап (вторая четверть VI в. до н. э.) ознаменовался окончательной победой чернофигурного стиля. Прежний декоративный стиль заменяется изобразительным. Четко выделяется центральное место — медальон, на лицевой стороне вазы или на внутренней части дна открытых сосудов.

Меняются и сюжеты росписей: вместо изображений животных главным действующим лицом становится человек и его занятия. Изображения отдельных фигур значительно реже занимают вазописцев, предпочитавших сцены из мифологии, эпоса, повседневной жизни. Выпуск чернофигурной продукции Атики становится более интенсивным.

Во второй четверти VI в. до н. э. привоз чернофигурных ваз в Северное Причерноморье заметно увеличивается. На Березани возрастает количество находок их фрагментов, хотя по-прежнему высок процент продукции ионийских центров. Комплекс чернофигурной керамики, второй четверти VI в. до н. э. из Березанского поселения не дает оснований для однозначной характеристики торговых связей Северного Причерноморья с Афинами в этот ранний период. По мнению некоторых исследователей, именно к этому времени следует относить начало ввоза аттической продукции в северопричерноморский регион [Скуднова, 1955, с. 37; Книпович, 1955, с. 361; Леви, 1972, с. 52]. На основании изучения комплекса березанской керамики А. М. Тарадань пришла к выводу о том, что именно в это время Афины впервые начали осваивать Северное Причерноморье как рынок сбыта [1972, с. 213—214]. К. С. Горбунова считала, что регулярный ввоз из Афин в это время еще отсутствовал, а связи были единичными и непрямыми [1982, с. 40].

Во второй четверти VI в. до н. э. на Березань и в Ольвию начали поступать сосуды значительно более высокого качества [Скудинова, 1955, с. 37]. Известна керамика различного художественного достоинства. Наряду с рядовыми изделиями для широкого употребления сюда попадали и произведения выдающихся художников Аттики. Фрагменты высокохудожественных сосудов найдены не только на Березани, но и в Ольвии, где они являлись большой редкостью.

В этот период расширяется ассортимент форм сосудов, поступивших в Северное Причерноморье: декоративные амфоры, кратеры, диносы, кувшины, келики, чаши и леканы. Среди амфор наибольшее распространение получила форма, известная под названием Неск-амфора [Beazley, 1956, с. 91]. Корпус таких амфор плавный, округлый, с эхинообразным венчиком, невысоким прямым горлом. Ручки круглые в сечении поставлены вертикально. Корпус яйцевидной формы, сужающийся книзу с невысокой подставкой в виде трапеции.

Эти амфоры, найденные на березанском поселении, явились предметом специального исследования. Они являются типичными образцами амфор данной группы с традиционными орнаментальными мотивами росписи. Одна из них реставрирована почти полностью [Копейкина, 1982, с. 39—41]. На ее горле с двух сторон помещены эмблемы в виде цветка лотоса и пальметт. На плечиках — ожерелье из лепесткового орнамента, выполненного лаком и пурпуром. В центре корпуса, на его лицевой стороне, изображены два сражающихся пешеходных воина и всадник. Голова одного из пешеходных воинов защищена шлемом с высоким гребнем; фигуры обнажены. По предложению Л. В. Копейкиной, это сцена из троянского цикла гомеровского эпоса [1982, с. 40]. На тыльной стороне амфоры изображены пантера и сирена в геральдической позе. Голова сирены повернута в профиль, тогда как крылья переданы анфас. Детали рисунка намечены весьма скупо с помощью лаконичной гравировки. В то же время довольно широко использованы пурпур и белая краска.

Нижняя часть корпуса украшена

корзинкой лучей. Стиль исполнения рисунка (одновременно декоративный и экспрессивный) дал возможность отнести эту амфору к ordinарным работам так называемого Лондонского мастера В76 [Копейкина, 1982, с. 41]. Кругу изделий этого же мастера приписывается фрагмент чернофигурной амфоры с изображением женщины, стоящей между двумя сфинксами [Горбунова, 1982, с. 36]. Прямо над головами фигур, на плечах сосуда нанесен лепестковый орнамент, обрамленный тонкими полосками черного лака. Лица фигур покрыты белой краской. Одежда женщины и крылья сфинксов закрашены пурпуром. Цветовую гамму дополняли различные оттенки лака — от золотистого до темно-коричневого. Весьма скупо применена гравировка. Фигуры непропорциональны, очень схематичны, что характерно для росписи второй четверти VI в. до н. э. [Горбунова, 1982, с. 36].

Амфоры описываемой группы представлены фрагментами найденными на агоре в Ольвии. Один из них является фрагментом стенки амфоры [Леви, 1972, с. 49—51]. Сохранилась часть росписи, помещенной в прямоугольном медальоне лицевой стороны корпуса. Это очень распространенный в раннеаттической живописи сюжет — голова коня. Детали рисунка выполнены гравировкой и пурпуром. На основании сравнений с датированными вазами собраний Нью-Йорка, Лувра, Дрездена этот фрагмент отнесен к первой половине VI в. до н. э. [Леви, 1972, с. 51].

Второй обломок еще более фрагментарен [Леви, 1964а, с. 163—164, рис. 37]. Сохранилась только часть изображения льва с роскошной гривой, переданной пурпурными лучами. В росписи широко применена резьба, пурпур, белая краска. Ухо льва изображено в виде листа, кроме гривы пурпуром выделен зрачок; углы глаз и зубы переданы белой краской.

К группе Неск-амфор раннего периода, по-видимому, следует отнести чернофигурную амфору № 59 из коллекции А. Фогеля* [1908, с. 10, tabl. II,

* Коллекция А. Фогеля, вероятнее всего, состоит из предметов Ольвийского некрополя, хотя точных указаний на этот счет нет.

7]. Амфора плавных очертаний, высотой около 42 см. На лицевой стороне изображен Геракл, убивающий коленопреклоненную амазонку. По обе стороны фигур — изображения юноши и женщины. На тыльной стороне — Аякс с поднятым мечом перед Кассандрой, по бокам — фигуры голятов. Нижняя часть корпуса украшена лучами. Датируются эти амфоры столь ранним временем на основании манеры росписи, выполненной в схеме коленопреклоненного бега и формы сосуда, повторяющей березанский.

Форма кувшина, датированного концом второй четверти VI в. до н. э. [Горбунова, 1982, с. 37, 39], напоминает очертания корпуса вышеописанных амфор. Два больших фрагмента кувшина найдены в колодце Березанского поселения. На одном из них представлена фигура льва, на другом — часть сирены. Роспись захватывала корпус и покатые плечи сосуда. Над фигурными изображениями, по плечам, шел ряд розеток, папомпнавших розетки дополнительного орнамента наиболее ранних чернофигурных ваз. В рисунке широко применены пурпур и резьба. Пурпуром подкрашены не только фигуры, но и лепестки розеток.

Один из наиболее ранних аттических кратеров, найденных в слоях Березанского поселения сохранился фрагментарно. От него осталось два обломка с изображением пляшущих комастов. В рисунке в изобилии применен плотный пурпур, покрывавший тела комастов, и только отдельные детали прочерчены гравировкой. Особенности росписи и жестов фигур позволили отнести описываемый сосуд к работам мастера сосудов группы комастов 570—560 гг. до н. э. [Горбунова, 1982, с. 37].

Замечательным образцом этого периода можно считать фрагмент большого кратера или диноса с крупными идущими фигурами [Горбунова, 1982, с. 40, рис. 26]. Хорошо сохранилась верхняя часть мужской фигуры, одетой в белый хитон и пурпурный плащ. Поверх лака лицо и шея мужчины покрыты пурпуром. Некоторые детали подчеркнуты гравировкой. Изобразительные приемы росписи, с одной стороны, близки работам Мастера акро-

польского диноса № 606, а с другой — приемам Клития, что позволило весьма точно датировать сосуд временем около 570 г. до н. э. [Горбунова, 1982, с. 40]. Еще один обломок стенки кратера с изображением части бегущей женской фигуры также найден на Березанском поселении и датирован автором раскопок первой половиной VI в. до н. э. [Копейкина, 1979а, с. 9, рис. 38].

Фрагменты высокохудожественного большого кратера найдены в Ольвии, в прослойке слоевого основания, ограничивавшей с юга район агоры [Горбунова, 1964, с. 297—301]. Кратер относится к типу *column-craters*: шаровидный, сужающийся ко дну корпус, невысокое прямое горло с двумя ручками, над которыми помещены плоские выступы («пластины»). Основание сосуда оканчивалось довольно высокой ножкой на кольцевой подставке. Кратер был расписан выдающимся аттическим вазописцем середины VI в. до н. э. Лидосом. Кроме того, кратер является одним из лучших произведений художника и относится к периоду расцвета его творчества — концу первой половины VI в. до н. э. [Горбунова, 1964, с. 300—301].

Для мастера свойственно сочетание четкости силуэтов с тонкой гравировкой и широким применением пурпура. Прежде всего в росписи этого монументального сосуда обращает на себя внимание рисунок на пластинах под ручками. На одной из них, дошедшей до наших дней, помещен портрет бородастого мужчины (рис. 22, б). Лицо повернуто в профиль, плечи — в фас. Линия профиля очень четкая, что свидетельствует о высоком мастерстве рисовальщика. Волосы прически и борода переданы толстым слоем пурпура, нанесенным по черному лаку. На основании остальных фрагментов выяснилось, что по плечам кратера был нанесен пояс из чередующихся пурпурных и чернолаковых лепестков, а на корпусе помещено изображение лошадей и длинноволосого юноши. По-видимому, художник изобразил многофигурную композицию. Нижняя часть сосуда украшена традиционной для раннего времени корзинкой лучей.

К работам Лидоса или художников

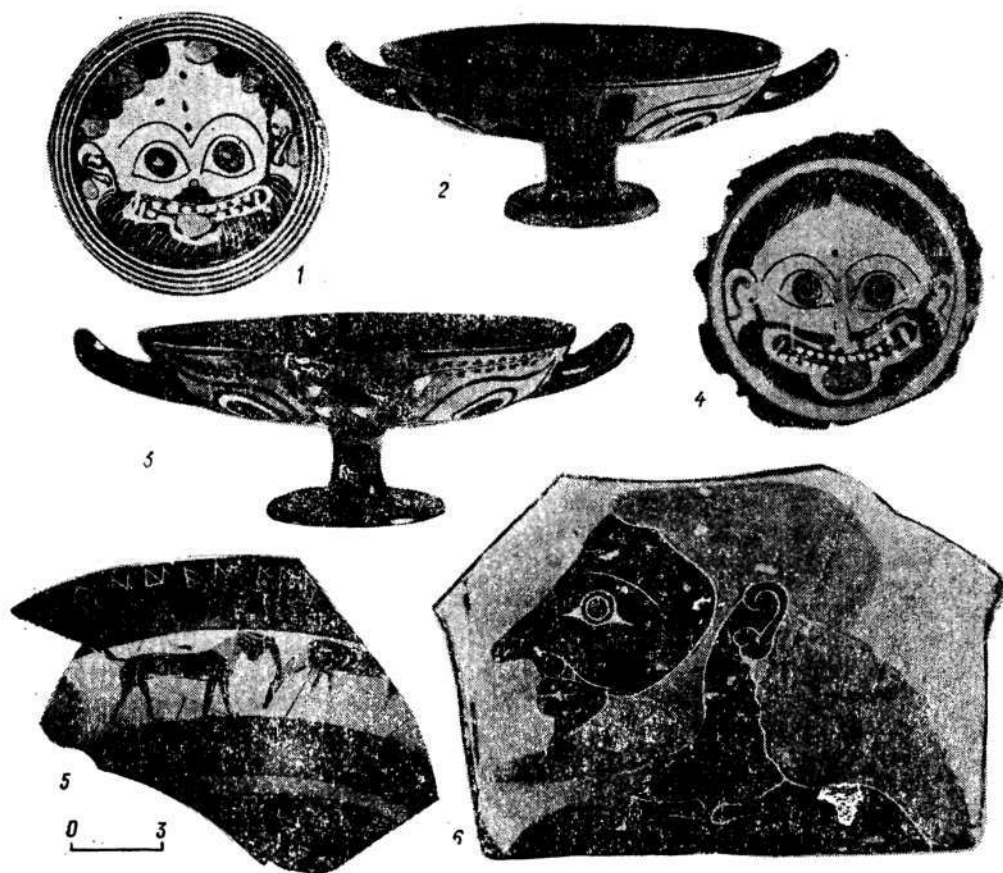

Рис. 22. Аттическая чернофигурная керамика.

его круга относят и ряд обломков, найденных на Березани. Один из них от большого сосуда типа кратера или диноса украшен изображением большой сирены. Рисунку присуща богатая цветовая гамма: лицо сирены белое, крыло пурпурное, прорись черным лаком по белой краске, для обозначения некоторых деталей применена резьба. Фрагмент датируется 560—550 гг. до н. э. [Горбунова, 1982, с. 40].

К описываемой категории относится несколько обломков крышек лекап [Горбунова, 1982, с. 39] с изображениями пантер и сирен. С именем Лидоса связывается рисунок бородатой головы в медальоне березанского килика [Тарадаш, 1972, с. 213].

Килики и их фрагменты составляют одну из многочисленных категорий находок в архаических комплексах Северного Причерноморья. Характерной фор-

мой аттического килика второй четверти VI в. до н. э. является более или менее глубокая тонкостенная чаша округлых плавных очертаний с мягко отогнутым венчиком на высокой подставке и изящном кольцевом основании. Ручки очень плавных очертаний едва возвышались над краем чаши. Обычный мотив росписи — следующие друг за другом фигуры: людей, всадников, комастов.

Выделяется группа киликов, принадлежащих к так называемому типу чаш Сиана. Характерной для этой группы является роспись с изображением довольно крупных фигур, захватывавших пространство не только верхней части корпуса чаши, но и ее венчика. Большинство находок происходит из Березанского поселения [Скудная, 1955, с. 35—37]. Один из фрагментов такого килика украшен изображением шествия мужчин и юношей. На мужчинах белые хитоны и пурпурные плащи,

юноши одеты только в короткие плащи. Известная статичность передает ритм неторопливо идущих фигур.

Многофигурная сюжетная композиция представлена на фрагментах другого килика этого же типа [Скуднова, 1955, с. 35]. Здесь изображены три бегущие женщины, за ними — мужская фигура в узорчатом хитоне и воин в шлеме и с копьём в поднятой руке. Над ручкой килика, между воином и женщиной в хитоне — летящая птица. Под ручкой — изображен алтарь, украшенный шахматным орнаментом. Вазописец умело передал экспрессию фигур. Обильное применение пурпура (одежда женщины, тэния на голове мужчины, шлем воина и кайма на верхней плоскости алтаря), белая краска, гравировка, придают красочность и выразительность картине. Правда, художественные достоинства росписи несколько снижены не безупречной композицией рисунка. Так, часть алтаря и мужской фигуры зрительно закрыты основаниями ручек. К описываемой группе отнесены еще четыре мелких фрагмента с изображением воинов в боевых доспехах и Афины.

Роспись на фрагментах выполнена одним мастером, условно обозначенным буквой «С» [Скуднова, 1955, с. 37]. Художник работал в Афинах во второй четверти VI в. до н. э., выделяясь среди других мастеров своеобразной художественной манерой.

Уникальным образцом группы ваз с комастами типа чаш Сиана является прекрасный фрагмент килика, найденный в 1966 г. в одном из жилых комплексов Березанского поселения [Горбунова, 1967, с. 207; Горбунова, 1970, с. 199—201]. Килик представлял собой глубокую полусферическую чашу на невысокой, но широкой подставке. Слегка отогнутый венчик обрамлен полосами черного лака. Венчик украшен широкими поставленными небрежно выполненными розетками. Корпус чаши украшен фигурами пляшущих комастов. Нижняя часть сосуда расписана лучами. Рисунок выполнен уверенной рукой мастера, свободно и легко владеющего принципом построения, силуэтным изображением, тонкой гравировкой. Пурпур применен в виде наклад-

ной краски — им покрыты грудь и шея персонажей поверх черного лака.

Березанский килик выполнен одним из наиболее талантливых мастеров этой группы, условно названным Мастером копенгагенской чаши 103 [Горбунова, 1970, с. 200]. Килик является третьим идентифицированным произведением этого вазописца и датируется второй четвертью VI в. до н. э.

Вторая половина VI в. до н. э. является временем более тесных и бесспорно непосредственных связей Афин с Северным Причерноморьем. В этот период партии чернофигурной керамики поступают сюда довольно регулярно [Горбунова, 1982, с. 40]. Прежде всего, сказанное относится к Березанскому поселению, для которого третья четверть VI в. до н. э. была временем наибольших контактов с афинскими мастерскими.

В середине VI в. до н. э. на арену выходит Ольвия, и чернофигурная керамика становится обязательным компонентом комплексов как самой Ольвии, так и ее хоры. Более того, если в конце VI в. до н. э. связи Афин с Березанским поселением ослабевают, то они интенсифицируются в отношении Ольвии. В это время наряду с обычными сосудами, сюда поступают изделия, расписанные замечательными художниками переходного периода от чернофигурного к краснофигурному стилю.

Для второй половины VI в. до н. э. характерно разнообразие форм сосудов. В чернофигурной технике расписывались практически все формы античной керамики от наиболее распространенных киликов и лекифов до таких редких образцов, как оносы. В третьей четверти VI в. до н. э. преобладали мелкие формы сосудов. Среди них первое место по разнообразию и численности занимали килики, особенно популярны были килики на высокой ножке с более или менее глубокой чашей. Во второй половине VI в. до н. э. появляется тенденция к понижению ножки — она становится более широкой и приземистой.

В 40—30-х годах VI в. до н. э. особой популярностью пользовались так называемые мелкофигурные килики, украшенные миниатюрными изображения-

ми, помещенными во фризе на венчике или под ним, опоясывавшем весь сосуд. Мотивы росписи разнообразны. Прежде всего животные — олень, лань, козел, лев, петух, курица, лебедь; мифологические существа — кентавр, сфинкс, сатир, сирена; люди — шествующие, бегущие, стоящие, а также всадники. Изредка представлены многофигурные композиции на мифологические и гомеровские сюжеты.

Фрагменты мелкофигурных киликов в большом количестве найдены на поселении и некрополе о. Березань [Горбунова, 1966, с. 19; Горбунова, 1967, с. 207; Горбунова, Копейкина, 1972, с. 212; Копейкина, 1968а, 1979, с. 3—5]. Нередко встречаются они в Ольвии [Левин, 1964а, с. 151, 159] и на территории ее хоры, в частности на поселении возле с. Черноморка.

Наиболее известным мастером миниатюристом, оказавшим влияние на многих художников, был Тлесон. Килики с росписью Тлесона и вазописцев его круга весьма многочисленны на Березани не только в слоях и комплексах поселения, но и в некрополе. Встречены они и в Ольвии [Левин, 1964а, с. 151, 159; Горбунова, 1976, с. 94—96; Горбунова, 1982, с. 40—41]. Лучшие образцы работ Тлесона представлены на Березани [Горбунова, 1976, с. 94—95]. Это роспись на венчике килика, изображающая скачущие фигуры козла и кентавра. Нельзя не согласиться с выводом автора, издавшего их, что рисунки являются подлинными шедеврами древней графики [Горбунова, 1976, с. 95]. Изысканность и изящество, гармоничность, мастерство передачи динамики движения, прекрасный и тонкий рисунок с тончайшей гравировкой, умелое сочетание цветов путем нанесения на черный лак пурпура и белой накладной краски в виде листьев плюща составляют характерные особенности живописной манеры Тлесона.

Из раскопок Березани происходит и килик, подписанный Тлесоном [Скуднова, 1957, с. 45], а также несколько фрагментов с частично сохранившейся подписью или задравной надписью [Горбунова, 1976, с. 95]. Этому же мастеру приписывают и килики, украшенные орнаментальной или сюжетной

росписью под ручками сосуда [Горбунова, 1976, с. 95]. Один из таких киликов найден в могиле № 444 березанского некрополя [Скуднова, ф. 17, № 69, с. 40]. По обеим сторонам килика, возле ручек, помещено изображение бегущего юноши с плащом в руке.

Очевидно, мастерской одного из последователей Тлесона принадлежит большой фрагмент мелкофигурного килика из раскопок Березанского поселения 1976 г. (АБ/76—787). На фризе изображены животные: пантера, стоящая в профиль, голова которой повернута анфас, перед ней — пасущаяся лань (рис. 22, 5) с грациозно склоненной к земле головой. Возле основания ручек — небольшие пальметты. Фигуры крупнее, чем на рисунках предыдущего мастера. Расцветка животных подчеркнута тонкими мазками белой, местами прозрачной краски. Пурпуром подчеркнуты мускулы и полностью закрашены шеи животных. Гравировкой намечены брови, надбровья, уши, очертания головы. Хвост пантеры высоко поднят и на конце закручен спиралью. Очень тонкой резьбой прочерчены детали головы и мускулы туловища лани. Пальметта с большой, закрашенной пурпуром сердцевинной частью состояла из чередующихся пурпурных и чернолаковых лепестков. Отмеченные особенности и изящество рисунка позволяют отнести этот сосуд к началу последней трети VI в. до н. э. Несколько более поздним, по-видимому, является фрагмент березанского килика с изображением человеческих фигур [Горбунова, 1982, с. 41].

Среди мелкофигурных киликов Березани и Ольвии встречались и так называемые чаши круга Гермогена с характерным орнаментом по краю венчика в виде гирлянды из плюща [Горбунова, 1982, с. 40—41]. Чередующиеся пурпурные и чернолаковые листья плюща изображены на вертикально стоящих стебельках. Описываемые килики датируются третьей четвертью VI в. до н. э.

В районе теменоса Ольвии найдены обломки мелкофигурного килика с изображением протомы Афины и сигнатурой мастера Саконида [Левин, Марченко и др., 1975, с. 314]. Таким образом,

становятся очевидными многообразие и многочисленность мелкофигурных киликов.

В последней трети VI в. до н. э. на киликах и сосудах других форм наиболее распространены изображения апотропеев в виде пары больших глаз, маски Медузы Горгоны, сфинксов. Эти изображения перешли и в краснофигурную технику начала V в. до н. э. Для росписи киликов с изображением глаз характерно разнообразие сюжетов и различный стиль исполнения.

Примером раннего образца такого килика является сосуд из раскопок Б. В. Фармаковского в Ольвии в 1905 г. Корпус килика полностью занят крупным изображением воина со щитом и копьем. Фигура повернута влево и помещена между апотропеями. Над воином птица — с распростертыми крыльями, напоминающая сокола. Изображения по обеим сторонам килика изображения идентичные; тыльная сторона определяется более небрежным рисунком некоторых деталей.

Килики с «глазами» в значительных количествах поступали и на Березань. Особенно ярко апотропеическое значение росписи прослеживается на киликах, корпус которых снаружи украшен изображением больших глаз в сочетании с виноградной лозой, фигурными изображениями (рис. 22, 2, 3). На внутренних медальонах — маска Медузы Горгоны [Горбунова, 1982, с. 45] (рис. 22, 1). Находки горгонейонов этого типа известны и в Ольвии. Большой выразительностью и богатством изобразительных средств отличается горгонейон на дне килика, найденный за пределами Ольвии, на территории некрополя [Козуб, 1982/23а, с. 5] (рис. 22, 4). Приведенные фрагменты дают возможность проследить изменения изобразительных средств и манеры передачи образа Горгоны на протяжении последней трети VI — начале V в. до н. э. (рис. 22, 1, 4).

Сфинкс — демон потустороннего мира и в то же время защитник от его губительного влияния пользовался в Ольвии особым почтением. Во всяком случае, именно в Ольвии найдено наибольшее количество керамики с изображением сфинкса [Шауб, 1979, с. 65].

Сфинксов рисовали на наружной стороне чаш киликов и во внутренних медальонах. При раскопках темениса найдена целая серия сосудов с их изображениями. От одного килика, датированного 520 г. до н. э., сохранился почти полностью медальон. В росписи применена гравировка. Фигуры сфинксов фланкировали изображения внешней стороны большого килика второй половины VI в. до н. э., найденного в раздавленном виде на полу ольвийской полуземлянки № 5 [Крыжидкий, Руслева, 1978, с. 6, 8] (рис. 23, 1). Широкий фриз с обеих сторон этого килика заполнен эпизодом битвы Троянского цикла. Многофигурная композиция состояла как бы из трех групп: двух сражающихся пеших воинов, воина, направившего копье на колесничего, управляющего квадригой, воина, наносящего удар кому-то, находившемуся за колесницей. Живопись изображения, прекрасная передача динамики движения контрастируют со статичными фигурами сфинксов, помещенных у основания ручек. Художником широко использована гравировка, являющаяся одним из главных выразительных средств. На основании родоских аналогий килик датирован 530—520 гг. до н. э. [Grygitsky, Roussiaeva, 1980, p. 75] и входит в группу Родоса 12264 по классификации Дж. Бизли. Килик также относится и к категории мелкофигурных, хотя изображения на нем намного крупнее рисунков Тлесона. Древнейшие изображения сфинксов в ольвийском материале представлены на стенке кратера 40-х годов VI в. до н. э. и на фрагменте крышки леканы [Шауб, 1979, с. 60].

Во второй половине VI в. до н. э. сложилась форма скифоса. Глубокие чаши, найденные на Березанском поселении [Горбунова, 1982, с. 45, 47], являются как бы переходной формой от килика к скифосу. Это глубокий сосуд на очень низкой ножке и кольцевой подставке, характерной для киликов конца VI в. до н. э. Венчик плавно отогнут. На поверхности чаши изображены маски Медузы Горгоны, умело вписанное в широкий фриз, занимающий почти все пространство сосуда (рис. 23, 4). В рисунке четко просле-

Рис. 23. Аттическая чернофигурная керамика.

живаются следы архаизации: пряди волос, в виде чередующихся локонов пурпура и черного лака, круглые глаза, обрамленные тонкими кругами белой краски, наведены полосками пурпура. Широко открытый рот обнажает крупные белые зубы с клыками, борода и усы нанесены черным лаком. По сторонам маски размещены пальметты, переданные небрежно, что подчеркивает принадлежность этих сосудов к последним десятилетиям VI в. до н. э. Эти скифосы были расписаны первоклассным мастером-архаистом [Горбунова, 1982, с. 48].

Серия чернофигурных скифосов второй половины VI в. до н. э. найдена на теменосе и агоре Ольвии. Это глупо-

бокие тонкостенные чаши со слегка отогнутыми небольшими венчиками, сужающимися к основанию, на тонкой кольцевой подставке. Ручки тонкие, подняты немного выше уровня венчика, очень похожи на ручки киликов. Обычно роспись помещена в очень широком фризе, опоясывавшем сосуд. Многие из них расписаны многофигурными композициями с изображением сфинкса. В зависимости от стилистических особенностей росписи И. Ю. Шауб выделил три группы скифосов, относящихся к заключительному периоду архаики: 10-е годы VI — начало V в. до н. э.

К группе А отнесены сосуды, росписи которых присущи такие элементы, как четкость изображения, обильное и аккуратное применение гравировки,

пурпура и белой краски; крылья сфинксов — серновидных очертаний. Эти сосуды датированы 10-ми годами VI в. до н. э. [Шауб, 1979, с. 61].

Группа Б имеет менее аккуратное изображение фигур, резьба скупер, пурпура мало, он положен на крылья сфинксов в виде отдельных пятен. Крылья сфинксов изображены более аморфно. Такая роспись характерна для времени около 500-х годов до н. э. [Там же].

К группе В отнесены скифосы с небрежным исполнением росписи. Белая краска уже не употребляется. Гравировка также весьма схематична и небрежна, полосы или пятна пурпура, предназначавшиеся для передачи деталей одежды, оперения сфинксов, выходят за пределы изображения. Группа В относится к рубежу VI—V и началу V в. до н. э. [Там же].

Таким образом, на примере скифосов с изображениями сфинксов можно проследить деградацию стиля в целом и отчасти исполнения этого мотива, в частности, к V в. до н. э.

В этом же комплексе обнаружены обломки скифосов, выделенных Дж. Биэли по главным сюжетам их росписи в группу СНС [Шауб, 1979, с. 61—64; 1956, с. 617—623]. К описываемой группе относилось и несколько обломков киликов. Их росписи представляли собой сцены дionисийских праздников, амазономахии в окружении фигур сфинксов.

Во второй половине VI в. до н. э. одной из наиболее популярных форм становится лекиф, применявшийся как в быту (туалетные сосуды для хранения благовоний и различных масел), так и в погребальном культе. Они были необходимой принадлежностью каждого захоронения: в лекифах приносили жертвенное оливковое масло. Большинство аттических чернофигурных лекифов представляли собой предметы массового производства. Они отличались небольшими размерами — от 13 до 20 см высотой и невысоким качеством художественного оформления.

Для этого периода характерной формой являлись так называемые лекифы с плечиками [Naspels, 1936, с. 131—146]. Специальная разработка, посвя-

щенная архаическим лекифам из некрополя Ольвии, принадлежит В. М. Скудной [1958, с. 113—130]. Все эти лекифы представляют собой образцы массовой ординарной продукции аттических мастерских. Соответствует и роспись: очень простая, скромная, выполненная не знаменитыми мастерами, а обычными ремесленниками. В основу предложенной В. М. Скудной классификации положена форма сосуда и стиль росписи лекифов. По форме все лекифы разделены на четыре группы.

Лекифы первой группы с очень широким корпусом в верхней части и плавными покатыми плечиками. Короткое горло незаметно переходит растробом в венчик в виде небольшой чашечки с отогнутым краем. Горло отделено от плечиков тонким ребром, покрытым пурпурным пояском. Толстая ручка отходит от середины плечиков, которые украшены изображениями двух человеческих фигур в плащах, обращенных лицом к большой пальметте, помещенной между ними. Пальметта состоит из пяти длинных чередующихся лепестков, три из которых чернолаковые и два пурпурные.

Под нижними лепестками — по два кольца, нанесенные черным лаком с белой точкой в центре. Сюжеты рисунков на корпусе однообразны: воин среди фигур в плащах, сцена боя, бегущий юноша. Композиция состоит из отдельных четырех-пяти фигур, зачастую не связанных сюжетно. По бокам рисунка обычно помещены фигуры в плащах, как бы замыкающие композицию. Рисунок не четкий, некоторые детали переданы пурпуром, гравировка бедная. По мнению В. М. Скудной, общие черты в композиционных и изобразительных решениях росписей этих лекифов позволяют определить их принадлежность к одной мастерской, где мастера работали в присущей каждому из них манере [Скудная, 1958, с. 118]. Время существования этой мастерской определялось 540—530 гг. до н. э. [Там же, с. 119].

Ко второй группе лекифов отнесены сосуды, близкие по форме к цилиндрическим лекифам. У них несколько суженный корпус, сильно скошенный к эхиновидной подставке. Горизонталь-

ные плечики отделены от корпуса четкой гранью. Горло более узкое и высокое, переходит в чашевидный венчик, характерный и для первой группы. Орнамент стандартный и однообразный. Плечики украшены трехлепестковой пальметтой, помещенной между крупными листьями плюща. Роспись в незначительной мере варьирует один и тот же мотив: бегущий обнаженный юноша, по обеим сторонам которого — фигуры мужчин в плащах. По мнению В. М. Скудной, это фигуры судей во время состязаний [1958, с. 115].

Роспись сосудов второй группы довольно беглая, на некоторых экземплярах совершенно отсутствовали резьба и пурпур. Движение бегущего юноши подчеркнуто схемой коленопреклоненного бега [Там же, с. 116]. Лекифы этого типа неоднократно встречались в погребальных комплексах Березани.

По общей для всех сосудов этой группы манере исполнения предполагается, что они изготовлены в одной мастерской [Там же, с. 120]. В ней изготавливались не только лекифы, но и сосуды других форм, которые украшались аналогичной росписью. Из них следует выделить миниатюрные амфоры, гидрии, ойнохон, ольпы высотой от 10 до 14 см, найденные на Березани.

Этой же мастерской выпускались и лекифы архаизирующей формы: малых размеров, с широким приземистым корпусом и маленьким венчиком. Они несколько отличаются друг от друга орнаментом на плечиках. Форма этой группы лекифов является переходной к лекифам с цилиндрическим корпусом, характерным для конца VI в. до н. э.

Несмотря на несложность рисунка и примитивность исполнения, для росписи характерны черты, на основании которых выделяются исполнительские манеры, по крайней мере, трех мастеров [Скудная, 1958, с. 122].

Характерный для этой группы лекифов сюжет росписи дал основание Э. Хаспельс объединить подобные сосуды в так называемую группу бегуна, выпускавшуюся, по ее мнению, с середины и до конца VI в. до н. э. [Haspels, 1936, с. 16, 67].

Лекифы второй группы, найденные в Ольвии и на Березани датируются

последней четвертью VI в. до н. э. [Скудная, 1958, с. 130].

К третьей группе отнесены лекифы, формы которых имеют элементы, характерные для V в. до н. э. Основным признаком является форма корпуса, очень близкая к цилиндрическим лекифам. Несмотря на небольшие размеры сосудов, корпус становится более высоким и вытянутым, плечики горизонтальными, горло более стройным. Венчики таких лекифов в большинстве случаев имеют форму чашечки с загнутыми краями. Некоторые лекифы третьей группы очень пропорциональны и высококачественны. Отличительным признаком этой группы является и роспись плечиков: петух между листьями плюща (рис. 23, 2), что дало основание выделить их в «класс петуха» [Haspels, 1936, с. 67]. Правда, к этой же группе относятся и лекифы аналогичных форм из Ольвийского некрополя с изображением на плечиках собаки, преследующей зайца.

Корпус расписан трех-пятифигурными композициями разнообразных сюжетов. Чаще всего изображались сцены боя двух воинов между фигурами в плащах и Дионис в окружении сатиров и менад на фоне виноградных лоз. Роспись лекифов этой группы отличается большой старательностью и вниманием к деталям. В ней применялись пурпур и гравировка. Некоторые мастера этой группы использовали белую накладную краску. По стилю росписи выделяется несколько мастеров, среди которых были и значительные художники. Лекиф этой группы найден в одном из погребений Березанского некрополя [Копейкина, 1979а, с. 25]. На территории Ольвийского темелоса также обнаружен подобный фрагментированный лекиф, хотя на плечиках вместо петуха изображены пальметты [Левин, 1972, с. 52]. Группа ольвийских лекифов суммарно датирована концом VI в. до н. э. [Скудная, 1958, с. 126], что не противоречит общепринятой дате для этого типа — 510—490 г. до н. э. [Ure, 1927, S. 52].

Четвертую группу лекифов составляют более крупные (высотой около 20 см) толстостенные сосуды. Корпус конусовидных очертаний, сильно

сужается к широкой кольцевидной подставке. Покатые плечики переходят в высокое горло. Большой чашевидный венчик плоско срезан сверху, покрыт лаком или оставлен в цвете глины. Характерный орнамент плечиков — бугорки лотоса вершинами вниз, соединенные через один изогнутыми ветвями. Плечики от горла отделяются рядом палочного орнамента. Мотивы росписей корпуса разнообразны: персонажи дионисийского круга на фоне лоз, подвиги Геракла и другие (рис. 23, 3). Широко применялись гравировка и белая краска. Датирована эта группа сосудов началом V в. до н. э. [Скуднова, 1958, с. 129].

Кроме выделенных В. М. Скудновой групп для этого времени характерны также цилиндрические лекифы, широко представленные в Ольвии и на Березани. Плечики лекифов нередко украшались скромным орнаментом в виде рядов точек, лучей, палочек, пальметок. Стройный корпус в виде цилиндра сужался возле самого дна, оформленного в виде изящной кольцевой подставки. Венчик плавных очертаний имел полукруглую или колокольчикообразную форму. Пропорция остальных частей сосуда, гармонично сочетаясь, создавали одну из совершеннейших форм античной керамики. Корпус расписывался отдельными фигурами или многофигурными композициями. Расцвет описываемой формы относится к эпохе краснофигурного стиля.

Как отмечалось, в Северное Причерноморье из Афин главным образом поступала керамика невысокого качества и в основном небольших размеров. Фрагменты роскошных кратеров, амфор, гидрий встречаются редко. Среди них попадались экземпляры выполненных в миниатюре монументальных форм.

Во второй половине VI в. до н. э. наиболее распространенными были амфоры, ольпы, гидрии, ойнохои. В большом количестве обломки таких сосудов известны в Ольвии и на Березани. Их роспись имела те же сюжетные, композиционные и стилистические особенности, что и вышеописанные сосуды малых форм. Примером может быть небольшая чернофигурная амфор-

ка третьей четверти VI в. до н. э. из Березанского некрополя (погребение № 488) с изображением убегающего от человека в плаще обнаженного юноши с поднятой рукой [Скуднова, ф. 17, № 69, с. 42]. Характер росписи близок к рисунку второй группы лекифов с аналогичным сюжетом. Она датирована третьей четвертью VI в. до н. э. [Скуднова, ф. 17, № 69, с. 42]. Из более поздних сосудов приведенной категории следует отметить фрагмент амфоры с изображением Аполлона Кифареда, который можно связать с ранними экземплярами группы Леагра [Горбунова, Копейкина, 1972, с. 212].

Изображения Аполлона с кифарой, которому сопутствовали Артемиды, Латона и другие божества, были чрезвычайно популярны во второй половине VI в. до н. э. Подобными сюжетами украшались различные сосуды, но чаще всего ольпы. Целый экземпляр такой ольпы происходит из некрополя Ольвии [Фармаковский, 1913, с. 114]. Не менее распространены в вазописи этого времени и дионисийские мотивы. Крупный фрагмент ольпы с изображением Диониса с ритонем и силеной на фоне виноградных лоз найден на темномосе Ольвии [Леви, 1964а, с. 139].

К редким экземплярам следует отнести фрагмент ольпы последней четверти VI в. до н. э., найденный на Ольвийской агоре и украшенный изображением Триптолема на колеснице с пшеничным колосом в левой руке. Сохранившиеся детали окружающих его фигур позволяют предполагать в них Деметру и Персефону [Леви, 1972, с. 52, рис. 15, 5].

Уникальным образцом керамической продукции Афин для Северного Причерноморья являются фрагменты березанских оносос [Горбунова, 1973, с. 79—85; 1982, с. 41—45]. Оносы не являлись сосудами, а были хозяйственной принадлежностью греческих женщин, которые с их помощью готовили пряжу для прядения на веретене. Расписные оносы появились в Элладе еще в начале VI в. до н. э. и применялись до конца V в. до н. э. На территории нашей страны это единственные фрагменты оносов.

Сохранились обломки от двух оносов.

Рис. 24. Фрагменты аттической чернофигурной керамики.

Они представляли собой наколенник со щитком и чешуйчатой поверхностью. Расписывались края оносов, их верхние части и щитки. Оносы разновременны: один 525 г. до н. э., другой — 510—500 г. до н. э. [Горбунова, 1973, с. 79, 82]. Более ранний онос сохранился хуже. Он орнаментирован пояском из двух рядов стилизованных гранатов, отделявших чешуйчатую часть от чернофигурного продольного фриза, на котором помещена композиция с колесницей. Щиток оноса был украшен крылатой фигурой — Ники или Медузы Горгоны. Форма крыла архаична, но стиль исполнения свидетельствует о более позднем времени.

Второй онос лучшей сохранности. На основании его фрагментов можно судить о содержании композиции, видимо, аналогичной первому оносу. Изображено состязание на колесницах, запряженных квадригами (рис. 24, 2). Очень живой и непосредственный рисунок в доступной для чернофигурной техники маlere передает состояние персонажей, их внутреннее напряжение: возница одной из колесниц, спеша к финишу, оглянувшись, следит за сопер-

ником. Одинаковые композиции украшали обе стороны оноса. В росписи применены пурпур и гравировка. Своеобразие стиля изображения дало основание К. С. Горбуновой выделить группу березанского оноса [Горбунова, 1982, с. 44].

В конце VI в. до н. э. заметно ослабевают связи Березанского поселения с Афинами. На первый план в этом регионе выходит Ольвия, в экономике которой все большую роль играет аттический импорт. Расцвет этих связей приходится на классический период. Именно в Ольвию поступают многочисленные чернофигурные сосуды массового потребления и великолепные образцы как позднего чернофигурного, так и раннего краснофигурного стиля.

На рубеже VI—V в. до н. э. складываются основные формы керамики классического периода. Килики на высокой ножке становятся редкой формой. Наряду с ними существовали килики с широкой плоской чашей с сильно отогнутым или совсем не выделенным венчиком. Вместо высокой ножки — короткая утолщенная на кольцевой подставке [Левин, 1964а, с. 141, рис. 8]. В широкое употребление входит еще один тип килика — глубокая чаша с чуть отогнутым венчиком на широком коль-

цевом поддоне [Леви, 1964а, с. 152, рис. 20, 21] (рис. 23, 5). На смену чернофигурному стилю приходит более выразительный и перспективный новый краснофигурный стиль. Некоторое время, до второй четверти V в. до н. э., эти два стиля сосуществовали.

Чернофигурные изображения становятся беглыми, выполняются небрежно, хотя некоторые мастера по-прежнему придавали фигурам композиции определенную динамику и выразительность. Среди многофигурных композиций особенно распространенными были сцены агоний, дионисийских празднеств, сражений, шаржированных мифологических сцен. Значительную роль играли различные орнаментальные элементы — виноградные лозы, большие пальметки, завитки. Особой живописностью отличалась роспись мастера Хаймона, обломки киликов которого неоднократно встречались в Ольвии.

Наряду с сюжетными росписями в конце VI в. до н. э. широкое распространение в вазописи получили орнаментальные мотивы, заполнявшие не только второстепенные части сосудов (горло, венчики, пространство между ручками), но и основную часть корпуса. Наиболее ярким примером являются килики типа кассельских, бытовавших в начале V в. до н. э. [Горбунова, 1982, с. 48, рис. 10]. Встречаются килики и с изображением больших глаз, но в них отсутствует та четкость рисунка, которая присуща более ранним сосудам 30—20-х годов VI в. до н. э.

Творческий поиск новых выразительных средств привел аттических вазописцев к выработке краснофигурного стиля. Процесс этих исканий запечатлен в изделиях мастеров, работавших как в традиционной чернофигурной технике, так и в краснофигурной. Нередко они совмещались на одном сосуде. По-видимому, одному из выдающихся мастеров раннего краснофигурного стиля Эпиктету принадлежала роспись сосуда, от которого сохранился фрагмент чернофигурного медальона, найденного на территории Ольвийского теменоса [Горбунова, 1964а, с. 182]. В медальоне изображен флейтист, увенчанный тэнией или венком, играющий на длинной флейте (рис. 24, 1). Не

исключено, что килик, на котором изображен медальон, снаружи был украшен краснофигурным рисунком. Высказанное предположение вполне вероятно, так как в этом же комплексе найдено несколько фрагментов краснофигурных киликов, принадлежавших Эпиктету [Горбунова, 1964а, с. 176—184], датированных 525—510 г. до н. э. Эпиктету приписывают и фрагмент килика с изображением гетеры, найденного на о. Березань [Горбунова, 1964а, с. 187]. находка килика такого выдающегося мастера на Березанском поселении уникальна, тем более, что находки раннего краснофигурного стиля вообще в Северном Причерноморье редки.

Современником Эпиктета был и рисовальщик Олтос, два произведения которого найдены на Ольвийской агоре [Горбунова, 1970а, с. 573—574]. Особенно интересен фрагмент килика с краснофигурным рисунком на внешней стороне чаши и чернофигурными во внутреннем медальоне. Снаружи между пальметтами и апотропеями помещена бегущая обнаженная гетера с кротаками, в медальоне — воин-азиат с секирой. Килик относится к периоду расцвета творчества Олтоса (около 520 г. до н. э.).

Аналогичная композиция представлена на другом фрагменте килика, приписывается этому же мастеру: идущий вправо обнаженный юноша с киликом в руке между большими глазами и пальметтами [Горбунова, 1964а, с. 177—178, рис. 1 а].

Найденный в комплексе Ольвийского теменоса обломок килика с медальоном и частью подставки с изображением обнаженного воина приписывается мастеру Эпелею и датируется 510 г. до н. э. [Горбунова, 1964а, с. 184]. Кроме того, в этом же комплексе выявлен обломок медальона краснофигурного килика, на котором представлен обнаженный юноша, держащий в обеих руках по копылю, перекрещенных на уровне его талии. На основании аналогий этот килик определяется как работа мастера Никосфена, приблизительно 510 г. до н. э. [Горбунова, 1964а, с. 186].

Таким образом, в начале V в. до н. э. в Ольвию и в меньшей мере на Бере-

заны наряду с обычной продукцией поступали высокохудожественные изделия известных афинских мастеров: Эпиктета, Олтоса, Эпелея, Никосфена.

В архаическое время на территорию Северного Причерноморья поступало гораздо больше расписной керамики, чем чернолаковой. Чернолаковые сосуды в VI в. до н. э. представлены единичными экземплярами. Среди них — чернолаковый амфориск второй четверти VI в. до н. э. Он был найден в погребении № 54 Березанского некрополя в 1980 г. [Копейкина, 1980, с. 28]. Это небольшой сосуд со сферическим корпусом, коротким горлом и эхиновидным венчиком. Ручки не сохранились. Пожалуй, это древнейший в настоящее время чернолаковый сосуд в этом районе. В некрополе Березани обнаружены и чернолаковый аск, и солонки рубежа VI—V в. до н. э. [Скуднова, ф. 17, № 69, с. 29]. Ранние солонки имели закругленный корпус, круглый в сечении венчик в виде валика, широкую кольцевую подставку. Чашечка этого же времени на широкой приземистой ножке найдена на поселении Каборга I.

Значительное количество чернолаковой керамики поступало в Ольвию уже с V в. до н. э. В Ольвийском некрополе первой половины этого столетия встречались чернолаковые килики, чашечки на невысоких ножках, амфориски [Козуб, 1974, с. 41—43].

Особого разнообразия и высокого качества исполнения аттическая чернолаковая керамика достигла в классический период.

Простая столовая керамика

В архаическое время она представлена сероглиняной и красноглиняной кружалной посудой, которая до сих пор практически не изучалась. Исключением является работа А. П. Чубовой [НА ИА АН УССР, ч. 81, ф. 12, № 146], в которой исследована и классифицирована сероглиняная керамика из погребений архаического времени, сделаны выводы о ее утилитарном назначении, и в основном о местном производстве, подражании формам коринфской и родосско-ионийской керамики.

В настоящее время в результате раскопок архаических слоев Ольвии, Березани и поселений хоры накоплено большое количество материала. Следует, однако, отметить крайнюю фрагментарность найденных сосудов. Целые экземпляры единичны.

Мы рассмотрим главным образом керамику из закрытых комплексов архаического времени Ольвии, Березани и однослойных архаических поселений — Бейкуш, Каборга I, Большая Черноморка II. Среди посуды поселения Большая Черноморка II простая керамика составляет 35,6 % [Гаврилюк, Отрешко, 1982, с. 76].

Как известно, сероглиняная и красноглиняная керамика изготовлялась на круге из одних и тех же глин, с добавлением одних и тех же примесей (например, для простой керамики Березани характерно наличие в тесте большого количества мельчайших блестящих частиц). Цвет черепка зависел от обжига: при обжиге в окислительной атмосфере (с доступом кислорода) получался красный, а в восстановительной (без доступа кислорода, для чего устья топки и отверстие загрузочной камеры закрывались наглухо) — серый цвет [Кульская, 1940, с. 175, 179, 183]. Видимо, достичь полностью восстановительной атмосферы было достаточно сложно, так как иногда встречается черепок серого цвета с коричневатыми или красноватыми пятнами. Нередко черепок с серой поверхностью в изломе имел красновато-коричневатый цвет. Большинство сероглиняных сосудов покрывались после просушки перед обжигом темной обмазкой и ложились. Иногда применялась темная обмазка без лощения или же производилось лощение без обмазки. Степень залощенности сосудов различна: иногда это отдельные беспорядочно нанесенные линии, иногда — равномерное повсеместное лощение, яркое или тусклое. Сосуд мог быть залощен либо целиком, либо частично. Орнаментировалась посуда в основном желобками, реже валиками или прочерченной волной. Нередко сосуды неправильной формы выполнены небрежно [Чубова, ч. 81, ф. 12, № 146, с. 5]. Основная часть простой столовой посуды изготовлялась на месте и толь-

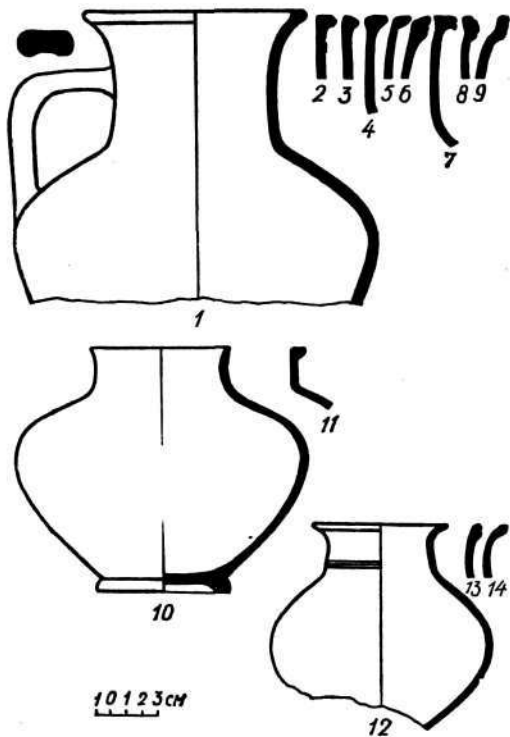

Рис. 25. Простая столовая керамика. Кувшины:

1 — тип I, 1; 2, 3 — тип I, 2; 4, 5 — тип I, 3; 6 — тип I, 4; 7 — тип I, 5; 8 — тип I, 6; 9 — тип I, 7; 10 — тип II, 2; 11 — тип II, 1; 12 — тип III, 2; 13, 14 — тип III, 1.

ко отдельные экземпляры могли быть привозными.

Для группы простой столовой керамики характерно значительное разнообразие. Она подразделяется на несколько подгрупп, среди которых наиболее типичны кувшины, ойнохой, миски, кубки, кратеры, небольшие горшочки, светильники. Единичными экземплярами представлены тарелки, диносы, лекифы, амфориски и др.

Кувшины — одна из наиболее массовых подгрупп простой столовой керамики, составляют 29,77 % изученной нами керамики. Особенно много их найдено на поселении Большая Черноморка II, где они представлены большим количеством форм венчиков. Кувшины представлены в основном фрагментарно. Количество целых сосудов невелико, поэтому материал сложно интерпретировать.

По форме корпуса, горла и венчика можно выделить следующие типы кув-

шинов: 1) с высоким цилиндрическим горлом, достаточно резко переходящим в округлый корпус, с отогнутым наружу венчиком, очевидно, на кольцевом поддоне (варианты венчиков и ручек будут описаны ниже); 2) с невысоким цилиндрическим горлом, также достаточно резко переходящим в округлый, как бы раздутый корпус, с отогнутым наружу венчиком или без него, на кольцевом поддоне; 3) с невысоким округло-вогнутым горлом, плавно переходящим в корпус, с отогнутым наружу венчиком, очевидно, на кольцевом поддоне; 4) узкогорлые кувшины с ребристым корпусом, на кольцевом поддоне; 5) ойнохой; 6) кувшины со сливом; 7) двуручные кувшины (столовые амфоры); 8) кувшины с высоким, расходящимся кверху горлом, биконическим корпусом.

Кувшины первого типа наиболее многочисленны и по форме венчика подразделяются на семь вариантов: 1) слегка утолщенный, как бы являющийся продолжением горла, плавно отогнутый наружу (0—78/ЮЗА/1368, АБ/62—208, Бейк.—68/123, Б. Ч.—76/625 и др.) (рис. 25, 1); 2) утолщенный округлый или овальный (Б. Ч.—II—75/23 и др.) (рис. 25, 2, 3), иногда украшенный желобком (Б. Ч.—76/5); 3) утолщенный, отогнутый наружу горизонтально или слегка наклонно (Бейк.—68/204/, Б. Ч.—II—75/98, АБ/64—1155, 0—75/ЮЗА/278 и др.) (рис. 25, 4, 5); 4) массивный, подпрямоугольной в сечении формы, иногда украшенный желобками (Б. Ч.—76/180, 0—75/ЮЗА/561, Бейк.—65/10 и др.) (рис. 25, 6); 5) П-образный — Б. Ч.—II—75/316, 0—75/ЮЗА/838) (рис. 25, 7); 6) овальный уступовидный, отогнутый наружу, иногда украшенный желобками (Б. Ч.—II—75/348, Бейк.—67/198 и др.) (рис. 25, 8); 7) подпрямоугольный, уступовидно отогнутый наружу, иногда украшен желобками (0—75/ЮЗА/279, Б. Ч.—II—76/892, Бейк.—67/197 и др.) (рис. 25, 9).

Диаметр устья кувшинов этого типа 8,0—15,0 см, горла 7,0—11,3, максимальный диаметр корпуса — 19,0—24,0 см. Высота сосудов неизвестна, так как не сохранилось ни одного целого

экземпляра; высота горла 4,3—7, венчика — 0,6—2 см. Все кувшины этой группы сероглиняные, в основном с темным покрытием и лощением по наружной поверхности, иногда только с темным покрытием без лощения или с лощением, но без темного покрытия, с овальными, плоскими или двуствольными ручками.

Кувшины второго типа — с невысоким цилиндрическим горлом и округлым, как бы раздутым корпусом. По форме венчика подразделяются на следующие варианты: 1) венчик округлый, отогнутый наружу (АБ/64—65, Бейк.—69/112, 0—78/ЮЗА/1141 и др.) (рис. 25, 11); 2) венчик является продолжением горла, иногда сверху слегка сужен или же слегка утолщен (Б. Ч.—76/787, АБ/64—649, 0—78/ЮЗА/1371 и др.) (рис. 25, 10).

Диаметр устья кувшинов этого типа 6,5—12 см, максимальный диаметр корпуса 19,0—24, кольцевого поддона 8,6—11, высота горла 2,0—3,5, высота сосудов 16,6—21,5 см. Большая часть сосудов описываемого типа сероглиняная, чаще с темным покрытием и лощением, иногда только с лощением. Два сосуда красноглиняные: один из них с темным покрытием и лощением по внешней поверхности (0—78/ЮЗА/1371, 0—79/Е—6/657). Иногда кувшины украшены желобками по венчику и верхней части корпуса или валиком в месте перехода горла в корпус.

Кувшины третьего типа с невысоким округло-вогнутым горлом, плавно переходящим в корпус, отогнутым наружу венчиком, возможно, на кольцевом поддоне. По форме венчика и отчасти ручки выделяются: 1) округлый отогнутый наружу венчик с овальной или двуствольной приподнятой над венчиком ручкой — 0—75/ЮЗА/264 (рис. 25, 13, 14); 2) венчик отогнут наружу наклонно (образует тупой угол с поверхностью горла), ручка овальная, приподнятая над венчиком, нередко ниже венчика, по горлу два желобка (Б. Ч.—II—73/122, 0—78/ЮЗА/1166 и др.) (рис. 25, 12); 3) венчик плавно отогнут наружу, несколько тоньше стенки, с вертикальной петельчатой ручкой, укрепленной на корпусе — представлен единственным экземпляром из розова-

той глины с включением извести и светлой, слегка зеленоватой обмазкой поверхности (0—79/Е—6/552).

Диаметр устья кувшинов этого типа 9—11 см, горла 7,5—8,8, максимальный диаметр корпуса — 14,5—16 см. Высоту сосудов установить не удалось из-за их фрагментарности; высота горла 2—3,5 см. Отметим сравнительно небольшую амплитуду колебаний размеров кувшинов этого типа. Сосуды в основном сероглиняные, с темным покрытием и лощением по поверхности, иногда только с лощением. Часть кувшинов украшена желобками по горлу ниже венчика, иногда — полосами черного лака по ручке и корпусу (Б. Ч.—76/1030).

Кувшины четвертого типа — с узким горлом, ребристым корпусом, на кольцевом поддоне — представлены тремя фрагментами, каждый из которых может быть выделен в отдельный вариант: 1) сосуд с цилиндрическим горлом, венчик, продолжающий стенку, слегка округлен изнутри, почти горизонтальное плечо резко переходит в корпус (АБ/70—502); 2) сосуд с узким горлом, биконическим корпусом, вертикальной петлевидной ручкой, укрепленной на корпусе, на кольцевом поддоне, верхняя часть сосуда не сохранилась, форма венчика неизвестна (АБ/71—520) (см. рис. 27, 1).

Диаметр устья кувшинов этого типа, очевидно, до 4,3 см, горла 3,4—4,5, максимальный диаметр корпуса 14—15,3 см. Все сосуды сероглиняные, обычно с темным покрытием и лощением.

К кувшинам пятого типа относятся ойнохой. Для них характерно оформление устья в виде трех лепестков и наличие ручки, приподнятой над венчиком. По форме корпуса и горла выделяются следующие варианты: 1) ойнохой с невысоким округло-вогнутым горлом, округлым корпусом, венчик отогнут наружу, устье оформлено в виде трех равных лепестков, ручка плоская, приподнятая над венчиком (0—78/ЮЗА/1144; Б. Ч.—76/228, 485, АБ/67—377 и др.) (рис. 26, 1, 2); 2) ойнохой с высоким слегка расходящимся сверху горлом, округлым слегка вытянутым корпусом, на кольцевом

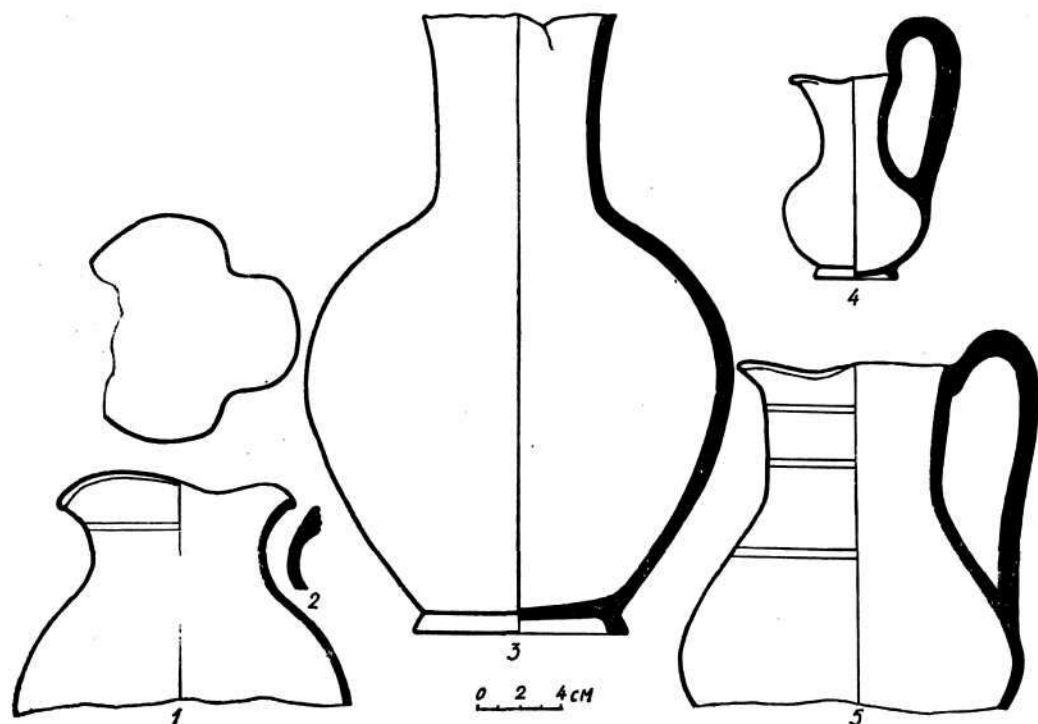

Рис. 26. Простая столовая керамика. Кувшины: 1, 2 — тип V, 1; 3 — тип V, 2; 4 — тип V, 3; 5 — тип V, 4.

поддоне, устье не сохранилось (Бейк. — 68/219) (рис. 26, 3); 3) ойнохой с высоким расходящимся кверху горлом в виде трех лепестков, приподнятой над венчиком ручкой, биконическим корпусом с ярко выраженным или слегка сглаженным ребром, на кольцевом поддоне (0—79/АГД/685 — миниатюрная ойнохой высотой 9 см). Два аналогичных сосуда найдены в 1982 г. на архаическом поселении Чертоватое (рис. 26, 4); 4) ойнохой с высоким цилиндрическим горлом, отогнутым наружу венчиком, с тремя лепестками, приподнятой над венчиком овальной ручкой и биконическим корпусом. Горло и верхняя часть корпуса украшены желобками (0—73/ЮЗА/1170) (рис. 26, 5).

Диаметр устья ойнохой 5,2—11,7 см, горла 3,5—9, максимальный диаметр корпуса 7,5—21,5, кольцевого поддона 4,4—10,4, высота ойнохой 9—20, высота горла 2—9,5 см. Большинство ойнохой сероглиняные с темным покрытием и лощением по внешней по-

верхности (иногда только с лощением). Известно несколько фрагментов красной глиняных ойнохой (Бейк. — 68/129 и др.). Изредка они орнаментированы желобками по венчику, горлу, корпусу.

Кувшины шестого типа — с высоким цилиндрическим горлом, венчиком, отогнутым наружу уступовидно, и сливом — сохранились крайне фрагментарно. Они представлены двумя экземплярами (Б. Ч. — П — 73/123, Б. Ч. — П — 73/210) (рис. 27, 2). Диаметр устья 12—13 см, горла 10, высота венчика 1—1,8, горла до 7 см. Цвет черепка серовато-коричневатый, с лощением по внешней поверхности.

Кувшины седьмого типа представлены сосудами с высоким цилиндрическим горлом, округлым венчиком, отогнутым наружу уступовидно, двумя овальными ручками, почти горизонтальным плечом, резко переходящим в корпус (0—75/ЮЗА/723, Бейк. — 65/107 — рис. 27, 3). Диаметр устья 15,8 см, горла 6—10,2, высота горла 8, венчика 1,5 см.

Кувшины восьмого типа — с высоким расходящимся кверху горлом, биконическим корпусом, на кольцевом

поддоне [Крижицкий, Русяева, 1978, с. 13].

Кубки найдены повсеместно и составляют 7,91 % изученной керамики. Особенно их много на поселении Большая Черноморка II. Сохранились они фрагментарно. Это сравнительно небольшие сосуды закрытых форм, с высоким отогнутым наружу венчиком, на кольцевом или утолщенном поддоне, иногда с ручкой. По форме корпуса выделяются два основных типа кубков: 1) с округлым корпусом, высоким отогнутым наружу венчиком, плоской ручкой, на кольцевом поддоне (Б. Ч.— III — 75/123 и др.) (рис. 27, 4); 2) с биконическим корпусом, высоким отогнутым наружу венчиком, на кольцевом или утолщенном поддоне (Каб.— I — 71/75—77, АБ/71—461, 0—79/Е—6/663 и др.) (рис. 27, 5, 6). Очевидно, именно к этому типу можно отнести обломки нижних частей биконических закрытых сосудов из Ольвии и поселений ее хоры.

Диаметр устья кубков составляет в основном 10—13 см. Максимальный диаметр корпуса до 18 см, кольцевого поддона 5,4—9, высота венчика 1—2,5, высота кубка 13—13,5 см.

Все перечисленные сосуды сероглиняные, с темным покрытием и лощением внешней поверхности. Изредка встречаются обломки с темным покрытием без лощения или вообще без покрытия. Некоторые экземпляры украшены двумя желобками по корпусу или желобком или валиком по перегибу шейки.

Горшки представлены небольшими закрытыми сосудами округлых форм с выделенной шейкой и отогнутым наружу венчиком, иногда с вертикальной ручкой, с плоским дном или же на кольцевом поддоне. Найдено небольшое количество (2,56 %), но повсеместно; сохранились фрагментарно. По форме шейки и венчика выделяются два основных типа горшков: 1) с округлым корпусом, сравнительно высокой цилиндрической шейкой, резко отогнутым наружу венчиком, на кольцевом поддоне; 2) очевидно, также с округлым корпусом на кольцевом поддоне или с плоским дном, невысокой шейкой, отогнутым наружу венчиком.

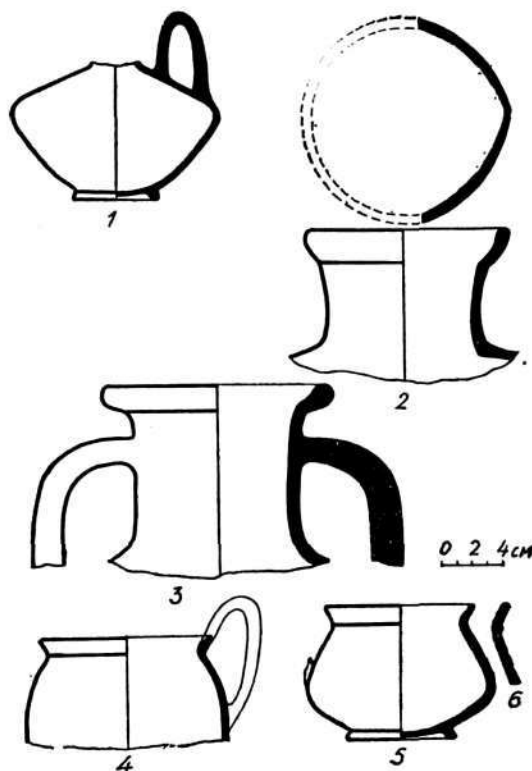

Рис. 27. Простая столовая керамика. Кувшины (1—3); кубки (4—6):

1 — тип IV, 2; 2 — тип VI; 3 — тип VII; 4 — тип I; 5, 6 — тип II.

Горшки первого типа по форме венчика подразделяются на следующие варианты: 1) венчик отогнут наружу горизонтально (Бейк.— 65/23, 0—78/ЮЗА/999 и др.) (рис. 28, 1); 2) венчик отогнут наружу наклонно, образуя тупой угол с поверхностью шейки (Бейк.— 65/114, 116) (рис. 28, 2). Диаметр устья горшков этого типа 8—10 см, шейки 6,8—8, максимальный диаметр корпуса 10,6—10,8, кольцевого поддона 5,4—5,6 см. Высота сосудов (в тех случаях, когда ее удалось установить) 8,3—9,5, шейки 1,2—2 см. Все сосуды сероглиняные, с темным покрытием и лощением, иногда украшены желобками по корпусу ниже шейки.

Горшки второго типа по форме венчика подразделяются на следующие варианты: 1) венчик высокий, без утолщения, резко отогнут наружу (АБ/67—361, Каб.— I — 71/103, Бейк.— 68/85) (рис. 28, 3); 2) венчик высокий,

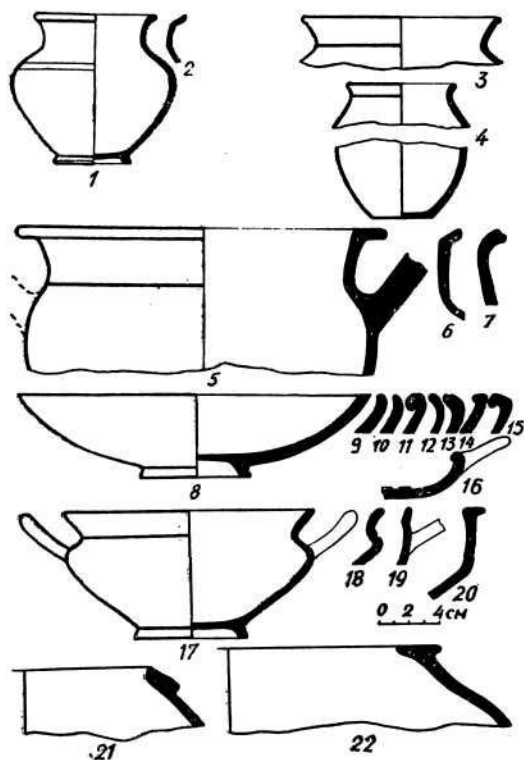

Рис. 28. Простая столовая керамика:

1—4 — горшки; 5—7 — кратеры; 8—20 — миски; 21—22 — диносы; 1, 8 — тип I, 7; 2, 9, 10 — тип I, 2; 11, 16 — тип I, 4; 12 — тип I, 3; 13 — тип I, 5; 14 — тип I, 6; 15 — тип I, 7; 3 — тип II, 1; 4 — тип II, 2; 5 — вариант 1; 6 — вариант 2; 7 — вариант, 3; 17 — тип II, 3; 18 — тип II, 1; 19 — тип II, 2; 20 — тип II, 4; 21 — вариант 2; 22 — вариант 1.

отогнут наружу плавно, иногда утолщен, с вертикальной плоской ручкой (0—78/ЮЗА/1249, АБ/62—217, Бейк.—69/23 и др.) (рис. 28, 4). Диаметр устья горшков этого типа 7—16, шейки 5,5—14,5 см. Чаще всего это сероглиняные, иногда красноглиняные сосуды без покрытия и лощения. Орнаментация отсутствует.

Кратеры, выявленные повсеместно, составляют 6,51 % изученной нами керамики, сохранились крайне фрагментарно. Единственный целый сосуд найден на Березани в 1960 г. [Горбунова, № 1960/42, с. 6]. Это массивные сосуды на кольцевом поддоне, с округлым корпусом, высокой шейкой и отогнутым наружу широким венчиком. Выделяются следующие варианты венчика: 1) отогнутый наружу под прямым углом (Бейк.—69/75, Каб.—I—71/33—35, 0—78/ЮЗА/1142, АБ/62—438) (рис. 28,

5); 2) наклонный — образующий тупой угол с поверхностью шейки (Бейк.—65/122, Каб.—I—71/32, АБ/64—652 и др.) (рис. 28, 6); 3) плавно отогнутый наружу (Б. Ч.—76/6 и др.) (рис. 28, 7).

Ручки представлены следующими вариантами: 1) горизонтальная петельчатая, выявлена в сочетании с венчиком, отогнутым наружу под прямым углом (Каб.—I—71/33—35); 2) вертикальная уплощенная, соединяющая венчик и наиболее широкую часть корпуса, с небольшими отростками по венчику по обе стороны от ручки, выявлена в сочетании с венчиком, отогнутым наружу под прямым углом и, возможно, с наклонным венчиком. Из-за фрагментарности материала трудно определить точнее (0—78/ЮЗА/1142, Б. Ч.—76/510); 3) с плоским горизонтальным наделом, как бы продолжающим венчик, и двумя отходящими от него к корпусу вертикальными ручками (0—75/ЮЗА/284, Бейк.—67/141 и др.).

Диаметр устья кратеров обычно 20—29 см, толщина венчика 1,3—2,2, высота 0,5—1, высота шейки 3,2—5,5 см. Все сосуды сероглиняные, обычно с темным покрытием и лощением поверхности, иногда с лощением только по венчику. Реже встречаются сосуды только с темным покрытием или лощением. Некоторые экземпляры имеют орнаментацию в виде двух желобков по венчику или по шейке. Кратеры иногда орнаментировались вдавленной горизонтальной волной по венчику и по шейке; волна по шейке может быть как бы перечеркнута желобком.

Миски являются одной из наиболее массовых групп простой столовой керамики. Они найдены повсеместно и составляют 28,37 % изученной нами керамики. Сохранились фрагментарно, количество целых сосудов невелико. По форме корпуса и венчика выделяются три основных типа мисок: 1) округлые с загнутым вовнутрь или являющимся продолжением стенки венчиком, шейка отсутствует, на кольцевом поддоне, нередко с двумя небольшими отверстиями под венчиком, через которые, очевидно, продевался шнур для подвешивания; 2) ребристые с высоким отогнутым наружу или округлым утолщенным вен-

чиком, выделенной шейкой и перегибом корпуса, на кольцевом поддоне, нередко с двумя горизонтальными петельчатыми ручками; 3) миски с расходящимися от дна стенками и отогнутым наружу широким венчиком, иногда со слегка округлым корпусом, наклоненной наружу шейкой и отогнутым широким венчиком.

Миски первого типа, так называемые округлые миски, по форме венчика делятся на следующие варианты: 1) венчик продолжает стенки, иногда слегка утолщен, срезан горизонтально (Бейк. п.— 65/120, 123, Б. Ч.— III—73/12, АБ/70—5 и др.) (рис. 28, 8); 2) венчик слабо выделен, верхний край немного тоньше и скруглен (АБ/69—143, Каб.— I—71/74, Б. Ч.— 77/97 и др.) (рис. 28, 9, 10); 3) венчик без утолщения, загнут внутрь (Бейк.— 68/13, Б. Ч.— II—73/115, 0—78/ЮЗА/1171 и др.) (рис. 28, 12); 4) венчик округлый, сильно утолщен и загнут внутрь, иногда украшен по венчику или ниже его желобками (Б. Ч.— 76/950, Бейк.— 67/17, АБ/70—503; 0—75/ЮЗА/509 и др.) (рис. 28, 11); интересна небольшая мисочка с загнутым внутрь округлым венчиком, горизонтальной петельчатой ручкой, плоским дном и четырьмя отрезками внутри, расположенными в центре по кругу (АБ/69—203) (рис. 28, 16); 5) венчик загнут внутрь, в сечении треугольной формы, иногда украшен желобком (Б. Ч.— II—73/101, АБ/71—317, Бейк.— 69/36 и др.) (рис. 28, 13); 6) загнутый внутрь уплощенный сверху венчик, иногда украшен желобками (АБ/64—862, Бейк.— 65/169 и др.) (рис. 28, 14); 7) венчик загнут внутрь в виде буквы П (0—78/ЮЗА/1164 и др.) (рис. 28, 15).

Диаметр устья округлых мисок составляет 16—30 см (две миски 10 и 12 см), кольцевого поддона 4—10,5, высота венчика 0,5—1,6, высота сосудов — 5—12,3 см. Почти все сосуды сероглиняные, обычно с темным покрытием и лощением, иногда либо с покрытием, либо с лощением. Встречается орнаментация желобками по венчику и корпусу.

Среди второго типа, так называемых ребристых, по форме корпуса и венчи-

ка выделяются следующие варианты: 1) ребро ярко выражено, венчик высокий, плавно отогнут наружу, иногда немного выше ребра — желобок (Бейк. п.— 65/119а, АБ/67—412 и др.) (рис. 28, 18); 2) ребро сглажено, венчик немного отогнут наружу (0—78/ЮЗА/1523, АБ/64—1156, 0/55—1520) [Леви, 1964а, с. 165, рис. 36, 2] (рис. 28, 19); 3) ребро ярко выражено, венчик высокий, отогнут наружу, иногда прикреплены горизонтальные петельчатые ручки (0—78/ЮЗА/1128, АБ/64—662, Б. Ч.— 77/276 и др.) (рис. 28, 17). Отметим, что варианты 1 и 2 в ребристых мисках являются подражением форме киликов, нередко даже присутствуют типичные для киликов горизонтальные петельчатые ручки. Однако килики подобных форм имеют ножку, а ребристые миски всегда на кольцевом поддоне (см. килики, найденные на теменосе) [Леви, 1964а, с. 141]; 4) от ребра вверх вертикально поднимается стенка, венчик горизонтально отогнут наружу или утолщен (0—79/Е—6/660, 553 и др.) (рис. 28, 20).

Диаметр устья ребристых мисок составляет 13—20 см, максимальный диаметр корпуса 15—20, кольцевого поддона 6,4—7 см, высота венчика 1,3—1,8, высота сосудов 6,5—8,5 см. Почти все сосуды сероглиняные, обычно с темным покрытием и лощением изнутри и снаружи по венчику. Иногда присутствует либо темное покрытие, либо лощение. Орнаментация практически отсутствует; иногда желобок проходит немного выше ребра корпуса.

Миски третьего типа, с расходящимися в стороны стенками и отогнутым наружу венчиком, по форме корпуса и венчика подразделяются: 1) стенки корпуса от дна расходятся в стороны, венчик широкий, отогнут наружу почти горизонтально, иногда украшен желобками (АБ/74—719 и др.); 2) корпус слегка округлый, венчик отогнут наружу почти горизонтально, иногда имеется горизонтальная витая ручка с цилиндрическими отрезками по обе стороны корпуса (Б. Ч.— II—75/36, АБ/66—400 и др.).

Диаметр устья таких мисок обычно значителен — 35—39, ширина венчика 0,7—2,3 см. Миски сероглиняные, ино-

гда с темным покрытием и лощением.

Тарелки представлены всего лишь двумя обломками венчиков и стенок, найденных на Березани. Корпус округлый, венчики широкие, горизонтально отогнутые наружу, один украшен тремя желобками (АБ/74—457, АБ/69—466). Тарелки сероглиняные, с лощением снаружи и изнутри. Диаметр устья 15 и 36, ширина венчика 1,4 и 3,8 см.

Светильники, выявленные повсеместно, составляют 5,81 % изученной керамики. Сохранились они достаточно фрагментарно и представлены открытыми типами круглой в плане формы, со слегка загнутыми внутрь плечиками, одним-двумя рожками, горизонтальной петельчатой или вертикальной массивной ручками. По форме бортика и плечика выделяются два типа светильников: 1) открытый, с округлым бортиком, переходящим в почти горизонтально загнутые внутрь плечики, с горизонтальной же или вертикальной ручками, одним-двумя рожками; иногда — конусовидным возвышением по центру светильника; 2) открытый, с бортиком, немного наклоненным внутрь, и плечиками, частично отогнутыми наружу, с горизонтальной петельчатой ручкой, конусовидным возвышением по центру светильника.

Светильники первого типа по количеству рожек и форме ручки делятся на следующие варианты: 1) однорожковый, с горизонтальной петельчатой ручкой (Б. Ч.—76/975, 0—78/ЮЗА/1367, АБ/62—219 и др.); 2) двухрожковый, с горизонтальной петельчатой ручкой (0—75/ЮЗА/518, Б. Ч.—76/365); 3) двухрожковый, с достаточно массивной высокой ручкой конусовидной формы, заканчивающейся петлей (0—78/ЮЗА/1173).

Диаметр светильников этого типа 9—13,5 см. Большинство сероглиняные, иногда красноглиняные. Сероглиняные обычно с темным покрытием и лощением, изредка только с покрытием или лощением.

Светильники второго типа по форме плечиков делятся на: 1) плечико с утолщением снаружи и наклонно срезаемым краем, одним рожком и горизонтальной петельчатой ручкой (Б. Ч.—76/835, Б — 60/905, Бейк.— 67/35 и

др.); 2) плечико сужается кверху, отогнуто наружу (АБ/69—447).

Диаметр светильников этого типа 7,3—9,6 см, высота 2—2,8, ширина плечиков 0,7—1,1 см. Светильники бывают сероглиняные и красноглиняные. Первые иногда с темным покрытием и лощением.

Диносы представлены тремя обломками венчиков. Найдены на Березани, в Ольвии, Большой Черноморке II. Это довольно большие сосуды округлой формы, с отогнутым наружу венчиком. По форме венчика выделены два варианта: 1) венчик отогнут наружу горизонтально, с утолщением с внутренней стороны сосуда (Б — 60/1087/, 0—75/ЮЗА/476) (рис. 28, 22); 2) утолщенный венчик — продолжение стенки (Б. Ч.— 74/33) (рис. 28, 21).

Диаметр устья диносов 16—28 см (рис. 28, 21, 22), высота венчика 0,8—2, ширина 1—2,7 см. Диносы бывают сероглиняные и красноглиняные, с лощением, иногда с темным покрытием и лощением. Встречается орнаментация в виде желобков по нижней части венчика и под ним.

Лекифы представлены несколькими фрагментами. Они выявлены на Бейкуше и Большой Черноморке II. О типах сосудов говорить сложно из-за их крайней фрагментарности. На Бейкуше выявлены два обломка венчиков с остатками ручки, а также обломок нижней части сосуда с плоским дном. Аналогичные обломки доньев найдены и на Большой Черноморке II. Все сосуды сероглиняные, иногда с темным покрытием и лощением, изредка только с лощением без покрытия, либо с темным покрытием без лощения. Орнаментация отсутствует. Диаметр венчика 3,4—3,5 см, горла 2—2,3, корпуса 6,3, два 3—5,5 см.

Единственный фрагмент придонной части *амфориска* выявлен на Бейкуше (Бейк.— 68/168). Фрагмент красноглиняный, орнаментация отсутствует.

Фрагмент нижней придонной части небольшого толстостенного красноглиняного сосуда на кольцевом поддоне, с почти отвесными стенками найден на Бейкуше (Бейк.— 67/32). Диаметр кольцевого поддона 3, толщина стенок до 1 см.

Чашечки на ножке представлены двумя фрагментами (Б. Ч.— III — 75/318, Бейк.— 65/125). Диаметр ножки 3—4 см, поддона 8,2, высота ножки 2,8, поддона 0,5 см. Сосуды сероглиняные, один лощеный, второй — с темной полосой по верхней части ножки и внутренней поверхности.

Крышки немногочисленны. Они найдены в Ольвии и на Бейкуше. Выделяются два типа крышек: 1) с закраиной, достаточно широким ободком и ручкой в виде шайбы на ножке с конусовидным углублением сверху, с желобками чуть выше ободка (0—78/ЮЗА/1165 и др.); все они сероглиняные с темным покрытием и лощением. Диаметр крышки 18—19 см, ручки 3,9—4,5, ширина ободка 1,1—1,5, высота закраины 0,7—0,8 см; 2) красноглиняные крышки, очевидно, без закраины, с уплощенной ручкой в виде пуговицы (Бейк.— 68/83 и др.). Из-за их фрагментарности установить размеры не удалось.

Таким образом, среди изученных 430 сосудов и их фрагментов отметим преобладание сероглиняной керамики над красноглиняной: сероглиняная составляет 95,5 %. Однако формы и той и другой керамики в основном идентичны, что свидетельствует о том, что в мастерских ольвийских гончаров архаического времени обжиг посуды в основном производился в восстановительной атмосфере, без доступа кислорода.

Кухонная керамика

К группе кухонной кружалной керамики относятся кастрюли, горшки, сковороды и некоторые индивидуальные формы. Отметим, что разделение кухонной посуды согласно греческим названиям *χώρα* и *λόλας* (горшок и миска) не соответствует целям классификации и отражает только общие названия формы сосуда [Sparkers, Talcott, 1970, p. 93—95]. При внимательном их рассмотрении выявляется значительное разнообразие в размерах, деталях и очертаниях посуды, в которой приготавлилась пища.

Кухонная посуда обычно изготовлена из красной темной глины с различными

примесями, нередко довольно крупными, поверхность кастрюль обычно шероховатая, горшки бывают лощеными. Дополнительных покрытий обычно нет. Глина горшков более разнообразна — почти черная, красная, коричневая, желтоватая. Она лучше отмучена, имеет меньшее количество примесей, особенно крупных, в ней встречается слюда.

Кухонная керамика архаического времени района Ольвии — Березани специально не изучалась. Известна очень обобщенная публикация Р. И. Ветштейн и отдельные упоминания о кухонных сосудах при издании отдельных памятников [Археология УРСР, 1971, т. 2, с. 403; Леви, 1964а, с. 161; Крижицкий, Русяева, 1978, с. 7; Козуб, 1979, с. 29].

Кастрюли. Это круглодонные сосуды с низкой горловиной и уступом под крышку, округлым корпусом, чаще всего петельчатыми ручками, помещенными на плечах, иногда снабженные носиком-втулкой. Они различаются, главным образом, формой корпуса и верхней части (горловина, венчик). Исходя из данных рассматриваемой коллекции, проведена предварительная классификация вариантов оформления горловинной части кастрюль: по форме деталей горловины (венчик, уступ под крышку, шейка), которая подвержена, пожалуй, наибольшим колебаниям в сочетаниях разных признаков. В коллекции выявлены следующие варианты оформления горловинной части (рис. 29, 17—25).

I. Горловина вертикальная (1,5—1,7 см), с небольшим утолщением в нижней части. Венчик выступает наружу, верхняя образующая и уступ горизонтальны (рис. 29, 17).

II. Горловина отклоняется наружу, расширена кверху (1,5—2 см). Верхняя образующая венчика слегка закруглена и не отделяется от шейки (подвариант — немного выступает наружу). Уступ горизонтален, сужается к краю (рис. 29, 18—20).

III. Горловина вертикальная (1,5—2 см), иногда с очень небольшим отклонением наружу. Венчик горизонтален (иногда слегка скошен), не отделяется от шейки. В основании шейки —

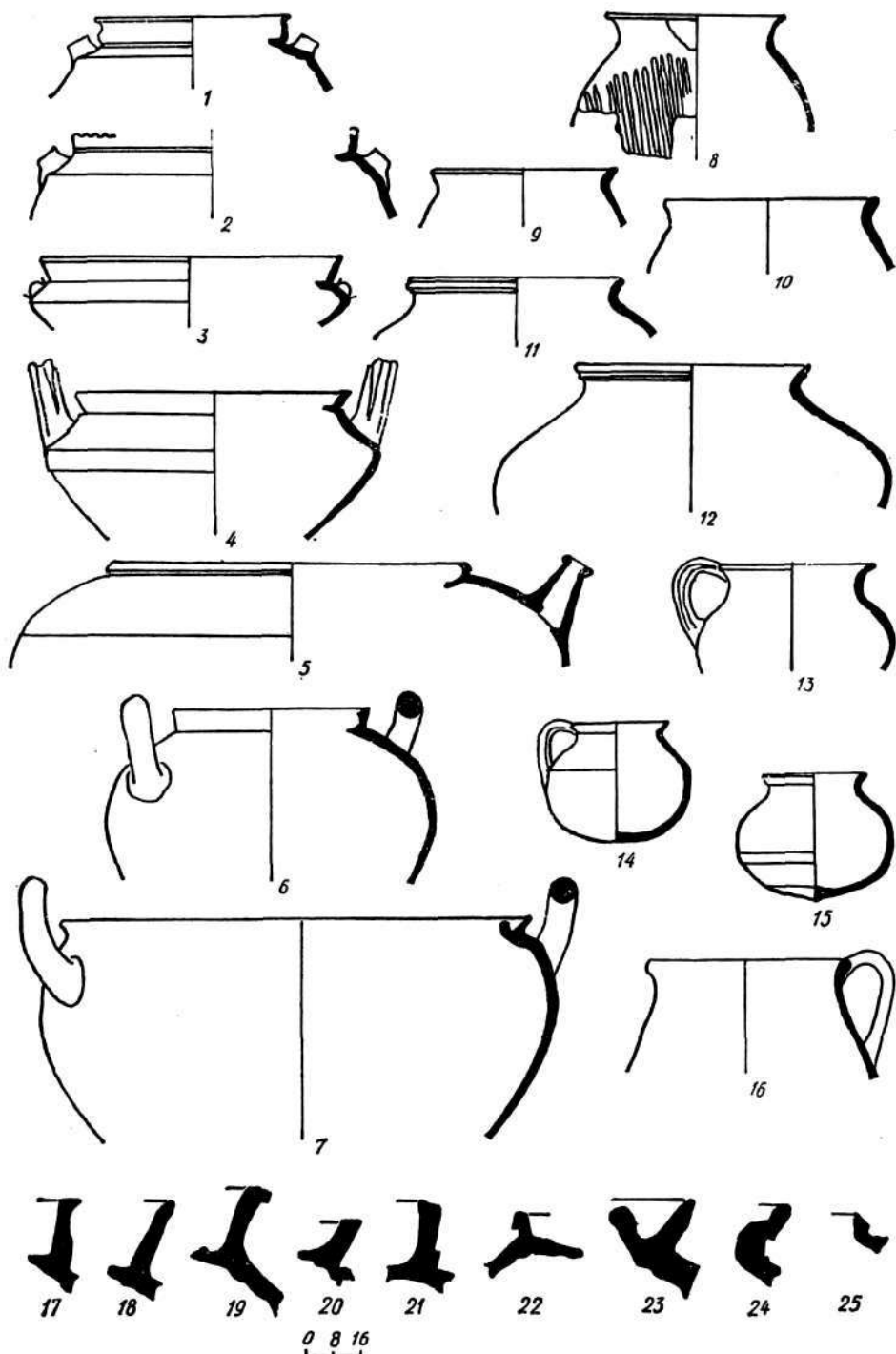

Рис. 29. Кухонная керамика.

тонкий валик (0,2 см) или желобок (редко — без профилировки, IIIa). Уступ горизонтален (рис. 29, 21).

IV. Горловина низкая (0,7 см), с едва заметным утолщением в центральной части. Венчик ровный, не выделенный. Уступ слегка наклонен внутрь кастрюли, сужается к краю (рис. 29, 22).

V. Горловина расширена сверху (1,5 см). Венчик горизонтальный, невыделенный. Уступ поднят вверх (в сечении — развилка) (рис. 29, 23).

VI. Горловина расширена сверху (1 см). Венчик не выделен. Уступ валикообразный (рис. 29, 24).

VII. Горловина вертикальная (0,7 см). Венчик не выделен. Уступ отсутствует (рис. 29, 25).

По характеру образующей корпуса и его пропорций вычлениются остросереберные кастрюли, с выделенными плечами и шарообразные.

Остросереберные кастрюли (тип 1). Это сосуды с высокой вертикальной горловиной, верхняя часть венчика срезана горизонтально или отогнута немного наружу, с довольно широким (до 0,7 см) выступом под крышку, прямыми узкими немного скошенными плечами, резким перегибом в месте перехода к нижней части корпуса. Сосуд имеет угловатые, с четким членением частей, очертания. Круглые ручки крепились по месту перегиба или на плечах. Стенки почти вертикальны или расширяются. Дно не сохранилось (рис. 29, 1, 2). Судя по аналогичной кастрюле из раскопок афинской агоры, придонная их часть конусовидно сужается к центру, однако линия образующей имеет здесь небольшую выпуклость [Sparkers, Talcott, 1970, N 1953]. Среди сосудов ольвийско-березанской коллекции остросереберный корпус сочетается с I и II вариантами оформления горловины. Такие кастрюли, очевидно, привозные, серо- и красноглиняные (АБ 66—232, 64—543, 71—13).

Кастрюли с выделенными плечами (тип 2). Для них характерна некоторая приплюснутость корпуса, выделенность плечей, скошенный или приближающийся к горизонтали характер плечевой части, округлая линия места расположения максимального диаметра. Подтипы различаются по пропорциям корпуса, варианты — характером оформления горловинной части сосуда (рис. 29, 3, 4).

К типу 2 относится низкая кастрюля с узкими плечами и низким широким корпусом (АБ 64—570) (рис. 29, 3). Горловина вертикальная, с невыделенным венчиком, немного отклоняется

наружу (II вариант). Судя по сколам, круглые в сечении ручки крепились на плечах, имели форму прямоугольной петли. Кастрюли изготовлены из красной глины, с мелкими примесями, поверхность шероховатая. Близкая аналогия известна в материалах афинской агоры, где датируется 425—400 гг. до н. э. и определяется в качестве *λόλας* [Sparkers, Talcott, N 1968].

К этому же типу относится фрагментированная кастрюля из поселения Большая Черноморка (Б. Ч.—74—260) (рис. 29, 4). Корпус иных пропорций. Кастрюля больше вытянута по вертикали, придонная часть несколько выше. Горловина имеет оформление варианта II; уступ под крышку профилирован. Петельчатая круглая ручка поднимается высоко над горловиной. На уровне оснований ручек кастрюля орнаментирована тонкими желобками. Глина красная, без выразительных примесей.

К этому же типу относится экземпляр АБ 71-29, отличающийся рядом второстепенных признаков. У него очень низкая, слегка наклоненная внутрь горловина с ровным венчиком, уступ для крышки отсутствует (вариант VII), шейка и плечи в месте их наибольшего расширения украшены горизонтальными желобками. Ручки на плечах.

Кастрюли-котлы с шаровидным корпусом (тип 3). Эти кастрюли с практически невыделенными плечами, обычно имеют довольно высокую горловину разных вариантов (II, III, IV, V, VI), небольшой уступ для крышки. По наружной поверхности основания горловины проходит желобок или валик. Петельчатые круглые в сечении ручки на плечах, поднимаются немного выше венчика. Нередко кастрюли снабжены носиком (рис. 29, 5—7). Этот тип шире других распространен среди кухонной керамики и встречается практически во всех архаических комплексах и слоях. Именно такие шаровидные кастрюли представлены фрагментами верхних частей сосудов из раскопок Березани, Ольвии и поселений ее хоры [Леви, 1964а, с. 156, 158, 161; Крижицкий, Русяева, 1978, с. 7; Козуб, 1979, с. 17]. Все они тонкостенные,

отличаются достаточно четкой профилировкой, изготовлены из красной глины, с известковыми, кварцевыми и нередко со значительными слюдянистыми примесями. Последнее заставляет предполагать импортное происхождение сосудов. Несколько отличается более кирпичным тоном глины фрагмент горловины из поселения Большая Черноморка (Б. Ч.—71—453). Другая кастрюля снабжена редким по форме конусовидным длинным носиком со сквозным отверстием (длина носика 5,2 см). Кастрюля из Ольвии (0—78—ЮЗА—1383) отличается совершенно оригинальным оформлением устья (вариант V). Горловина расширяется кверху, венчик не выделен. Уступ под крышку не горизонтален как обычно, а поднимается кверху, доходя почти до уровня венчика. Круглая ручка поднимается над горловиной. Кастрюля сделана из красной глины со светлыми мелкими примесями (рис. 29, 7).

Таким образом, кастрюли VI—V вв. до н. э. в Ольвийско-Березанском регионе представлены небольшим количеством основных типов, различающихся, главным образом, вариантами оформления горловины. Большинство их, возможно, привозные, однако достаточно точно установить соотношение импорта и местного производства кухонной керамики не представляется возможным.

Горшки. К этой группе относятся сосуды с отогнутой короткой горловиной и большим, чаще всего округлым корпусом, с ручками, отходящими от венчика, обычно вертикальными, иногда без них. Они составляют преобладающее большинство в массовой кухонной керамике Ольвии, Березани и других поселений. Горшки сохранили свою форму практически неизменной в течение длительного периода, вплоть до эпохи эллинизма.

Основные различия между сосудами заметны в размерах, особенностях венчика и других деталей. Так, сосуды грубо делятся на большие (диаметр 25—30 см) и малые (диаметр 10—15 см). По характеру оформления венчика выделяются основные типы горшков: с профилированными венчиками; с непрофилированными венчиками; горшки-кувшины. По форме корпуса

можно выделить не менее двух вариантов — с ровными, скошенными в верхней части стенками и округлой нижней частью и с равномерно округлым корпусом. Горшки, несмотря на их утилитарное, сууго кухонное назначение, бывают орнаментированы. Чаще всего это вертикальные пролощины, расходящиеся от горла книзу. Иногда, как и кастрюли, бывают украшены узкими рельефными желобками и валиками по горлу (0—78—ЮЗА—1382, 0—79—Е—6—771).

Горшки с профилированными венчиками (тип 1). Большой кухонный горшок происходит из позднеархаической ямы в Ольвии (0—79—Е—6—771). Он изготовлен из типичной для кухонной посуды глины. Венчик отогнутый, тонкий, по наружной стороне — небольшая профилировка. Шейка отсутствует, плечи прямые, место размещения максимального диаметра четко не выделено, образующая корпуса округлая. Очевидно, горшок круглодонный. На плечах — неопределенные мазки красной краской. Наружная поверхность сосуда, возможно, была дополнительно обмазана той же глиной (рис. 29, 12).

Кухонный красноглиняный горшок с вертикальными пролощинами найден в позднеархаическом комплексе полуземлянки № 398 (0—78—ЮЗА—1382). Венчик — ровный край с небольшой профилировкой по внешней стороне, короткая расширяющаяся книзу шейка, плавно переходящая в округлый корпус. Место перехода подчеркнуто. В глине мелкие редкие примеси золотистой слюды. Возможно, горшок привозной (рис. 29, 11). Отсюда же происходят фрагменты аналогичных горшков, отличающиеся менее выраженной профилировкой и тусклыми пролощинами.

Горшки с непрофилированными венчиками (тип 2). Они известны в метрополии и Северо-Западном Причерноморье [Sparkers, Talcott, 1970, pl. 93; Alexandrescu, 1966, с. 245, 153, pl. 69, 85]. Все они довольно тонкостенны, в форме корпуса наблюдаются оба варианта: скошенная линия плечевой части и равномерно округлые (рис. 29, 8—10). На Бейкуше найден горшок больших размеров (диаметр устья

34 см) с отогнутым венчиком, заканчивающимся заострением. Шейка отсутствует, плечи в верхней части прямые (нижняя не сохранилась). Сделан из серо-коричневой грубой глины, внешняя поверхность немного заглажена. Обращает внимание наличие значительного количества блесток слюды в глине; возможно, сосуд привезен из метрополии.

Горшки-кувшины (тип 3). К ним относятся горшки с вертикальными широкими уплощенными ручками (рис. 29, 13—15). Правда, та же фрагментарность керамики может нередко способствовать путанице в классификации — горшки и горшки-кувшины не всегда различаются.

Горшки-кувшины часто встречаются на многих поселениях — Каборге, Бейкуше, Большой Черноморке, Ольвии, Березани. Один из вариантов — горшки с уплощенной ручкой — обнаружены на Каборге (Каб. 1—71—37) и Березани (АБ 63—709). Интересен березанский экземпляр, изготовленный из островой глины — коричневатой, с большим количеством блесток слюды. Он имеет довольно широкую ручку, отходящую от верха венчика и скошенные прямые плечи (рис. 29, 16).

Среди горшков-кувшинов выделяются маленькие (диаметром 8—10 см) круглодонные сосуды из красной или сероватой глины, снабженные чаще всего одной ручкой, отходящей от венчика (рис. 29, 14, 15). Сосуды этого типа широко представлены многочисленными экземплярами на Бейкушском поселении, в Ольвии, Березани. Кувшинчик со скошенными плечами найден в яме № 421 Центрального квартала Ольвии (0—79—Е—6—663) вместе с материалами VI — середины V вв. до н. э.

Особый подтип представляет собой горшок типа кувшина с Березани (АБ 71—475), отличающийся наличием цилиндрического горла с тонким, немного отогнутым венчиком. Плечи резко отделены от корпуса, который был, очевидно, шаровидным. Глина светло-красная. Аналогичные формы известны в сероглиняной керамике. Близкие сосуды найдены в Истрии в комплексе погребения 510—490 гг. до н. э. и в

Афинах, где он датируется 490—450 гг. до н. э. [Sparkers, Talcott, 1970, N 1946; Alexandrescu, 1966, p. 158, pl. 73, XII, 3].

Сковороды. Это низкие плоские толстостенные сосуды с вертикальными или слегка расширяющимися кверху бортами. Иногда снабжались петлевидными или стержневидными ручками. Глина чрезвычайно грубая. Фрагменты сковород найдены на всех поселениях.

Таким образом, кухонная керамика VI—V вв. до н. э. представлена в ольвийско-березанском районе относительно небольшим числом типов, но все же достаточно разнообразно. Соотношение местного и собственно греческого производства устанавливается с трудом, но можно со значительной уверенностью говорить о большом объеме привозной кухонной керамики, особенно кастрюль и части горшков. Сковороды были, очевидно, местными.

Лутерии

Это широкие низкие плоскодонные чаши, использовавшиеся в быту, хозяйстве, для ритуальных целей. Изучению лутериев посвящено несколько работ [Книпович, 1940в, с. 151—153; Зеест, Марченко, 1962, с. 149—166; Лейпунська, 1980, с. 32—46].

Основная масса лутериев поступала из малоазийских (ионийских) центров и Коринфа.

По своим формально-типологическим признакам лутерии VI—V вв. до н. э. относятся главным образом к лутериям со «сплошными» венчиками различных типов и вариантов [Лейпунська, 1980, с. 33]: с архитектурным декором (тип 1), с треугольным в разрезе венчиком на низком поддоне (тип 2) или на плоском дне (тип 3) с округлым утолщенным венчиком на высоких поддонах (тип 4), с прямоугольным в сечении утолщенным краем разной профилировки (тип 5) и конусовидные (тип 6).

Лутерии с архитектурным декором (тип 1). Из Ольвии происходит несколько фрагментов лутериев с орнаментацией в стиле архитектурного декора. Обычно это большие низкие массивные плоскодонные чаши, по форме напоминающие сковороды, внешняя

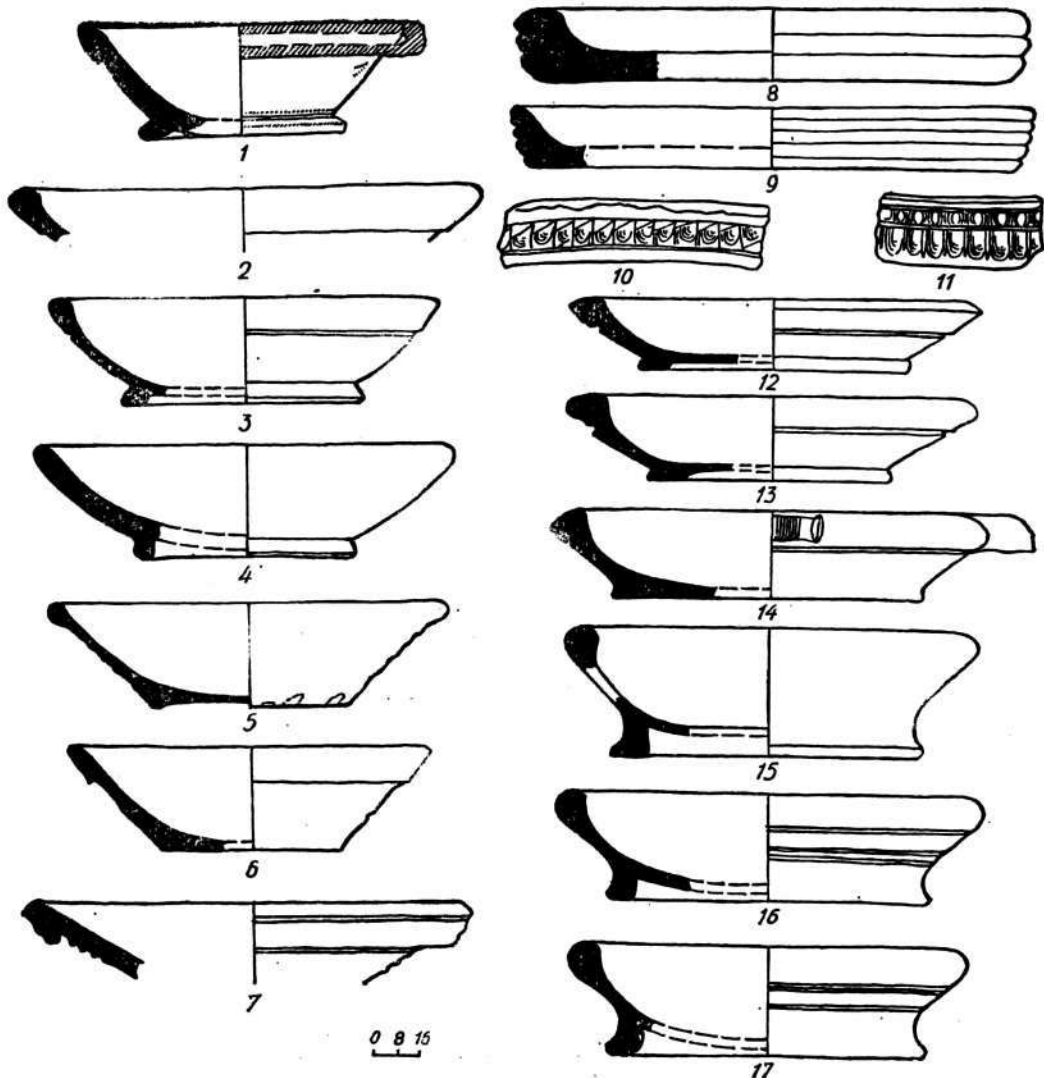

Рис. 30. Лутерии.

сторона которых украшена рельефно выполненным орнаментом — овы, астрагалы и т. д. (рис. 30, 8—11; 31, 1). Так, в Ольвии найдены части сосудов, внешняя поверхность которых украшена рельефными поясами ов и жемчужин (0 72—23—АГД, 0 62—1504) [Лейпунська, 1980, с. 34, 35, рис. 1, 6, 7]. Они изготовлены из грубой красной или оранжевой глины со светлыми и темными матовыми примесями. Поверхность покрыта обмазкой. Происхождение их не определяется с достаточной точностью, однако исследовате-

ли афинской агоры некоторые из лутериев с архитектурным декором считают аттическими [Sparkers, Talcott, 1970, pl. 89].

Описываемые лутерии не найдены в закрытых комплексах, однако обычно сосуды с аналогичной орнаментацией датируются VI—V вв. до н. э. [Зеест, Марченко, 1962, с. 153—156; Sparkers, Talcott, 1970, pl. 89].

Лутерии с треугольным в разрезе венчиком, на низком поддоне (тип 2). Широкое распространение получили лутерии с массивным «сплошным» венчиком, приближающимся в разрезе к треугольному и отделенным желобком

или валиком от округлого резервуара на низком широком поддоне (0—60—106, 0—73—396 и др.). Лутерии снабжены прямоугольными в плане сливами с широкими боковинами и аккуратно оформленным ложем. Ручки выполнены в форме выступов, орнаментированных бороздками (рис. 30, 12—14). На Боспоре форма этих лутериев прослежена среди светлоглиняных сосудов, в Ольвии же нередки и красноглиняные. Один из вариантов типа представляет собой красноглиняный лутерий со светлым покрытием (ШБ 1975—1673, 1674) со «сплошным» расширенным по горизонтали треугольным венчиком, нижняя граница выделена узким желобком. Резервуар округлый, толстостенный, на широком низком поддоне. Лутерий снабжен хорошо сформованным узким сливом, углубленным в горизонтальную часть венчика. Аналогичные светлоглиняные лутерии с отогнутым краем найдены в Пантикапее в доме VI—V вв. до н. э. [Зеест, Марченко, 1962, с. 151, рис. 2, 6].

Близок описываемому лутерию и фрагмент из красноватой глины с белой пористой поверхностью (ШБ VI—1975—1816). Встречаются аналогичные фрагменты отдельных красноглиняных и светлоглиняных венчиков и днищ на Березани, поселениях Бейкуш, Широкая Балка и др. (АБ 70—314, АБ 71—507, ШБ 49—1854 и др.).

Лутерии с треугольным в разрезе венчиком, на плоском поддоне (тип 3). Один из таких лутериев представляет собой широкий низкий сосуд с треугольным сечением венчика с закругленной внешней образующей, подчеркнутой тонко прочерченным желобком по внешней поверхности сосуда, с плоским дном (АБ 66—413) (рис. 30, 14; 31, 3) [Лейпунська, 1980, с. 34, рис. 1, 19]. Придонная часть отделена от стенок, образующая здесь вертикальна, подошва ровная, без поддона, украшена двумя концентрическими желобками. Лутерий имеет небольшой слив и выступ-ручку с бороздками. Сосуд тщательно сформован из чистой светлой глины, детали его четко профилированы. Хотя этот экземпляр не происходит из закрытого комплекса, но, судя по форме, его следует отнести

Рис. 31. Лутерии и пифосы.

к позднеархаическим — раннеклассическим образцам. Близок к нему коринфский лутерий из раскопок афинской агоры, датирующийся 450—425 гг. до н. э. [Sparkers, Talcott, 1970, fig. 16, N 1912].

Лутерии с округлым утолщенным венчиком, на высоких поддонах (тип 4). Такие лутерии иногда называются чашами с рельефным орнаментом [Зеест, Марченко, 1962, с. 151—152, рис. 3]. Однако материалы ольвийско-березанского района дали большое количество таких сосудов, но без рельефной орнаментации (рис. 30, 15—17). Чаще всего они изготовлены из красно-желтоватой глины с примесями слюды и мелкими белыми включениями. Поверхность иногда покрыта светлой обмазкой. Ручки-выступы с аккуратно выполненными рельефными бороздками. Изредка сосуды украшены узкими фризами жемчужника. В Ольвии такие лутерии встречаются довольно часто (0 71—1062 и др.) [Лейпунська, 1980, с. 36]. Известны они и на Березани (АБ 76—693), Широкой Балке (ШБ VI—1975, ОШ 49—500, 846, 879), Дмитриевке (Дм. 75—152, 144), и в боспорском материале [Зеест, Марченко, 1962, с. 151—152]. И. Б. Зеест и И. Д. Марченко отметили, что такие лутерии имели рельефный орнамент, фигурные ручки, и датировали их концом VI — началом V вв. до н. э.

Чаши с прямоугольным в сечении утолщенным краем различной профилировки (тип 5). В нашем материале они представлены главным образом фрагментами светлоглиняных и красноглиняных венчиков (БЧ—67—123, 173, 184; БЧ—76—259, 224 и др.) и лишь двумя целыми экземплярами из Березани (рис. 30, 1—3). Донья из аналогичной глины имели форму невысоких поддонов или были плоскими, «плиточными». И. Б. Зеест и И. Д. Марченко отмечали только светлоглиняные сосуды с такими венчиками [1962, с. 151—152]. Однако в ольвийско-березанском районе встречаются изделия из красной и коричневой глины, поверхность бывает покрыта более светлой, чем глина, обмазкой, иногда очень плотной. Особенно много таких «светлоглиняных» чаш с прямоугольными венчиками найдено на Березани. Так, венчик АБ 69—382 напоминает край коринфских лутериев, однако состав глины резко отличается от них.

По форме венчика к этому же типу можно отнести и лутерий АБ 66—315 (рис. 30, 1), хотя он и отличается от него рядом признаков. Сосуд представляет собой довольно высокую (около 10 см) чашу с прямоугольным в разрезе, напоминающим валик, венчиком с подсечкой по наружной стороне, в скошенных стенками, на очень низком поддоне (0,2 см). Форма поддона своеобразна — по внешней стороне его образующая скошена наружу, создавая расширенное основание, подошва частично закруглена. Лутерий снабжен коротким сливом с вогнутым краем, несколько сглаженной формы. Сосуд выполнен из красной и желтоватой глины с большим количеством слюды. Венчик с внешней и внутренней стороны покрыт черным лаком. Орнаментация напоминает декор ионийских амфор VI в. до н. э. Аналогичную чашу с венчиком, покрытым лакообразной краской, И. Б. Зеест и И. Д. Марченко относят к малоазийскому производству VI—V вв. до н. э. [1962, с. 149—150].

Другой лутерий является вариантом описываемого типа (АБ 60—276). Венчик имеет вид прямоугольного в разрезе утолщенного края сосуда с закругленной верхней образующей. Дно

оформлено небольшим поддоном. Изготовлен из красной глины с редкими темными примесями, покрыт розоватой обмазкой. По материалу и характеру покрытия сходен с лутериями типа 4.

Красноглиняный со светлой обмазкой лутерий из Березани (АБ 61—684) имеет только слегка выделенный толщиной венчик без всякой профилировки и небольшой узкий поддон.

По характеру венчика к этому же типу относятся и коринфские лутерии, представленные лишь фрагментами венчиков (0 73—117, 0 69—50 и др.). В Северном Причерноморье целые коринфские чаши известны среди боспорского материала [Зеест, Марченко, 1962, с. 151, 153, рис. 2, 5]. Все венчики представляют собой прямоугольный в разрезе утолщенный карнизовидный край чаши, верхняя часть образующей закруглена, внешняя — прямая или слегка вогнутая, нижняя представляет собой довольно широкую подсечку (0,5—0,7 см). Подобные лутерии изготовлены из светлой с крупными примесями, пустотами, частицами песка и крупных частиц кварца глины; обмазка обычно плотная, светлая желтовато-зеленоватая. Коринфские лутерии обычно датируются VI—V вв. до н. э. [Гайдукевич, 1952, с. 48, рис. 51; Зеест, Марченко, 1962, с. 153].

Конусовидные чаши (тип 6). К ним относятся светлоглиняные плоскодонные (без поддона) лутерии, венчик которых в разрезе приближается к трапеции, с почти ровной образующей, без всякой профилировки, с прямыми скошенными стенками (рис. 30, 5—7). Они известны лишь по материалам Березани (АБ 75—891, 74—183, 63—837, 71—404). Среди них выделяются лутерии, напоминающие конусовидные чаши, но с вытянутым по вертикали прямоугольным или треугольным в разрезе венчиком с глубокой подсечкой (с «завернутым» или «нависающим» краем). Ниже подсечки, нередко закругленной, бывает рельефный острый или закругленный выступ-валик (АБ 74—273, 544 и др.).

Формы венчика отличаются друг от друга отсутствием профилировки и величиной подсечки. Стенки прямые, рез-

ко расширяющиеся кверху. Плоское дно, без поддона, но выделенное по внешней стороне (АБ 74—311). Такие лутерии изготавливались из различной глины — коричневатой с блестками слюды и светлой обмазкой; светлой без обмазки; красной с розоватой обмазкой. Возможно, последние делались в том же центре, что и лутерии типа 4 (АБ 74—322, 75—330).

Интересен лутерий с «завернутым краем» (АБ 74—311). Его вытянутый венчик заострен вверху, подсечка неглубокая, сечение «конусовидное» с немного округлыми образующими. Стенки прямые, скошенные, дно плоское, «плотное», имеет вид слабо выделенной подставки с вертикальными стенками. Чаша изготовлена из островной, напоминающей самосскую, глины — желтовато-коричневатой с большим количеством блесток слюды (рис. 30, 6).

Фрагменты лутериев, не дающие впечатления о целостной форме сосуда, найдены на многих поселениях.

Исследование лутериев из ольвийско-березанского района VI — начала V вв. до н. э. показало значительное разнообразие их форм и достаточно широкий ареал поставщиков этих сосудов в Северное Причерноморье. Большинство лутериев происходило из малоазийских центров Греции, относительно небольшое количество сосудов поступало из Коринфа и, возможно, Аттики и некоторых островных мастерских. Эти сосуды достаточно широко использовались повсеместно, но, возможно, были больше связаны с городским бытом. Отметим, что особенно большое количество разнообразных лутериев VI—V вв. до н. э. обнаружено на Березани, их число даже превышает число ольвийских находок. Многие из типов лутериев, найденных на Березани, в Ольвии вообще не встречаются. На небольших поселениях лутерии встречаются единицами.

Самые ранние образцы лутериев относятся ко времени не позднее начала — середины VI в. до н. э., однако преобладающими являются сосуды VI — начала V в. до н. э.

Амфоры

Амфорный комплекс архаического времени из Ольвии и отдельных поселений ее хоры в определенной мере уже исследовался. В работе И. Б. Зеест [1960] керамическая тара из Ольвии и Березани представлена только отдельными экземплярами. Некоторые редкие амфоры самосского происхождения привлекли внимание И. Б. Брашинского. Им же выделены среди ольвийского материала амфоры Эгины [Брашинский, 1963, с. 20—24; 1967, с. 22—26]. Отдельные амфоры опубликованы также Т. Н. Книпович и Е. И. Леви [Книпович, 1940, с. 92—106; 1949, с. 21—30; Леви, 1956, с. 40—43; 1964а, с. 131—175]. Большинство исследователей обычно ограничивались констатацией наличия тех или иных амфор, привлекаемых попутно с перечислением всего материала [Капошина, 1956а, с. 158; Славин, 1962, с. 8; Козуб, 1974, с. 69—70; 1979, с. 3—33; Крижицкий, Русяева, 1978, с. 26—35]. Монографическое исследование амфорного материала архаического и классического времени проведено Н. А. Лейтунской [1981].

Сложность и разнообразие керамической тары делают необходимой «двойную» классификацию. С одной стороны, формально-типологический анализ форм сосудов и классификация их по морфологическим признакам дают возможность найти место для хронологически и типологически не определенных объектов. С другой стороны, привязка амфор к тем или иным центрам производства необходима для историко-экономических выводов. Поэтому при описании и интерпретации амфорного материала необходимо сочетание этих двух аспектов.

Амфоры VI—V вв. до н. э. происходят из различных центров метрополии, что и положено в основу предлагаемого ниже описания.

Весь Ольвийский регион эпохи архаики имел устойчивые связи с рядом ионийских центров как однозначно локализованных, так и точнее пока неопределимых. Кроме того, в это время в небольшом количестве сюда поступают амфоры из Коринфа и Эгины.

В целом для амфорного комплекса Ольвийско-Березанского региона характерна определенная однородность. Различия проявляются лишь в отдельных хронологических деталях — на поселениях Березань и Ягорлык известны образцы более ранних групп сосудов, часть которых в Ольвии и на одновременных с ней поселениях встречается редко (например, амфоры с белой облицовкой).

Хиосские амфоры. Остров Хиос один из наиболее крупных центров метрополии, производящих керамику. Его амфоры и расписные сосуды были чрезвычайно распространены в Средиземноморье и Причерноморье. В Северном Причерноморье продукция Хиоса появилась вместе с первыми греческими поселенцами и сохраняла свое значение еще в IV в. до н. э. В архаическое время сюда поступали различные типы хиосских амфор, отличавшиеся настолько характерными признаками, что сомнений в их происхождении нет [Зеест, 1960, с. 70—74; Лейпунская, 1981, с. 55—56].

Амфоры с белой облицовкой (тип 1). Самыми ранними образцами керамической тары Хиоса (последняя четверть VII — первая половина VI вв. до н. э.) на территории Ольвийско-Березанского региона являются так называемые амфоры с белой облицовкой. [Anderson, 1954, p. 139, pl. 7a, 17, 24; Cook, 1958—1959, fig 4; Boardman, Hayes, 1966, p. 137].

В вопросе о датировке этих амфор все еще отсутствует единство. Так, П. Александреску доводит их до третьей четверти VI в. до н. э. [1976, p. 119], что подтверждается и находками на Березани [Копейкина, 1981a, с. 206]. Однако уже в комплексах второй половины VI — начала V вв. до н. э. они практически не встречаются.

Амфоры представляют собой сосуды с яйцевидным корпусом, с несколько «обвислой» линией плеч, высоким цилиндрическим горлом с припухлым округлым или эллипсоидным венчиком, овальными почти круглыми в сечении ручками, ножкой в виде поддона со сглаженной линией образующей и глубокой цилиндрической ямкой. Поверхность обычно покрыта плотной бе-

лой или желтоватой обмазкой-ангобом, по которой выполнена орнаментация лакообразной краской в виде пересекающихся полос, окружностей, волют; в частности, окружность помещается вокруг основания ручек (рис. 32, 1).

Амфоры с белой облицовкой довольно часто встречаются на Ягорлыке и Березани, реже — в Ольвии и на поселениях Бейкуш, Каборга, Широкая Балка и др. [Рабичкин, 1951, с. 122; Славин, 1955a, с. 95—110; Скуднова, 1957b, с. 138, 139; Островерхов, 1978b, с. 12; Рубан, 1980, с. 106; Копейкина, 1981a, с. 197, 206]. В целом виде такие сосуды здесь пока не найдены, однако на Березани и Бейкуше обнаружены довольно крупные их фрагменты — горла, корпуса и т. п. Обращает внимание один из фрагментов крупной амфоры из Березани (АБ 61—655), по стилю росписи сходный с амфорами с белой облицовкой, но отличающийся размерами и формой высокого эллипсоидного припухлого венчика (вариант обычного типа венчика).

В Ольвии (участок Л) встречен фрагмент горла крупной амфоры с росписью. На поселениях Бейкуш найдены не только стенки, но и профилированные детали — массивная, почти круглая, ручка, фрагменты высокого, слегка расширяющегося кверху горла с валикообразным нерезко выделенным венчиком, яйцевидным корпусом; большие фрагменты корпуса и горла с росписью окружностями вокруг основания ручек и горизонтальными полосами и дугами (Бейк. 65—168, 161; 69—18; 115, 130 и др.) (рис. 32, 1). Некоторые авторы отмечают отсутствие амфор с белой облицовкой на архаических поселениях, расположенных к северу от Ольвии и датирующихся временем не ранее середины VI в. до н. э. (Козырка, Старая Богдановка, Чертоватое II и III) [Рубан, 1980, с. 106].

Амфоры с белой облицовкой известны и в других районах Северного Причерноморья — в Нимфее [Зеест, 1960, с. 70; Худяк, 1962, с. 41; Блаватский, 1962, рис. 4], в Истрия [Dumitriu, 1966, S. 89, t. 21].

Амфоры с воронковидным или прямым горлом (тип 2). Амфоры с ворон-

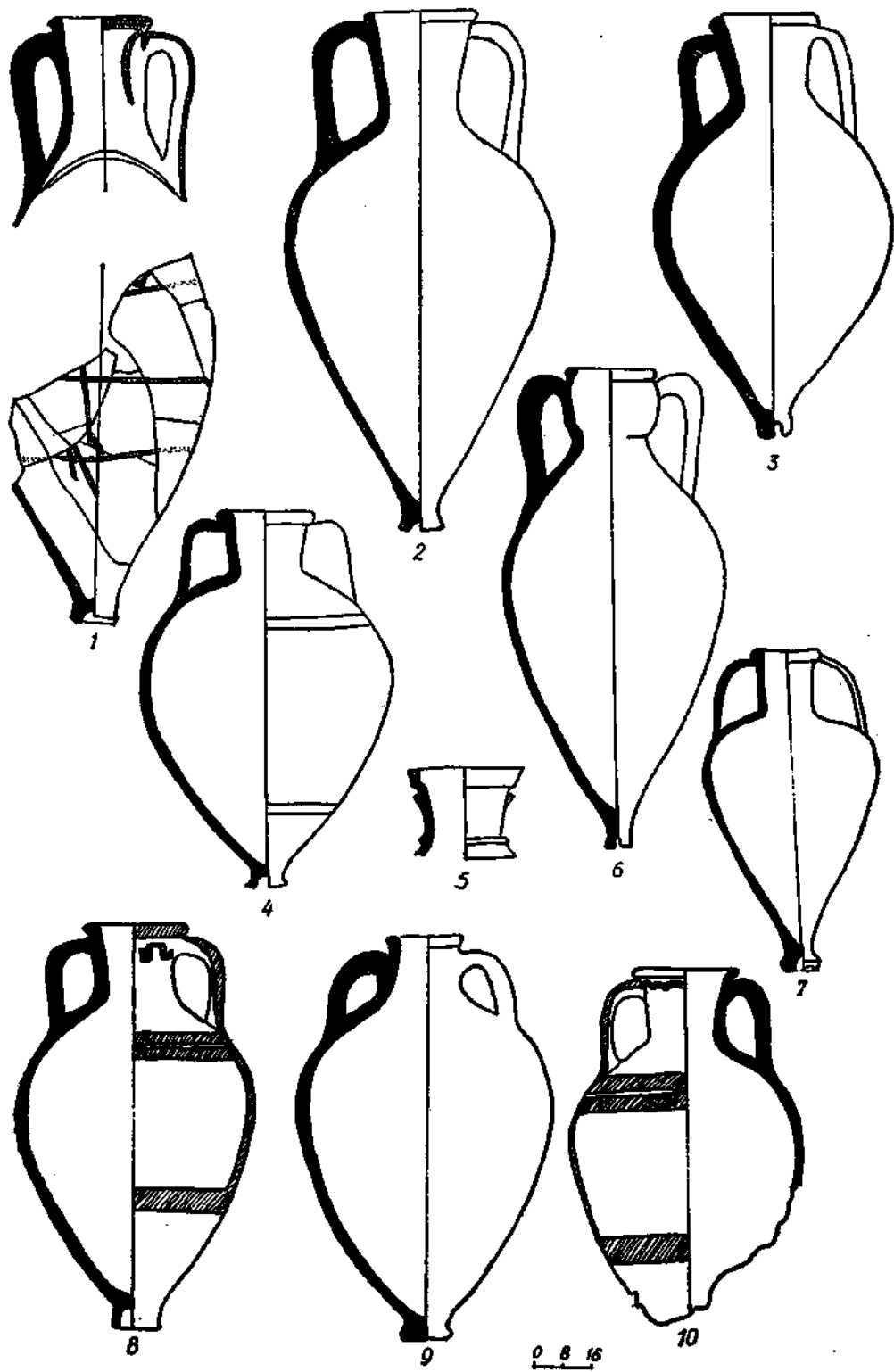

Рис. 32. Амфоры.

ковидным или почти прямым горлом и раздутым округлым корпусом середины VI в. до н. э. встречаются редко. Горло относительно невысокое с валикообразным венчиком, ножка цилиндрическая с цилиндрической же или грибовидной ямкой, небольшие эллипсоидные в разрезе ручки (рис. 32, 2, 3). Встречаются значки дипинто на горле, ornamentация узкими полосками лакообразной краски. В Ольвии известны целые экземпляры таких амфор. Одну из них, найденную при раскопках некрополя 1909 г., И. Б. Зеест датирует первой половиной — не позднее середины VI в. до н. э. [Зеест, 1960, с. 133].

И. Б. Брашинский считает такие амфоры наиболее ранними, однако не дает определенной датировки, справедливо отмечая их единичность [1976, с. 99]. Судя по находкам этих амфор и в более поздних слоях, их следует все же датировать серединой — второй половиной VI в. до н. э. [Лейпунская, 1981, с. 29]. Из последних находок отметим амфору с воронковидным горлом, найденную в яме № 1 на территории Ольвийского предместья [Козуб, 1979, с. 23, рис. 17, 5]. Судя по форме горла, амфора относится ко второй половине VI в. до н. э. Интересен этот образец тем, что при характерных для ранних пухлогорлых амфор метрических и морфологических признаках корпуса он имеет воронковидное невысокое горло. Амфору можно отнести к переходным сосудам от прямогорлых к пухлогорлым.

Прямогорлые амфоры с яйцевидным корпусом (тип 3). Этот тип хосских амфор по форме корпуса и деталей сходен с пухлогорлыми, однако отличается прямыми очертаниями горла. Такой сосуд найден в комплексе ямы № 421 в Ольвии (Центральный квартал). Все остальные амфоры комплекса относятся к раннепухлогорлым (Хиос 1) второй четверти — середины V в. до н. э. Форма сосуда (более высокое расположение места максимального диаметра, чем на сосудах VI в. до н. э., но линия выражена не четко) свидетельствует о несколько более поздней датировке амфоры, ее можно отнести ко времени не ранее начала V в. до н. э.

Раннепухлогорлые амфоры, Хиос 1

(тип 4). Они представлены в Ольвийско-Бережанском регионе значительным количеством [Граков, 1935, с. 179; Зеест, 1960, с. 74, 78; Брашинский, 1976, с. 99; Лейпунская, 1981, с. 28]. Для более раннего варианта (конец VI — начало V в. до н. э.) характерны округлый корпус, отсутствие переходной шейки на горле, нерезко выраженная припухлость. Размещение максимального диаметра размыто, четко не выделяется. Для более позднего варианта — вторая четверть — середина V в. до н. э. [Грассе, 1961; Брашинский, 1976, с. 90] типично наличие небольшой переходной шейки, четкая припухлость, покатые плечи, яйцевидный корпус. Ножки различаются лишь мелкими деталями (рис. 32, 6).

Рассмотрим хосские раннепухлогорлые амфоры из закрытых комплексов Ольвии.

Комплекс ямы № 421 состоит из 10 амфор, из которых к раннепухлогорлым относится восемь, две — не хосские. Яма открыта в слое, подстилающем строительные остатки Западного торгового ряда. Ее заполнение содержало большое количество керамического материала не позднее середины V в. до н. э. Две амфоры, лежавшие в нижнем горизонте заполнения, принадлежат позднему варианту раннепухлогорлых, как и почти все найденные выше. Все амфоры имеют припухлое горло при отсутствии переходной шейки, иногда припухлость слабо подчеркнута, покатые плечи, низкое размытое размещение максимального диаметра (яйцевидный корпус), пухлые округлые венчики и цилиндрические ножки с грибовидной ямкой Хиос 1 [Лейпунская, 1981, с. 28]. На амфорах широкими мазками нанесены знаки дипинто — большая А на плечах, полосы и кресты по вертикали через весь корпус, крест на горле и по корпусу и т. д. В одной из амфор найдено восемь дельфинчиков, лежавших в остатках масла (?). На плечах амфоры нанесены две группы вертикальных насечек (восемь и семь), связанные с системой счета [Lang, 1956]. Наличие остатков масла, если верно определено вещество, еще раз свидетельствует о разнообразии назначения амфорной тары, которое не

ограничивалось только хранением и транспортировкой вина.

На агоре и теменосе Ольвии открыто еще несколько ям VI—V в. до н. э., заполненных пухлогорлыми амфорами [Славин, № 1950/11, с. 38; Леви, 1956, с. 41, 42; 1964а, с. 134, 135]. Хиосская амфора конца VI в. до н. э. найдена вкопанной в материк под дикастерием [Копейкина, 1976, с. 132].

Значительное количество пухлогорлых амфор найдено в некрополе Ольвии [Фармаковский, 1903, 1906; Скуднова, 1960; Козуб, 1974, с. 69, 148]. Однако отсутствие детального описания не дает возможности установить более конкретно тип амфоры. Так, в детском грунтовом захоронении [№ 13, 1909 г., № 1473] возле головы погребенного стояла хиосская амфора с кружком на горле, которую В. М. Скуднова датирует третьей четвертью VI в. до н. э. Кроме того, хиосские пухлогорлые амфоры, скорее всего разных типов, встречены в погребениях с чернолаковыми кликами первой половины и второй четверти V в. до н. э., лекифом конца VI — начала V в. до н. э. [Козуб, 1974, с. 51, 216]. Еще одна целая амфора найдена в погребении 1948 г. [Капошина, 1950, с. 205—210].

Два погребения с раннепухлогорлыми амфорами открыты в Марицынском могильнике [Ebert, 1913]. В одном из погребений обнаружены две такие амфоры, на плечах одной из них кружок дианто с точкой и знаком, похожим на лямбду. Вместе с амфорами найден чернолаковый клик на высокой ножке второй четверти V в. до н. э., короткий меч-акинак этого же века, бронзовый черпак, цедилка, втульчатые стрелы, два ножа, копьё. В другом погребении такая же пухлогорлая амфора сопровождалась обломками аналогичного клика, алабастром, акинаком, бронзовым колокольчиком.

Из Широкой Балки происходит фрагмент горла пухлогорлой амфоры, окрашенный изнутри плотным черным покрытием, происхождение которого неясно (ОШ 49—90). Аналогичные обломки стенок амфор найдены на участке Западных ворот в Ольвии. В связи с этим представляет интерес находка пухлогорлых амфор в Пантыкаее, об-

мазанных изнутри дегтем [Бич, 1959, с. 305]. Возможно, речь идет о содержании этого вещества в амфорах.

Хиосские пухлогорлые амфоры нередко встречаются и при раскопках практически всех периферийных поселений. Они известны на поселениях Викторовка I, Днепровское, Владиславовка, Бейкуш, Каборга, Большая Черноморка, Широкая Балка и др. [Капошина, 1956а, с. 240—254; Рубан, 1980, с. 106; 1982, с. 96—113]. Их присутствие на Березани также не вызывает никаких сомнений. С другой стороны, исследователи отмечают отсутствие пухлогорлых амфор на Ягорлыке [Рубан, 1980, с. 106; Островерхов, 1978, с. 12].

Огромное количество перечисленных типов хиосских амфор VI — первой половины V в. до н. э. находят в обломках. Они являются практически основным фоном керамического комплекса архаических поселений Северного Причерноморья.

Амфоры не определенных ионийских центров. Амфоры из различных центров Ионии, но точно не локализованных, наиболее часто встречаются среди керамической тары VI в. до н. э. Их ионийское происхождение определяется обычно по составу глины и морфологическим признакам. К сожалению, никаких более точных критериев определения этих амфор в нашем распоряжении нет. Многие из форм повторяются в продукции Самоса, и поэтому рассматриваются в разделе, посвященном амфорам названного центра.

К ионийской таре относятся группы амфор с поддонами, с ножкой и расширенным основанием и полыми доньями [Зеест, 1960, с. 71; Лейпунская, 1981, с. 22—26].

Группа амфор с поддонами. Сосуды на поддонах обычно имеют валико- или карнизовидные венчики, невысокие цилиндрические или воронковидные горла, раздутый корпус с округлыми плечами и без резко выраженного места размещения максимального диаметра, короткие ножки типа поддона с широкой ямкой, небольшие округлые или эллипсоидные ручки, обычно с небольшой разницей между размерами осей. Орнамент или отсутствует, или выпол-

нев по принципу горизонтальных и вертикальных полос коричневатого лака. На протяжении VI в. до н. э. эти сосуды претерпели ряд изменений, что проявилось в различной профилировке поддона и характере орнаментации. По этим признакам выделяются подгруппы и типы амфор [Лейпунская, 1981, с. 22].

I подгруппа — амфоры с нечетко профилированными поддонами.

Амфоры с широкими полосами первой половины VI в. до н. э. (тип 1). Преобладающим типом 1 подгруппы являются амфоры с нечетко профилированными поддонами, округлым раздутым корпусом, валикообразным окрашенным венчиком при коротком цилиндрическом горле (рис. 32, 4). Изготовлены чаще всего из слоистой коричневатой глины с примесью песка и слюды. Встречаются орнаментированные, при этом роспись довольно строго повторяет одну и ту же схему — полосы лака помещены горизонтально по линии основания ручек и низу корпуса и вертикально — по ручкам и продолжению их направления. Такие амфоры получили название амфор с широкими полосами первой половины VI в. до н. э. [Зеест, 1960, с. 69]. Они известны на поселениях Ольвийско-Березанского региона, но чаще встречаются в массовом материале Березани и Ягорлыка. Известны они также на поселениях Бейкуш, Петуховка, Викторовка, Широкая Балка и др. В Ольвии они найдены в городских слоях и некрополях архаического времени [Фармаковский, 1926а, с. 189; Книпович, 1940, с. 30; Капошина, 1956, с. 158; Зеест, 1960, с. 69; Островерхов, 1978, с. 12; Лейпунская, 1981, с. 22—23]. Вариантом этого типа являются амфоры без орнаментации, представленные отдельными фрагментами.

II подгруппа — амфоры на четко профилированных поддонах. Они близки по ряду признаков предыдущим, но среди них выделяется несколько типов и вариантов.

Амфоры с широкими полосами второй половины VI в. до н. э. (тип 2) представляют собой амфоры на профилированных поддонах с валикообразными венчиками и росписью широкими

полосами лакообразной краской (рис. 32, 8, 10). В литературе они нередко называются амфорами с широкими полосами второй половины VI в. до н. э. [Зеест, 1960, с. 71]. Правда, в оформлении поддона можно выделить несколько вариантов, часть которых является переходными от нечетких к четко профилированным. Поэтому не всегда с абсолютной точностью можно соотнести тот или иной экземпляр с определенной подгруппой.

Для амфор этого типа характерно короткое, иногда слегка расширяющееся кверху горло, валикообразный окрашенный венчик, небольшие эллипсоидные в сечении ручки. Большинство таких амфор украшено двойной или широкой полосой лакообразной краски на плечах сосуда. Изготовлены они в основном из хорошо обработанной глины с небольшими примесями слюды или слюдянистой с розоватым оттенком (Самос?). Такие сосуды находят повсеместно при раскопках поселений архаического времени.

Из закрытых комплексов Ольвии происходят несколько амфор с широкими полосами, датируемые второй половиной VI в. до н. э. Так, при раскопках «погребка» на участке АГД, который можно датировать серединой — второй половиной VI в. до н. э., найдено восемь целых амфор и еще восемь в обломках, из которых не менее трети относились к типу амфор с широкими полосами (0 49—2404, 2405, 2406) [Капошина, 1956, с. 158; Славин, 1962, с. 8]. У них характерная для этих амфор форма и орнаментация — короткое горло с округлым валикообразным венчиком с широкой подсечкой, раздутый округлый корпус без четко фиксированного места максимального диаметра, небольшие ручки, ножка типа поддона. По светлой плотной обмазке нанесены широкие горизонтальные и вертикальные полосы одинаковой ширины коричневой лакообразной краски. Так же окрашен венчик. Одна горизонтальная широкая сдвоенная полоса проходит по линии основания ручек, вторая — по низу корпуса, вертикальная — по ручкам и ниже по этой же линии до пересечения с нижней полосой. Все амфоры чрезвычайно близки деталями

формы. Лишь на горле амфоры О 49—2405, изготовленной из чистой желтой глины, нанесен небрежным мазком охристой краской знак меандра (рис. 32, 8). Ножка амфоры имеет форму поддона с плавной, слегка расширяющейся книзу линией образующей, напоминающей очертаниями ножку хиосских амфор раннего типа [Лейпунская, 1981, с. 28]. Аналогична описанной амфора О 49—2404 (ножка не сохранилась). Еще одна амфора комплекса (О 49—2407) также относится ко второй подгруппе амфор с поддонами, являясь вариантом типа 2 (без орнаментации). У нее короткое цилиндрическое горло с прямоугольным в сечении венчиком с четкими гранями, почти геометрически выдержанной формы. От стенки горла венчик отделяется желобком, корпус шаровидный с высоким расположением плечей. Ножка в виде невысокого четко профилированного поддона на тонкой придонной части. Поверхность не орнаментирована, но хорошо заглажена. Глина бледно-красная.

Фрагменты различных амфор с поддонами найдены в слоях предместья Ольвии [Козуб, 1979, с. 24]. Одна из них, расписанная широкими полосами, найдена *in situ* вкопанной в пол погребка, устроенного на территории поселения конца VI — начала V в. до н.э. Амфора, как и обнаруженные с нею еще три хиосские, использовались для хранения продуктов; в одной из них найдены кости рыб.

Яркие образцы амфор с поддонами обнаружены в некрополе на участке И в Ольвии [Книпович, 1940], в которых были совершены детские захоронения. Одну из них (погребение № 3) Т. Н. Книпович датирует третьей четвертью VI в. до н.э., вторую (погребение № 10) — VI в. до н.э. Обе амфоры имеют шаровидный корпус, короткое горло с большим округлым венчиком, ножки в виде широкого профилированного поддона. На горле амфоры из погребения № 3 нанесено дипинто, интерпретированное Б. Н. Граковым как знак коринфско-мегарского алфавита, и полоса красной краской [1957, с. 16—18]. Амфора из погребения № 10 орнаментирована полосами

по схеме второй половины VI в. до н.э. Исследователь некрополя отмечает, что сопровождающий материал состоит преимущественно из ионийской керамики последней трети VI в. до н.э. [Книпович, 1940, с. 92] при отсутствии чернофигурной посуды. Судя по форме сосудов и характеру всего комплекса, амфоры следует датировать временем не позднее третьей четверти VI в. до н.э.

Ионийские амфоры на поддонах были распространены на Березани и на периферии Ольвии. Амфора с широкими полосами лакообразной краски (АВ—72—409) происходит из Березани. Такие же амфоры в фрагментах известны на поселениях Викторовка I, Днепровское, Чертоватов, Бейкуш, Широкая Балка, Черноморка [Капошина, 1956а, с. 242; Островерхов, 1978, с. 12; Рубан, 1980, с. 106]. Отсутствие амфор на поддонах с широкими полосами среди материала публикуемого В. В. Рубаном керамического тары Ягорлыка объясняется, скорее всего, неполнотой данных [1980, с. 106—110].

Крайне суммарное описание керамической тары некоторыми авторами раскопок периферии Ольвии позволяет только зафиксировать их. Так, в публикации С. И. Капошиной [1956а, с. 242, 246] выделены амфоры с широкими полосами или просто «с полосами». Возможно, среди них имеются не только ионийские на поддонах, но и амфоры других типов, в частности хиосские.

Амфоры с воронковидным устьем (тип 3). У них эллипсоидный в разрезе тонкий как бы «раскрытый» венчик и обычно четко профилированный поддон. По низу горла передко проходит узкий валик. Иногда ниже венчика сделана ступенчатая профилировка (АВ 71—66, 61—171, 66—511 и др.). Значительную часть амфор этого типа составляют самосские (у них реже встречается профилировка горла) [Звезд, 1960, табл. 1, 3]. Определенное их количество изготовлено из желтой тщательно обработанной глины, резко отличающейся от самосской отсутствием слюды. Эти амфоры целесообразно отнести к ионийским, без уточнения центра. В последнее время выдвинуто

Рис. 33. Амфоры.

предположение об их милетском происхождении [Dupont, 1982].

Особый интерес с точки зрения оригинальной формы представляет фрагмент АБ—66—511 (вариант типа 3) (рис. 32, 5). Воронковидное устье создано за счет большей «раскрытости венчика», образующая которого четко профилирована, внутренняя и наружная части закруглены, верхняя ровно срезана. В основании горла — узкий валик. Ручка, судя по облому, трехствольная. Глина коричневато-сероватая. Целые образцы таких амфор в Ольвийско-Березанском регионе не найдены, но фрагменты различных их модификаций нередко встречаются на Березани, Бейкуше, Ягорлыке [Рубан, 1980, с. 107].

III подгруппа — амфоры на сложнопрофилированных поддонах.

Амфоры типа протофасосских (тип 4). К ним относятся амфоры с небольшим цилиндрическим горлом с эллипсоидным в разрезе округлым венчиком; горло резко отделяется от высоко поставленных округлых плечей (иногда с валиком), а остальная часть корпуса конусовидно сужается к небольшой ножке в виде поддона со сложной профилировкой по внешней поверхности. Уплощенные небольшие ручки (рис. 32, 7). Вопрос о происхождении амфор пока остается открытым [Зеест, 1960, с. 79; Лейпунская, 1981, с. 23—24]. Часть из них связывается с производством Самоса (см. ниже). Однако в коллекциях Ольвии и Березани представлены некоторые фрагменты горл амфор этой подгруппы, кото-

рые по характеру глины (желтой, без блесток слюды, коричневатой, сероватой и т. д.), из которой они изготовлены, нельзя считать самосскими. По морфологическим признакам они должны быть отнесены к одному из типов амфор на сложнопрофилированных поддонах второй половины VI — первой половины V в. до н. э.

Группа амфор на расширенных в основании ножках.

Амфоры с трапецевидным венчиком (тип. 5). Они обнаружены в одном из недавно открытых архаических комплексов Ольвии, где найдено девять одновременных хиосских амфор (восемь раннепухлогорлых и одна прямогорлая) (яма № 421). Десятой была ионийская амфора с округлым, приближающимся к шаровидному, корпусом с высоко расположенными плечами, коротким цилиндрическим горлом с трапецевидным в разрезе венчиком, напоминающим форму венчиков более поздних фасосских амфор. Ручки эллипсоидные, с пальцевыми вдавлениями в основаниях (рис. 32, 9; 33, 2). В Ольвии найдена амфора из коричневой с блестками глины с залощенной поверхностью (КИМ, 0—1935, Б 27—1045), которую по ряду признаков (форма венчика, горла, ручек, корпуса) следовало бы отнести к этому же типу. Нижняя часть сосуда оформлена ножкой с расширенным основанием и маленькой ямкой на подошве, напоминающей ножку ранних амфор Менды. В свою очередь, наиболее близкие аналоги описываемой амфоры известны среди амфор Нимфея и Елизоветовского могильника — это фасосская пифидная амфора второй половины V в. до н. э. и амфора Менды третьей четверти V в. до н. э. [Брашинский, 1976, с. 97; 1978, с. 135—144]. Правда, они немного отличаются от ольвийской формой корпуса.

Очевидно, на основании ольвийских находок можно говорить о более раннем типе таких амфор, так как наличие одной из них в яме вместе с другими позднеархаическими материалами позволяет датировать ее серединой V в. до н. э. Амфора из ямы № 421, скорее всего, ионийского происхожде-

ния. В связи с изложенным напомним высказывание И. Б. Брагинского о том, что амфоры пифойдной формы, к которым относятся вышеописанные сосуды, производились в различных центрах и разное время [1975, с. 25; 1976, с. 96].

Группа амфор с полыми доньями. Они относятся ко второй группе ионийских амфор. Полная их форма пока неизвестна, поэтому невозможна и их типология. Они представлены низкими полыми ножками в виде короткого (1—2 см) цилиндрического ствола с мелкой ямкой на подошве. Корпус, очевидно, был сильно расширенным, округлым [Зеест, 1960, с. 71]. Находят их обычно в слоях VI—V в. до н.э. Если находки на Хиосе, в Истрии, на Боспоре уже отмечались раньше [Lambino, 1938, p. 122; Anderson, 1954, pl. 7; Зеест, 1960, с. 71], то для Ольвии и ее округи они до сих пор не были опубликованы. Единичные фрагменты таких ножек встречены в Ольвии [Козуб, 1979, с. 4], на Бейкуше, Большой Черноморке, Березани.

Таким образом, ионийские амфоры VI—V вв. до н.э. представлены в Ольвии, на Березани и окрестных поселениях достаточно разнообразно. Наиболее ранние экземпляры могут быть отнесены к первой половине VI в. до н.э., поздние — к его концу или началу V в. до н.э.

Самосские амфоры. Среди амфор VI—V вв. до н.э. Ольвийско-Березанского региона представлено несколько типов самосских амфор, известных и в других местах Северного Причерноморья, а также метрополии. По своим формальным признакам они относятся, главным образом, к амфорам с поддонами различных модификаций. Самосские амфоры изготовлены из характерной желто-коричневатой или красноватой слоистой глины со значительным количеством блесток золотистой слюды.

Амфоры с эллипсоидным венчиком (тип 1). Довольно часто в керамике поселений Ольвийско-Березанского региона встречаются самосские амфоры первой половины VI в. до н.э. с тонким эллипсоидным в разрезе венчиком, ниже которого иногда сделаны один или несколько уступов, чуть рас-

ширяющимся кверху горлом, четко отделенным от расширенного округлого корпуса, придонная часть оформлена низким поддоном (см. выше). Такие амфоры относительно редко встречаются в Ольвии (раскопки 1939 г. на участке А), со составляют достаточно представительную группу на Березани и Ягорлыке [Рубан, 1980, с. 107; 1983, с. 286—287].

Амфоры на четко профилированных поддонах (тип 2). Представлены сосудами с шаровидным корпусом, невысоким слегка воронковидным горлом, с массивным округлым припухлым или эллипсоидным, нередко карнизовидным венчиком, эллипсоидными небольшими ручками и невысокими ножками типа четко профилированных поддонов с различной степенью четкости и сложности профилировки (рис. 34, 1). Поверхность часто покрывалась ангобом, украшалась горизонтальными и вертикальными полосами коричневой краски. Иногда на горлах встречаются знаки, нанесенные такой же или охристой краской [Зеест, 1960, с. 71; Лейпунская, 1981, с. 23, 51, табл. 2, 3].

Амфоры на сложнопрофилированных ножках (тип 3) по общим формам повторяют так называемые протофасосские амфоры (рис. 34, 2). Это относительно небольшие сосуды с невысоким слегка расширяющимся кверху горлом, массивным эллипсоидным с подсечкой венчиком, округлым с высоко расположенными плечами корпусом. Сосуды иногда орнаментированы полосами лакообразной краски (правда, очень редко). Необходимо еще раз отметить, что к группе «протофасосских» (имеется в виду формально-типологическое наименование сосудов) относятся не только самосские по происхождению, но и амфоры других центров и мастерских. Однако большинство амфор с морфологическими признаками, характерными для «протофасосских», производилось на Самосе [Lordkipanidze, 1966, p. 37—40; Grace, 1971; Лейпунская, 1981, с. 51].

Целая амфора типа «протофасосской» найдена на поселении Бейкуш. Она изготовлена из слюдянистой красной глины и имеет все характерные для «протофасосских» признаки. Здесь же

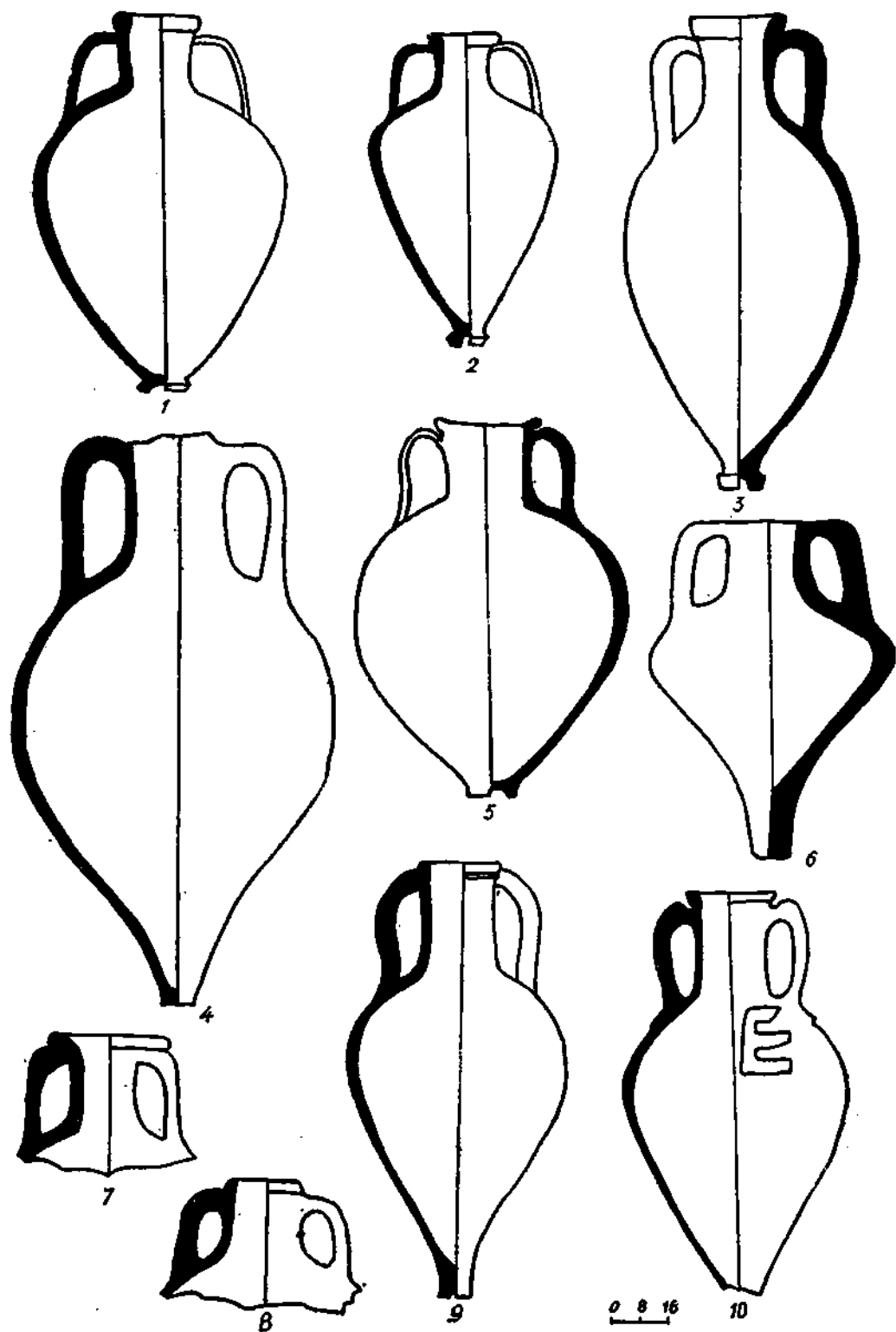

Рис. 34. Амфоры.

обнаружено горло аналогичной формы амфоры, только с более узким венчиком. В фондах Государственного Эрмитажа хранится амфора из погребения второй половины VI в. до н.э. [Скудина, 1960, с. 73]. Это сосуд с характерными для «протофасосских» амфор признаками: ножка типа сложнопрофилированного поддона, карнизовидный венчик, рельефный пояс по плечу горла. Отличается от других экземпляров непропорционально коротким, но воронковидным горлом. Правда, самосское происхождение этой амфоры устанавливается не вполне бесспорно. Возможно, ее необходимо соотносить с производством пока не определенного островного центра: глина несколько отличается от самосской меньшей насыщенностью слюдой и светлым тоном. Близка к ней и амфора из архаического некрополя, датирующаяся последней четвертью VI в. до н.э. (ОЛ 18152, из погребения 1909/38).

Некоторые амфоры отличаются друг от друга деталями. В одних случаях отсутствует рельефный валик в нижней части горла (ОЛ 18152), в других — встречаются иные пропорции укороченного горла и сглаженные очертания ножки-поддона (ОЛ 18154). Последняя амфора изготовлена из тяжелой красной глины с большим количеством слюды.

Амфоры с яйцевидным корпусом (тип 4) представляют собой довольно редкие амфоры самосского происхождения первой половины V в. до н.э. (рис. 34, 3) [Брашинский, 1967, с. 22—27; Брашинский, Демченко, 1969, с. 115]. По ряду морфологических признаков они отличаются от других одновременных амфор. У них яйцевидный корпус, высокое цилиндрическое горло с венчиком в виде уплощенного широкого валика, цилиндрическая ножка с дополнительно выделенным основанием — такая форма ножки обычно характерна для амфор более позднего времени (рис. 34, 3). Амфоры сформованы из темно-розовой глины с относительно небольшим количеством сильно измельченной слюды. На одном из фрагментов такой амфоры оттиснуто анаэпиграфное клеймо с изображением такого же сосуда. Самосское происхо-

ждение клейма установлено по аналогиям на серебряных и медных монетах Самоса [Брашинский, 1967, с. 28]. Амфора найдена в закрытом комплексе хозяйственной ямы первой половины V в. до н.э. [Там же, с. 22].

Близкие по форме сосуды, представляющие собой следующее звено их эволюции, известны на Самосе и позднее — в конце V в. до н.э. [Grace, 1971, p. 52—96]. В Северном Причерноморье такая амфора найдена в погребении Елизветовского могильника, где она датируется второй четвертью V в. до н.э. [Брашинский, 1980, с. 15].

Самосские амфоры перечисленных типов довольно часто встречаются в Ольвии и на поселениях [Островерхов, 1978, с. 12; Крижицкий, Русяева, 1978, с. 8; Козуб, 1979, с. 5; Рубан, 1980, с. 107; Лейпунская, 1981, с. 51—52]. Три самосские амфоры найдены на территории ольвийского предградья: они обнаружены *in situ* в комплексе производственного назначения, с внешней стороны печи для сушки или выпечки хлеба, углубленными в земляной пол. Амфоры заполнены желтой глиной. Исследователь датирует их концом VI — началом V в. до н.э. [Козуб, 1979, с. 6].

Можно говорить об импорте Самоса в район Ольвии не менее, чем до середины V в. до н.э. Объем его был сравнительно невелик. Возможно, это связано с тем, что, по мнению некоторых исследователей, для Самоса главной статьей вывоза являлось растительное масло [Grace, 1971, p. 79—80], что требовало меньшего количества сосудов и меньшего их объема, чем, например, виноторговля.

Лесбосские амфоры. В классификационной схеме амфор VI—V вв. до н.э. определенное место занимают так называемые амфоры с усеченно-конусовидными ножками (по другой терминологии — стакановидными) [Зеест, 1960, с. 74] двух основных подгрупп, выделенных по морфологическим признакам ножек [Лейпунская, 1981, с. 26—27]. К ним относятся амфоры Лесбоса и неизвестных центров. И. Б. Зеест называет стакановидными только ножки красноглиняных амфор, лесбосские же из этой типологии вып-

дают, хотя нельзя не отметить тесную эволюционно-морфологическую связь между ними. Ниже рассмотрим лесбосские амфоры и типологически связанные с ними типы неизвестных центров.

В Северное Причерноморье поступал только один тип лесбосских амфор (с вариантами), относящийся к первой подгруппе [Лейпунская, 1981, с. 27]. Это довольно большие сосуды из серой слюдянистой глины с очень стандартным набором признаков: цилиндрическое горло с округлым или подпрямоугольным в разрезе венчиком, ниже которого обязательно узкий рельефный пояс, округлый корпус с полкой низкой ножкой, круглые ручки с узкими продольно лежащими на плечах амфоры заостренными выступами (в форме «крысиного хвоста» — *rat's tail*) (рис. 34, 4). Некоторые экземпляры из Ольвии имеют крайне редкую для этих амфор орнаментацию — на корпусе одной из них сохранились неопределенные полосы, нанесенные охристой краской (Б, 2783, КИМ). Лесбосское происхождение таких амфор установлено по сходству глины, из которой они изготовлены, с глиной других лесбосских изделий (Grase, 1954, fig. 8, 52—53, 78).

Из Ольвии и Березани происходит несколько целых лесбосских амфор, а в культурных слоях, заполнениях землянок и ям этих и других поселений нередко встречаются их фрагменты. Две из них описаны И. Б. Зеест и датируются VI—V вв. до н. э. [1960, с. 72]. Вариант описанного типа представляет собой амфора из раскопок Ольвии 1912 г. Она отличается от обычных лесбосских амфор наличием поддона, сформированного по подошве усеченно-конусовидной ножки (КИМ № 5691) (рис. 34, 5) [Зеест, 1960, с. 73; Лейпунская, 1981, с. 53]. Аналогичная форма ножки известна и за Березани (54150 Бер. 1946). Судя по морфологическим и метрическим признакам приведенных сосудов, они представляют один из наиболее ранних вариантов лесбосских амфор. К сожалению, условия находок обеих амфор неизвестны.

Преобладающая часть лесбосских амфор из Ольвийско-Березанского региона сходна с описанными выше, известными и по другим памятникам Се-

верного Причерноморья. Из Ольвии и Березани происходят лесбосские амфоры второй половины VI в. до н. э., хранящиеся в Эрмитаже [Брашинский, 1976, с. 101].

Интересна массовая находка лесбосских амфор в Ольвии. В заполнении двух подвалов на участке Е открыты остатки, очевидно, склада амфорной тары [Левин, 1971/94. Отчет.— Н. Л.]. Аналогичные сосуды найдены при раскопках Ольвийской агоры [Левин, 1956, с. 41; 1964а, с. 134, 135]. Сопоставление одной из таких амфор с фанагорийской [Левин, 1956, с. 41] сомнительно — ее лесбосское происхождение не вызывает возражений.

Одна из сероглиняных лесбосских амфор обнаружена в некрополе Ольвии, в погребении первой половины V в. до н. э. [Козуб, 1974, с. 73, 152]. Очевидно, судя по суммарному описанию, аналогичные амфоры встречались в погребениях первой трети V в. до н. э. (1911/66, 1913/30, 1915/13, 1915/16, 1913/87), в насыпи могилы конца VI в. до н. э. [Скуднева, 1960, с. 65].

Лесбосские амфоры этого же типа найдены на поселениях Березань, Бейкуш, Ягорлык и др. [Рубан, 1980, с. 108; Копейкина, 1981, с. 197]. В целом они не отличаются от ольвийского материала, хотя некоторые из исследователей называют днища подобной формы аттическими [Рубан, 1980, с. 108, 109]. Не останавливаясь на дискусионности отнесения всех амфор с конусовидными (стакановидными) ножками к аттическому производству [Брашинский, 1983, с. 8—10], отметим, что узкие датировки публикуемых фрагментов не подкреплены достаточными доказательствами (стратиграфия, комплексы и т. д.).

Лесбосские амфоры начинают поступать в район Ольвии — Березани не позднее середины VI в. до н. э. (Бейкуш, Березань). Интересно, что в недалеко расположенной Истрии они встречаются во всех трех архаических слоях — начиная от конца VII до середины VI в. до н. э. [Dumitriu, 1966, № 437, 440, p. 97, pl. 53]. В Северное Причерноморье их импорт продолжался не позднее чем до начала V в. до н. э.

Амфоры не определенных центров (подражание лесбосским). Среди амфор с усеченно-конусовидными ножками первой подгруппы встречаются сосуды, изготовленные, судя по всему, в других мастерских, однако подражающие лесбосским. Отличаются они характером глины, но следуют основному набору морфологических признаков. Так, в Ольвийско-Березанском регионе обнаружены амфоры из серой чистой глины, без блесков слюды или с очень малым их количеством. Массивные полые ножки (толщина стенок 1,2—1,5 см) найдены на Каборге, Бейкуше, Березани. Фрагменты сосудов из таких глины пока единичны, поэтому преждевременно выделять их в отдельный тип.

Амфоры из красно-бурой глины (тип 1, подражательный). Все определеннее выделяется серия амфор из красно-бурой очень грубой глины с большим количеством песка, описанная И. Б. Зеест [1960, с. 73]. Морфологически они частично отличаются от лесбосских, но явно подражают им. Одна такая амфора происходит из раскопок Ольвии 1908 г. [Зеест, 1960, с. 73]. При ее публикации отмечалось, что поверхность сосуда окрашена черной краской. Различия в морфологических признаках проявились в более грубых очертаниях, широкой плоской ножке с ровной подошвой без ямки. Фрагменты аналогичных амфор найдены в Тиритаке. Близкие по форме сосуды, глина которых красно-бурого цвета с примесями песка, известковых частиц и блесков слюды, известны в Елизаветовском курганном могильнике [Зеест, 1960, с. 73].

К одному из вариантов подражательного типа относится амфора из Березани (АВ 71—501), изготовленная из очень грубой, тяжелой красно-бурой глины (рис. 34, б). Очертания ее связаны с формой лесбосских амфор, однако в ряде признаков прослеживаются достаточно четкие отличия от описанных. Амфора имеет высокое цилиндрическое горло (венчик не сохранился), раздутый в плечах и несколько уплотненный по вертикали корпус, очень высокую ножку с широкой подошвой. Покрытие на поверхности сосуда отсутствует (что, впрочем, не обязательно и

для сероглиняных лесбосских [Зеест, 1960, с. 73]). Круглые ручки имеют характерные заострения в нижней части (на плечах амфоры).

Близкий этому варианту типа несколько фрагментов с поселения Бейкуш и Каборга I. Это очень массивные большие амфоры из красноватой грубой глины. Венчики массивные, квадратные в сечении, с характерной подсечкой и профилировкой. О их подражательной форме свидетельствует находка таких же венчиков из типичной лесбосской глины (Бейк. 67—100); ножки относятся к типу полых усеченно-конусовидных с широкой подошвой (до 7 см), без ямки. Толщина стенок около 1 см (Бейк. 67—2).

Очевидно, к этим же амфорам относится фрагмент немного расширяющегося книзу горла с поселения Бейкуш (Бейк. 68 — б. н.), изготовленный из грубой слоистой тяжелой глины. По низу горла проложен желобок, венчик округлый, с характерной подсечкой и профилировкой. Стенки горла довольно массивны, толщиной до 1,2 см.

Место происхождения этих амфор остается неизвестным. И. Б. Зеест амфоры из Елизаветовского могильника сначала отнесла к боспорским изделиям [1951, с. 123], однако позднее предположительно отнесла их к производству Лесбоса [1960, с. 74]. Датировать эти амфоры следует, судя по сопровождающим находкам, не позднее второй половины VI — середины V в. до н. э.

Красноглиняные амфоры с усеченно-конусовидными ножками неизвестного центра. Типологически связаны с описанными выше лесбосскими красноглиняными амфорами с усеченно-конусовидными ножками различных пропорций, с ямкой на подошве, эллипсоидным венчиком, цилиндрическим горлом и раздутым в верхней части округлым корпусом. Круглые ручки сохраняют характерные заострения, а горло — профилировку ниже венчика. На многих амфорах встречаются прорисованные по сырой глине довольно широкой палочкой различные знаки — буквы греческого алфавита, кресты и др. Иногда на ручках ставятся зарубки. На одной ручке нанесено двадцать зарубок по всей длине.

Амфоры не определенных центров (подражание лесбосским). Среди амфор с усеченно-конусовидными ножками первой подгруппы встречаются сосуды, изготовленные, судя по всему, в других мастерских, однако подражающие лесбосским. Отличаются они характером глины, но следуют основному набору морфологических признаков. Так, в Ольвийско-Березанском регионе обнаружены амфоры из серой чистой глины, без блесков слюды или с очень малым их количеством. Массивные полые ножки (толщина стенок 1,2—1,5 см) найдены на Каборге, Бейкуше, Березани. Фрагменты сосудов из таких глин пока единичны, поэтому преждевременно выделять их в отдельный тип.

Амфоры из красно-бурой глины (тип 1, подражательный). Все определеннее выделяется серия амфор из красно-бурой очень грубой глины с большим количеством песка, описанная И. Б. Зеест [1960, с. 73]. Морфологически они частично отличаются от лесбосских, но явно подражают им. Одна такая амфора происходит из раскопок Ольвии 1908 г. [Зеест, 1960, с. 73]. При ее публикации отмечалось, что поверхность сосуда окрашена черной краской. Различия в морфологических признаках проявились в более грубых очертаниях, широкой плоской ножке с ровной подошвой без ямки. Фрагменты аналогичных амфор найдены в Тиритаке. Близкие по форме сосуды, глина которых красно-бурого цвета с примесями песка, известковых частиц и блесков слюды, известны в Елизаветовском курганном могильнике [Зеест, 1960, с. 73].

К одному из вариантов подражательного типа относится амфора из Березани (АБ 71—501), изготовленная из очень грубой, тяжелой красно-бурой глины (рис. 34, б). Очертания ее связаны с формой лесбосских амфор, однако в ряде признаков прослеживаются достаточно четкие отличия от описанных. Амфора имеет высокое цилиндрическое горло (венчик не сохранился), раздутый в плечах и несколько уплощенный по вертикали корпус, очень высокую ножку с широкой подошвой. Покрытие на поверхности сосуда отсутствует (что, впрочем, не обязательно и

для сероглиняных лесбосских [Зеест, 1960, с. 73]). Круглые ручки имеют характерные заострения в нижней части (на плечах амфоры).

Близкий этому варианту типа несколько фрагментов с поселения Бейкуш и Каборга I. Это очень массивные большие амфоры из красноватой грубой глины. Венчики массивные, квадратные в сечении, с характерной подсечкой и профилировкой. О их подражательной форме свидетельствует находка таких же венчиков из типичной лесбосской глины (Бейк. 67—100); ножки относятся к типу полых усеченно-конусовидных с широкой подошвой (до 7 см), без ямки. Толщина стенок около 1 см (Бейк. 67—2).

Очевидно, к этим же амфорам относится фрагмент немного расширяющегося к низу горла с поселения Бейкуш (Бейк. 68 — б. в.), изготовленный из грубой слоистой тяжелой глины. По низу горла проложен желобок, венчик округлый, с характерной подсечкой и профилировкой. Стенки горла довольно массивны, толщиной до 1,2 см.

Место происхождения этих амфор остается неизвестным. И. Б. Зеест амфоры из Елизаветовского могильника сначала отнесла к боспорским изделиям [1951, с. 123], однако позднее предположительно отнесла их к производству Лесбоса [1960, с. 74]. Датировать эти амфоры следует, судя по сопровождающим находкам, не позднее второй половины VI — середины V в. до н. э.

Красноглиняные амфоры с усеченно-конусовидными ножками неизвестного центра. Типологически связаны с описанными выше лесбосскими красноглиняными амфорами с усеченно-конусовидными ножками различных пропорций, с ямкой на подошве, эллипсоидным венчиком, цилиндрическим горлом и раздутым в верхней части округлым корпусом. Круглые ручки сохраняют характерные заострения, а горло — профилировку ниже венчика. На многих амфорах встречаются прочерченные по сырой глине довольно широкой палочкой различные знаки — буквы греческого алфавита, кресты и др. Иногда на ручках ставятся зарубки. На одной ручке нанесено двадцать зарубок по всей длине.

Вопрос о происхождении этих амфор остается нерешенным. Некоторые авторы видят в них сходство с сосудами, изображенными на краснофигурных аттических вазах [Зеест, 1960, с. 74], однако большинство исследователей считает, что этого недостаточно для отнесения их к продукции Аттики [Брашинский, 1983, с. 8—10]. Исключение составляют работы В. В. Рубана, который не достаточно обоснованно называет их аттическими и даже афинскими [1980, с. 108—109].

И. Б. Зеест датирует красноглиняные амфоры с усеченно-конусовидными ножками V в. до н. э. [Зеест, 1960, с. 74], однако частые находки фрагментов этих амфор в заполнениях ям и землянок, прекративших свое существование уже в начале — второй четверти V в. до н. э. позволяет их датировать по крайней мере третьей четвертью или второй половиной VI — не позднее середины V в. до н. э. [Лейпунская, 1981, с. 54]. Сказанное подтверждается и наблюдением Е. И. Леви, отметившей, что амфоры четвертого и пятого типов [Зеест, 1951] встречаются в таких слоях, где материал V в. до н. э. сочетается с более ранним, датируемым VI в. до н. э. [Леви, 1964а, с. 134].

Амфоры с короткими ножками (тип 1) и их варианты, для которых характерно высокое расположение плечей и тонкая придонная часть короткой ножки, известны как в Ольвии («погреб» на участке АГД, углубления и ямы ольвийского теменоса и других участков), так и в Марицынском могильнике, на Березани и периферийных поселениях (Викторовка I, Широкая Балка, Большая Черноморка II, Каборга I, Чертоватое, Бейкуш, Ягорлык и др.) [Ebert, 1913; Капошина, 1956а, с. 243; Славин, 1962, с. 8; Леви, 1964а, с. 134, 154; Рубан, 1980, с. 108].

Красноглиняные амфоры из «погреб» на участке АГД (О 49—2408, 2409) (рис. 34, 9, 10) найдены вместе с описанными выше ионийскими амфорами с широкими полосами на поддонах середины — второй половины VI в. до н. э. Даже если амфоры с конусовидными ножками являются более поздними, чем остальные, вряд ли они могут датироваться позднее чем конец VI — начало

V в. до н. э. Обе амфоры представляют собой обычные сосуды этой группы с низкой полкой ножкой и резко расходящимся кверху от нее округлым корпусом с высокими плечиками. У одной из них на горлышке нанесено дипинто E ($\epsilon\lambda\alpha\iota\omicron\upsilon$). В амфоре хранили масло. Возможно, этой надписью амфора выделена из серии других сосудов, предназначенных для вина. Вторая амфора этого же комплекса ничем, кроме отсутствия дипинто, не отличается от предыдущей. Близки описанным и другие амфоры из Ольвии (О 47—6105, О 52—2539, Б—2—123—КИМ и др.).

Фрагменты ножек описанного типа, изготовленных не из красной глины, найдены на Каборге I (желтая со слюдой, ярко-кирпичная со слюдой), Березани (чистая коричневая без примесей) и др.

Такое разнообразие глин характерно для амфор с усеченно-конусовидными ножками. Это связано, очевидно, не только с вариациями в технологии производства амфор, но и с выпуском амфор одного и того же морфологического типа в различных мастерских или центрах.

Уникальный вариант представляет собой горло амфоры из ямы на территории ольвийского теменоса, с двух сторон которого помещены рельефные маски Силены, выполненные в архаическом стиле [Леви, 1964а, с. 160]. Отдаленная аналогия известна только в одном экземпляре из Одесса, хранящемся в Варненском музее. Правда, горло амфоры из Одесса почему-то датируется IV—III вв. до н. э. [Леви, 1964а, с. 160], тогда как его форма вполне определенно связывается с формой горла, типичного для амфор с усеченно-конусовидной ножкой. Основание для подобной датировки неясно, возможно, она просто ошибочна. Е. И. Леви считает, что ольвийский образец является прототипом Варненской амфоры.

Красноглиняные амфоры неизвестных центров представлены большим числом сосудов и фрагментов, чем Lesbosские. Они начали поступать в район Ольвии — Березани не позднее середины — третьей четверти VI в. до н. э. и продолжали бытовать в V в. до н. э.

Коринфские амфоры. Менее значительную, чем описанные выше, но чрезвычайно выразительную по своим формам часть амфорного архаического комплекса составляет тара мастерских Коринфа. Небольшое число ее фрагментов встречается в Ольвии, на Березани и поселениях хоры. Импорт таких амфор был не очень велик, но все же продолжался не менее ста лет. Целые экземпляры коринфских амфор в Ольвии и на Березани не найдены, поэтому о их форме можно судить лишь по профилированным деталям и аналогиям. Характерная глина изделий и яркие морфологические признаки позволяют определить коринфские амфоры практически безошибочно. Сосуды изготовлены из легкой светло-зеленоватой, красноватой или желтоватой глины, с крупными включениями шамота, минералов, с пустотами внутри черепка, с плотной обмазкой по поверхности.

Очень своеобразна форма венчика коринфских амфор: широкий, отогнутый, с горизонтальной верхней образующей венчик лежит непосредственно на верхней части ручек. Горло короткое, прямое или немного расширенное кверху. Ручки в сечении круглые, в верхней части нередко с небольшими выступами, из-за которых сечение в этом месте имеет характерную каплевидную форму. Корпус шаровидный, с широкими округлыми плечами. Стенки массивные. Ножки без базы, усеченно-конусовидные, полые, с ровной подошвой или округлые с плоской подошвой, ствол представляет собой узкий перехват высотой 2—3 мм (рис. 34, 7) [Зеест, 1960, с. 72; Лейпунская, 1981, с. 54].

Фрагменты коринфских амфор в большом количестве известны на Березани. Они представлены частями массивных круглых ручек и ножек (АБ 70—169, 71—405, 66—396, 71—191 и др.). Оригинальна форма ножки АБ 71—191. Она имеет вид желудевидного выступа, прикрепленного к расширенному корпусу (закругленный снизу ствол). Во внутренней части ножки — полуовальная в разрезе полость, повторяющая форму внешней образующей ножки. Отогнутый широкий венчик ко-

ринфской амфоры найден на Бейкуше.

Незначительное количество коринфских амфор свидетельствует о их малочисленном импорте в Северное Причерноморье [Борисковская, 1966]. Более важным рынком сбыта коринфских амфор являлись области Адриатики [Зеест, 1960, с. 71].

Эгинские амфоры. Они встречены в Ольвии и на поселениях главным образом в единичных фрагментах. У них невысокое горло, эллипсоидное в плане, с плавным переходом к округлым довольно широким плечам. Ручки овальные, в основаниях — пальцевые вдавления. Венчик слабо отделяется от стенки горла, в разрезе приближается к эллипсоидному, под венчиком — поясок. Встречается светлый ангоб. Амфоры клеймились (рис. 34, 8). Датируются первой половиной V в. до н. э. [Брагинский, 1963, с. 24].

В Ольвии найдены несколько фрагментов частей таких амфор [Брагинский, 1963, с. 20—24; Лейпунская, 1981, с. 59—60]. Фрагмент венчика такой же амфоры обнаружен на поселении Широкая Балка (ШБ 1—1975—760). Венчик небольшой, в поперечном сечении почти квадратный, со скошенной подсечкой; под ним — овальная ручка. Горло эллипсоидное в плане. Под венчиком проходит небольшой горизонтальный желобок. В глине — крупные блестящие слюды.

Возможно, эгинского происхождения и верхняя часть амфоры из Козырки IX (Коз. IX—79—496) — короткое горло, широкий корпус, слабо выделенный венчик, две красные полосы на уровне ручек.

Эгинские амфоры составляют небольшую часть керамического комплекса VI — первой половины V в. до н. э. Очевидно, торговля с Эгиной не играла самостоятельной роли ни для Северного Причерноморья, ни для Ольвийско-Березанского региона. Амфоры этого центра могли привозиться вместе с афинскими товарами.

Таким образом, амфорный комплекс Ольвийско-Березанского региона VI — начала V в. до н. э. в целом отражает особенности торгово-экономической деятельности Ольвии и поселений ее периферии с метрополией.

В хронологическом отношении тары распределяется следующим образом: наиболее равными являются амфоры с белой облицовкой (VII — середины VI в. до н. э.); не позднее начала VI в. до н. э. в этот район начинают поступать ионийские амфоры на поддонах, часть которых была самосского происхождения. С середины VI в. до н. э. значительно расширяется круг центров, поставляющих амфоры в Северное Причерноморье, — появляются ионийские амфоры (с широкими полосами, на поддонах), хиосские амфоры с воронковидным или почти прямым горлом, лесбосские амфоры и т. д. Максимального разнообразия и широты представленных центров амфорный комплекс Ольвийско-Березанского региона достиг во второй половине VI — начале V в. до н. э. В это время сюда поступают хиосские раннепухлогорлые амфоры, лесбосские красноглиняные на усеченно-конусовидных ножках, ионийские амфоры на поддонах различных модификаций, ионийские с полыми доньями, самосские, коринфские, эгинские и образцы пока не определенных центров (последние составляют не более 5—8 % всей выборки).

Наиболее ранние образцы керамической тары представлены достаточно широко на поселениях Березани и Ягорлыка; в значительно меньшем количестве — в Ольвии и на остальных поселениях хоры. Более поздняя амфорная керамика представлена относительно равномерно на всех местонахождениях.

Что касается основной роли того или иного центра, то материал керамической тары свидетельствует о бесспорном преобладании хиосской торговли при значительной роли других ионийских центров. Меньший удельный вес имеют лесбосские амфоры; совсем редки коринфские и эгинские. Все сосуды — привозные из метрополии. Никакого местного производства этой категории керамики в VI—V вв. до н. э. не отмечается.

Подчеркнем, что амфоры в качестве тары для виноторговли не только оседали в Ольвии и ее окрестностях, но переправлялись значительно севернее — лесбосские амфоры и амфоры с широ-

кими полосами найдены в некоторых курганах Среднего Поднепровья и Подулья [Онайко, 1966, с. 58—59; Ильинская, 1968, табл. XXX].

Хозяйственная керамика

Хозяйственная керамика архаического времени представлена следующими типами толстостенных сосудов: 1) так называемыми пифосами с рельефной орнаментацией — широкогорлыми сосудами с высокой шейкой и сужающимся книзу корпусом; 2) широкогорлыми сосудами без выделенной шейки с сужающимся книзу корпусом на полый усеченно-конусовидной ножке с ровной подошвой; 3) большими широкогорлыми сосудами с короткой выраженной шейкой и круглым расширенным в плечах почти шаровидным корпусом; 4) коринфскими пифосами.

Фрагменты стенок пифосов с широкой полосой рельефного орнамента сложной плетенки известны на Березани (рис. 31, 1) (АБ 71—1150, 74—442) [Тарадаш, 1975, с. 106—107]. Судя по аналогиям из Афин и Истрии [Dumitriu, 1966, pl. 18; Sparkers, Talcott, 1970, pl. 65], это большие толстостенные сосуды с широким цилиндрическим горлом и узким дном. Так, сосуд из Истрии представляет собой пифос с широким высоким горлом и округлым, резко отделяющимся от горла корпусом (высота 1, максимальный диаметр 0,7 м). Орнамент нанесен двумя зонами по центральной и нижней части корпуса. Издатели относят его к родосскому производству — 560—550 гг. [Dumitriu, 1966, pl. 86].

Сосуды второго типа представлены главным образом единичными фрагментами больших широкогорлых корчаг, служивших для хранения продуктов. Они известны и в Ольвии, и на периферийных поселениях. В заполнении одной из землянок Центрального квартала Ольвии найдена небольшая корчага из красной глины с грубыми примесями (О 75—403) (рис. 35, 2). Стенки ее почти вертикальны, слегка вогнуты, с небольшим закруглением в придонной части, узкое дно с плоской подошвой. Венчик массивный, в разрезе трапециевидный, верхняя образующая

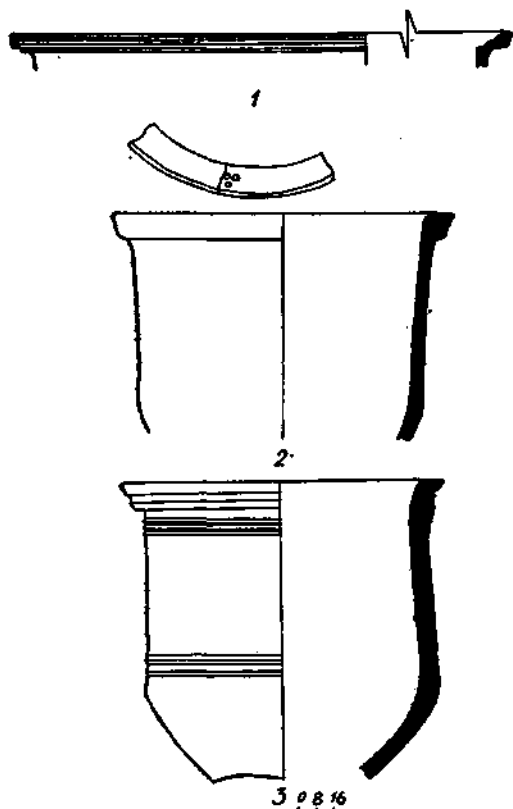

Рис. 35. Хозяйственная керамика.

горизонтальна, внешняя скошена, с подсечкой. На верхней плоскости венчика — три вдавленных кружка диаметром 0,5 см, расположенные треугольником. Материалы заполнения датируются не позднее чем началом V в. до н. э. Близкую форму венчика имел сосуд из Адзигольской Балки (Адж. Б.—444). Сохранился фрагмент верхней части сосуда с горизонтально отогнутым венчиком, ниже которого по горлу проходит сглаженный валик, еще ниже — вдавленный поясок. Стенки горла почти вертикальны.

Фрагмент корчаги с прямоугольным, почти квадратным в разрезе венчиком найден в Большой Черноморке (БЧ 76—801—1161). Корчага изготовлена из грубой красной глины, но местами на внешней поверхности заметно светлое покрытие. Интересно, что внутри отмечены следы огня. Возможно, сосуд использовался для сохранения тепла в очаге. В связи с этим можно высказать предположение о применении его в ка-

честве подставки-жаровни бочонковидной формы, аналогичной найденной в Пантикапее и Гермонассе [Зеест, Марченко, 1962, с. 161].

Большое количество широкогорлых корчаг на усеченно-конусовидной ножке найдено на Березани (АБ 76—642, 61—751, 69—261 и др.) (рис. 35, 3). У всех у них широкое горло с горизонтально срезанным венчиком и полая усеченно-конусовидная ножка с ровной подошвой. Некоторые экземпляры имеют дополнительную профилировку валиком по горлу ниже венчика на 2—3 см (АБ 61—751). На нижней части ствола ножки иногда встречается профилировка, обычно узкими желобками (АБ 66—347).

К третьему типу относятся фрагменты верхней части сравнительно тонкостенных широкогорлых сосудов хозяйственного назначения со сложнопрофилированным треугольным в сечении венчиком (0—82—АГД—214) (рис. 35, 1). Верхняя и нижняя образующие венчика украшены тонкими желобками, одновременно формирующими небольшой валик, край венчика немного опущен. Горло очень короткое, вогнутое. Плечи сосуда резко расширяются. На высоте 11 см от венчика помещены горизонтально две круглые в сечении петлевидные ручки (диаметр ручек 1,8, расстояние между концами 8,5 см). Судя по величине сосуда, таких ручек могло быть более двух. Глина коричневая, с мелкими блестками слюды и белыми включениями, похожа на глину хиосских амфор. Корпус сильно расширен, шаровиден, внизу заканчивался, очевидно, ножкой-поддоном. Корчага найдена в яме, где заполнение датируется третьей четвертью VI в. до н. э. Аналогичные сосуды встречены при раскопках Афинской агоры [Sparkers, Talcott, 1970, p. 212]. Один из них (лебес) считается кухонным и датируется по форме временем до середины VI в. до н. э., другой — называется пифосом и относится к 540—440 г. до н. э. Последний особенно близок ольвийской корчаге, лишь имеет менее выразительную профилировку.

К описанному типу корчаг с расширенным корпусом относится и фрагмент толстостенного красноглиняного сосу-

да из Березани (АБ 66—389). Толщина его стенок — 1—1,5 см. Венчик отогнут, прямоуголен в разрезе, верхняя и наружная образующие ровные, под прямым углом друг к другу. Шейка очень короткая (1 см), корпус сильно расширяется к плечам. Форма сосуда напоминает дивос (диаметр устья 26 см).

К группе толстостенной керамики крупных неопределенных форм следует отнести и несколько фрагментов коринфских пифосов из Березани и поселения Широкая Балка (ШБ—1980, АБ 69—142 и др.). Их происхождение не вызывает сомнений благодаря ярким особенностям глины — зеленоватому цвету, заглаженной поверхности, крупным характерным примесям.

Толстостенная керамика хозяйственного назначения представлена в Ольвийско-Березанском регионе (как, впрочем, и в других местах Северного Причерноморья) единичными экземплярами сосудов разнообразных форм, среди которых значительное место занимают привозные изделия: пифосы с рельефной орнаментацией, корчаги с расширенным корпусом, коринфские сосуды. Все они открыты в слоях VI—V в. до н. э. и не имеют более точного хронологического определения.

Лепная керамика

Посуда, сработанная вручную без применения гончарного круга, является непременным компонентом находок из культурных слоев и комплексов античных памятников Нижнего Побужья. Ее изучение началось сравнительно недавно [Книпович, 1940а; Кульская, 1940]. Именно публикация Т. Н. Книпович положила начало не только конкретно-историческому изучению керамического производства одной из крупнейших греческих колоний Северного Причерноморья — Ольвии, но одновременно открыла новую страницу в исследовании рядовой посуды античных поселений этого региона. Тщательный морфологический анализ даже относительно небольшой коллекции лепной керамики, изучение ее орнаментации позволили Т. Н. Книпович выделить несколько типов сосудов.

В дальнейшем С. И. Капошина предприняла попытку изучить лепную керамику из Ольвии и Березани как самостоятельный историко-археологический источник [1956; 1956а]. Ей впервые удалось установить для начального периода жизни Ольвии бытование двух групп керамики: относительно небольшой группы лощеной так называемой столовой посуды, украшенной, как правило, прочерченным геометрическим орнаментом, и группы грубых так называемых кухонных сосудов с налепными валиками и вдавлениями по горлу и краю. Одновременно было показано полное сходство ольвийской «столовой» посуды с соответствующими материалами Березанского поселения [Капошина, 1956, с. 159—160]. В группе грубой кухонной посуды VI—V вв. до н. э. С. И. Капошина отметила наличие по крайней мере двух принципиально различных типов сосудов — баночной и горшковидной форм.

Говоря о начальном этапе изучения лепной керамики позднеархаического времени Березанского поселения, нельзя не упомянуть работу Л. М. Славина, вышедшую в свет в том же году, что и исследование С. И. Капошиной [Славин, 1956]. Значительная часть этой работы посвящена анализу материалов, свидетельствующих, по мнению автора, о пребывании в числе постоянных жителей Березани выходцев из коренного варварского населения Северного Причерноморья.

Значительно более подробная разработка раннего березанского материала, появившаяся несколько позднее, принадлежит Г. А. Дзис-Райко. Ею опубликованы результаты изучения большой коллекции лепной керамики Одесского археологического музея, созданной в процессе раскопок, проводившихся главным образом М. Ф. Болтенко. Положив в основу классификации различия в технологии изготовления сосудов, Г. А. Дзис-Райко разделила весь комплекс на две традиционные группы: столовую лощеную и грубую кухонную посуду. В пределах каждой из групп ею выделены отдельные морфологические типы. Широко применяя метод аналогий, Г. А. Дзис-Райко правильно отметила близость большинства из вы-

деленных ею типов керамики абортгенов степной и отчасти лесостепной зон Северного Причерноморья раннескифского периода. Против распространенного в науке мнения о принадлежности лепной кухонной керамики, находимой в культурных слоях античных поселений Северного Причерноморья в целом и Нижнего Побужья в частности, «скифскому обществу», за признание в ней органического элемента греческой материальной культуры выступал В. В. Лазин [1966, с. 159].

Хронологические рамки характеризуемой в настоящей работе лепной керамики определяются двумя обстоятельствами: 1) наличием ее в самых равных слоях и комплексах поселений на о. Березань, то есть возможностью датировать время появления лепной посуды на поселениях Нижнего Побужья как минимум временем проникновения сюда первых греческих колонистов — середина — вторая половина VII в. до н. э.; 2) резкими изменениями, происшедшими в типологическом наборе самого комплекса лепной керамики в первой четверти V в. до н. э., практически совпадающими или несколько опережающими прекращение жизни на подавляющем большинстве позднеархаических поселений.

Важнейшей стороной изучения лепной керамики является ее количественная оценка в рамках определенных массивов, комплексов и, прежде всего, функционально наиболее близких групп находок. Выяснение процента лепной посуды в общем балансе керамических находок, при введении в общую систему фактов, может существенно помочь при интерпретации культуры того или иного памятника в целом. Как установлено, наименьшее количество керамики подобного рода использовалось в это время в Ольвии — от 1 до 4 % общего числа посуды (здесь и далее без учета амфорной тары). Значительно выше был процент лепной керамики, бытовавшей во второй половине VII—VI вв. до н. э. в другом крупном центре этого района — поселении на о. Березань (8—14 %). Весьма отличными от вышеприведенных (главным образом более высокими) представляются ныне удельные веса этой посуды в керами-

ческих комплексах рядовых поселений Нижнего Побужья — от 9—10 и 15—18 % на Бейкушском поселении и поселении Старая Богдановка II до 23—26 % на поселениях Большая Черноморка II [Гаврилюк, Отрешко, 1982, с. 76] и Лупарево II и 32—36 % на поселениях Куцуруб I и Широкая Балка.

Лепная керамика Нижнего Побужья позднеархаического времени изготавливалась из местных жирных карбонатных и бескарбонатных, плохо перемешанных глин серого цвета, дающих после обжига неоднородную пористую структуру. Минералогический состав глин подавляющего большинства изученных образцов посуды практически одинаков. В исключительно редких случаях встречаются отклонения, позволяющие допустить, что отдельные экземпляры лощенной столовой посуды (первая технологическая группа — см. ниже) могли быть изготовлены за пределами границ региона [Марченко, 1974, с. 12].

Количество отощителей в тесте сильно варьируется, составляя в среднем около 25 % общего объема пластической массы. В качестве основного отощителя обычно применяется кварц. В шлифах чаще всего фиксируются обломки с остроугольными очертаниями, что позволяет предполагать специальное дробление добавок. Вторым по распространенности отощителем теста являлся шамот — измельченные кусочки лепных сосудов, что, вероятно, существенно уменьшало количество фрагментов такого рода керамики, попадавших в культурный слой поселений вместе с хозяйственным мусором. Другие виды непластичных добавок — обломки раковин и известняка — в общем не играли заметной роли.

Наиболее распространенный способ лепки Нижнего Побужья — последовательное наращивание глиняного жгута (ленты) на выделенное из отдельного куска плоское дно. При этом процесс лепки заканчивался прикреплением к сформированному корпусу венца. Край лент по спаян обычно гладки и скошены. Ширина лент 4—6 см. Под дно сосудов для облегчения снятия их насыпали песок, клали растительную подстилку или подкладывали кусок грубой

тнани. Некоторые сосуды изготовлялись с венца. В последнем случае днище вмазывалось в изделие после завершения формовки корпуса.

Сопоставление вышеописанной техники лепки нижнебугской посуды с техникой изготовления керамики других районов Северного Причерноморья раннескифского периода в настоящее время не обнаруживает существенных различий. Неоднократно констатируемое в печати однообразие базируется на схематизированной и весьма далекой от живого непосредственного производства картине. Отдельные второстепенные приемы изготовления, далеко не всегда фиксируемые в готовых изделиях, могли быть в различных районах этой огромной территории неодинаковыми.

Во время формовки изделия и по окончании процесса лепки поверхности сосудов подвергались дополнительной обработке, сглаживанию. В составе лепной керамики рассматриваемого периода по характеру (тщательности) обработки поверхности различаются три количественно неравноценные группы.

Первая технологическая группа — керамика с хорошо лощеной поверхностью (поверхностями). Лощение, несомненно, наносилось до обжига на предварительно заглаженную поверхность с помощью специальных инструментов — лощил (кость, галька и т. п.). Цвет покрытых лощением поверхностей, во многом зависящий не только от тщательности лощения, но и от режима обжига, от блестящего черного до тусклого серого или желтого. Вторая группа — керамика со слабым лощением, покрывающим внешнюю треть сосудов (до плеч) и венца с внутренней стороны. Цвет серый или желто-серый. Остальная часть поверхности сосудов тщательно заглажена с помощью мокрой тряпки, пучка травы и т. п. И наконец, третья группа — керамика с более или менее тщательно заглаженной поверхностью без следов лощения.

Оценивая количественное соотношение перечисленных технологических групп, их долю в комплексах лепной керамики отдельных памятников региона, необходимо прежде всего отметить ухудшение качества отделки поверхно-

стей во времени, особенно явственно наблюдающееся по материалам Березани. Именно это обстоятельство и обусловило наличие наиболее высокого процента керамики первой группы на относительно более ранних поселениях — около 25 % на поселении Большая Черноморка II и 10—15 % на Березани [Марченко, 1976, с. 157]. Существенно меньше (не более 5—10 %) лощеной посуды зафиксировано в комплексах памятников второй половины VI в. до н. э. Отметим также, что процесс ухудшения качества отделки и уменьшения удельного веса керамики первой группы сопровождался исчезновением из обихода некоторых морфологических типов сосудов (см. ниже). На рубеже VI—V в. до н. э. или в самом начале V в. до н. э. в Нижнем Побужье практически полностью прекращается изготовление керамики как первой, так и второй групп.

В процессе окончательной доработки изделий, до обжига, на венец, горло или плечи сосудов наносился прочерченный, так называемый геометрический рельефный или ямочный орнамент. Крайне редко по краю открытых сосудов первой группы встречаются отпечатки мелкозубчатого штампа.

Последним этапом технологического процесса являлся обжиг. Имеются основания полагать, что большая часть лепной керамики Нижнего Побужья в течение всего рассматриваемого периода обжигалась при сравнительно невысоких температурах — до или около 700 °С, вследствие чего она имеет, как правило, серую, серовато-черную поверхность, излом черепка таких изделий черный или серовато-черный от невыгоревшего сажаистого углерода. Довольно часто излом стенок трехцветный; снаружи — различные вариации серого и коричневого цветов, внутри — черный или серовато-черный. Реже керамика обжигалась при более высокой температуре — до 900 °С, что особенно характерно для сосудов с лощеной поверхностью. У изделий этого типа нередко тесто темно-коричневого или красноватого цвета.

Судя по неравномерности окраски продуктов обжига в пределах одних и тех же изделий, сравнительно низкой

температуре, можно предположить, что практически вся лепная керамика Нижнего Побужья второй половины VII — первой четверти V в. до н. э. обжигалась на кострах, в примитивных очагах или в специальных углублениях — ямах. Вряд ли можно согласиться с мнением С. И. Капошиной, что лепная посуда Ольвии с глиной красного цвета могла обжигаться в гончарных печах вместе с местной кружалной керамикой [Капошина, 1956, с. 168]. Для такого вывода нет решительно никаких оснований. Напротив, весь облик технологии лепной керамики Нижнего Побужья (от выделки формовочной массы до лепки и отделки поверхностей) безусловно свидетельствует в пользу домашнего, не ремесленного, изготовления такого рода изделий.

Центральной частью описания археологического материала является его морфологическая классификация. Сильная фрагментированность изделий, отсутствие в собранных к настоящему времени коллекциях сколько-нибудь значительных серий целых или археологически целых сосудов является непреодолимой преградой на пути создания полноценной классификации лепной керамики Нижнего Побужья. Предлагаемая частная классификация лепной керамики основана на визуально фиксируемых существенных различиях в морфологии верхних частей сосудов. Датировка классифицированного материала определена относительно хорошо разработанной хронологией греческой импортной керамики, вместе с которой материал был найден. При этом, естественно, наибольшее значение придавалось времени бытования изделий, обнаруженных в закрытых комплексах.

Поскольку наличие известного культурного единства в Нижнем Побужье второй половины VII — первой четверти V в. до н. э. сомнений не вызывает, кажется вполне оправданным рассмотрение лепной керамики этого района в целом. Это, однако, ни в коей степени не предполагает простого перенесения представлений о общей классификации на комплексы отдельных поселений, обнаруживающих подчас очень существенные различия как в номенклатуре типов, так и в их соотношении.

В соответствии с вышеизложенными замечаниями для облегчения восприятия классификации всю группу лепной керамики можно разделить на три подгруппы. В первую включены все типы сосудов закрытых форм — горшки, банки, кубки и т. п. (типы 1, 2). Вторая группа объединяет посуду открытых форм — миски (типы 12, 13). Наконец, третья группа включает в себя типы керамики редких специфических «оригинальных» форм (типы 14—20). Нумерация типов сквозная. В пределах каждого отдела типы, по возможности, расположены в порядке убывания их удельных весов.

Первая подгруппа. *Тип 1* (рис. 36, 1—9). Плоскодонные горшки с округло выгнутыми выпуклыми плечами, четко выраженным горлом и более или менее плавно отогнутым наружу заостренным, округленным или, как вариант, срезанным краем. Степень отгиба края у горшков сильно варьирует, как варьирует и вид кривой профиля, образованной отогнутым венчиком и частью плеча. Данное обстоятельство, несмотря на отсутствие возможности практически определить действительный размах различий и их значение для классификации, позволяет предположить наличие в составе рассматриваемого типа как минимум двух вариантов форм — так называемых горшков с короткой дуговидной в разрезе шейкой и горшков с горлом в виде раструба [Гаврилюк, Отрешко, 1982, с. 79] при несомненном численном преобладании первого.

Высота сохранившихся горшков от 10 до 37 см. Диаметр устья не менее чем у 75 % сосудов в пределах 10—20 см. Максимальный из зафиксированных диаметров равен 48 см (рис. 36, 7); диаметры днищ от 8 до 16 см.

Небольшая серия целых, а также наиболее крупные обломки горшков описываемого типа позволяют сделать следующие дополнения к описанию формы. Максимальное расширение колуса у горшков, приходящееся, как правило, на верхнюю половину, реже среднюю часть высоты сосуда, больше или равно диаметру устья. Размеры последнего в подавляющем большинстве

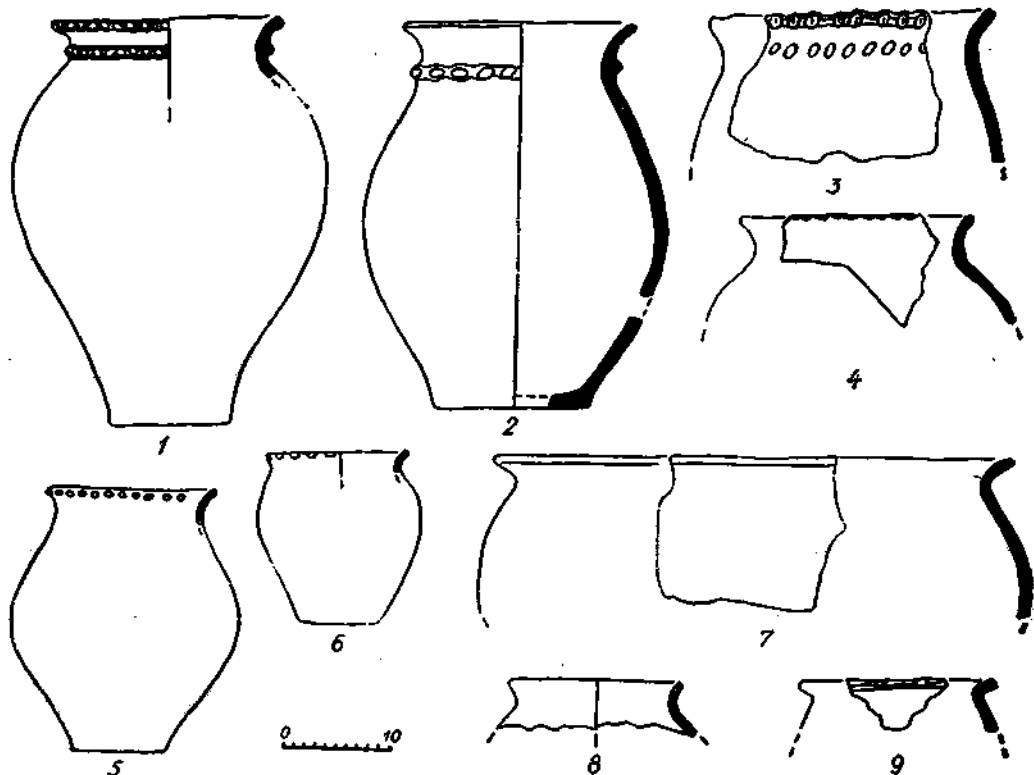

Рис. 36. Лепная керамика (тип 1):

1 — Ольвия; 2—10 — Куцуруб I; 3 — Лупарево II; 4 — Каборга I; 5, 9 — Старая Богдановка II.

случаев не менее чем на одну треть превышают диаметр дна.

Около одной пятой всех горшков может быть отнесено ко второй технологической группе, остальные — к третьей.

Абсолютное большинство горшков орнаментировано. Основной вид орнамента — один, иногда два ряда пальцевых, как вариант — ногтевых вдавлений или защипов по краю или горлу (рис. 36, 3—6, 9). Сравнительно реже сосуды этого типа украшались по горлу или краю напленным валиком, моделированным пальцевыми (ногтевыми) вдавлениями (рис. 36, 2). Единичны находки горшков, украшенных двумя валиками — по горлу и краю одновременно (рис. 36, 1). Не более чем у 5 % фрагментов пальцевая или валиковая орнаментация сопровождается рядом сквозных проколов или наколов.

Нет никакого сомнения в том, что керамика первого типа составляет пе-

ременный компонент всех изученных к настоящему времени комплексов поселений Нижнего Побужья поднеархаического периода. Отметим, однако, что ее удельный вес в отдельных массивах существенно различен — от 95 и 60 % на поселениях Лупарево II и Старая Богдановка II до 35 и 15 % на Большой Черноморке II [Гаврилюк, Отрешко, 1982, с. 76, табл. 2]. На Бейкушском поселении, в Ольвии и Березани этот же процент в составе лепной керамики равен примерно 65 и 25. Весьма примечательным моментом, возможно, является отсутствие в материалах поселений, например, Лупарево II, Куцуруб I, Большая Черноморка II горшков со сквозными проколами или наколами хоть и редко, но вполне надежно фиксируемых среди посуды VI в. до н. э. Березани, Ольвии и Старой Богдановки II.

Что касается ареала морфологически сходной посуды в раннескифский период, то он очень обширен и охватывает в это время практически все степные районы Северного Причерноморья и

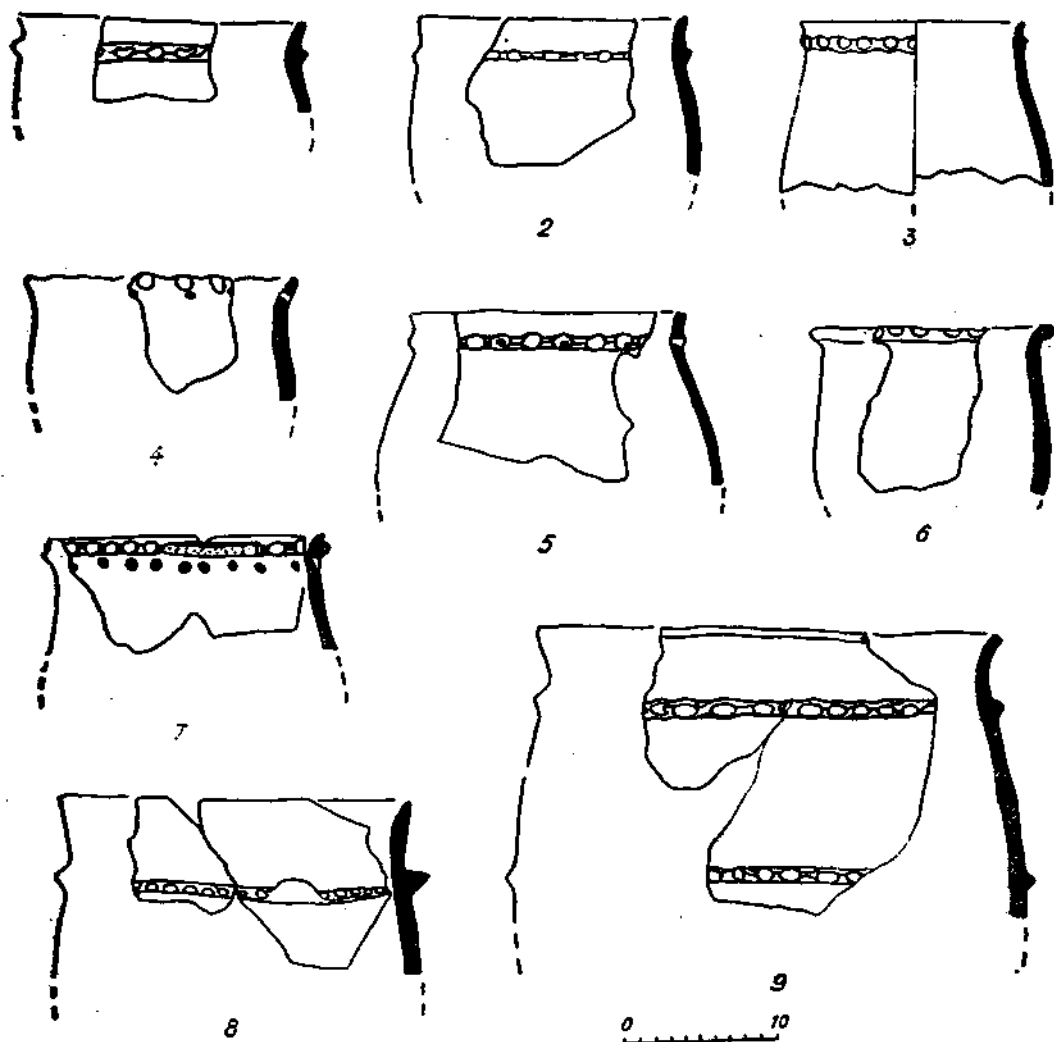

Рис. 37. Лепная керамика (тип 2):

1 — Большая Черноморка II; 2, 3, 7 — Березаны; 4 — Старая Богдановка II; 5 — Ольвия; 6 — Лунарево II; 8 — Каборга; 9 — Куцуруб I.

большую часть территории Лесостепной Украины. В более раннее время аналогичная керамика хорошо представлена в комплексах сабагиновского и белозерского этапов позднесрубной культуры; встречается она и в погребальных комплексах черногоровского и новочеркасского времени [Гаврилюк, 1982, с. 13]. Данное обстоятельство позволяет связывать горшки первого типа классификации прежде всего с местной степной северопричерноморской и, судя по наличию среди них небольшого количества сосудов с проколами, отчас-

ты лесостепной культурными традициями.

Тип 2 (рис. 37, 1–9). Слабопрофилированные плоскодонные горшки бочонковидной формы. Слегка оттянутый наружу, реже вертикальный, край горшков либо плоско срезан и оттянут в виде козырька, либо округлен; иногда край заострился. Судя по небольшому количеству целых изделий и наиболее крупным фрагментам, диаметр устья сосудов немногим больше диаметра дна. Высота целых горшков коллекции не превышает 15–20 см. Однако нет никакого сомнения в том, что в составе типа имеются экземпляры значительно более крупных размеров (например, рис. 37, 9). Диаметр устья у 85 %

горшков колеблется в пределах 8—20 см; остальные 15 % приходятся на промежутки от 21 до 30 см.

Не менее половины слабопрофилированных сосудов этого типа может быть отнесено ко второй технологической группе, остальные — к третьей.

Основной вид орнамента — один, как исключение — два массивных налепных, реже оттянутых валика. В подавляющем большинстве случаев валики моделированы пальцевыми вдавлениями или защипами (рис. 37, 1—3). Крайне редко валик расчленялся вдавлениями специального инструмента, имеющего прямоугольную форму торца. Расстояние от края венчика до валика обычно колеблется от 0,5 до 2 см. На отдельных экземплярах валик отступает ниже — до 3 см. Отмечено несколько случаев (в березанской коллекции и на поселении Куцуруб), когда сосуды второго типа орнаментировались двумя валиками, один из которых располагался на корпусе (рис. 37, 9). Значительно чаще, чем керамика первого типа, слабопрофилированные горшки украшались рядом сквозных проколов или наколами по краю, валику или под валиком (рис. 37, 4, 5, 7). Сравнительно небольшое количество изделий орнаментировалось рядом пальцевых вдавлений или косых насечек по краю и снабжалось налепными ручками-упорами (рис. 37, 4, 6, 8).

Учитывая датирующий импортный материал, с которым была найдена описываемая керамика, можно считать, что горшки со слабо выраженной шейкой и слабовыпуклыми боками являются одной из самых ранних форм лепной посуды античного времени Нижнего Побужья. Керамика второго типа совершенно отсутствует в культурных слоях этого района V в. до н. э. и последующих периодов. Резкое уменьшение количества слабопрофилированных горшков отмечается уже со второй половины VI в. до н. э. Последним обстоятельством отчасти объясняется и существенное различие удельных весов такого рода посуды в коллекциях отдельных поселений — от 30—40 % на Березани до 29 % на поселении Большая Черноморка II и 1—5 % на поселении Лупарево II.

Территория распространения типологически сходной керамики в раннескифское время хорошо известна. Кроме поселений Нижнего Побужья, горшки аналогичной формы и орнаментации представлены в материалах памятников второй половины VII—VI в. до н. э. лесостепной Правобережной Украины и района Ворсклы [Гаврилюк, Отрешко, 1982, с. 78].

Тип 3 (рис. 38, 1—14). Плоскостенные баночные сосуды со слегка скошенными внутрь или расширяющимися в верхней части стенками. Края банок округлены или плоско срезаны. Диаметр устья, судя по целым сосудам и наиболее крупным обломкам, несколько больше или равен диаметру дна. Около 75 % банок имеет диаметр устья в пределах 10—20 см; около 10 % — 21—30 см. Максимальный из зафиксированных диаметров равен 35 см.

Не менее половины банок может быть отнесено ко второй технологической группе, остальные — к третьей.

Орнамент обычно налепной, иногда оттянутый валик с пальцевыми вдавлениями или защипами, расположенный несколько ниже края сосудов (рис. 38, 1, 3, 6, 11, 12). Отмечено несколько случаев (Березань, поселение Куцуруб I), когда банки орнаментировались двумя или даже несколькими валиками (рис. 38, 4, 5, 6, 8). Последний вид украшений, вероятно, появляется в самом конце рассматриваемого периода — не ранее конца VI — начала V в. до н. э. Изредка орнаментация дополнялась сквозными проколами или наколами по краю (рис. 38, 13). Довольно часто (не менее чем у 30 % банок) встречается другое дополнение — продолговатые (сосковидные) или округлые в плане налепы, так называемые ручки-упоры, расположенные либо на валике, либо в верхней части сосуда (рис. 38, 1, 3—7, 9—11). Не позднее середины — второй половины VI в. до н. э. появляются банки, орнаментированные рядом пальцевых (ногтевых) вдавлений под краем (рис. 38, 7).

Имеются основания предполагать, что в материалах лепной керамики Нижнего Побужья третий тип сосудов классификации количественно несколь-

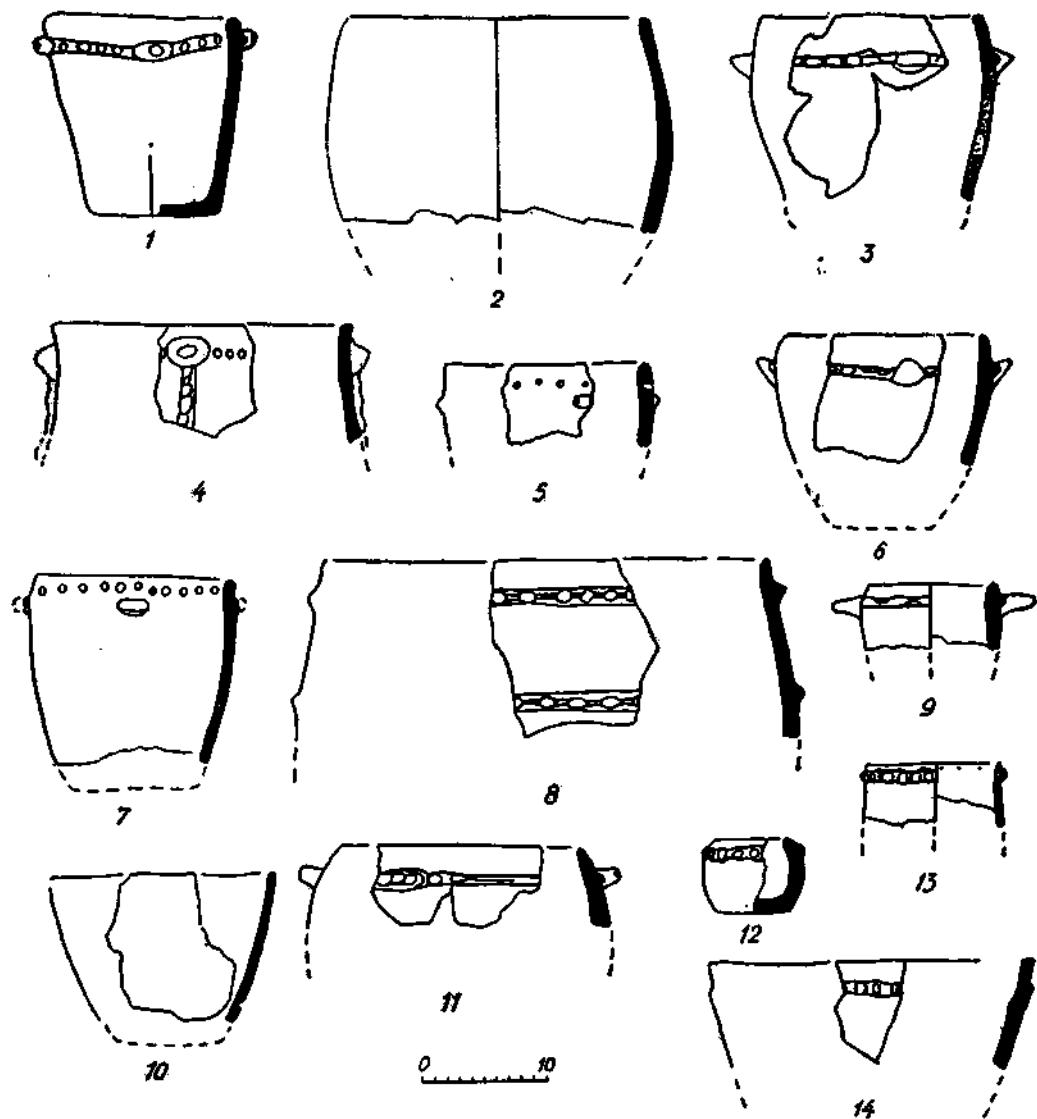

Рис. 38. Лепная керамика (тип 3):

1, 5, 12, 13 — Березань; 2, 4, 8—11 — Куцуруб I; 3 — Старая Богдановна II; 6 — Ольвия; 7 — Бейнуш.

ко уступает двум первым. Равным образом создается впечатление полного отсутствия банок в коллекциях находок с некоторых левобережных поселений Бугского лимана (например, Лупарево II). На остальных ныне изученных памятниках района удельный вес сосудов этого типа значительно варьирует: от 9 % на поселении Большая Черноморка II [Гаврилюк, Отрешко, 1982, с. 76] до 30—35 % на Березань и, примерно, 50 % на поселении Куцуруб I.

Ближайшие аналогии банкам Нижнего Побужья известны в материалах памятников VII—V вв. до н. э. Карпато-Дунайского бассейна, где подобного рода керамика являлась типичной и чуть ли не единственной формой грубой кухонной посуды всего этого времени.

Тип 4 (рис. 39, 24, 25). Кубки с округлым шаровидным корпусом и невысоким четко выраженным горлом. Округленный или заостренный край сосудов плавно отогнут наружу. Дно плоское. Один кубок снабжен петельчатой вертикальной ручкой (рис. 39, 25). Целые сосуды в коллекции отсут-

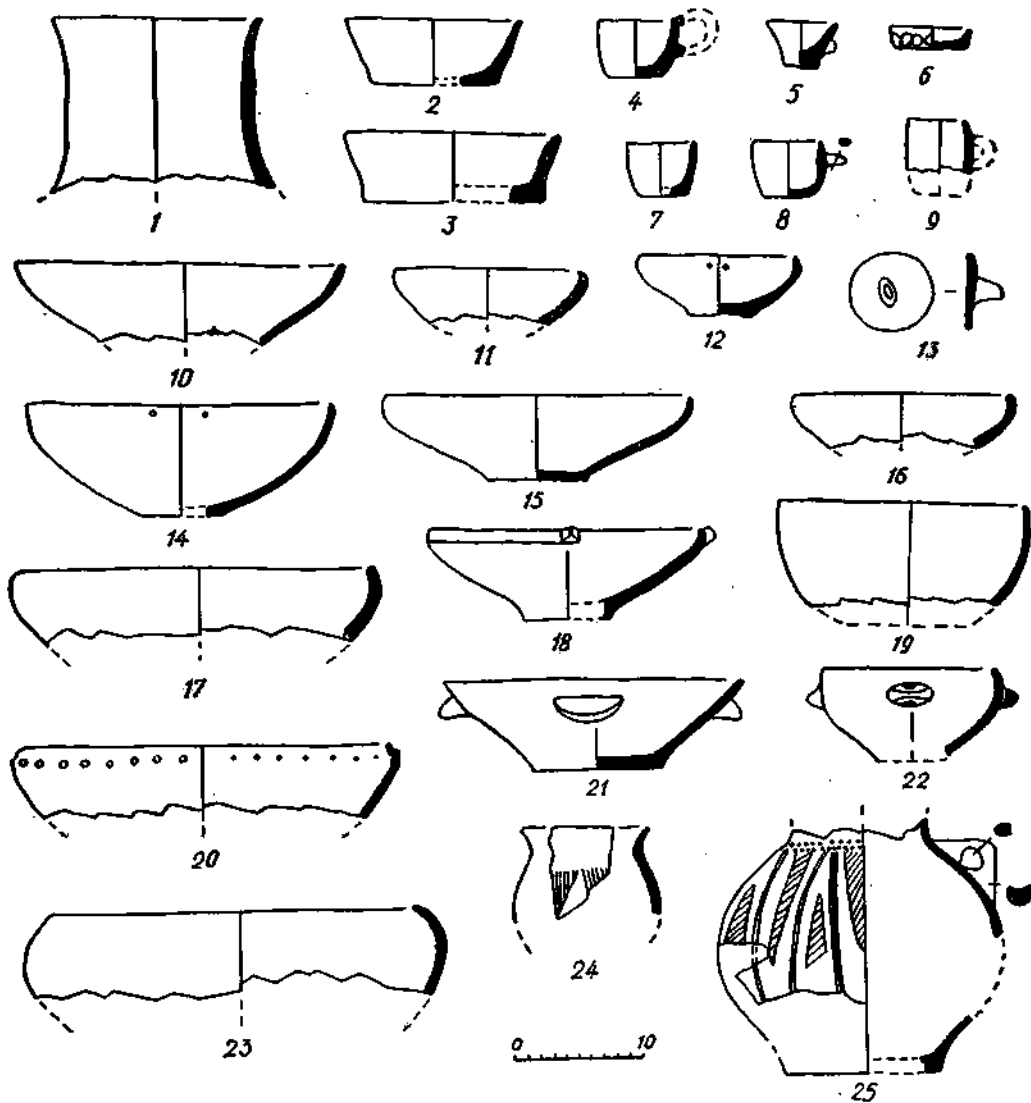

Рис. 39. Лепная керамика (типы 4, 5, 12—14, 16, 20):

1, 5, 6, 8—10, 12—15, 18—22, 24, 25 — Березань; 2, 17, 23 — Кудуруб I; 3 — Лупарево II; 4 — Бейкуш; 7, 16 — Большая Черноморка II; 11 — Дмитриевка I.

ствуют, однако, судя по наиболее крупным фрагментам, можно предполагать, что основные параметры керамики этого типа сильно варьируют. Наиболее показательными в этом смысле являются колебания диаметров устья — от 3,5 до 12—13 см.

По характеру обработки поверхности кубки относятся к первой технологической группе. Орнамент, расположенный в верхней части корпуса, состоит из

комбинаций пучков прочерченных параллельных, расходящихся, волнистых линий, «елочки», ряда или рядов заштрихованных треугольников, дополненных иногда рядом или двумя рядами неглубоких точечных вдавлений, нанесенных чаще всего в месте перехода горла к корпусу (рис. 39, 25).

Как и ранее опубликованную керамику [Фабрициус, 1951, табл. VI, 3, 5; Капошина, 1956, с. 159; 1956а, с. 228, рис. 6; Дзис-Райко, табл. I, а—д; Марченко, 1976, с. 158, рис. 1], все новые находки обломков кубков следует датировать второй половиной VII — первой половиной — серединой VI в.

до н.э. Удельный вес посуды такого рода в материалах наиболее ранних поселений, как правило, не превышает 3—5% [Гаврилюк, Отрешко, 1982, с. 84]. Наиболее близкие аналогии по форме и орнаментации нижнебугским кубкам известны среди керамических материалов памятников второго периода кизил-кобинской культуры Крыма [Крис, 1981, с. 41; Гаврилюк, Отрешко, 1982, с. 84—85].

Тип 5 (рис. 39, 1; 40, 2). Корчаги. Целых сосудов в коллекциях нет. Тем не менее можно выделить два варианта форм. Первый — корчаги с прямым или слегка отогнутым наружу краем и высокой, в виде усеченного конуса шейкой (рис. 39, 1). Второй — корчаги с короткой шейкой и резко отогнутым наружу краем. Диаметр венчика таких сосудов иногда достигает 70 см [Гаврилюк, Отрешко, 1982, с. 86].

По характеру отделки сосуды принадлежат ко всем трем технологическим группам. Грубовыделанные корчаги орнаментировались пальцевыми вдавлениями, горизонтальным налепным валиком, косыми насечками по краю или горлу [Гаврилюк, Отрешко, 1982, с. 86]. Для корчаг с лощеной поверхностью характерны сосковидные ручки-налепы, расположенные в средней, наиболее широкой, или нижней части корпуса, рельефный орнамент в виде кольца с пирамидальной пищечкой в центре и гладкого валика. Одна из березанских корчаг, найденная в комплексе третьей четверти VI в. до н.э., украшена плетенкой, выполненной рельефными налепными валиками [Марченко, 1974, с. 151, рис. 2].

Удельный вес керамики этого типа на поселениях Нижнего Побужья не превышает 1—3%. Имеются основания полагать, что в комплексах второй половины VI — первой четверти V в. до н.э. их количество существенно уменьшается или же вовсе исчезает.

Тип 6 (рис. 40, 1). Черпаки (чаши) с биконическим корпусом, плоским дном и овальной в сечении петлевидной ручкой, возвышающейся над краем сосуда. Черпаки орнаментированы по корпусу широкими косыми каннелюрами. По характеру обработки поверхности относятся к первой технологической

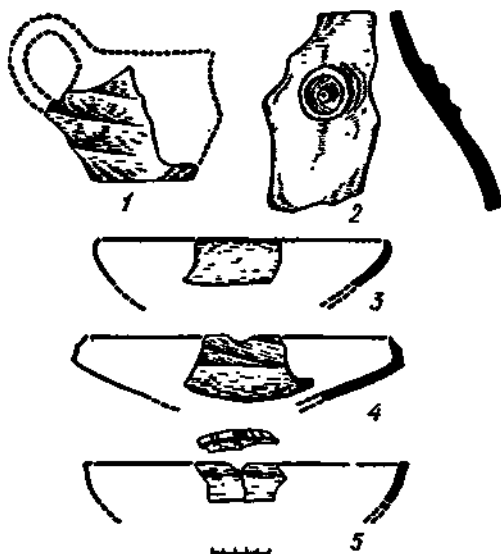

Рис. 40. Лепная керамика (типы 5, 6, 12): 1—3 — Березань.

группе. В Нижнем Побужье они известны только по березанским материалам середины VI в. до н.э. Аналогии черпакам этого типа хорошо известны на территории Карпато-Дунайского бассейна.

Тип 7. Черпаки с округлым корпусом и овальной в сечении петлевидной ручкой, возвышающейся над краем сосуда. Тип известен только по старым березанским материалам [Фабрициус, табл. VI, 6; Дэнс-Райко, с. 38, 42, табл. I; IV, а, б]. Сосуды обычно украшены прочерченным геометрическим орнаментом с инкрустацией. Встречаются черпаки и без орнамента. Поверхность сосудов покрыта лощением (первая технологическая группа). Тип сопоставлен с аналогичной керамикой раннескифского времени лесостепной Правобережной Украины и района Ворсклы.

Тип 8. Черпаки с корпусом в виде перевернутого усеченного конуса, плоским дном и овальной в сечении ручкой, возвышающейся над краем сосуда. Тип выделен на материалах поселений Большая Черноморка II, Бейкуш и Березань и сопоставлен с аналогичной керамикой Карпато-Дунайского бассейна [Гаврилюк, Отрешко, 1982, с. 82—84, рис. 4, 23, 24].

Тип 9. Круглотелые (шаровидные) кубки с резко отогнутым наружу краем и высокой шейкой, основание которого подчеркнуто горизонтальным ребром. Поверхность сосуда покрыта лощением. Тип известен только по материалам поселения Большая Черноморка II и связан с керамикой черногородовского и новочеркасского периодов эпохи раннего железа Северного Причерноморья [Гаврилюк, Отрешко, 1982, с. 84, рис. 5, 14, 15, 18].

Тип 10. Кувшины с отогнутым наружу краем и округлым корпусом; небольшая петельчатая овальная в сечении ручка прикреплена к горлу и плечу сосуда. Относятся ко второй технологической группе. В настоящее время известны только по материалам поселения Большая Черноморка [Гаврилюк, Отрешко, 1982, с. 87, рис. 3, 13].

Тип 11. Цилиндршейный лощеный кубок, украшенный прочерченным геометрическим орнаментом с инкрустацией. Известен в одном экземпляре. Найден Г. А. Скадовским при раскопках Березанского некрополя архаического периода [1900, № 141 б, часть 3].

Вторая подгруппа. *Тип 12* (рис. 39, 10—12, 14—23; 40, 3—5). Плоскодонные миски с округло-выпуклым корпусом, округленным, заостренным или плоско срезанным вертикальным или загнутым внутрь краем, подчеркнутый мягким горизонтальным ребром (рис. 39, 6, 12, 18). Основные пропорции сосудов сильно варьируют. Недостаток целых форм заставляет в настоящее время ограничиться лишь следующими замечаниями. Диаметр устья у 75 % мисок колеблется от 15 до 30 см, у остальных — от 10 до 14 см. Диаметр дна, как правило, в 2—3,5 раза меньше диаметра устья. Внешнее оформление мисок различно, что позволяет выделять как минимум два варианта сосудов.

Первый вариант — неорнаментированные миски. Их удельный вес составляет не менее 75—80 % объема типа. Около 70—80 % мисок этого варианта относятся к первой технологической группе. Остальные — грубой работы. Лощеные миски бытуют в течение всего рассматриваемого периода. Керами-

ка грубой работы, по-видимому, появляется в комплексах не ранее середины VI в. до н. э.

Второй вариант — орнаментированные лощеные миски. Отмечено четыре вида украшений: валицы — горизонтальный валик, треугольные и сосковидные ручки-упоры (рис. 39, 18, 21, 22); косые каннелюры на верхней внешней части корпуса (рис. 40, 4); наколы по краю — так называемые жемчужины (рис. 39, 20). Обломок миски, найденный на Березани, имеет отпечатки мелкозубчатого штампа в виде двойных параллельных линий по плоско срезанному краю (рис. 40, 5).

Описываемый тип керамики Нижнего Побужья позднеархаического времени представлен в комплексах всех наиболее изученных поселений этого района. Отметим, что удельный вес такого рода посуды в отдельных массивах существенно различен — от менее чем 1 % на поселениях Старая Богдановка II и Дмитриевка I до 18—19 % на Большой Черноморке II [Гаврилюк, Отрешко, 1982, с. 76, табл. 2].

Неорнаментированные миски типа 12 могут быть сопоставлены с керамикой широкого круга памятников раннескифского времени степного и, главным образом, лесостепного Северного Причерноморья. Значительно уже ареал архаических мисок с косыми каннелюрами и налестями в виде различных ручек-упоров. Ближайшие аналоги таким сосудам мы находим в керамическом материале целого ряда памятников Карпато-Дунайского бассейна. Совершенно иной центр распространения мисок с наколами изнутри и отпечатками мелкозубчатого штампа по краю. В этом случае вероятнее всего сопоставление нижебугской посуды с соответствующими материалами синхронного периода Правобережной Украины, Поворскля.

Тип 13 (рис. 39, 2, 3). Плоскодонные миски в виде перевернутого усеченного конуса. В материалах поселений Нижнего Побужья тип представлен несколькими экземплярами изделий грубой работы (третья технологическая группа). Его присутствие, в частности, фиксируется в составе керамики Старой Богдановки II (1 экз.),

Березани (2 экз.), Байкушского поселения (2 экз.) и Большой Черноморки II (2 экз.) [Гаврилюк, Отрешко, 1982, с. 82, рис. 4, 22; с. 83].

Третья подгруппа. Тип 14 (рис. 39, 4, 5, 7—9). Маленькие плоскодонные баночки с расходящимися, вертикальными или слегка загнутыми внутрь краями, как правило, снабженные петлевидными ручками или ручками-упорами в виде сосковидных налепов или вертикального валика, моделированного пальцевыми вдавлениями. Диаметр устья сосудов такого типа не более 6 см, высота 5—7 см. Баночки, выделенные на материалах Березанского поселения, в настоящее время в небольшом количестве зафиксированы в комплексах поселений Старая Богдановка II, Байкушское и Большая Черноморка II [Гаврилюк, Отрешко, 1982, рис. 24, 26; с. 83].

Тип 15. Кастрюли с коротким отогнутым наружу краем, имеющим уступ для крышки и покатыми, резко сходящимися к явно небольшому, возможно, круглому дну стенками. Известны по нескольким невыразительным обломкам из поселения Старая Богдановка II и Ольвия. Тип — явное подражание одной из наиболее популярных форм греческой кружальной кухонной керамики.

Тип 16 (рис. 39, 6). Маленькая плеска грубой работы. Найдена на Березани в слое второй половины VI в. до н. э.

Тип 17. Воронковидная подставка под сосуды. Внешняя поверхность покрыта лощением, серого цвета. Повторяет форму античных кружальных подставок под керамику. Найдена на Березани в слое второй половины VI в. до н. э.

Тип 18. Круглые светильники с рожком. Явная имитация античных кружальных светильников. Известны по двум экземплярам, найденным на Березани в слое VI в. до н. э.

Тип 19. Гуттус. Известен в одном экземпляре. Найден на поселении Большая Черноморка II [Гаврилюк, Отрешко, 1982, с. 83, рис. 4, 25].

Тип 20 (рис. 39, 13). Крышка сосуда с ручкой-налепом в центре, покрыта лощением серого цвета. Найдена на

Березани в слое второй половины VI — первой половины V в. до н. э.

Итак, общее количество выделенных в настоящее время типов равно двадцати. Типы в целом представляют довольно широкий набор разнообразных и иногда вполне специализированных форм: миски, кубки, корчаги и т. д. Отмеченное обстоятельство позволяет разделить всю керамику в функциональном отношении на две большие группы: столовую (бытовую) и кухонную. К группе столовой керамики отнесены типы 4—14 и 16—20. В общем балансе находок лепной посуды эта группа явно уступает кухонной керамике. Ее удельный вес колеблется в комплексах отдельных поселений от менее чем 1% (поселение Лупарево II) до 3—5 (Ольвия) и 15—25% (Березань и Большая Черноморка II). Более высокий процент столовой керамики, как правило, отмечается на наиболее ранних поселениях.

Группа кухонной посуды Нижнего Побужья представлена сосудами четырех морфологически различных типов 1—3 и 15. Определение последних как кухонных, то есть использовавшихся преимущественно для приготовления пищи на огне, не представляет труда и доказывается не только специфическими (целесообразными) формами сосудов, но и наличием в подавляющем числе случаев ярких следов длительного воздействия огня на поверхность.

Попытка прямого сопоставления этого комплекса с какой-либо одной из выделенных в настоящее время групп варварских памятников Причерноморья вряд ли возможна. В каждом конкретном случае ряд типов и их соотношения не входят в общую схему. Сказанное заставляет предположить, что рассматриваемые типы складывались, скорее всего, под воздействием ряда культурно-исторических факторов.

Наиболее слабым, номинальным для этого времени, следует считать влияние кружальной греческой керамики на лепную. Прямая связь между ними прослеживается только в наличии единичных изделий (типы 15, 17—19), явно повторяющихся форм кружальных прототипов.

Совершенно иные ассоциации возникают при попытке этнокультурной атрибуции остальных типов лепной посуды Нижнего Побужья. В этом плане в настоящее время вполне различимы по крайней мере четыре неоднородные группы: 1) посуда, находящая прямые аналогии среди материалов фракийских памятников Карпато-Дунайского бассейна (типы 3, 6, 8 и отчасти 12 и 14); 2) керамика, аналогичная соответствующим материалам лесостепной Правобережной Украины и Поворскля (типы 2, 7 и отчасти 1, 5 и 12); 3) сосуды, сходные с керамикой степной зоны Северного Причерноморья (частично типы 1 и, возможно, в небольшой степени 12); 4) кубки (тип 4), имеющие параллели среди посуды второго периода кизил-кобинской культуры Крыма.

Наличие в первых трех из вышеперечисленных групп едва ли не всех основных типов лепной керамики Карпато-Дунайского бассейна, лесостепной и степной зон Северного Причерноморья можно рассматривать как свидетельство пребывания среди местного населения Нижнего Побужья позднеархаического периода представителей различных варварских племен хинтерланда.

Анализ форм лепных сосудов и их орнаментики не позволяет в чистом виде выделять типы, характерные для комплексов поселений Северного Причерноморья VIII — первой половины VII в. до н. э. Тем самым устанавливается сопряженность возникновения в Нижнем Побужье первых значительных эллинских центров с началом проникновения сюда варваров, по тем или иным причинам втянутых в социально-экономическую орбиту греческой общины этого района.

Металлическая посуда

Полнее всего эта категория посуды охарактеризована в работе А. И. Фурманской [1953, с. 87—90]. Сосуды из погребений начала V в. до н. э. опубликованы Ю. И. Козуб [1974]. Из рассматриваемой категории вещей наиболее тщательно изучены бронзовые ситечки. Статья З. А. Билимович [1979, с. 26—36] посвящена коллекции сите-

чек, найденных в Северном Причерноморье и хранящихся в Эрмитаже. В названных трудах учтены лишь находки из Ольвии, а ее периферия и Березань остались вне поля зрения исследователей.

Сравнительно редкие находки остатков металлической посуды объясняются не только ограниченным ее распространением (она была гораздо дороже керамической), но и плохой сохранностью металла в земле, а также тем, что почти все вышедшие из употребления металлические предметы в древности отдавались в переплавку. Основное количество металлической посуды происходит из погребений.

Все известные образцы металлической посуды из архаических слоев Ольвийского государства изготовлены из бронзы. Исключение составляет маленькая серебряная чаша с выпуклым полушарием в центре дна. На внешней стороне чаша украшена орнаментом из ов [ОАК за 1912, с. 34].

Судя по находкам, наибольшее распространение имели бронзовые черпаки (киафы) и ситечки. Первыми доставали и разливали вино из амфор и прочих крупных сосудов, а через ситечки его процеживали. Наиболее хорошо сохранившиеся экземпляры найдены в некрополе Ольвии и Марицынском могильнике. Мелкие обломки встречаются при раскопках городищ, например, обломки ситечек в слоях VI в. до н. э. на Березани [Копейкина, 1974, с. 30; Лапин, 1974, с. 25].

Ручки киафов и ситечек обычно оканчиваются крючком, оформленным в виде головки лебедя или утки. За этот крючок предметы подвешивали к вешнику сосудов. Например, ручка киафа, висящая на горле хлосской амфоры конца VI — начала V в. до н. э., найдена в погребении при раскопках Ольвии 1910 г. [1974, Козуб, с. 151].

Ситечки и киафы с лебединой головкой известны в Греции с первой половины VI в. до н. э. Мотив с лебединой головкой был распространен в первой половине I тыс. до н. э. на Востоке, а затем через Сирию был заимствован греческими ионийскими мастерами, откуда распространился и в другие области Греции и Этрурию. Наиболее до-

ругие экземпляры ситечек и киафов делали из серебра [ДБК, с. 204, 278, табл. XXV, XIV], а у бронзовых золотили внутреннюю поверхность чаши [Онайко, 1966, с. 31]. Однако на территории Ольвийского государства таких экземпляров не найдено.

Изделия конца архаики — начала классической эпохи очень сходны по внешнему виду. Старшая их группа, датирующаяся концом VI — началом V в. до н.э., выделяется по орнаменту пальметт и волют, выгравированных на месте соединения чаши и ручки [Richter, 1935, p. 230]. В Ольвии найдено шесть таких ситечек [Билимович, 1979, с. 33; Фурманская, 1953, с. 88]. Подобное ситечко найдено также в Марцианском могильнике [Ebert, S. 14, fig. 11].

Ситечки и киафы изготовляли литыми и коваными. Чаще всего цельноковаными бывают киафы (среди ольвийских ситечек известно лишь одно цельнокованое). У других ольвийских ситечек выкована только чаша с дырочками, образующими либо концентрические круги, либо вихревую розетку, а ручка отлита и присоединена к чаше заклепками [Билимович, 1979, с. 33]. Ситечки, подобные ольвийским, находят в Греции [Сагаранос 1878, p. XXI, I; Furtwängler, 1890, Taf. 55, N 925], в городах Северного Причерноморья [Силантьева, 1959, с. 65], в скифских курганах [Онайко, 1966, с. 30—31], на Корсике [Jehasse, 1973, № 1912, 2307]. З. А. Билимович высказала предположение, что все ситечки из Северного Причерноморья изготовлены в мастерских Этрурии. Исследовательница основывается на анализе наиболее богато украшенных экземпляров, которые в Ольвии отсутствуют. Поэтому мы не можем определенно отнести к этрусской, а не к греческой работе ольвийские ситечки, на которых либо вообще отсутствует орнаментация, либо она представлена традиционными для многих греческих центров волютами и пальметтами.

К настоящему времени при раскопках Ольвии и ее хоры не обнаружено ни одного целого бронзового сосуда и

даже крупных фрагментов, по которым можно было бы восстановить форму предмета. В слоях VI в. до н.э. на Березани найдено несколько обломков от одного бронзового сосуда и обломки ручек от другого сосуда [Копейкина, 1976/38, с. 5, 6], бронзовое украшение от сосуда начала V в. до н.э. в виде двух пальметт, соединенных дужкой [Копейкина, 1978, рис. 41]. При раскопках Ольвии неоднократно встречались обломки больших массивных ручек от крупных бронзовых котлов VI—V вв. до н.э. [Фурманская, 1953, с. 91]. Такая подвижная ручка состояла из двух частей: нижняя часть вставлялась в другую — полую трубчатую. Край сосуда имел две петли, в которые продевалась составная ручка. Подобные ручки обнаружены при раскопках Олимпии [Furtwängler, 1890, S. 146; Taf. N 825, 915] и аргосском Герайоне [Heraeon, Taf. CXXXI, N 2177].

Представление о том, как выглядели некоторые дорогие бронзовые сосуды VI в. до н.э., дает находка фрагментированного кратера из с. Мартоноши Херсонской области [Жебелев, Мальберг, 1907, с. 36]. Кратер, изготовленный в первой половине VI в. до н.э., попал к скифам в результате торгового обмена скифов с ольвиополитами. Особый интерес представляют прекрасно выполненные ручки сосуда с изображением крылатой Медузы Горгоны. Ручки выполнены отдельно в технике отливки по восковой модели, а затем припаяны к корпусу кратера.

В заключение назовем единственный сохранившийся в Ольвии небольшой бронзовый открытый светильник [ОАК за 1913—15, с. 40, рис. 55], диаметром 4,3 см с двумя рожками и с длинным (8,3 см) стержнем, имеющим на конце петлю для подвешивания.

Все рассмотренные остатки металлической посуды являются предметами импорта из Греции и, возможно, частично из Этрурии. Наши сведения о меднолитейном деле на территории Ольвийского государства не дают никаких свидетельств о том, что в архаический период здесь было налажено производство металлической посуды.

Глава 3 РЕМЕСЛЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО. ОРУДИЯ ТРУДА. ОРУЖИЕ

Исследование ремесленного производства Ольвийского полиса в архаическую эпоху до настоящего времени ограничено разработкой отдельных аспектов этой проблемы. А. И. Фурманской проведен анализ меднолитейного ремесла Ольвии [1953; 1963], А. С. Островерховым рассмотрены вопросы, связанные с железоделательным, меднолитейным и стеклоделательным производствами на Ягорлыцком поселении [1975, 1978, 1978а, 1981, 1981а]. Он первым уделил значительное внимание сырьевой базе античных центров Днепровско-Бугского лимана [1979, 1981б].

Краткая характеристика ремесленного производства Березанского поселения дана В. В. Лапиным [1963; 1966]. Ряд статей посвящен публикации материалов раскопок, в ходе которых были открыты производственные комплексы [Штерн, 1910; Мещанинов, 1931; Лапин, 1961а, 1967] или найдены литейные формы [Фармаковский, 1926; Рубан, 1979]. Несмотря на определенные достижения многие вопросы, связанные с ремесленным производством архаических поселений Ольвийского полиса, нельзя считать решенными. Материалы, свидетельствующие о развитии ремесла на Березани, Ягорлыцком поселении и в Ольвии, позволяют проследить степень развития того или иного ремесленного производства на перечисленных памятниках архаического времени.

Ремесленное производство

Железоделательное. Комплексы и отдельные материалы, свидетельствующие о развитии железоделатель-

ного производства, открыты на Березани, Ягорлыцком поселении и в Ольвии. На Березани раскопками В. В. Лапина исследованы два круглых в плане бассейна (диаметром 4 и 3,3—3,4 м), которые предположительно можно связывать с первичной обработкой сырья. Возможно, резервуары служили для очистки железной руды от посторонних примесей и породы [Лапин, 1961а, с. 47; 1961—1962/6а, с. 29; 1967, с. 148; № 1974/100, с. 18]. Дно большего бассейна имело плотную глинистую обмазку и было покрыто слоем железной ржавчины. В засыпи бассейнов найдены непрокованные полуфабрикаты криц железа с включением угля и флюсов, железные шлаки, крупные куски древесного угля. Датируется железоделательный комплекс последней четвертью VII — первой половиной VI в. до н. э. [Лапин, 1961а, с. 47].

С производством или обработкой железа на Березанг связаны остатки полуземлянки (3,8×3,2 м), пол которой был покрыт прослойками железной ржавчины. Здесь же открыта очажная площадка, имевшая, очевидно, производственное назначение. В. В. Лапин датирует полуземлянку первой половиной VI в. до н. э. [1961—1962/6а, с. 29—30].

К остаткам железоделательных комплексов относятся и два круглых в плане неглубоких бассейна (диаметром 3,1—3,5 м). К одному из них, датируемому VI в. до н. э., примыкает площадка, покрытая слоем железной ржавчины. Характер заполнения такой же, что и в вышеописанных комплексах: железные шлаки, угли, куски железных криц [Лапин, 1967, с. 149]. Второй бассейн (конец VII — начало VI в.

до н. э.) также имел ярко выраженный производственный характер. В нем кроме большого количества углей и железных шлаков найдены обломки стенок горнов [Лашин, № 1974/100, с. 18].

Получение железа сыродутным способом и его кузнечная обработка засвидетельствованы и на Ягорлыцком поселении. Здесь открыты остатки круглой в плане (диаметром 0,5 м) домницы и железоделательной печи, прямоугольной в плане (1,5×2,8 м) [Островерхов, 1978, с. 27]. На основании реконструкции домницы, предложенной А. С. Островерховым, сделан вывод о том, что за одну плавку переплавлялось до 25 кг руды, а крицы, которые получали в таких горнах, весили 2—5 кг [Островерхов, 1975, с. 133]. Рядом с домницей и печью обнаружено значительное количество железных шлаков и древесного угля.

Определенного развития в архаическое время достигло железоделательное производство и в Ольвии. Однако его остатки немногочисленны. Прежде всего это металлургическая мастерская, исследованная в 1929 г. В ней обнаружен частично сохранившийся горн, большое количество железных и медных шлаков, куски древесного угля, фрагменты металлических изделий [Мещанинов, 1931, с. 23—24]. В одном из ольвийских архаических комплексов найдена крица [Островерхов, 1975, с. 133].

Анализ железных шлаков и металлических изделий, найденных в Ольвии, подтверждает, что железо получали сыродутным способом [Фурманская, 1963, с. 67—68]. Исследование отходов железоделательного производства и криц позволило сделать вывод о том, что железная руда в Нижнее Побужье поступала из Криворожского железорудного бассейна [Островерхов, 1981б, с. 108—109].

Обработка цветных металлов. Одно из ведущих мест в ремесленном производстве архаических центров Ольвийского государства занимала обработка цветных металлов: меди, золота, серебра, свинца, олова. Наиболее развитым было меднолитейное производство.

В Ольвии меднолитейные мастерские

VI—V вв. до н. э. размещались в Верхнем городе [Фурманская, 1953, с. 39—40]. Здесь раскопаны остатки очагов, служивших для плавки меди и литья бронзовых изделий. Это очаги открытого типа. Один из них прямоугольный в плане (ширина 0,8, сохранившаяся высота 0,2 м), имел сырцовые стены. Под очага выложен сырцовыми кирпичами, поставленными на ребро вплотную друг к другу. Рядом с меднолитейным комплексом находились ямы, которые, видимо, служили для сброса остатков ремесленного производства. Они были заполнены большим количеством медного шлака, кусками обожженного сырца [Фурманская, 1963, с. 61].

Находки в Ольвии незаточенных и бракованных наконечников стрел, а также частей литейных форм для их отливки свидетельствуют об изготовлении этих изделий в городских ремесленных мастерских [Фурманская, 1953, с. 53—54]. Наличие в Ольвии литейных форм свидетельствует о производстве некоторых украшений архаического типа.

На Березани следы меднолитейного производства представлены бракованными наконечниками стрел, литейными формами и бронзовыми шлаками [Фурманская, 1958, с. 42].

Обработка цветных металлов, в частности бронзы и свинца, засвидетельствована на Ягорлыцком поселении [Островерхов, 1981, с. 26—37]. Здесь найдено большое количество бронзовых шлаков, слитки бронзы и свинца, остатки керамических тиглей для плавки цветных металлов, фрагмент литейной формы. Многочисленны находки бронзовых стрел, браслетов с биконическими пишечками на концах и свинцовых пряслиц со следами брака и неполностью обработанных. Свинцовый брусок (9,3×6,6 см) весом 837 г мог быть единицей веса. Основным технологическим приемом при обработке цветных металлов на Ягорлыцком поселении было литье.

Отметим также единичные находки предметов, связанных с обработкой цветных металлов, которые происходят с поселений ольвийской хоры архаического времени. Это тигель-лячка для плавки свинца, найденный на поселе-

нии Большая Черноморка II [Отрешко 1976а, с. 32], а также литейная форма с поселения Козырка XV [Рубан, 1979, с. 249, 251].

Одним из основных источников, свидетельствующих о развитии меднолитейного производства на поселениях Ольвийского полиса в архаическую эпоху, являются литейные формы. Подавляющее большинство их обнаружено при раскопках Березани и Ольвии.

Ольвийские литейные формы уже привлекали внимание исследователей. Так, А. И. Фурманской собраны и интерпретированы все известные в середине 50-х годов ольвийские литейные формы [Фурманская, 1958, с. 40—60]. Отдельные литейные формы, происходящие из раскопок поселений Ольвийского государства, либо специально публиковались [Рубан, 1979, с. 249—259], либо упоминались среди материалов раскопок [Штерн, 1910, с. 73; Фармаковский, 1929, с. 48; Лапин, 1966, с. 137—138]. Однако литейные формы на Березанском поселении, из раскопок В. В. Лапина, не были опубликованы, что сужает источниковедческую базу исследования ремесленного производства на начальном этапе существования Ольвийского полиса. В настоящем разделе вводятся в научный оборот все литейные формы, обнаруженные при раскопках поселений Ольвийского полиса архаического времени.

Литейные формы могут быть разделены на три группы: для отливки украшений; для отливки предметов быта; для отливки тех и других. Материалом для литейных форм архаического времени служили как местные, так и привозные минералы*.

1. *Литейные формы для отливки украшений.* 1. Частично поврежденная (8,5×6,4×1,3 см) прямоугольная створка литейной формы для отливки бляшек, изготовленная из тальковохлоритового сланца, выходы которого известны в Средиземноморье и Греции [Лапин, № 1795/114, с. 23, табл. 30, 3; Березань, раскопки 1975 г., инв.

* Породы минералов определены сотрудником Института геологических наук АН УССР В. Н. Лазуренко. Почти все описанные здесь литейные формы хранятся в археологическом музее АН УССР.

№ АВ—75/1258]. Все плоскости формы тщательно отшлифованы. На рабочей поверхности — четыре отверстия для штифтов. Одно из них зацементировано, очевидно, при реставрации формы, которая при просверливании отверстия раскололась. Створка служила литейной формой дважды. На внешней поверхности формы частично сохранилось первоначальное изображение — полуовал размерами 5,5×4,0 см с тремя сходящимися треугольником в один литник отростками, расположенными с широкой стороны овала, и коротким отростком — с узкой боковой стороны (рис. 41, 3). Плохо сохранившееся изображение не позволяет определить, что именно первоначально отливалось в самой форме. При вторичном использовании формы на ее рабочей поверхности в полуовале было вырезано стилизованное изображение стоящего оленя с круто повернутой назад головой. В основании полуовала — пояска из ряда рельефных точек. Передняя часть корпуса оленя с высокими прямыми рогами орнаментирована рельефными полосками и кругами; на коленях животного — по маленькой рельефной точке (рис. 41, 1, 2). Прямые аналогии литейной форме или бляшкам, которые изготовлялись в ней, не известны. По характеру орнаментации и позе оленя изображение на березанской форме отдаленно напоминает бляшку, украшавшую ножны меча из кургана возле с. Урус-Мартан [Членова, 1962, с. 189, табл. III, 25].

2. Фрагментированная створка прямоугольной литейной формы (12×8×0,8 см) для отливки бляшек, изготовленная из пластинки алевролитового сланца, выходы которого известны в Средиземноморье, на Балканах, в Италии, на Кавказе (район Туапсе) [Лапин, № 1975/114, с. 23, табл. 30, 1; Березань, раскопки 1975 г., инв. № АВ—75/1259]. На хорошо отшлифованной рабочей поверхности — два изображения свернувшегося хищника (волк(?)) с поджатыми лапами (рис. 41, 4, 5).

Орнаментом в виде пересекающихся вертикальных и горизонтальных линий передана грива хищника, выделен контур бедра. Изображения отличаются друг от друга пропорциями и трактов-

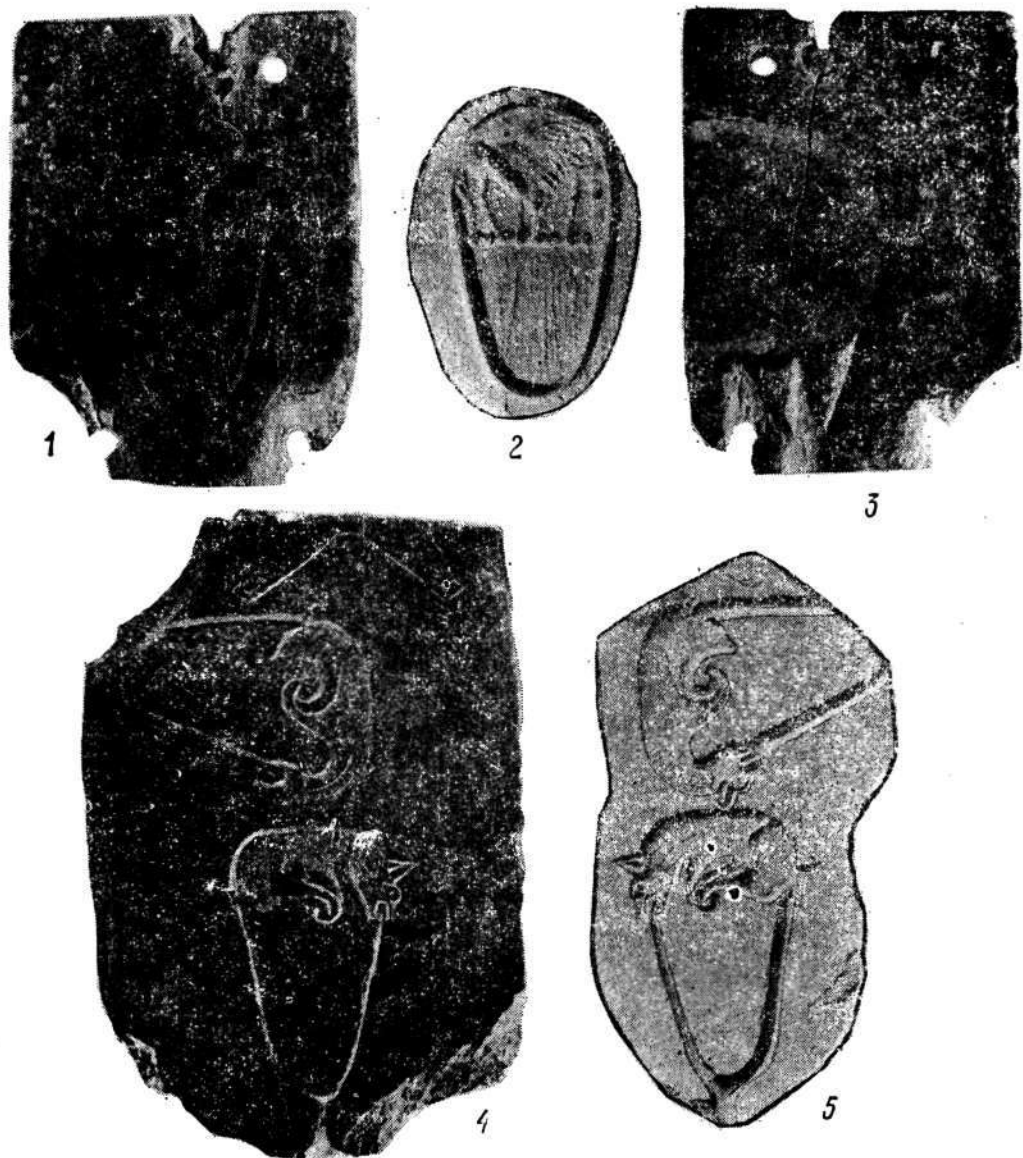

Рис. 41. Березань. Литейные формы и их гипсовые оттиски.

кой лап животного. В одном случае сведенные вместе лапы напоминают клюв хищной птицы, в другом они закручены спирально. На рабочей и внешней поверхности литейной формы сохранились неясные контуры разметки каких-то изображений, отдаленно напоминающих морды кабанов.

3. Поврежденная створка литейной формы подтрапцевидная в плане ($7,9 \times 4 \times 1,7$ см) для отливки подвесок,

из алевролитового известковистого сланца, выходы которого отсутствуют в районе Черного моря [Ляпин, № 1975/114, с. 24, табл. 30, 2 и 31, 5] (Березань, раскопки 1975 г., инв. № АБ—75/1017, хранится в музее КГУ). На хорошо отшлифованной рабочей поверхности — изображение двух видов лунниц, орнаментированных псевдозернью, и трех видов подвесок в виде рыбок, также украшенных псевдозернью (рис. 42, 1). На внешней неотшлифованной поверхности форм контурная разметка — свернувшееся

Рис. 42. Литейные формы:
1, 2, 3, 4, 7, 8 — Березань; 5, 6 — Ольвия.

животное с повернутой назад головой (рис. 42, 2).

О двух формах, найденных на Березани в насыпи кургана К₃, писал Э. Р. Штерн. По его словам, одна служила для отливки розеток, а другая — подвесок. Судить о них трудно, так как их рисунки или сколько-нибудь подробное описание не были опубликованы [Штерн, 1910, с. 73].

II. Литейные формы для отливки предметов быта. 4. Створка литейной формы, прямоугольная в плане (7,5×6,8×2,2 см) для отливки пряслиц, изготовлена из песчаника (Березань, раскопки 1961 г., инв. № АБ—61/740). Обе стороны створки хорошо отшлифованы. На рабочей поверхности — отверстия для штифтов (одно из них сквозное), гнезда для отливки свинцовых (?) пряслиц в форме усеченного конуса диаметром 1,8 см, орнаментированных рубчиками. Здесь же имеется еще одно гнездо для отливки пряслиц

в виде колесика диаметром 2,8 см, к которому от края формы ведет короткий канал 0,5 см (рис. 42, 3, 4).

5. Фрагмент створки литейной формы, прямоугольной в плане ($6 \times 4,7 \times 1,8$ см), изготовленной из сланца, для отливки пряслиц (Березань, раскопки 1971 г., инв. № АБ—71/646). Обе поверхности створки хорошо отшлифованы. На рабочей поверхности имеются два гнезда для отливки пряслиц. Одно — в форме усеченного конуса диаметром 1,8 см, другое — частично отбитое, полусферическое диаметром 2 см, орнаментированные вертикальными рубчиками (рис. 42, 7). Помимо гнезд для отливки пряслиц в этой же форме имелись гнезда для отливки ворварок-втулок в форме усеченного конуса, использовавшихся для крепления кистей, украшавших уздечку. От гнезд с пряслицами отходили два литника. На внешней стороне створки литейной формы частично сохранились два гнезда, в которых отливались какие-то круглые в диаметре стержни (рис. 42, 8). Возможно, в них отливались булавки, хорошо известные по находкам в Ольвии, на Березани и на Ягорлыцком поселении [Островерхов, 1981, с. 30].

6. Фрагмент створки литейной формы, изготовленной из песчаника, для отливки пряслиц (Березань, раскопки 1975 г., инв. № АБ—75/503). На сохранившемся фрагменте ($5 \times 3 \times 2$ см) имелось отверстие для штифта и половина гнезда для отливки свинцовых (?) пряслиц в форме колесика.

7. Створка литейной формы трапециевидная в плане ($8,1 \times 6,8 \times 2,5$ см) для отливки свинцовых (?) пряслиц, изготовлена из плотного мелкозернистого песчаника (поселение Козырка XV, раскопки 1978 г.) [Рубан, 1979, с. 249—251, рис. 2]. Обе поверхности формы хорошо отшлифованы. На рабочей поверхности — два гнезда для отливки пряслиц в форме усеченного конуса, орнаментированные вертикальными рубчиками. На этой же стороне литейной формы имелись гнезда для отливки пряслиц в виде колесика и ворварок; последнее зацементировано (рис. 43).

8. Литейную форму для отливки гвоздей, происходящую с Березани,

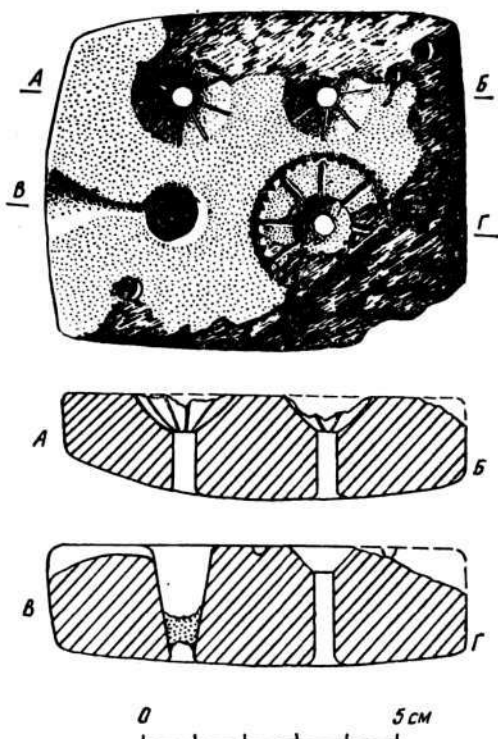

Рис. 43. Литейная форма (Козырка XV).

упоминал Э. Р. Штерн. По мнению А. С. Островерхова в ней отливались гвоздевидные булавки, известные по находкам на Березани, в Ольвии и на Ягорлыцком поселении [Островерхов, 1981, с. 30].

III. Литейные формы для отливки украшений и предметов быта. 9. Двустворчатая литейная форма, прямоугольная в плане ($9,5 \times 5,5 \times 2,5$ см), изготовленная из песчаника (Ольвия, раскопки 1947 г., инв. № 5623) [Фурманская, 1958, с. 43, рис. 1, 2, 3]. Поверхность створок тщательно отшлифована. На рабочей поверхности по два отверстия для штифтов, расположенных по диагонали. Здесь же сделаны четыре круглых гнезда для отливки овальных бусин различных размеров, по одному гнезду для отливки биконических пряслиц, украшенных вертикальными рубчиками (диаметр средней части пряслица 2 см); по одному гнезду для отливки пряслиц в форме колесика (диаметр средней части 2 см); одно гнездо для отливки ворварок.

10. Фрагментированная створка литейной формы, трапециевидная в плане (8×7,5×2 см), изготовленная из шифера (Ольвия, раскопки 1978 г., инв. № 0—78/ЮЗА/891) [Лейпунская, Назарчук, Ибрагимова, № 1978/24в, с. 9, табл. XIV]. Рабочая и внешняя поверхности хорошо отшлифованы. В створке формы — два сквозных отверстия для штифтов. На рабочей поверхности: два гнезда для отливки пряслиц в форме усеченного конуса, орнаментированных вертикальными рубчиками; гнездо для отливки подвески (возможно, сережки) серповидной формы, украшенной небольшими круглыми шпечками на концах, пятью короткими расходящимися от внешней выпуклой дуги украшения лучами и короткими черточками вдоль внутренней дуги. К одному концу украшения ведет канал, по которому расплавленный металл поступал в литейную форму (рис. 42, 5, 6).

Как видим, на поселениях Ольвийского государства архаической эпохи с помощью литья изготавливались в основном недорогие украшения и предметы быта. Нередко в одной форме отливалось несколько типов вещей. В количественном отношении преобладают формы для отливки свинцовых (?) пряслиц в виде усеченного конуса и колеса. Это в свою очередь свидетельствует об определенном развитии на поселениях Ольвийской хоры ткачества. Интересно, что производство таких пряслиц засвидетельствовано в архаическую эпоху не только на Березави, в Ольвии, на Ягорлыцком поселении и Козырке XV, но и в других центрах Северо-Западного Причерноморья [Рубан, 1979, с. 251].

Отметим, что некоторые авторы видят в таких пряслицах модели колес, использовавшихся скифами и сарматами в качестве амулетов [Смирнов, 1964, с. 251; Островерхов, 1981, с. 35—36; Бессонова, 1982, с. 113, рис. 3]. Трудно представить, что около половины известных в настоящее время литейных форм архаического времени специально предназначалось для снабжения населения степи амулетами. Обработка цветных металлов, которая начала развиваться на поселениях Ольвийской хоры, в первую очередь была направлена на удовлетворение спроса грече-

ских поселенцев в самых необходимых бытовых предметах, а не кочевых обитателей степей Северного Причерноморья. Не исключено, что в некоторых случаях такие пряслица могли использоваться и в качестве амулетов, но в подавляющем большинстве случаев они, очевидно, все же выполняли роль обычных пряслиц, которые после смерти их хозяев вместе с другими вещами клались в могилы.

Относительно источников и путей поступления цветных металлов в Побужье определенной ясности пока нет. На основании спектрального анализа А. С. Островерхов сделал вывод о возможном Карпато-Дупайском происхождении ягорлыцких бронз [Островерхов, 1981б, с. 110]. Исследования С. Я. Ольговского показали, что не исключен импорт мелких слитков из Малой Азии и непосредственно из Греции [Ольговский, 1981, с. 41].

Стеклоделие. Остатки стеклоделательного производства архаического времени открыты только на Ягорлыцком поселении [Островерхов, 1978а, с. 41—49; 1981а, с. 214—228]. Здесь найдены стекловаренные тигли конусовидной и горшковидной формы, заполненные стеклянной массой или ее следами, куски фриты, большое количество стеклянных бус со следами брака (деформированные, с перекошенными и не до конца пробитыми отверстиями). Основными технологическими приемами при производстве бус были намотка размягченной стеклянной палочки на металлическую основу, прессование, комбинированный метод [Островерхов, 1978а, с. 49]. Появлению стеклоделательной мастерской на Ягорлыцком поселении способствовало наличие в близлежащих районах необходимого сырья для изготовления тиглей, огнеупорного кирпича для сооружения печей, топливной базы. Сода, очевидно, поступала из причерноморских содовых озер, а, возможно, и импортировалась [Островерхов, 1981а, с. 220, 223].

Гончарное производство. Оно засвидетельствовано для архаического времени пока только на Березави. О существовании здесь этого производства свидетельствуют фрагменты сероглиняных сосудов со следами бра-

ка, деформацией, вздутиями на стенках, необожженные полуфабрикаты [Лапин, 1963, с. 37]. О наличии на Березани остатков гончарного производства упоминал Э. Р. Штерн [1910, с. 69]. О каких-то гончарных печах, остатки которых обнаружены на поселении, писал В. И. Гошкевич [Лапин, 1963, с. 37]. При раскопках Березани встречались керамические орудия, использовавшиеся в гончарном производстве для нанесения орнаментации, в частности на валики лепных сосудов [Лапин, 1978, ф. 24, с. 314].

Обзор источников позволяет говорить о наличии в Нижнем Побужье железоделательного, меднолитейного, стеклоделательного и гончарного ремесел. Наиболее развитым в этот период было меднолитейное производство, продукция которого, помимо обеспечения греков-колонистов, в ряде случаев поступала к скифскому населению Северного Причерноморья. Наличие ремесленного производства на поселениях Нижнего Побужья в архаическую эпоху подтверждает вывод о том, что в ходе греческой колонизации население греческих полисов стремилось создать самообеспечивающийся организм, в котором, наряду с освоением сельскохозяйственной хоры, развивались ремесленное производство и торговля [Блаватский, Кошелев, Кругликова, 1979, с. 13—14].

Орудия труда

Находки земледельческих орудий архаического времени в Нижнем Побужье немногочисленны. К ним относятся лемехи плугов, серпы и коса, найденные на Березанском поселении и в Марицынском (Аджигольском) могильнике. Вполне возможно, что остатками земледельческих орудий являются многие фрагменты железных изделий, не поддающиеся точному определению из-за плохой сохранности.

1. *Лемехи*. В 1961 г. на Березани найден лемех плуга (к сожалению, впоследствии утерянный). По описанию В. В. Лапина [1966], он принадлежал к типу широколопастных лемехов с втулкой, образованной путем симметричных надрезов по бокам равнобедренной пластины и отгибания продоль-

ных невысоких (до 5 см) закрапин. Общая длина лемеха составляла 34 см, длина рабочей части 27, наибольшая ширина рабочей части 19, ширина втулки у основания 17 см. Условия находки не позволяли датировать ее точно. В. И. Лапин считал, что лемех, вероятнее всего, относится к архаическому времени [1966]. В 1965 г. на Березани найден фрагмент железного изделия, который, по мнению В. В. Лапина, также принадлежал архаическому лемеху [1967].

2. *Серпы* (рис. 44). Находки серпов в Нижнем Побужье более многочисленны. Среди материалов раскопок на о. Березань имеются два очень хорошо сохранившихся серпа (инв. АБ/80—599; АБ/80—630). Один из них (АБ 80—599) принадлежит к типу асимметричных серпов, у которых вершина дуги лезвия сдвинута к конечной части клинка. Длина серпа 18 см, максимальная ширина до 3 см. Другой, видимо, принадлежит к типу симметричных серпов. Длина сохранившейся части лезвия 11, ширина до 2,5 см. Лезвие заканчивается черенком для насаживания рукоятки.

Один серп найден при раскопках Марицынского могильника [Ebert, 1913]. Слабо выгнутое лезвие, длиной 25 и шириной до 2,5 см, заканчивалось черенком, на который насаживалась рукоятка.

3. *Косы*. Достоверно известна лишь одна находка — в Марицынском могильнике [Ebert, 1913]. Коса имела крутовыгнутое лезвие (сохранившаяся длина 15, ширина до 2,5 см), заканчивавшееся втулкой диаметром 2,6 см, предназначенной для насаживания на длинную рукоять. Очертания лезвия косы сходны с серпами, основное отличие — перпендикулярное расположение по отношению к рукояти.

Орудия рыболовства встречены при раскопках архаических поселений в большом количестве и практически повсеместно. Главным образом это рыболовные грузила. Реже встречаются крючки; единична находка гарпуна.

4. *Грузила*. Известны два основных типа. Наиболее распространенными являются грузила с так называемыми перехватами. У них обычно овальная

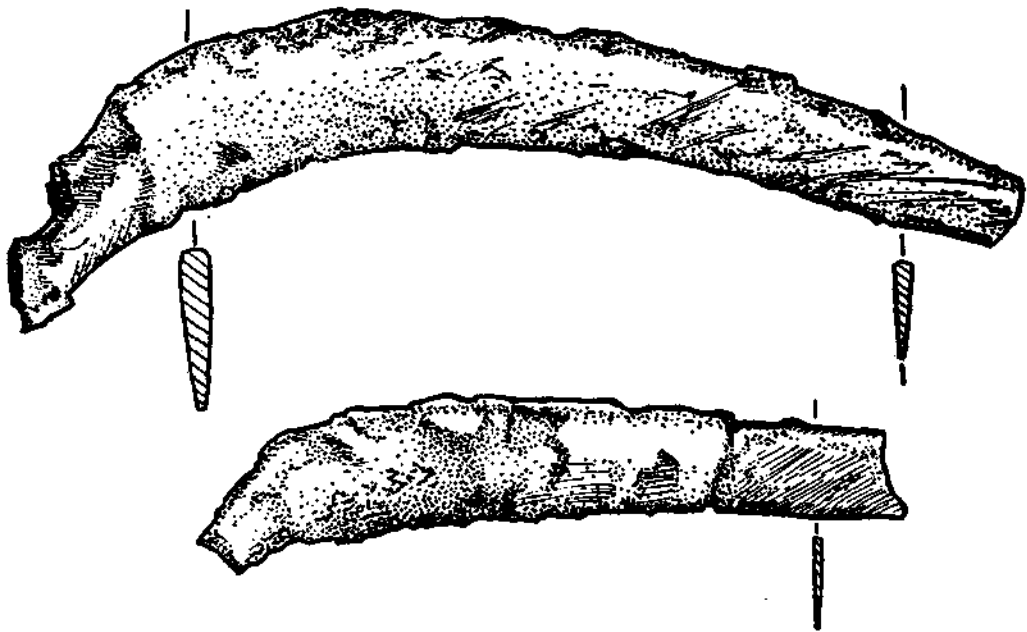

Рис. 44. Серпы.

форма, длина чаще всего 8—10, реже до 20 см, ширина от 4—6 до 8—12 см. На длинных сторонах — полукруглые вырезы, придающие изделиям восьмерковидную форму. Грузила второго типа таких же размеров, но вместо вырезов на длинных сторонах на одном из коротких краев сделано сквозное отверстие. Функциональное назначение грузил обоих типов одинаковое, но крепились к сетям они по-разному.

Грузила обоих типов изготовлялись из различных материалов. Чаще всего из различных сортов местного и привозного камня, реже — из обломков амфор. Изредка встречаются грузила, вылепленные из глины и затем обожженные. Во время раскопок грузила находят иногда группами, по несколько экземпляров или даже десятков — очевидно, они были брошены вместе с обрывками сетей.

5. *Крючки*. Встречаются они часто, но в основном во фрагментированном состоянии. На одном конце круто изогнутого крючка располагался колющий шип, другой конец обычно расплюсчен, к нему привязывалась леска. Длина крючков колеблется от 4 до 10 см. Предназначались они, очевидно, в ос-

новном, для удочек — ловля рыбы с их помощью была известна еще героям «Одиссеи» [IV, 368—69; XII, 311—2]. Однако могли применяться и переметы.

6. *Гарпуны*. Единственный известный нам экземпляр был найден на поселении Викторовка I [Рудык, 1957]. Ф. Рудык описывает его так: «Суживаясь от средней части к переднему концу, стороны гарпуна переходят в острие, имеющее в профиль овальное закругление. В верхней части, от острия назад под углом отходит клин, под которым в теле гарпуна имеется расширяющееся книзу сквозное отверстие для продевания веревки. В задней части гарпуна устроена втулка (гнездо для древка), на которую насаживался гарпун. Три отверстия в стенках втулки служили для закрепления гвоздями древка в гарпуне. Нижняя, выступающая назад, суженная часть стенки втулки гарпуна служила для увеличения прочности закрепления древка в гарпуне. Длина гарпуна около 8 см» [1957]. Гарпун предназначался для крупной рыбы вроде осетров. Возможно, он использовался и при подводном лове, как это описывается у Страбона [VII, 3, 18].

Ткачество, судя по имеющимся данным, в архаическое время было рас-

пространено в Нижнем Побужье повсеместно. Несомненно, это было домашнее производство, находившееся в руках женщин. Различные орудия, применявшиеся при изготовлении ткани, в количественном отношении представлены неравномерно.

7. *Эпинетроны* (оносы). Две находки известны на Березанском поселении [Горбунова, 1982]. Это фрагменты керамических изделий, которые надевались пряжами на колено. Часть поверхности оносов была покрыта тисненными чешуйками. Считается, что на такой шероховатой поверхности пряжа раскатывала шерсть до равномерной толщины и затем уже из полученной ровницы изготовляла нить. Березанские оносы аттичского производства. Часть поверхности изделий, не занятая тисненными чешуйками, украшена чернофигурной росписью. Находки уникальны не только для Нижнего Побужья, но и для всего Северного Причерноморья.

8. *Чесала*. Инструменты, предназначенные для расчесывания шерсти. В Археологическом музее АН УССР хранятся четыре чесала из раскопок В. В. Лапина на Березани (инв. № АБ/72—324, АБ/75—228, АБ/75—461, АБ/75—462), еще одна находка известна на поселении Лупарево II (Марченко и Доманский, № 1975/66). Березанские экземпляры изготовлены из рогов благородного оленя, лупаревский — из рога быка. Широкие основания рогов уплощены путем срезания с двух противоположных концов. На превращенных в пластины концах рогов нарезаны зубья.

Трудно сказать, почему столь необходимые орудия встречаются редко. Возможно, они обычно изготовлялись из недолговечных материалов — например, дерева.

9. *Пряслица*. Встречаются повсеместно в довольно большом количестве. Это дисковидные изделия с вертикальным сквозным отверстием, изготовленные из обожженной глины, обработанных фрагментов керамики, изредка из свинца. Диаметр обычно колеблется от 2,5 до 5 см, высота от 2 до 4 см. По форме в разрезе они многообразны — биконические, конические, трапециевидные, плоские. Свинцовые литые пря-

слица украшались геометрическим орнаментом.

10. *Веретена*. Целые находки неизвестны. Имеются основания полагать, что фрагментами веретен являлись многие обломки изготовленных из кости стержней, найденные на архаических поселениях. Очевидно, в большинстве случаев веретена изготовлялись из дерева.

Частота находок при раскопках различных орудий труда, скорее всего, не соответствует их распространенности в действительности. Чаще всего встречаются изделия из дешевой глины, реже — из сравнительно дорогого железа; мелкие изделия — чаще крупных. Многие виды орудий, изготовленных из дерева, до нас не дошли. Тем не менее имеющиеся материалы позволяют выработать определенное, достаточно верное, представление о развитии различных отраслей хозяйства Нижнего Побужья архаического времени.

Оружие

Военное дело Ольвии в полном объеме не изучалось. Известны разработки по отдельным вопросам фортификации [Капошина, 1933; Карасев, 1948; 1956; 1958; Буйских, 1984; Крыжицкий, 1985] и предметов вооружения [Скуднова, 1960]. Ольвийские материалы рассматривались В. Д. Блаватским [1954], Е. В. Черненко [1968; 1981], Ю. И. Козуб [1971б], Б. Г. Петерсом [1984]. Вопросы типологии и производства ольвийского оружия изучались А. И. Фурманской [1953]. К сожалению, ею рассмотрены только бронзовые предметы вооружения и воинского убора. Предметы вооружения рассмотрены в работах, посвященных ольвийскому некрополю классического [Козуб, 1974, с. 109—111] и эллинистического [Парович-Пешикан, 1974, с. 134—138] времени. Следует назвать и ряд публикаций, вводящих в научный оборот новые находки оружия из Ольвии [Черненко, 1977, с. 120—121; 1984, с. 174—178; Русьева, Черненко, 1980, с. 99—104]. Наиболее полный свод находок ольвийского оружия периода архаики дан В. М. Скудновой [1960, с. 60—72].

Одной из характерных особенностей гражданской греческой общины была военная организация [Долгоруков, 1982, с. 186], призванная защищать общинную собственность и имущество отдельных граждан полиса. Вооруженные силы Ольвийского государства, как и в метрополии, состояли из ополчения граждан, способных носить оружие в возрасте от 18 до 60 лет. Вооружение приобреталось воинами на свои средства. Богатые и зажиточные граждане имели дорогостоящее тяжелое оружие (в частности, мечи), малоимущие — состояли в легковооруженных отрядах [Блаватский, 1954, с. 70]. Последняя категория граждан была наиболее многочисленной и вооружена луком, кинжалом и копьем.

Тактика и организация войска Северного Причерноморья имела свои отличия. Роль сравнительно немногочисленных в архаическое время вооруженных сил сводилась к несению стражи на городских стенах в мирное время и защите города при осаде [Черненко, 1979, с. 415]. Очевидно, легковооруженная пехота играла в ольвийском войске VI—V вв. до н. э. более значительную роль, чем гоплиты [Блаватский, 1954, с. 78—79]. Оружие последних поступает на вооружение не тяжелой пехоты, а всадников.

Эллинические традиции военного дела претерпели значительное изменение под влиянием скифской среды [Черненко, 1977б, с. 66; 1979, с. 414]. Оружие античных типов практически отсутствует в некрополях античных городов Северного Причерноморья, в том числе и в Ольвии. Мечи греческих образцов представлены единичными находками, не известны и греческие наконечники копий. Не получило распространения и тяжелое защитное оружие — панцири типа кирас, большие круглые щиты, шлемы.

Вооружение в Ольвии архаического времени представлено набором скифского оружия — копья и дротики, луки и стрелы. Мастерские очень рано освоили выпуск вооружения скифского типа, о чем свидетельствуют материалы Ягорлыцкого поселения [Островерхов, 1978а].

Наступательное оружие. Мечи, кинжалы. Акинаки — двухлезвийные мечи или кинжалы длиной до 45 см (рис. 45, 1—11) представлены следующими основными типами.

I тип. Мечи с прямым брусковидным навершием и почковидным перекрестием. Известно шесть экземпляров [Скуднова, 1960, с. 63, рис. 2]. А. И. Мелюковой учтено в Скифии 16 аналогичных мечей и кинжалов, относящихся к VI—V вв. до н. э. [1964, с. 47, табл. XI].

II тип. Мечи с антенным навершием и почковидным перекрестием [Скуднова, 1960, с. 62, рис. 2, 4; с. 64, рис. 1, 3]. Они характерны для второй половины VI — первой половины V в. до н. э. [Мелюкова, 1964, с. 54; Гайдукевич, 1959, с. 158].

III тип. Мечи с прямым брусковидным навершием и прямым перекрестием в виде прямоугольника. Датируются второй половиной VI в. до н. э. [Скуднова, 1960, с. 61, рис. 1; Капошина, 1950, с. 213].

IV тип. Мечи с антенным навершием и бабочковидным перекрестием. Меч подобного типа найден в могиле VI — начала V в. до н. э. Марицынского могильника [Ebert, 1913, р. 15, рис. 2; Ginters, 1928, табл. 15; Мелюкова, 1964, с. 54].

Махайры. Длинные однолезвийные рубящие мечи с широким клинком. В Северном Причерноморье их находки чрезвычайно редки. Часть клинка махайры (рис. 45, 12) длиной около 40 см найдена в Ольвии в 1975 г. [Русяева, Черненко, 1980, с. 99—103], клинок в сечении имеет форму равнобедренного треугольника.

Ксифосы. Небольшие обоюдоострые мечи с узким у рукояти и расширяющимся в нижней половине лезвием. Особого распространения не получили. Возможно, ксифосом (рис. 45, 1) является меч из Ольвии [Скуднова, 1960, с. 60, рис. 1]. Однако он трактуется как одна из разновидностей акинака (см. тип II), на котором сказалось влияние греческого оружия [Черненко, 1977а, с. 126]. Верхняя и нижняя части ножен для ксифоса найдены в Ольвии в 1938 г. [Черненко, 1977а, с. 120—127].

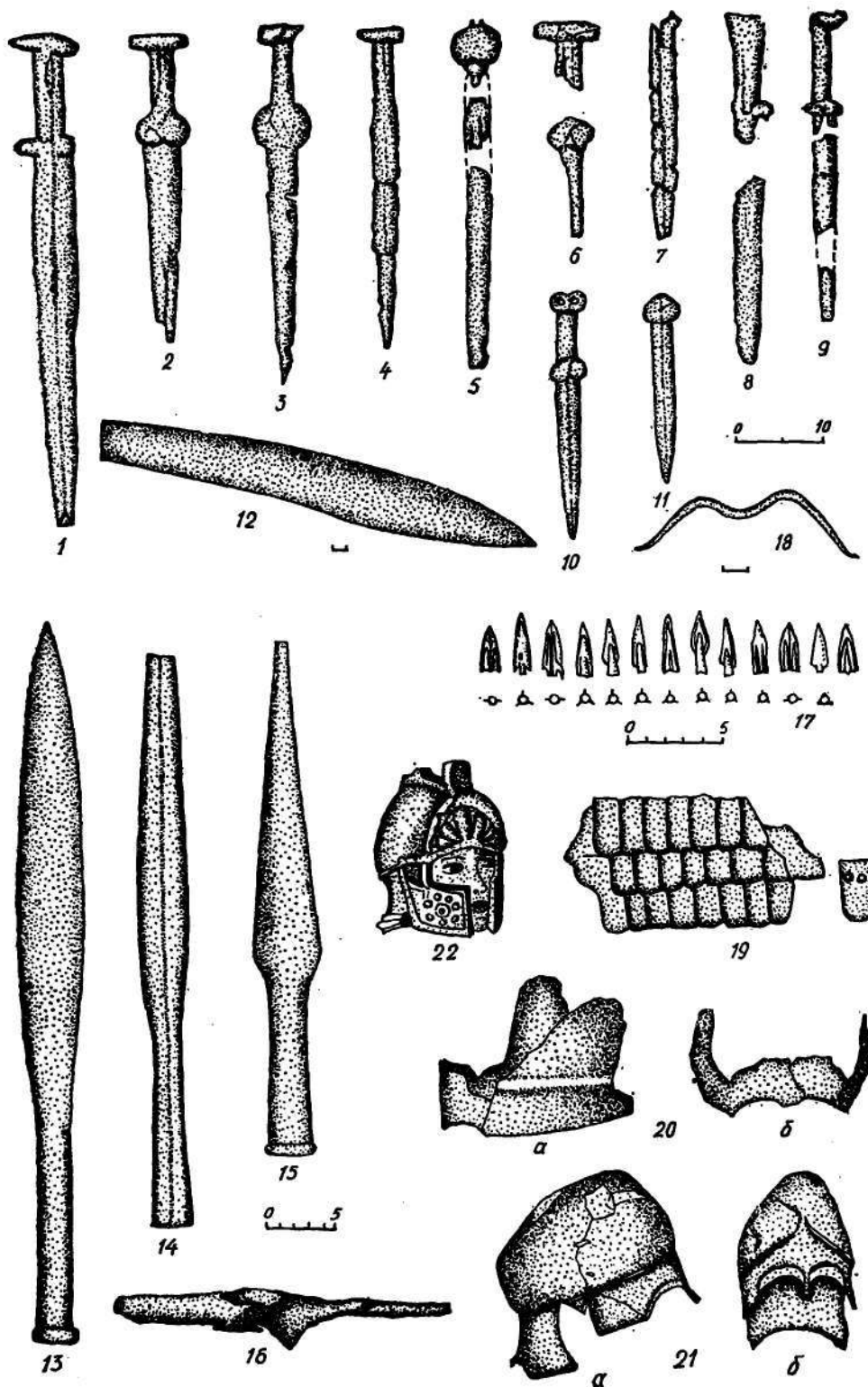

Рис. 45. Предметы вооружения:

1—11 — мечи-анкины и кинжалы (по В. М. Скудновой); 12 — махайра; 13—16 — наконечники копий; 16 — секира; 17 — комплекс наконечников стрел (Ольвия, могила № 68, раскопки 1911 г.); 18 — модель луна; 19 — фрагмент железного пан-

циря; 20а, б — шлем кубанского типа; 21а, б — шлем аттического типа; 22 — фигурный сосуд в виде головы воина в раннекоринфском шлеме. 1—12, 14, 16—21 — Ольвия; 13, 15 — Марицынский могильник; 22 — Березань.

Копья (рис. 45, 13—15). Один из основных видов оружия, предназначенный для ближнего боя и метания. Известно два основных типа втульчатых наконечников. Тип I — острояльный: а) с небольшим расширением пера; б) с большим расширением пера у основания. Тип II — с прямыми гранями пера, сходящимися к острию. В Ольвийском некрополе найдено 10 железных наконечников копий. Однако все они происходят из могил середины V—IV в. до н. э. [Скуднева, 1960, с. 66, рис. 5; Козуб, 1974, с. 110, рис. 56, 1, 2]. Часть копий повторяет средиземноморские формы, остальные — скифские [Мелюкова, 1964, с. 40, табл. 42, 14, 4]. Железные наконечники копий обнаружены в Березанском некрополе [Капопина, 1956, с. 222] и Марицынском могильнике [Ebert, 1913, с. 12, рис. 12, 2, 3]. Последние относятся к лавролистным наконечникам конца VI — начала V в. до н. э. [Мелюкова, 1964, с. 38, табл. VIII].

Боевые топоры. Значительного распространения не получили. В архаическом некрополе Ольвии встречена только одна железная секира [Скуднева, 1960, с. 66, рис. 4] (рис. 45, 16). Относится она к особой группе боевых топорков — клецов: длинный, ромбовидный в сечении клинок, обух в виде развернутой лопасти, расширяющейся об обуха. Тожественные по форме железные секиры найдены на Северном Кавказе [Крупнов, 1960, табл. XXXIV, 1].

Лук и стрелы. Очевидно, являлись основным видом вооружения в архаической Ольвии, т. к. составляли наиболее многочисленные находки в городских слоях и некрополе (рис. 45, 17). К наиболее ранним типам (начало VI в. до н. э.) относятся двулопастные наконечники, ромбовидные в сечении с шипом на втулке, и лавролистные наконечники, концы граней которых сходятся с краем втулки (Rau, 1929, S. 92). Последний тип является типично греческим, общим для материковой Греции и ее колоний в VI—V вв. до н. э. и является исключением из комплекса стрел, найденных в Ольвии [Фурманская, 1953, с. 56].

Наибольшее распространение в Оль-

вии VI — первой половины V в. до н. э. получили следующие четыре типа: двулопастные, с овальной или лавровидной головкой, длинной выступающей втулкой, с шипом или без него; двулопастные, с овально-ромбической головкой, короткой втулкой и шипом, образованным продолжением одной из лопастей, заостренной на конце; трехлопастные, с длинной выступающей втулкой и дуговидным или прямым очертанием лопастей, с шипом или без него; трехгранные, с выступающей втулкой. В меньшей степени применялись широкобазисные и пулевидные.

Что касается возможных типов лука, применявшихся ольвийским войском, то, скорее всего, это был асимметричный, небольшой полукруглый лук, состоявший из нескольких деревянных частей, широко распространенный в Скифии [Черненко, 1981, с. 8]. Не исключена вероятность использования и сигмовидного лука, вид которого воспроизводит модель лука (рис. 45, 18) из детского погребения середины V в. до н. э. [Козуб, 1973, с. 270—274].

Защитный доспех. Полный набор защитного вооружения включал: панцирь, кнемиды, шлем, щит. В Северном Причерноморье применялись два основных типа щитов — деревянные и с металлическим покрытием [Черненко, 1968, с. 99]. В архаическое время применялись щиты полусферической формы. Бронзовый умбон от такого щита (диаметр 9,5 см) найден в погребении № 92 Ольвийского некрополя [Скуднева, 1960, с. 66]. Среди панцирей наиболее многочисленны простые кожаные, усиленные металлом [Черненко, 1968, с. 12]. Блок железных панцирных пластин (рис. 45, 19), очевидно, набранных на кожаной основе, обнаружен на полу ольвийской землянки рубежа третьей — последней четверти VI в. до н. э. [Русяева, Черненко, 1980, с. 100].

Все известные шлемы Северного Причерноморья и Северного Кавказа [Черненко, 1968, с. 74—98] подразделены на несколько основных типов — «кубанские», халкидские, коринфские, аттические и «фракийские». Особую группу образуют шлемы различных ти-

пов с удаленной нижней частью. Использовались и шлемы, набранные из отдельных пластин. Из материалов Ольвийского некрополя известен только фрагмент одного шлема (рис. 45, 20) архаического времени «кубанского» типа [Рабинович, 1941, с. 129, 134, рис. 12]. Шлем аттического типа (рис. 45, 21) был приобретен Ольвийской экспедицией в 1908 г. [ОАК за 1908 г., с. 78, рис. 64—66]. Представление о типе раннекоринфского шлема, возможно использовавшегося в Ольвии, дает фигурный сосуд VI в. до н. э. (рис. 45, 22) из раскопок на о. Березань [Рабинович, 1941, с. 124, рис. 8; Козуб, 1971б, с. 453, рис. 133, 1]. Остатки кнеид при раскопках Ольвии не найдены. Очевидно, они имели ту же форму защитного доспеха, предохранявшего ногу воина от колена до ступни, что и поножи, обнаруженные в других местах Северного Причерноморья [Черненко, 1968, с. 112—122, рис. 59, 60, 61].

Весовые гири

Весовые гири Ольвийского государства архаического времени представлены в основном экземплярами из Ольвии и Березани. На поселениях сельской округи известна находка единственной гири из Старой Богдановки II (раскопки К. К. Марченко).

Публикации и интерпретации весовых гирь из Ольвии и Березани, нередко без выделения материалов архаического времени, посвящен ряд работ [Бурачков, 1884, с. 41, 59, 65; Орешников, 1891, с. 23; Бертье-Делагард, 1907, с. 1—6; 1909, с. 78—81; Фармаковский, 1906, с. 289; Чуистова, 1962, с. 64; Яровая, 1962, с. 243—246; Карасев, Левин, 1965, с. 87; Лапин, 1966, с. 145; Граков, 1971, с. 125—127; Карышковский, 1973, с. 98—101; Копейкина, 1979б, с. 345—346; 1981 б, с. 168, 173; Крапивина, 1980, с. 83—98].

Так как архаические весовые гири Ольвии и Березани рассматривались в свое время В. В. Крапивиной [1986], мы приводим краткую сводку по этому материалу.

Из всех изученных нами весовых

гирь Ольвии (53 экземпляра) только две на основании сопровождающего материала датируются третьей четвертью VI — началом V в. до н. э. Обе гири свинцовые, прямоугольной в плане формы. Одна из них плоская, вторая — со слегка выделенными по краям бортиками. Вес 401,5 (гири посредственной сохранности) и 43,188 г, очевидно, соответствует 1 мине и 10 драхмам эвбейско-аттической системы стандарта 100 (рис. 46, 1, 2). Отметим долю вероятности при определении стандарта рассматриваемых нами гирь, так как подсчет потерь веса вследствие коррозии металла не производился [Крапивина, 1986].

Три разновеса, датирующиеся широким промежутком времени, предположительно могут быть отнесены к периоду архаики, чему не противоречат их весовые данные: 219,06 г, 209,62 и 104,655 г. Очевидно, первые две гири соответствуют $\frac{1}{2}$, а третья $\frac{1}{4}$ эвбейско-аттической мины стандарта 100 [Крапивина, 1980, с. 92—93].

Гири Березани представлены семью экземплярами, из которых пять на основании сопровождающего материала датируются VI в. до н. э. Датировка одного экземпляра неизвестна, а еще один происходит из ямы первых веков нашей эры, включавшей материал VI в. до н. э. из окружающего слоя.

Особый интерес среди них представляют бронзовые предметы, определяемые рядом исследователей как гири [Лапин, 1966, с. 145; Граков, 1971, с. 125—127; Копейкина, 1981, с. 168, 173], что представляется нам вполне убедительным. У них трапецевидная в плане форма с изображением предположительно монеты — стрелки или трех стрелок, соединенных в пучок на лицевой стороне. На оборотной стороне все они имеют одинаково расположенные выемки серповидной формы: вертикальную с выпуклой зигзаговидной линией и горизонтальную, под которой заметен слегка выступающий треугольник вершиной вниз. На боковой грани — выпуклые насечки (рис. 46, 5, 6, 7). Вес одной из таких гирь неизвестен, а трех других составляет 28,65 г, 39,75, 41,919 г, что, очевидно, соответствует $\frac{1}{16}$ эвбейско-аттической мины

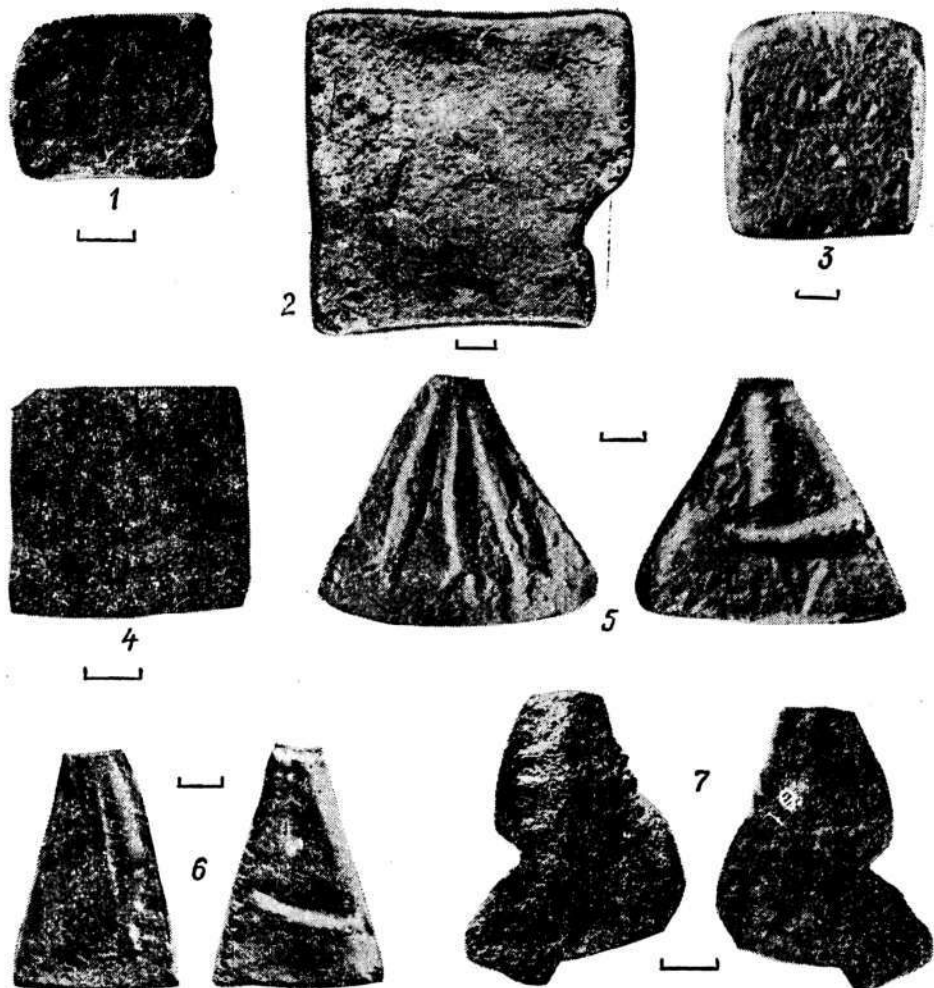

Рис. 46. Весовые гири:

1, 2 — Ольвия; 3—7 — Березань (1—3 — свинец; 4—7 — бронза).

стандарта 105 и 10 драхам эвбейско-аттической мины стандарта 100.

Бронзовая и две свинцовые гири с Березани квадратные в плане, плоские; вес бронзовой — 17,593 г, вес одной свинцовой — 229,50 (на этой гире прорезана $\Pi - \frac{1}{2}\mu\mu\nu\alpha\epsilon\omicron\nu$), другой — 429 г (последний экземпляр отнесен к архаическому времени предположительно), что, очевидно, соответствует 4 драхам, $\frac{1}{2}$ мины эвбейско-аттической системы стандарта 105; а также одной мине стандарта 100 (рис. 46, 3, 4).

Количество весовых гирь архаического периода, найденных на Березани и в Ольвии, невелико. Отметим, что и

на Афинской агоре в это время они немногочисленны [Lang, 1964, p. 6—7, 25]. Все эти гири относятся к эвбейско-аттической системе стандарта 100 или 105 монетных драхм, аналогичны материалам из Афин и Олинфа [Robinson, 1941, p. 453—456, 460—468; Lang, 1964, p. 2—5, 17—33]. Сказанное свидетельствует о том, что основания для выделения в Ольвии и на Березани архаического времени местной весовой единицы, отличной от распространенной в Древней Греции, отсутствуют.

Отметим также, что большинство гирь Березани (6 из 7 экз.) относится к VI в. до н. э., в то время как в Ольвии они представлены достоверно только двумя и предположительно еще тремя экземплярами из 53 гирь. Возможно, это может служить косвенным

доказательством высказанного ранее предположения о главенствующей роли Березани как политического, экономического и религиозного центра хоры архаического периода. Только в конце названного периода таким центром становятся Ольвия [Лапин, 1966, с. 142; Крыжицкий, Бураков, Буйских и др.; 1980, с. 7].

Представляется необходимым, однако, отметить наличие в Ольвии периода архаики небольшого количества крупных бронзовых литых дельфинов, определяемых обычно как монеты. В настоящее время их известно девять экземпляров, весом от 14,95 г до 103 г [см. подробнее — Крапивина, 1986, с. 110—111]. Выделяются следующие весовые группы; I — 14,95 г; II — 25,235 г, 26,438, 28,23 г; III — 58,02 г; IV — 70,76, 71,5 г; V — 92,75 г; VI — 103 г. Как мы видим, дельфины I, II, III, VI групп кратны друг другу. Вес дельфина

I группы соответствует 4 драхам эвбейско-аттической системы стандарта 100; II группы — 8 драхам эвбейско-аттической системы стандарта 100 или 1/16 мины стандарта 105; III группы — 16 драхам эвбейско-аттической мины или 1/8 мины стандарта 105; IV — 1/6 мины стандарта 100; V — возможно, 1/4 мины стандарта 92 (хотя до сих пор гири этого стандарта в Ольвии выявлены не были); VI — 1/4 мины стандарта 100. Аналогии по весу всему этому материалу есть среди гирь афинской агоры и Олинфа [Lang, 1964, p. 14, 25—33; Robinson, 1941, p. 455—457, 460, 462, 464, 466—468].

Возможно, крупные бронзовые дельфины из Ольвии служили весовыми эталонами для определенного количества мелких дельфинчиков, выполняя функцию весовых гирь при изготовлении из куска металла определенного веса определенного количества дельфинчиков.

Глава 4 ПАМЯТНИКИ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ И БЫТА

Одним из важнейших источников по многим вопросам истории, экономики и культуры античных поселений Нижнего Побужья в период колонизации и организации Ольвийского полиса являются эпиграфические памятники, скульптура, коропластика, а также украшения и предметы туалета. Особенно велика роль разнообразных надписей, непосредственно отражавших многие стороны как общественной, так и частной жизни эллинов. Монументальная скульптура, различные виды ее малых форм, в том числе и коропластика, в архаическое время в основном привозились из метрополии и других древнегреческих городов, поддерживавших с Борисфеном и Ольвией тесные экономические и культурные связи.

Эпиграфические памятники

Памятники письменности делятся на четыре категории: лапидарные надписи, граффити, письма на свинцовых свитках, дипинти — и обладают неодинаковой по своему значению информативностью. Лапидарные надписи отражают главным образом различные стороны общественной и религиозной жизни; письма на свинцовых свитках и особенно граффити чаще всего носят частный характер, хотя в количественном отношении значительно превосходят памятники лапидарной эпиграфии; дипинти архаического времени немногочисленны — это в основном редкие надписи красной краской аттических мастеров вазописи и керамистов, надписи, объясняющие сцены на расписных сосудах, метки гончаров и торговцев. В отличие от трех предыдущих категорий они, в

основном, принадлежат грекам Нижнего Побужья.

Лапидарные надписи. К рассматриваемому времени (VI — первая четверть V в. до н. э.) относятся восемь надписей, значительная часть которых сохранилась фрагментарно. Одна из них найдена на Березани, остальные — в Ольвии. Все надписи опубликованы в различных изданиях [РЕ, I², 212, 213, 215, 270; НО, I, 103, 167; Виноградов, 1978; Яйленко, 1982; Pfuhl, Mόbius, 1977]. По своему назначению и содержанию они делятся на три основные группы. Некоторые из них имеют свои типы соответственно содержанию.

К первой группе (декреты) относится одна надпись [НО, I]. Сохранилось два фрагмента верхней части плиты из плотного светло-серого известняка высотой 0,39 м, шириной 0,23, толщиной 0,13 м. Плита была тщательно отесана со всех сторон и слегка заполирована с лицевой. Буквы сохранившихся шести строк начала надписи вырезаны глубоко и небрежно: не соблюдено расстояние между строками и отдельными буквами, вертикальные черточки некоторых букв кривые. Все это, очевидно, свидетельствует об отсутствии в Ольвии в ранний период профессиональных резчиков государственных документов, появившихся здесь несколько позже. Некоторые буквы этой надписи (альфа, сигма, эта, ню, омега, капа) имеют архаическую форму написания, характерную для восточногреческих надписей [Guarducci, 1967, I]. Стилистические особенности письма на камне характерны для надписей конца VI — начала V в. до н. э. Остальные буквы надписи чаще встречаются в начале —

первой четверти V в. до н. э. Раннюю датировку этой надписи подтверждает и ряд ионизмов.

Надпись содержит краткую формулировку почетного декрета в честь жителя Синопы:

[Ἰητροκλέῃ τῷ ἑκαταῖο Σινοπέῃ ἀτελέῃ κατὰ] ἑυρόν [οὐς — — — —] — «Иетроклу, сыну Гекатея, синопейцу дано освобождение от пошлины ему и потомкам...».

Это самое раннее постановление ольвиополятов, дарующее ателию синопейцу Иетроклу и его потомкам. Исходя из краткости и лаконичности текста, скорее всего речь шла только об ателии, хотя не исключено, что в не сохранившейся части надписи указывалось право въезда в город и выхода из гавани [Виноградов, 1981, с. 84]. Формульный тип рассматриваемой надписи сосуществовал на протяжении всего V в. до н. э. с формулировками постановлений, где наряду с ателией предоставлялись другие торговые льготы, а именно «право входить и выходить из гавани» [НО, 2]. Точка зрения П. О. Карышковского, что данный документ мог и не принадлежать к декретам, а являлся записью «возможно даже частного характера», по нашему мнению, малоубедительна [Карышковский, 1975, с. 127].

Данная надпись является первым и наиболее достоверным свидетельством о существовании экономических связей с Синопой еще в начале V в. до н. э., в то время как синопская амфорная тара, в большом количестве находящаяся в Нижнем Побужье, относится только к IV—II вв. до н. э.

Посвяительные надписи. Большое значение для воссоздания истории религии Ольвии имеют посвяительные надписи божествам, тем более что в архаическое время лапидарная эпиграфика представлена единичными экземплярами. К этой группе относятся лишь две надписи, одна из которых носит общественный характер [НО, 167]. Это фрагмент мраморного блока с округлой лицевой поверхностью (возможно, часть постамента круглой формы для статуи высотой 0,145 м, шириной 0,25, толщиной 0,130 м). Надпись оборвана со всех сторон, в незна-

чительной степени сохранились фрагменты шести строк.

Характер шрифта более всего сходен с декретом в честь синопейца начала V в. до н. э. Здесь также не выдержано линейное расположение букв и строчек. Отдельные буквы (сигма, альфа, омега, капа) имеют раннюю форму написания. Очевидно, данную надпись можно датировать не позднее первой четверти V в. до н. э.

Восстанавливаемые в надписи фрагменты словосочетаний свидетельствуют о том, что надпись носит посвяительный характер: в ней речь идет о посвящении Аполлону золотого венца, возможно, от представителей религиозного союза молпов. Это самая древняя лапидарная надпись в Ольвии, свидетельствующая о почитании здесь Аполлона и о посвящении ему золотого венца. Три сохранившиеся буквы ΜΟΛ, очевидно, от μολλοί, в то же время являются первым упоминанием о молпах. Из других посвяительных надписей Аполлону Дельфинию середины — третьей четверти V в. до н. э. более четко и достоверно вырисовывается существование в Ольвии их союза [НО, 55—57; Graf, 1974, s. 209—213; Карышковский, 1978, с. 82—88]. Очевидно, как и в Милете, эсимнет молпов являлся главным жрецом Аполлона, эпонимом Ольвии [Карышковский, 1978, с. 88]. В метрополии молпы составляли аристократический культовый союз и имели значительное влияние на государственную и религиозную жизнь. Вполне вероятно, что такую же роль они играли и в Ольвии.

Вторая надпись носит частный характер и представляет древнейший письменный источник такого рода в Ольвии. Надпись вырезана в нижней левой части плиты из белого крупнозернистого мрамора высотой 0,12 м, шириной 0,12, толщиной 0,65 м [НО, 103; Виноградов, 1978, с. 66—68]. В верхней части фрагмента сохранилась часть овального углубления, что, наряду с расположением букв, изгибающихся вслед за углом плиты, на основании хорошо подобранной аналогии позволило Ю. Г. Виноградову реконструировать тип ольвийского памятника и нанесенную на него надпись:

[Ἄρχῆναξ (τῷ δαίτι θεῷ (ἀνεθῆκεν))] — «Архенакс (такому-то божеству посвятил)».

Аналогичный памятник представлял базу статуи куроса, посвященную в Дельфы сыновьями паросского скульптора Харопина около середины VI в. до н. э. Судя по характеру надписи и углублению для постановки статуи, ольвийский обломок плиты также являлся частью базы для статуи, скорее всего куроса, тем более что в Ольвии обнаружено несколько фрагментов статуй архаических куросов середины — второй половины VI в. до н. э. По аналогии с дельфийской надписью ольвийскую также можно датировать серединой — третьей четвертью VI в. до н. э. Имя Ἄρχῆναξ, скорее всего, принадлежало представителю знатного рода. Установление статуи от его имени, несомненно, указывает, что он был богатым гражданином Ольвии и, соответственно, имел отношение к государственной власти.

Надгробные надписи. Надгробные памятники позднеархаического времени найдены только в Ольвии и на Березанском поселении. Большая их часть (например, березанских) имеет антропоморфный облик без каких-либо надписей. На трех антропоморфных стелах из Березани Ю. Г. Виноградовым прослежены остатки красной краски, которой, возможно, была нанесена надпись или же расписана стела, аналогично боспорским и херсонесским несколько более позднего времени. Отметим, что в Нижнем Побужье найдено больше архаических надгробий, чем на Боспоре, однако позже их количество значительно возрастает.

Среди всех имеющихся надгробных памятников только пять имеют надписи, которые можно разделить на три формульных типа.

К первому типу относятся надгробная надпись из Березанского поселения [Яйленко, 192, с. 259—267, рис. 1а, 1в]. Она вырезана на массивной известняковой плите высотой около 1,5 м ниже рельефного изображения головы мужчины, возможно, в шлеме. В настоящее время плита утрачена.

Надпись сохранилась крайне фрагментарно из-за повреждений поверх-

ности камня и пористости известняка. Прослеживается пять строк, вырезанных в манере бустрофедон, и лишь в третьей и четвертой строках более-менее четко несколько букв. В. П. Яйленко по фотографиям стелы, сохранившимся в альбоме к дневнику раскопок Г. Л. Скадовского 1900—1901 гг., восстановил березанскую надпись так: Μάστορα τὸν — «Меня, памятник [?Βέ]ρτεω ἐ[ξ] — погибшего Мастора, ὠλω[λόι]»? Ἄρισ — сына Берта, τὼν υἱὸς μ[ε] — поставил κατὰ θε[το?] — Аристовим»

На основании собственного восстановления приведенной надписи, которое в то же время ему самому кажется не вполне правильным (с. 264), В. П. Яйленко делает довольно уверенные выводы большого исторического значения не только касательно Березанского поселения, но и древней территории всей нашей страны. Он считает, что это метрическая эпитафия, составленная «хорошим поэтическим языком, несмотря на известные трудности, создаваемые включением трех имен в текст надписи», что в ней «применены спондеи, сообщающие эпитафии медленность и торжественность». Далее автор приходит к выводу, что данная эпитафия является «одним из древнейших поэтических текстов, когда-либо созданных на территории СССР и дошедших до нас в первоизданном виде, а автор этого спондеического гекзаметра Аристовим — древнейший поэт нашей страны, известный нам по имени» (с. 264). Однако на фотографии просматриваются лишь отдельные буквы, не дающие права для столь произвольной реконструкции надписи и таких заключений, тем более что надпись не дошла до нас в своем первоизданном виде, а воссоздана издателем.

В надписи сравнительно четко прослеживается только имя Аристовим (Ἄριστόνυμος), все остальное не читается, тем более столь редкое имя Мастор, на основании которого делается вывод о любви населения Березанского поселения к Гомеру. Он же (Мастор) ввиду того, что на Березани якобы найдено единственное каменное надгробие (на находки других можно не надеяться, потому что некрополь и

поселение по существу уже раскопаны), был одной из «значительнейших фигур ранней Березани», то есть ойкостом (Яйленко, 1982, с. 256). Ничем не обосновывается и вывод, что именно Аристоним был автором эпитафии, как и то, была ли это вообще эпитафия. На основании сохранившейся части надписи, можно лишь предположить, что Аристоним поставил стелу умершему, имя которого не читается и трудно восстанавлимо.

Палеографическая особенность надписи действительно свидетельствует о том, что, скорее всего, она относится к середине — третьей четверти VI в. до н. э., хотя здесь имеются отдельные буквы и более ранней формы.

Ко второму формульному типу относятся три надгробные надписи из Ольвии, незначительно отличающиеся друг от друга [ИРЕ, I², 212, 213, 215]. Наиболее простая формулировка, состоящая из имени умершего и его патронимона, представлена на известняковом надгробии с невысоким треугольным завершением высотой 0,78 м, шириной 0,39, толщиной 0,17 м [ИРЕ, I², 213]. Надпись расположена на верхней части плиты в четыре строки: Ποσειδωνίου τῷ Θεοφίῳ — «[Памятник] Посейдона, [сына] Феоба». Шрифт надписи довольно небрежный. Отдельные буквы (тета, омега, пи) имеют архаическую форму. Датируется началом V в. до н. э.

Второй вариант формулировки представлен надписью из трех слов. Надпись вырезана на тщательно обработанной плите из плотного известняка прямоугольной формы с невысоким треугольным завершением сверху высотой 1,47 м, шириной 0,47, толщиной 0,14 м [ИРЕ, I², 212]. Она размещена в четыре строки (в последней только одна буква) посередине плиты Ναίου τῷ Ἐρμαγόρῳ μνήμα — «Памятник Ная, [сына] Гермагора». Вырезана более аккуратно, чем предыдущая, однако предварительной разметки при написании не было, о чем свидетельствует одна не поместившаяся буква в третьей строке. Датируется надпись первой четвертью V в. до н. э.

Третий тип формулировки представлен надгробной надписью из четырех

слов. Надгробие имеет прямоугольную форму с расширением в нижней части, надпись очень небрежная и худшей сохранности: часть надписи в верхней правой части сбита [ИРЕ, I², 215]. Она размещена в четыре строки в верхней части плиты. Высота плиты 1 м, ширина 0,38, внизу 0,47, толщина 0,06 м. Размеры букв не выдержаны: от 0,4 до 0,7 см, строчки также расположены на разных расстояниях одна от другой. В. В. Латышев восстановил надпись следующим образом: Χαρ[μο]ῖο Διφ[ί]λο εἰμί μνήμα — «[Я] есть памятник Хармота [сына] Дифила».

В этой надписи некоторые буквы (хи, альфа, дельта) имеют архаическую форму. Надпись датируется началом V в. до н. э. Лакоизм надгробных надписей характерен для всего античного мира не только в архаическое время.

Все три надгробия дают ряд редких имен не только в Ольвии, но и в городах Северного Причерноморья. Все они представлены в родительном падеже, имеют ионийскую форму.

К третьему типу надгробных надписей относится стела Леокса, сына Мольпагора из Ольвии [ИРЕ, I², 270; Фармаковский, 1915, с. 82—127]. Сохранилась средняя часть стелы из крупнозернистого белого мрамора с двухсторонним рельефным изображением обнаженного юноши с копьем или посохом и скифа с горитом. Высота фрагмента с одной стороны 0,47 м, с другой — 0,66, ширина — 0,36, толщина плиты 0,12 м. На узких боковых торцах стелы высечены надписи, сохранившиеся частично. Надписи, как и рельефы, привлекли к себе внимание многих исследователей. Первая, наиболее обширная публикация была сделана Б. В. Фармаковским [1915, с. 82—127]. Совместно с В. В. Латышевым, М. И. Ростовцевым, А. В. Никитским им была произведена реконструкция надписей: Στήλην τῆνδ'ἀνέθ' ἡμεῖς Λεώξος Μολλαγόρεω — «Я, Леокс Молпагоров, посвятил тебе, Подательница добычи, эту стелу вдали от города [Ольвии], в скифской земле» и [Λεωδότῃ πατρὶαεῖ [Λεώξος Μολλαγόρεω] — «Подательнице добычи — Леокс Молпагоров».

Исходя из текстов реконструированных надписей, Б. В. Фармаковский и В. В. Латышев считали стелу вотивной, посвященной Афине Лейодоте или какой-либо другой богине, которой могла соответствовать данная эпиклеза.

Приведенное чтение надписи подверглось обоснованной критике О. О. Крюгером, считавшим, что данная надпись является надгробной эпитафией, и предложившим не делать столь обширной и ничем не доказанной реконструкции с далеко идущими выводами [Крюгер, 1921]. Эпиклезу Лейодота он считал сомнительной и искусственно созданной издателями. При тщательном осмотре камня им была замечена ошибка в чтении одной буквы, что изменило весь смысл надписи. Однако против его предложения выступил В. В. Латышев, отстаивая реконструкцию надписи в обширном виде, ее вотивное назначение и аттические особенности в ее написании [1922, с. 65—70]. Заметка О. О. Крюгера, настаивавшего на своем чтении надписей и на их ионийской форме, была опубликована уже после смерти В. В. Латышева [Крюгер, 1924]. В дальнейших публикациях, где речь шла о памятниках искусства, стела Леокса в основном считалась вотивной. Против выступил Г. И. Соколов, назвавший ее надгробным памятником [1973].

Описываемая стела публиковалась и многими зарубежными исследователями, единодушно принявшими чтение надписей О. О. Крюгера [Peek, 1955, N 1172; Clairmont, 1970, p. 31—33; Hiller, 1975; Pfuhl, Möbius, 1977, s. 12] А) [-ω - ἔστ]ηρα λέγω ὅτι τῆλε πόλε [ως πολυ] [-ω - με]ται Λεόξος ὁ Μολλαγῶρε[ω]; Б) [μνῆμ]α εἰ [μὲ] Λεόξου τοῦ Μολλαγῶρε[ω].

Такое чтение с самым минимальным дополнением является наиболее правильным, соответствует научному принципу рассмотрения эпиграфических документов, когда для обширной реконструкции не имеется соответствующих данных. Первая надпись является метрической эпитафией, в которой речь идет о Леоксе, сыне Мольпагора, умершем или похороненном вдали от города. Скорее всего, можно согласиться

с О. О. Крюгером, что данная стела стояла над кенотафом Леокса. Вторая надпись содержит краткую формулировку, уже известную в Ольвии по вышерассмотренным надгробиям.

Палеографический анализ надписей, а также стилистические особенности рельефных изображений на широком фоне соответствующих аналогий позволяют относить данный памятник к 500—480 гг. до н. э. [Pfuhl, Möbius, 1977, s. 12]. Уникальный надгробный памятник, очевидно, специально изготовленный первоклассным ионийским скульптором, свидетельствует о том, что Леокс занимал в Ольвии какую-то важную государственную должность и принадлежал к аристократическому роду, возможно, судя по имени отца, происходящему из Милета. В милетском Дельфинионе найдено несколько надписей V в. до н. э., где упоминаются стефанефоры или отцы стефанефоров с именем Мольпагор [Milet, I, 3].

Таким образом, немногочисленные лапидарные надписи представляют ряд важных, строго документированных свидетельств: 1) о существовании экономических связей с южноионийским городом Синопой и о предоставлении синопейцу ателии; о государственном характере культа Аполлона Дельфиния и связанного с его почитанием религиозного союза молпов, эсимнет которого являлся главным жрецом и эпонимом Ольвии, что в свою очередь указывает на копирование Ольвийей государственных институтов метроколии; 2) о характере надгробных надписей, для которых в основном типична краткая и лаконичная формулировка, однако наряду с ней существовали и стихотворные эпитафии; 3) о характере наиболее ранних общественных документов и отсутствии специалистов-резчиков, появившихся уже в период расцвета города в раннеклассическое время; 4) об антропонимии Ольвии и Березанского поселения, где имена в основном были ионийскими, что подтверждает ионийско-милетскую колонизацию Нижнего Побужья и сохранение ионийских традиций и в первой четверти V в. до н. э. не только в просопографиях, но и вообще в письменности.

Граффити. Надписи, процарапанные на керамических, костяных, каменных и металлических изделиях, являются составной частью эпиграфических памятников. Важность этого массового источника, сохранявшего древнейшие формы курсивного письма и разговорной речи, имеющего значение для изучения многих вопросов истории, экономики, культуры, отмечалась советскими и зарубежными исследователями. До настоящего времени полный каталог граффити Ольвии и ее округи отсутствует, не имеется и отдельного исследования по этим надписям архаического времени. Отдельные граффити с островов Левка и Березань (совместно с граффити из Херсонеса и Феодосии) впервые были опубликованы Э. Р. Штерном [1897; 1913] и разделены им на четыре группы: надписи почитателей, владельцев, торговцев и сомнительного значения. Большая работа по сбору граффити проведена Е. М. Придком, однако осталась не опубликованной. Небольшая и не совсем удачная публикация группы ольвийских и березанских граффити, разделенных на греческие и негреческие вследствие их непонимания, сделана И. Д. Головкин [1959, с. 167—178].

Впервые сравнительно полная регионально-тематическая классификация граффити из городов Северного Причерноморья, хранящихся в Эрмитаже, была разработана И. И. Толстым [1953]. Надписи разделены им на производственные, бытовые, застольные, посвященные, магические, неясного назначения. В этот каталог вошло 79 граффити из Ольвии и Березани [Толстой, 1953, с. 7—56]. Однако архаическим временем датируется незначительная часть. Более подробная классификация по содержанию была предложена В. П. Яйленко в его публикации некоторых граффити из Левки, Березани и Ольвии [1980, № 2, с. 72—99; № 3, с. 75—116; 1982].

В последнее время уделено большое внимание исследованию отдельных, наиболее интересных по содержанию, граффити или групп граффити [Левки, 1964, с. 54, 140—142, 149—152, 164, 185; 1977, с. 96—100; Русяева, 1971; 1971а, с. 37—39; 1979, с. 14, 46—47,

73—74, 82, 119—120, 127—136; Отрешко, 1977, с. 40—44; Яйленко, 1979; Виноградов, Русяева, 1980]. Следует также отметить публикацию наиболее интересных граффити из Ольвии и Березани зарубежными исследователями [Friedlander, 1948; Lifschitz, 1964; Jeffery, 1967; Gentili, 1968; Bravo, 1974; Chadwick, 1973; Hansen, 1975; Lazzarini, 1976].

Однако основная масса граффити, насчитывающая более 1000 экземпляров, остается неопубликованной. Они хранятся в различных археологических коллекциях нашей страны (Эрмитаж, ЛОИА АН СССР, КИМ, КАМ, ИА АН УССР, ОАМ, Николаевский и Херсонский музеи). Значительная часть этих надписей найдена в архаических слоях Ольвии и Березанского поселения, в меньшей степени они обнаружены на поселениях. Среди них не встречаются граффити второй половины VII в. до н. э., то есть времени основания и первоначального существования Березанского поселения, за исключением одного, предположительно датированного концом VII в. до н. э. Значительное их количество относится к первой половине VI в. до н. э. Основная же масса архаических керамических надписей датируется второй половиной — первой четвертью V в. до н. э., то есть временем наиболее интенсивного освоения греками Нижнего Побужья в ранний период.

Большинство граффити сохранилось фрагментарно, что в значительной степени затрудняет их интерпретацию. Многие состоят только из одной или двух букв, относительно чтения которых отсутствует единая точка зрения (сокращенное имя божества, имя владельца или начало какого-либо слова). Основная часть надписей прочерчена на внешней стороне дна сосудов, сравнительно широко — на остраконах, реже — на костяных, металлических и каменных изделиях, например гирях, пряслицах, грузилах, различного типа амулетах, бронзовых зеркалах и т. д.

Чаще всего граффити встречаются при раскопках культовых и хозяйственно-жилых комплексов в городах и поселениях, однако нередко они и в

погребениях, в частности Березанского некрополя.

Исходя из того, что граффити архаического времени из Ольвии и ее окрестностей, а также о. Левки представляют большой по количеству материал, отдельная полная публикация которого могла бы составить целый корпус, в данном случае более целесообразно разделить его на отдельные группы и подгруппы с краткой характеристикой каждой группы и приведением наиболее типичных примеров, в отдельных случаях — интересных и редких экземпляров. Отметим, что тематика архаических надписей менее обширна, чем граффити более поздней эпохи, тем не менее она касается многих вопросов жизни эллинов. Все граффити этого времени можно распределить на восемь групп. В свою очередь некоторые из них делятся на подгруппы.

Сакральные граффити являются одной из распространенных категорий малой формы эпиграфики. Они представляют очень важный источник для исследования религиозных представлений греческого населения в архаическое время, так как лапидарные посвятельные надписи, обычно дающие многочисленные сведения о культах, почти отсутствуют. Нередко именно граффити помогают установить время появления того или иного культа, степень его распространения, характер почитания, принадлежность святилища или храма определенному божеству. В этой группе граффити выделяются пять основных подгрупп: 1) посвятельные надписи различных типов; 2) надписи с именем божества и маркировкой святилища; 3) граффити магического содержания; 4) письма культового характера; 5) ритуальные надписи. Очень дробная классификация греческих посвятельных надписей архаического времени с выделением отдельных формульных типов разработана М. Л. Ладзарили [1976, р. 58—60], которая частично будет использована в данном разделе.

Посвятельные граффити вырезались главным образом на венчиках или стенках сосудов, в редких случаях внутри сосуда или на донышке с внешней стороны. Подобная закономерность

размещения посвятельных надписей на обозримых местах характерна не только для Ольвии и ее округа, но и для всего античного мира [Wolters, 1940, с. 43—77; Cook, Woodhead, 1952, р. 159; Lazzarini, 1976]. Имена божеств ставились в дательном и родительном падежах. Большую трудность для интерпретации имени божества или его эпитеты, помещенной к тому же на дне сосуда, представляют сокращения теофорных имен или их монограммы. До настоящего времени этот вопрос остается дискуссионным [Соломоник, 1978, с. 6—7; Яйленко, 1980, с. 76—82; Сапрыкин, 1980, с. 168—174]. Совпадение начальных букв теонимов и теофорных имен, естественно, не дает точного указания, кому именно принадлежала аббревиатура — имени бога или частного лица. Правильно этот вопрос можно решить только в соответствии с рядом сопутствующих данных: место нахождения надписи, наличие других надписей на сосуде, аналогии и т. д. Среди посвятельных граффити архаического времени встречаются различные типы посвящений Аполлону, Ахиллу, Зевсу, Афине, Гермесу, Афродите и другим божествам.

К наиболее распространенным относятся посвящения Аполлону Врачу и Дельфинию, составленные по различным формулам (типам). Большинство из них найдено при исследовании ольвийских теменосов, где находились храмы [Леви, 1964, 1977; Русяева, 1985], а также на о. Левка и поселениях Ольвийской хоры. В основном они прочерчены на верхних частях сосудов, главным образом чернолаковых и чернофигурных киликов, сохранившихся чаще всего крайне фрагментарно, и нередко на дне сосудов или архитектурной терракоте, украшавшей храмы.

Тип 1. Наиболее полная формулировка посвящения найдена на донышке чернолакового лекифа первой четверти V в. до н. э. с о. Левки: $\Gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\omicron\varsigma\ \mu\epsilon\ \acute{\alpha}\nu\epsilon\theta\eta\eta\kappa\epsilon\nu\ \text{'}\text{Αχιλλῆι}\ \mu\epsilon\delta\acute{\epsilon}\omicron\text{'ντι}\ \text{Λευκῆ}\ \lambda\alpha\iota(\epsilon)\varsigma\ \text{Ποσειδῆ}\delta\omicron$ — «Глаук, сын Посидея, посвятил меня Ахиллу — владычествующему на Левке» [Мурзакевич, 1850]. Граффити имело разночтения у авторов, его издававших [Штерн, с. 169—172;

Minns, 1913, p. 361; Ростовцев, 1918, с. 189]. Наиболее точная интерпретация посвящения, приведенная здесь, сделана И. И. Толстым [1918, с. 12]. Она принята и в последующих изданиях [Яйленко, 1980, с. 84—85]. Рядом с посвящением вырезана еще одна надпись в повелительном наклонении: Γλαῦμος ἐστλάτω αἰθεο — «Главк, остерегайся вливаться!». Такой тип посвящения, где одновременно дается имя посвятителя, его патроникон, имя бога с указанием топонима, встречается довольно редко. Граффити по времени может относиться и к ранней классике или же, скорее всего, если учитывать особенности развития палеографии Северо-Западного Причерноморья, к переходному периоду от архаики к классике. Оно представляет интерес, как редкий тип самой полной посвятельной формулы.

Тип 2. Несколько сокращенная, по сравнению с предыдущей, формулировка посвятельной надписи прочерчена по слегка вогнутому венчику чернофигурного килика третьей четверти VI в. до н. э. из Центрального теменоса Ольвии [Леви, 1977, с. 97, рис. 1] — Τύχων Ἀπόλλωνι Δελφίνιω ἀνέθ[ηκε] — «Тихон Аполлону Дельфинию посвятил». Надпись прочерчена очень аккуратно, небольшими буквами в одну строку. Второе посвящение от Тихона с указанием имени его отца сохранилось фрагментарно, поэтому нельзя судить о том, насколько полной была его формулировка: Τύχων ὁ Κατοκ λέος Ἀπόλλωνι Δελφίνιω ἀνέθ[ηκε] — «Тихон, сын Катокла — Аполлону Дельфинию посвятил?».

Надпись прочерчена по верхнему краю чернофигурного килика последней четверти VI в. до н. э. [Леви, 1964, с. 149; Lifschitz, 1966, S. 237; Jeffery, 1976, N 174]. Буквы здесь крупнее и несколько небрежнее, хотя строка в общем выдержана. В посвящении, очевидно этого же формульного типа, имя посвятителя не сохранилось. Надпись прочерчена также по венчику чернофигурного килика третьей четверти VI в. до н. э. из Центрального теменоса: Ἀπόλλωνι Δελφίνιω ἀνέθ[ηκε] «Аполлону Дельфинию посвятил» [Леви, 1964, с. 149, рис. 16; 1977; 1978, рис. 5].

Тип 3. Посвящение состоит из имени посвятителя и имени бога. Граффити в основном прочерчены на сосудах конца VI — первой половины V в. до н. э. и архаическими могут считаться лишь условно. Так, по венчику чернофигурного килика первой трети V в. до н. э. из Ольвии прочерчено посвящение Гермесу — Ἰγδαμλαίης : Ἐριῆτι — «Игдамлай [посвятил] Гермесу» [Яйленко, 1980, с. 77]. На донышке чернолакового скифоса того же времени из второго теменоса Ольвии прочерчено Βοσπορίχος Ἀχιλλεῖ — «Боспорих [посвятил] Ахиллу» [Русяева, 1979, с. 133, рис. 70, 4]. На обломке донышка чернолаковой чаши рубежа VI—V вв. до н. э. имеется посвящение Афродите Сирийской от Метро [Толстой, 1953, № 25; Jeffery, 1966, p. 72, 58; Lazzarini, 1976, N 387]. Несомненно, что такого типа посвящения были более распространены, однако они сохранились фрагментарно.

Тип 4. Посвящение состоит только из имени бога и его эпитеты. Наиболее древние из них связаны с культом Аполлона Врача. Граффити Ἀπόλλωνι Ἰᾱτρῶι — «Аполлону Врачу» прочерчено на венчике родосско-ионийского килика первой четверти VI в. до н. э. из Березанского поселения (АБ/79—656). Надпись прочерчена так, что как бы является дополнительным элементом орнаментации килика. Начало имени бога сбито. Характер письма близок времени, которым датируется чаша. Эта надпись одна из наиболее ранних посвящений Аполлону Врачу в Северо-Западном Причерноморье.

Второе посвящение, очевидно, такого же формульного типа, прочерчено на внутренней стороне венчика родосско-ионийского килика первой половины VI в. до н. э. из второго теменоса Ольвии. Оно сохранилось фрагментарно и, вполне вероятно, могло принадлежать типу с более расширенной формулировкой: Ἀπόλλωνι Ἰᾱτρῶι — «Аполлону Врачу». Надпись также довольно архаична, имеет сходное написание теты, лямбды, омеги, ро с предыдущими граффити и вполне может соответствовать датировке чаши (не позже второй четверти VI в. до н. э.). В свою очередь посвящение является

наиболее ранним из известных пам сакральных граффити Ольвии.

Посвятительное граффити, вероятно этого типа, помещено на внутренней части венчика чернолакового килика начала V в. из Ольвии [Головки, 1959, № 33; Яйленко, 1979, с. 54, рис. 1, 3]. От него сохранился небольшой фрагмент: [Ἀπόλλωνι Δελφίνιωι] — «Аполлону Дельфинию». По венчику чернолаковой чаши первой половины V в. до н. э. прочерчено Ἑρμῆι Πατρίωι — «Гермесу Отчему».

К этому же типу можно отнести уникальное посвящение на обломке милетской расписной симы середины — третьей четверти VI в. до н. э.: Ἀπόλλωνι Ἰητροῖν Βορυσθένεωι — «Аполлону Врачу Борисфенскому» (?). Не исключено, учитывая эпikleзу, указывающую на топоним, что данное посвящение сделано не ольвиополитом, а мастером, изготовлявшим заказ архитектурных украшений для храма Аполлона Врача в Ольвии или же купцом, доставившим в Ольвию эти терракоты. Насколько известно, это одно из наиболее ранних эпиграфических упоминаний топонима Борисфен.

Тип 5. Посвящение состоит из одного имени божества — Ἀπόλλωνι, Ἀχιλλεῖ, Ἑρμῆω, Ἀφροδίτῃ. Подобного типа надписи на обломках керамики третьей четверти VI — первой четверти V в. до н. э. найдены на ольвийских теменосах и при исследовании Бейкушского поселения [Левин, 1977, с. 99; Русяева, 1979, с. 127—136]. Трудно сказать, можно ли к посвящениям Аполлону или Афине отнести аббревиатуры АП, АПО, АӨ, встречающиеся на донышках сосудов [Толстой, 1953, с. 20; Отрешко, 1977, с. 42]. Вполне возможно, что эти сокращения могли являться началом теофорного имени владельца сосуда. Аббревиатуры на лицевых частях сосудов, где чаще всего наносились посвятительные надписи Аполлону, Афине и другим божествам, в Ольвии и на поселениях ее периферии пока не встречены. В то же время сокращенная форма посвящения Ахиллу (Ἀχιλλεῖ, Ἀχιλ., Ἀχι., Ἀχ., Ἀ) была распространена на поселениях Бейкуш и Большая Черноморка, а также в Ольвии и на Березанском поселении [Ру-

слева, 1971; 1979; Отрешко, 1977; Лапин, 1978, НА ИА АН УССР]. Они прочерчивались не только на сосудах, но особенно на остраконах, носивших votивно-магический характер. Сокращения наиболее характерны для группы остраконов Бейкушского поселения [Русяева, 1979, с. 127—136]. На отдельных остраконах имя бога сопровождалось определенным рисунком — графическим изображением человека, корабля, змеи, оружия и т. д. На фрагменте венчика черпофигурного сосуда последней четверти VI в. до н. э., найденного на втором теменосе, обнаружено сокращенное написание посвящения Μητρὶ θεῶν — «Матери богов» (0—76) АГД — 27).

Тип 6. Посвящение состоит из эпikleзы Δελφίνιος и порядкового числительного: Δεκάφινιωι εἰκοστῇ — «Дельфинию в двадцатый», то есть посвящение сделано в двадцатый день месяца [Левин, 1964, с. 146—147]. Данного типа граффити является единственным в Ольвии. Его интерпретация имеет две точки зрения. Одни исследователи считают, что число обозначало двадцатый день месяца, посвященный Аполлону и связываемый с его культом [Левин, 1964, с. 146—147; Виноградов, Русяева, 1980, с. 39—40], другие — предлагают понимать под εἰκοστῇ посвящение 20-й доли дохода дедиканта [Bull. ép. 1967, № 398; Блаватская, 1975, с. 191, прим. 13; Lazzarini, 1976, p. 98].

Тип 7. Посвящение состоит только из имени дедиканта в именительном или родительном падеже. Трудность состоит в том, что имя, если оно начерчено на сосуде, найденном вне святилища, вполне может быть подписью владельца или дарственной надписью частному лицу. Поэтому предположительно посвятительными можно считать граффити из Ольвии, Березанского поселения и Бейкуша на венчиках и донышках чернолаковых чаш последней четверти VI — начале V в.: Ἡγησιπολι[ς]-[ου] — «Гегесиполис [a]», Θέμιστος — «Фемистос», Ἡραγῶρεω — «Гератор» и т. д. [Толстой, 1953, № 41; Яйленко, 1982, с. 292; Jeffery, 1966, pl. 72, 58].

Тип 8. Большой интерес для истории религии Ольвии представляют отрывочно сохранившиеся посвятельные надписи Аполлону Дельфинию от членов культового союза нумениастов на венчиках чернолаковых чаш начала V в. до н. э. [Леви, 1964, с. 140, рис. 9]. Сохранились отрывочно названия членов союза $\nu\epsilon\omicron\mu\eta\iota\nu\alpha\sigma\tau\alpha\iota\text{-}(\epsilon\omega\nu)$. Все венчики с надписями найдены в культовой яме Центрального теменоса и, очевидно, были связаны с жертвоприношениями во время празднеств Аполлона в первый день месяца. Возможно, что нумениасты следили за соблюдением определенных ритуалов на празднествах этого бога.

Тип 9. Обычно в посвятельных граффити отсутствует просьба дедиканта, обращенная к божеству и содержащая конкретное указание о помощи в определенных действиях. К данному типу без названия имени божества и дедиканта относится миниатюрная надпись на нижней части терракоты с изображением сидящей Деметры последней четверти VI в. до н. э. из Березавского поселения [Русяева, 1984]. Ее содержание носит votивный характер: «Хлеб [пшеница], вода, сын». Просьба красноречиво указывает на то, что прежде всего выпрашивает у богини березавский поселенец. Возможно, такое обращение к божеству было сделано в одно из неурожайных лет из-за отсутствия дождей. Из данной надписи вырисовывается разнохарактерная, обширная сущность культа земледельческой богини, не только покровительницы хлеба и атмосферных явлений, но и деторождения.

На обломке фрагментированного остракона из стенки чернофигурного сосуда второй половины VI в. до н. э. (второй теменос Ольвии — 0—76/АГД — 239) прочерчены три прямые горизонтальные линии и одна вертикальная, над которыми сравнительно большими буквами начертано слово $\Delta\iota\kappa\alpha\varsigma$ — «Справедливости».

Отдельную подгруппу среди сакральных граффити занимают надписи, свидетельствующие о принадлежности сосуда тому или иному божеству и о наличии святилища или алтарей этих божеств. Такие надписи найдены на

двух культовых участках Ольвии и на Березавском поселении. Среди них также можно выделить ряд типов.

Тип 1. К нему можно отнести пока одно граффити конца VI в. до н. э., сохранившееся очень фрагментарно и реконструируемое В. П. Яйленко как: «Афины [сосуд посвятил Апатурий?]» [1980, с. 90]. Исходя из такого восстановления можно прийти к выводу, что надписи этого рода могли быть и посвятельными, а не только специальной маркировкой святилища [Lazzarini, 1976, p. 59].

Тип 2. Полная формулировка надписи свидетельствует о принадлежности сосуда божеству. На стенке березавского диноса стиля Фикеллура третьей четверти VI в. до н. э. прочерчено ($\text{Ἄλ}\delta\lambda\lambda\omega\text{]}\nu\omicron\varsigma \epsilon\mu\iota \text{Ἰ}\eta\text{[}\tau\rho\delta\text{]} — «Я принадлежу Аполлону Врачу» [Яйленко, 1982, с. 290]. На Березавском некрополе также найдены интересные граффити этого типа. Одно из них нанесено на венчике чернолаковой чашки конца VI в. до н. э.: $\iota\epsilon\rho\eta \epsilon\mu\iota \tau\omicron\rho\mu\epsilon\omega$ «Я священная (собственность или чаша) Гермеса» [Яйленко, 1980, с. 89]; второе прочерчено на донышке сосуда первой четверти VI в. до н. э.: $\text{Ἰ}\eta\text{[}\tau\rho\delta \epsilon\mu\iota — «Я принадлежу Врачу» [Толстой, 1953, с. 54; Jeffery, 1966, pl. 72, 76].$$

Тип 3. Надпись состоит только из имени бога и его эпитеты или же только эпитеты и слова $\iota\epsilon\rho\varsigma$ в соответственном падеже. Несколько граффити этого типа конца VI — начала V в. до н. э. найдены в культовой яме на Центральном теменосе [Леви, 1964, с. 140, 151]. Надписи сохранились фрагментарно: $\iota\rho\epsilon \Sigma\eta\nu\omicron\varsigma$ или $\iota\rho\epsilon \text{Ἀ}\theta\eta\nu\alpha\iota\kappa\eta\varsigma — «Священный [сосуд] Зевса» или «Священный [сосуд] Афины». Они прочерчены в основном на венчиках позднеархаических чернолаковых фигурных чаш, причем последние отличаются высоким мастерством росписей известных аттических вазописцев.$

Тип 4. На венчиках сосудов прочерчивалось обычно одно имя бога с эпитетом или без нее в полной или сокращенной форме. Наиболее раннее из них найдено на втором теменосе Ольвии в нижнем слое разрушенной вымостки культовой площадки к западу

от круглого алтаря [Русяева, 1987]. На венчике родосско-ионийской тарелки стиля Tardiff (580—560 гг. до н. э.) сохранился конец надписи (бустрофедон) от Ἰητροῦ — «Врача», то есть указание о принадлежности сосуда святилищу Аполлона Врача. Все сохранившиеся буквы от этой надписи по форме написания могут соответствовать датировке сосуда (сравнительный анализ соответственно Jeffery, 1966, p. 325—340; Guarducci, 1967, p. 260—270).

Второе граффити, очевидно этого же типа, прочерчено на ручке родосско-ионийского кратера стиля Tardiff: Ἰητροῖ — «Врача». Правда, здесь сокращенная форма эпиклезы может свидетельствовать о посвятителем характере надписи. Фрагмент кратера найден в том же слое, что и предыдущий, и может датироваться тем же временем, соответственно принятой в последнее время датировке таких сосудов (580—560 гг. до н. э.) [Alexandrescu, 1968, p. 37, 49—50].

Аналогичный тип надписей прослежен и на фрагментах архаической архитектурной терракоты из второго теменоса Ольвии. На обломке антефикса в виде Горгонейона второй половины VI в. до н. э. в верхнем, орнаментированном белыми и черными ионийскими овалами, нередко по белым овалам, прочерчено четыре буквы HTPO от эпиклезы Ἰητροῦς . Фрагментарность надписи не дает основания считать ее маркировкой святилища.

Граффити этого типа, но связанное с культом Аполлона Дельфиния, найдено на Березанском поселении [Виноградов, Русяева, 1980, с. 29]. На венчике чернофигурной чаши третьей четверти VI в. до н. э. прочерчено Δελφινῖο — «Дельфиния» (рис. 48, 5). На Березани найдены граффити этого же типа конца VI — первой половины V в. до н. э., связанные с культом Зевса-Сотера [Яйленко, 1982, с. 290]. На втором культовом участке обнаружены многочисленные граффити на чернолаковых сосудах, состоящих из одного слова Μητροῦς — «Матери». Имя теонима в родительном падеже говорит о принадлежности сосуда святилищу Матери богов.

На березанском поселении подобного

типа граффити чаще всего встречались в жилищах или погребениях, что, скорее всего, свидетельствует о наличии здесь домашних святилищ, куда также посвящались сосуды, становившиеся собственностью бога, а после смерти дедиканта они клались в могилу. Не исключено, что сосуд посвящался непосредственно хтоническому божеству и клался в могилу вместе с умершим, при этом отмечалось, что сосуд является собственностью бога, а не умершего.

Соответственно полной форме эпиклезы Дельфиния и Врача, прочерченных на сосудах и архитектурной терракоте из двух теменосов Ольвии, к описываемому типу можно отнести и сокращенное написание этих культовых имен: Δελφ. , Δελ. , Δ. , Ἰητ. , Ἰη. , Ητ. [Леви, 1964, с. 152; рис. 21, 1; с. 164, рис. 35; Виноградов, Русяева, 1980, с. 28; Русяева, 1987]. Они прочерчивались главным образом на внешней стороне сосудов, а также встречаются на обломках архитектурных терракот из второго теменоса. Одно из граффити ($\text{INT} - \text{Ἰητροῖ}$) прочерчено большими буквами на оборотной стороне 11-лепестковой пальметты терракотового расписного акротерия второй половины VI в. до н. э. и несомненно указывает на его принадлежность храму Аполлона Врача [Русяева, 1987].

Тип 5 представлен одним граффити, называемым две эпиклезы Аполлона: $\text{Δελφινῖο ἔσσηῖ Ἰητροῦ}$ — «Общий [клик] Дельфиния и Врача» (подразумевается собственность — принадлежность этого сосуда святилищу Аполлона Дельфиния и Аполлона Врача) (рис. 48, 9). Сосуд найден в Криворуковском скифском кургане с. Журовки Киевской области, но, очевидно, попал сюда из Ольвии [Толстой, 1905, с. 44—45, рис. 1, 2]. И. И. Толстой на основании этого граффити считал, что культ Аполлона Дельфиния появился в Ольвии только в III в. до н. э., до этого же существовал самостоятельный культ особого божества Дельфиния. Открытие теменоса со множеством посвяtitельных надписей Аполлону Дельфинию, начиная со второй половины VI в. до н. э., позволяет убедительно считать, что эпikleза Дельфиний с

самого раннего времени существования Ольвии связывалась с Аполлоном [Леви, 1964, с. 164—166; Виноградов, Русяева, 1980, с. 28].

Тип 6. Надпись состоит из названия храма. К архаическому времени (последняя треть VI в. до н. э.) принадлежит одно граффити, прочерченное на верхней плоскости четырехгранного калиптера от двухволютного антефикса второй половины VI в. до н. э. Оно представляет собой рисунок, состоящий из трех неправильной формы кругов, вписанных один в другой. В среднем круге между семью отходящими в стороны линиями, скорее всего, имитирующими лучи, прочерчено Ἰητροβον — название храма Аполлона Врача. С его культом связана и вся символика рисунка: круг, колесо, семь и девять линий и т. д.

Тип 7. В архаическое время, особенно в Ольвии, были известны граффити, состоящие только из слова ἱερός (священный, посвященный) в различных падежах и сокращениях: ἱερα., ἱρη, ἱερή, ἱε., ἱр. или ἀνέθηκε (посвятил). Такого типа граффити чаще всего встречаются при раскопках общественных святилищ, например на о. Левка и на культовых участках Ольвии [Леви, 1964, с. 140; Яйленко, 1980, с. 87; 1982, с. 291; Русяева, 1987]. Нередко они встречаются и в других местах при раскопках Ольвии и поселений ее сельскохозяйственной округи [Толстой, 1953, № 18; Русяева, 1968, с. 212, рис. 4, 2], что может свидетельствовать о наличии здесь домашних святилищ и алтарей.

На венчике ольвийской чаши последней четверти VI в. до н. э. прочерчено — ἱερή [Толстой, 1953, с. 20]; на венчике чернолакового килика конца VI — начала V в. до н. э., из Центрального теменоса — ἱρη [Леви, 1964, рис. 8, 3]; на расписанных коринфских калиптерах V в. до н. э. из ботроса второго теменоса — ἱερ., ἱε.; на венчике лекифовидного сосуда первой четверти V в. до н. э. из поселения Петуховка I — ἱερα [Русяева, 1968, рис. 4, 2]; на фрагменте стенки восточногреческого сосуда второй половины VI в. до н. э. из о. Левка — ἀνέθηκε [Яйленко, 1980, с. 84]; на обломках чернофигур-

ной и чернолаковой чаш последней четверти VI в. из второго теменоса — ἀνέθηκε.

Среди сакральных граффити особую подгруппу составляют votивные остраконы и амулеты с прочерченными на них различными магическими текстами, часто не поддающимися расшифровке, и рисунками. Выше были рассмотрены остраконы с именем Ахилла, имеющие votивно-магический характер. В своей последней работе В. П. Яйленко безосновательно причисляет комплекс votивов Бейкушского поселения к амулетам, ничем это не мотивируя [1982, с. 294]. Бейкушские остраконы, как, впрочем, и многие остраконы на других поселениях, изготовлены из стенок амфор. Края их грубо обрублены, они не имеют сглаженности, затертости или отверстия для подвешивания. Зазубрины на отдельных остраконах предназначались не «для привязывания бечевки и пошения их на теле», как считает В. П. Яйленко, а для завязывания, опутывания, закрытия с магической целью.

Граффити с магическим содержанием отражают лечебную, вредоносную, хозяйственную, любовную магию. При этом лечебная магия связывалась или с именем божества или же с верой в определенный предмет, имеющий магическую силу отвлечь болезнь, например камень, пучок травы и т. д. К лечебной магии можно отнести каменный диск с большим отверстием из Березани, служивший, возможно, амулетом [Яйленко, 1980, с. 91]. На одной его стороне прочерчено λθβ ειμι «я принадлежу камню», на другой — χαίρε — «прощай», что можно истолковать верой человека, носившего этот камень, в целительную силу камня, желанием отдать свою болезнь этому камню. В отдельных случаях просьба об исцелении относилась к божеству, наносилась на остракон или сосуд и приносилась в святилище.

Очевидно, с лечебной магией можно связать и остракон из второго теменоса Ольвии (0—75/ΑΓΔ—358). Он вырезан из стенки сероглиняного архаического сосуда, имеет почти круглую форму с хорошо заточенными краями. На одной гладкой стороне прочерчен круг,

в котором примитивно вписано схематическое изображение человеческого лица с большими круглыми глазами и большим языком (или открытым ртом), напоминающим маску Горгоны. По сторонам, по вертикали и горизонтали, прочерчено четыре буквы, составляющие сокращение имени $\text{Ἀλβλ}[\lambda\omega\nu\sigma]$. Граффити, скорее всего, имеет отношение к Аполлону Врачу.

Примером вредоносной магии может служить надпись на костяной пластинке последней трети VI в. до н. э. из Березанского поселения, предположительно читаемая $\mu\acute{o}\iota\ \lambda\acute{i}\nu\omega\nu\ \psi\acute{o}\sigma\epsilon$ — «выпивши у меня, болей» [Яйленко, 1980, с. 84].

К хозяйственной магии, очевидно, можно отнести глиняную лепешку, на поверхности которой прочерчены отдельные знаки и трижды сокращенное слово $\sigma\acute{\iota}\tau[\omicron\varsigma]$ — «хлеб» из Березанского поселения.

К любовной магии, возможно, относится изображение волшебного ромба на внутренней стороне чернолакового килика конца VI в. до н. э. [Голстой, 1953, с. 41]. Из второго семениса происходит граффити на остраконе трициевидной формы из стенки архаического сероглиняного сосуда (0—75/АГД—275). Посередине остракона изображен квадрат с прочерченными диагоналями и прямыми линиями. Вокруг квадрата прочерчено имя Ἄριστοτέλης — «Аристотель». Форма написания букв близка к позднеархаическому стилю. Любопытно, что имя Аристотель V в. до н. э. также встречено на остраконе, имеющем магический характер [Русяева, 1979, с. 119—120]. Это имя может иметь отношение как к любовной, так и вредоносной магии.

Большинство магических текстов (с набором непонятных знаков, букв алфавита, геометрическими фигурами, рисунками) вряд ли с точностью можно интерпретировать и расшифровать, что именно имел в виду начертивший их человек. Буквы алфавита играли большую роль в мистических действиях греков [Dornseiff, 1925]. В такой же мере сказанное относится к различного рода геометрическим фигурам. В то же время не исключено, что они являлись алфавитными упражнениями школьни-

ков. Несколько примеров таких упражнений приведены В. П. Яйленко [1982, с. 305—306], однако действительно ли это были упражнения, а не знаки магического содержания, судить трудно.

Особую подгруппу сакральных граффити представляют письма на керамических пластинках с культовым содержанием.

К ним можно отнести фрагмент письма, прочерченного на стенке амфоры стиля Фикеллур из Ольвии (0—69/232). Черепок в верхней и нижней части хорошо заглажен, с двух боковых сторон отбит. Письмо прочерчено на внутренней чистой от орнамента части стенки очень мелкими буквами, которые впоследствии были зачеркнуты прямыми горизонтальными и вертикальными линиями. В отдельных частях на черепке сохранились следы красной краски, которой, очевидно, была покрыта надпись, возможно, с какой-то ритуальной целью. Надпись состоит из двенадцати фрагментарно сохранившихся строчек. Согласно сохранившемуся тексту ясно, что в письме речь идет о специальном объезде определенным лицом, своего рода «инспектором», земель в низовьях Борисфена, принадлежащих Ольвии. Письмо представляет своего рода отчет об инспекционной поездке в эти места.

Письмо содержит информацию, весьма важную для восстановления многих сторон жизни Ольвийского полиса в период его становления. Прежде всего, письмо, как по характеру написания, так и по стилю росписи керамики, относится к середине — третьей четверти VI в. до н. э. (Walter-Karydi, 1973, S. 5). В настоящее время это наиболее древнее письмо не только в Нижнем Побужье, но и в Северном Причерноморье. Содержащаяся в нем информация указывает на существование по крайней мере в третьей четверти VI в. до н. э. Ольвийского полиса. В Ольвии уже находился религиозный центр, возглавляемый, очевидно, главным жрецом, который одновременно занимал и важную государственную должность, поскольку в письме речь идет не только о чисто культовых делах.

В начале письма сообщается, что кому-то из религиозных лиц (скорее всего, агонафету, авгуру или слагателю гимнов), отправлен мед и баран, а также о том, что посещены божественные места, расположенные, очевидно, вне Гилеи, речь о которой идет ниже. Известно, что с самого раннего времени Тендровская коса (дромос Ахилла) связывалась с его культом. Очевидно, какие-то культовые места были и на Кинбурнской косе. Во всяком случае, имеются свидетельства о существовании там священной рощи Гекаты [Аполум. *Peripl.*, S. 53; Ptolem, *Geogr.*, III, 5, 2]. Там же найден votивный алтарь с почитательной надписью Ахиллу [PE, I², 327]. Далее в письме сообщается, что послано «жертвенное мясо, чтобы служитель святилища не голодал». Очевидно, в данной местности было несколько святилищ: некоторые из них находились в плачевном состоянии. Туда нерегулярно приносились жертвоприношения, но служители, невзирая на трудности, должны были там находиться. Несомненно, Ольвия испытывала большие трудности в освоении этого края, однако в экономическом плане ей необходима была эта местность, богатая рыбой, лесами и солью.

Дальше автор письма упоминает два топонима — Халкену и Гилею. Первый до этого письма не был известен, и локализация его затруднительна. В настоящее время его можно сопоставить с Ягорлыцким поселением, хронологические рамки существования которого совпадают с настоящим документом. О Гилее же известно из свидетельства Геродота [IV, 9, 18, 19, 54, 76]. Им пять раз упоминается эта местность. Свидетельство Геродота прекрасно подтверждается письмом, которое датируется раньше «Истории» Геродота на целое столетие. И если Геродот пишет о прошлом, то письмо ольвийского религиозного «инспектора» почти одновременно пребыванию Анахарсиса в Гилее, где действительно существовало святилище Матери богов — Кибелы, которой здесь поклонялся скифский мудрец [Hdt., IV, 76].

Совершенно неожиданно подтверждается и свидетельство Геродота о другой скифской легенде — о Геракле и

змееной богине. Новым является свидетельство о святилище Борисфена (речного бога) или Борисфониды (нимфы): отсутствие окончания в этом слове не дает возможности для точной его интерпретации. Однако и в том, и в другом случае ясно, что эллины в Гилее вблизи реки Борисфен устроили святилище божества самой реки. Святилища, очевидно, неоднократно подвергались разрушению варварами. В данном случае не ясно, кто их повредил — сбегавшие после кораблекрушения рабы, о которых идет в письме речь, представители кочевых скифов или забредшие сюда из более северных мест (лесостепи) аборигены. Ясно только, что стремление греков занять эти места с установлением здесь святилищ своих божеств постоянно встречало определенные трудности, а также сопротивление со стороны местного населения, которому чужда была греческая религия и которое также стремилось к этим богатым территориям. Святилище, где жрецом был Метрофан, покинуто то ли в связи с набегом рабов, то ли по другой какой-то причине.

Дальше в письме сообщается, что послано, очевидно в Ольвию, столько-то «плохих сосен и двести деревьев» (или тех и других вместе). Этот интересный факт свидетельствует о большом строительстве, проводившемся в Ольвии, для которого требовалось большое количество дерева. Учитывая расположение Ольвии по отношению к Гилее, деревья могли быть вывезены только на судах. Для их вырубki, обработки, погрузки на корабли и переправки в Ольвию необходимо было немало рабочих рук. Вполне вероятно, что такой тяжелый труд выполнялся рабами, о побегах которых речь идет в письме.

Не менее интересен и тот факт, что в этих местностях водились дикие лошади, и ольвиополиты их ловили и приручали.

Подробный разбор каждого из свидетельств приведенного письма, несомненно, представляет значительный интерес для изучения истории ранней Ольвии.

Второе послание культового характера найдено на Бейкушском поселении [Русяева, 1979, с. 131, рис. 68]. Оно

прочерчено на керамической пластинке трапециевидной формы, изготовленной из стенки красноглиняной амфоры: Ἴη Ἀγροῦτος στέλλη Ἀχιλλεὶ οἴκοθεν — «Пусть Агрот пошлет Ахиллу из дому».

Стоящее в начале надписи вокативное междометие ἴη («о», «ах!»), применявшееся в ритуальных песнях и плясках, а также три условно начерченных деревца, свидетельствуют о культовом характере надписи. С одной стороны, это может быть своего рода послание какому-то лику о действительной присылке деревьев или кустов для священной рощи Ахилла, а с другой — изречение оракула. Об этом свойстве культа Ахилла сообщают древние авторы [Philostr., Her. XIX, 17—18].

Ритуальные надписи. К ним относятся различные граффити, которые перечислялись на сосудах и других предметах во время определенных ритуалов на религиозных праздниках. Выделение подобных надписей представляет большие трудности из-за их сходства с votивными надписями, с одной стороны, и отдельными бытовыми — с другой. К надписям ритуального свойства можно отнести граффити на зеркале из архаического погребения Ольвии: «Демонасса, дочь Ленея, радуйся и [ты] Ленея, сын Демокла, радуйся» [Розанова, 1968, с. 248—251; Русяева, 1979, с. 81—82, рис. 39, 12]. Вполне вероятно, что данная надпись была прочерчена на зеркале, имевшем культовую связь с Дионисом, во время его весеннего праздника — Ленея.

В разные годы в Ольвии найдены два почти идентичных по содержанию граффити на венчиках червофигурных киликов. Первое из них опубликовано И. И. Толстым [1953, с. 12—13]. Надпись сохранилась частично, написана в манере бустрофедон на венчике черволаковой чаши третьей четверти VI в. до н. э. из раскопок Фармаковского 1905 г. [ε]ἴσοτιν ἐκλιῆν — «Хорошо можно выпить». Е. И. Леви на основании найденного ею граффити застольного характера предлагает несколько иное восстановление: ἀμ[υ]σοῖν ἐκλιῆν — «Выпить залпом» [1964, с. 143].

На черволаковом килике конца VI — начала V в. до н. э. вырезано три надписи, от одной из них сохранилась

только одна буква Н. По венчику сохранилась часть надписи Ἰος ὅς ἀμ[υ]σοῖν ἐκλιῆ ἀ[ν]αγορε [ὄβεται] — «Кто выпьет залпом, будет объявлен» (Леви, 1964, с. 143; Яйленко, 1980, с. 91).

Ниже этой надписи на стенке прочерчена вторая: ἀμ[υ]σοῖν ἐκλιῆ — «Выпить залпом, выпьет залпом». Граффити найдено на территории темениса и, скорее всего, было связано с какими-то состязаниями в винопитии на религиозных праздниках. Чаще всего эти состязания связывались с культом Диониса.

Бытовые надписи. Среди граффити архаического времени известно немало бытовых надписей, которые можно разделить на дарственные, застольные и шуточные. Значительная грамотность среди населения Ольвии и ее окружи способствовала выражению ее в разных формах. Вероятно, папирус был очень дорогим, а возможно, и роскошью, не всем доступной. Поэтому эллины, очевидно, писали на том, что чаще всего находилось под рукой: керамических или костяных пластинках.

Дарственные надписи. На Березанском поселении и в Ольвии найдено несколько дарственных надписей. Среди них можно выделить три типа: 1) только с именем дарителя; 2) с именем того, кому подарен сосуд; 3) без упоминания имен.

Первый тип великолепно представлен граффити первой половины VI в. до н. э. на венчике серолощенной миски из Ольвии [Виноградов, 1971, с. 232—238]: Ἐάντας εἶδοκε 'ὄοκ ἐχει δέ ρύλικας] τιμῆς — «Ксанф подарил [ведь нет у него киликов] ценных». На основании ранней даты этой надписи Ю. Г. Виноградов считает, что она доказывает существование поселения уже в первой четверти VI в. до н. э., а также, что в колонизации Нижнего Побужья принимали участие родосцы [1971, с. 237—238]. Надпись представляет интерес и как свидетельство раннего дорийского диалекта.

Второй тип граффити с дарственным текстом состоял только из имени того, кому подарен сосуд, или же к имени добавлялись какие-либо пояснительные слова. На обломках два кратера конца

VI в. до н. э. прочерчено Ἀναγόρης Ἀναγόρη [---] ἦι τότε — «[Сосуд] Анагоры. У Анагоры будет наконец» [Яйленко, 1980, с. 93]. И. И. Толстой прочитал это граффити менее достоверно: «Анагоры. Анагоре пить», выпущая слова ἦι и дополняя τότε[ου] [1953, с. 15], хотя на обломке было место для полного написания слова. По-видимому, это дарственная надпись, поскольку последняя фраза указывает на то, что наконец-то сосуд будет подарен ей. И. И. Толстой и В. П. Яйленко считают, что Анагора — гетера.

К описываемому типу граффити также можно отнести некоторые надписи с сокращенным написанием имени человека, которому преподносился сосуд. Например, на обломке венчика чернолаковой чаши первой половины V в. до н. э. из Березанского поселения прочерчено Μίχα[ι] — «Мике» или Σ[ιχα]ι — «Смике».

Третий тип представлен редкой и единственной в своем роде надписью. Она прочерчена на обломке ножки чернолакового килика конца VI — начала V в. до н. э. из Березанского поселения. «И написавший [эту надпись] по справедливости да сделает свой подарок дающему другу и товарищу» [Яйленко, 1979, с. 356]. Надпись свидетельствует о том, что ее автор получил подарок от того, кому он преподносит сосуд, тем самым выражая свою благодарность.

Имена владельцев сосудов. Близки к описываемым граффити и надписи владельцев сосудов, содержащие полную формулировку: «Я принадлежу такому-то». Одна из них прочерчена на лицевой части сероглиняного блюда первой половины VI в. до н. э. из Березанского поселения: «Я принадлежу Смикрою» [Яйленко, 1982, с. 282]. Второе граффити этого же типа относится ко второй половине VI в. до н. э. Найдено оно также на Березанском поселении: Μητροδώρο εἰμι — «Я принадлежу Метродору». К концу VI в. до н. э. относятся березанское граффити Σμικρῆς εἰμι — «Я принадлежу Смике» [Штерн, 1904, с. 23]. Надписи прочерчены в разных местах: первая под венчиком сероглиняного блюда, вторая на доньшке чернолаковой чаши, третья —

на крышке ионийской леканы. Такого типа надписи чаще всего наносились на невидимой стороне сосуда, однако, как и в первом случае, они встречаются и на лицевой стороне. Из Ольвии происходит обломок доньшка родосско-ионийской тарелки с граффити на внутренней стороне сосуда середины — третьей четверти VI в. до н. э.: εἰμι Νε[οκλῶ] — «Я принадлежу Неоклу» (0—47/5173).

В большинстве случаев имена владельцев представлены в сокращенной форме, реже — полной. На доньшке восточногреческого килика из Бейкушского поселения полностью прочерчено имя Ἐκατοῦ — «Гекатея [сосуд]»; на доньшке восточногреческого килика из Ольвии — Λίχου — «Лиха [сосуд]» (0—76/ΑΓД—508). Большинство имен владельцев сосудов состоит из сокращений, иногда монограмм. Чаще всего это одна начальная буква имени, реже — две, три. Например, на многих доньшках сосудов из Березанского поселения прочерчены буквы Α, Β, Βι., Αρ., Αρι., Δι., Ε., Ερ. и т. д. [Лалян, 1978; Яйленко, 1982, с. 283—287]. Буквы прочерчены и на сосудах из Ольвии. В полуземлянке № 25 на участке ΑΓД найдено несколько обломков сосудов (восточногреческих и аттических) второй половины VI в. до н. э., на доньях которых в одном случае прочерчено Βι., в других — буквы нарисованы красной краской (диппанти), возможно, сокращение от имен Βιάς, Βίτων, Βίων и т. д.

Застольные и шуточные надписи. Как и дарственные, они встречаются в Ольвии и на Березани [Толстой, 1953; Яйленко, 1980, с. 90—91; 1982, с. 298—303]. Формулировки надписей самые разнообразные. Среди них нельзя выделить какие-либо типичные для своего времени. Каждая надпись по-своему оригинальна и единственна в своем роде. К наиболее ранним (вторая половина VII — начало VI в. до н. э.) относятся граффити на крышке кухонного сосуда из Березанского поселения, которую В. П. Яйленко переводит как: «...снова непригодная помутневшая пища» или «...снова непригодная муть» [1982, с. 298—299]. Вполне вероятно, что данная надпись имела стихотвор-

ную форму, однако краткость текста не дает возможности говорить об этом с достоверностью.

Интересное граффити шуточного характера найдено на Березанском поселении [Яйленко, 1979, с. 96; 1982, с. 268—269, 308; Виноградов, 1981, с. 140—141]. Надпись вырезана на корпусе небольшого сосуда середины VI в. до н. э. по кругу от ручки до ручки: Ἰδάνθ ἐμὶ τοῖφ(ί)λῃ ἀρστίχως

— «Я кувшинчик похотливого Идана» [Яйленко, 1982, с. 268]. Ю. Г. Виноградов прочитал как: Ἰδάνθ ἐμὶ τοῖφ(ί)λῃ ἀρστίχως — «Идантемиду — развратнику [эта] кружечка [в подарок]», на том основании, что первый издатель якобы неверно разобрал пятую букву в первом слове.

Среди надписей шуточного характера особый интерес представляет надпись на внешней стороне дна сероглиняного открытого сосуда третьей четверти VI в. до н. э. из раскопок Э. Р. Штерна на Березанском поселении [Штерн, 1907, с. 50; Stern, 1913, с. 548]: Μηδὲς με κλέψει — «Пусть никто не украдет меня!». Данное граффити вызвало дискуссию в зарубежной научной печати. Так, П. Фридлиндер, поместивший его в своем сборнике об эпитафиях, как и Э. Р. Штерн, считал, что надпись носит шуточный характер [Friedlander, 1948, № 177]. Б. Джентили также перевел в конъюнктивной форме глагол κλέψει, однако считал надпись метрической шуточного характера [Gentili, 1968, p. 49]. П. Хансен интерпретирует надпись как охранительную соответственно близким аналогиям [Hansen, 1975, S. 79] и сомневается относительно ее метрического характера. Данную надпись считает охранительной и В. П. Яйленко [1979, с. 53—54]. Однако крайняя простота сосуда, на котором вырезана рассматриваемая надпись, противоречит подобному мнению и в свою очередь подтверждает ее шуточный характер.

Различные слова. Иногда на сосудах встречаются отдельные слова или части слова, назначение которых объяснить трудно. На донышке ольвийского киллика, очевидно чернофигурного, последней трети VI в. до н. э. прочерчено сравнительно крупными буквами справа на-

лево ἀρμ[ο]ς, возможно, сокращение от слова «защита, средство».

Среди березанских граффити В. П. Яйленко выделяет остатки слова, от которого сохранилось пять букв (НРВΠ), которые он уверенно восстанавливает как топоним Ἄρβινσταί, аналогичный топониму из письма Ахиллодора и предполагает, что Березань называлась так в архаическое время [Яйленко, 1982, с. 276—277]. Граффити датируется VII — первой половиной VI в. до н. э. и является древнейшей надписью в Северном Причерноморье. По мнению издателя оно оставлено выходящем из среднекиклядского ионийского ареала — Накоса, Пароса, Делоса или Фасоса.

Литературные тексты. В архаическое время грамотность была широко распространена среди греческого населения Нижнего Побужья. Очевидно, эпические поэмы Гомера и произведения других авторов пользовались большой популярностью, что засвидетельствовано не только Дноном Христомомом [Ог. XXXVI], но и граффити, найденными в Ольвии [Виноградов, 1969, с. 142—145; Яйленко, 1980, с. 88—89]. К древнейшим надписям литературного характера можно отнести граффити на березанском светильнике середины — третьей четверти VI в. до н. э. [Штерн, 1910, с. 88; Яйленко, 1979, с. 57—58, рис. 2]: «Поскольку я светильник, то и свечу богам и людям». Надпись составлена в размере гексаметра и является, вероятно, произведением местного стихотворца, взявшего за основу стихи Гомера. В частности, данная надпись весьма сходна со стихами восьмого гимна к Солнцу в «Илиаде» [И., XX, 64] и, очевидно, является реминисценцией этих стихов или одного из них [Яйленко, 1979, прим. 32].

К этому же времени относится и надпись, сохранившаяся фрагментарно на верхней плоскости поддона чернофигурной чаши из Березанского поселения. Граффити вырезано в манере бустрофедон, которая во второй половине VI в. до н. э. исчезает из ионийских памятников, за исключением милетских. Однако данная надпись по форме букв близка к надписям островного ионийского ареала. По своему содержа-

нию она носит застольный характер: «...любезный кубок Милесии папшток... и при этом актер опускает очи долу...» [Яйленко, 1982, с. 302]. Издатель считает, что надпись выдержана в метрической схеме: первая строка в восходящем ионике, вторая — в нисходящем.

Примером стихотворного текста является граффити на килике первой четверти V в. до н. э. из дореволуционных раскопок Ольвии. Оно прочерчено между ручками: «Я приятный для питья килик, любезный пьющему вино» [Штерн, 1901, с. 26—27]. Это граффити вызвало интерес среди эпиграфистов и включено в сборник эпиграмм [Friedlander, 1948, № 1771]. Б. Джентили считает, что надпись имеет метрический характер следующего образца: —uu—u—/—uu—/—uu—u [Gentili, 1968, p. 49]. В. П. Яйленко предполагает гекзаметрический стих [1979, с. 58].

Встречаются и другие граффити, предположительно считающиеся художественными текстами. К сожалению, они или очень фрагментарны, или настолько коротки, что уверенно говорить об этом вряд ли возможно [Gentili, 1968, p. 49; Яйленко, 1980, с. 93; 1982, с. 298—301].

Экономические (торгово-производственные) граффити в архаическое время не получили особенно широкого распространения сравнительно с предыдущим временем. Однако встречаются интересные надписи на Березанском поселении и в Ольвии, свидетельствующие о развитии торговли. Редкая по своему содержанию надпись прочерчена на стенке ионийского килика первой половины VI в. до н. э. из Березанского поселения [Виноградов, 1971, с. 64—67, рис. 1]. По предположению издателя, она была вырезана на обеих стенках чаши. Сохранились только два небольших фрагмента, позволившие почерпнуть некоторые сведения. В начале надписи речь шла, очевидно, о том, что какую-то часть товара автор граффити продал сверх того беспошлинно («сверх того я продал беспошлинно»). Дальше он отмечал, сколько от каждого покупателя у него товар получил денег: один раз упоминается гемигекта, четы-

ре раза — гекта. Кроме того, в надписи речь идет о хлебе.

На фрагменте березанской ойнохой второй половины VI в. прочерчено [δ]ικσιον — «узаконенная мера». По мнению Ю. Б. Виноградова надпись означает, что в это время полис контролировал систему мер [1983, с. 386].

Остальные граффити состоят из отдельных цифр, которые, возможно, обозначали цену или какие-то другие метки владельцев. Так, на обломке горла самосской амфоры VI в. до н. э. из Ольвии сохранилась надпись из двух больших букв Δυ — возможно, сокращение δύο — «два» (0—46/5071). На фрагменте протомы родосского производства второй половины VI в. до н. э. из Ольвии на оборотной стороне мелкими буквами прочерчено ἕξ — «шесть», что могло быть как стоимостью терракоты, так и иметь другое назначение (0—62/2387). Многочисленны, особенно на горлах амфор, отдельные обозначения в виде одной буквы, очевидно, в качестве цифр.

Довольно редко встречаются названия продукта. Сокращение μελ, возможно от слова μέλι — «мед», обнаружено на горле ионийского кувшина или ойнохой второй половины VI в. до н. э. из Ольвии (участок АГД). Подобное граффити может свидетельствовать о том, что мед перевозился или хранился в данном сосуде.

Р и с у н к и. К этой группе относятся различного рода изображения без сопроводительной надписи. Они встречаются как на доньшках сосудов, так и на лицевых частях, а также остраконах. Однотипных рисунков не найдено. Каждый из них имеет свои характерные особенности и представляет особый тип. Так, на обломке поддона чернофигурного килика последней четверти VI в. до н. э. прочерчено условное изображение рогатого животного, которое пьет или ест из сосуда цилиндрической формы (0/60—384). На внешней стороне ионийского светильника второй половины VI в. до н. э. прочерчен лабрис (0/48—795); на фрагменте дна чернофигурной чаши (середина VI в. до н. э.) прочерчен так называемый магический ромб (0—77/61); на поддоне восточногреческого килика VI в. до н. э. из

Березани изображена пентаграмма [Яйленко, 1982] (АБ—75/244); на доньшке светильника VI в. из Березани — трезубец (АБ/70—156); на внутренней стороне поийской чернофигурной чаши VI в. до н. э. солярные знаки (АБ 61—703; 0—75/АГД—404); на горле ионийского лекифа две неоконченные стрелы и прямоугольник (АБ/69—153), возможно, имитация монеты-стрелки.

Помимо перечисленных, встречаются и условные рисунки корабля, волны, геометрических фигур. Различные геометрические фигуры особенно характерны для остраконов. Так, в одном комплексе на Березанском поселении найдена группа остраконов (13 экз.) из стенок амфор (АБ/75—375). На каждом из них с обеих сторон прочерчено от одной до девяти параллельных горизонтальных линий, некоторые из них пересекаются прямыми или косыми линиями. Ни один остракон как по форме, так и рисунку не повторяет другой. Несомненно, форма остракона имела особое символическое значение: круглый остракон — связь с солнцем, луной или хлебной лепешкой; прямоугольный (с острыми или закругленными углами), овальный — имитация формы жилища, в частности полуземлянки и т. д. Назначение их не всегда ясно. Можно предполагать, что они, как и рисунки с надписями, имели магическое назначение.

Следует также отметить на днищах многих сосудов из Ольвии и Березани изображение двух перекрещивающихся линий, чаще всего под прямым углом, которые соответственно окружности дна могли имитировать рисунок колеса — солярный символ Аполлона и других божеств (АБ/75—197; 246; 925 и др.). Возможно, что именно колесо с четырьмя спицами изображено на плохо сохранившейся костяной пластине круглой формы (АБ 75—1134).

V a g i a. Группа представлена наибольшим количеством граффити, сохранившимся крайне фрагментарно: первая буква слова, средние буквы или конец слова, иногда просто фрагмент буквы, выяснение содержания которых затруднительно. Толкование таких надписей не бывает однозначным.

Письма на свинцовых пластинках. Одно из самых ранних писем на тонкой свинцовой пластинке, свернутой в свиток, найдено в 1982 г. в яме второй половины VI в. до н. э. [Мазарати, 1983]. Надпись сделана в стиле бустрофедон, шрифт арханчский. Письмо еще не опубликовано, как и письма на свинцовых пластинках из Ольвии [Виноградов, 1983, с. 392], являющиеся ценным источником для изучения социальной стратификации ольвийского общества.

Второе письмо на свинцовой пластинке, также свернутой в трубочку, найдено на Березани в 1970 г. [Виноградов, 1971, с. 74—100]. После развернутой публикации Ю. Г. Виноградовым оно вызвало большой интерес и было рассмотрено с различных точек зрения и другими авторами [Яйленко, 1974, с. 133—151; 1975; Chadwick, 1973, p. 35—36; Bravo, 1974, p. 114; SEG, XXVI, 1979, S. 205]. Дискуссия в основном касалась датировки письма и чтения отдельных слов и выражений. Ю. Г. Виноградов датировал письмо второй половиной VI в. до н. э., самое позднее концом этого столетия [1971, с. 77]. Выступивший с критикой такой датировки В. П. Яйленко относит письмо к концу VI — началу V в. до н. э., скорее всего, около 500 г. до н. э. [1974, с. 136—140]. В. П. Яйленко предлагает несколько иную интерпретацию содержания письма.

Ю. Г. Виноградов восстанавливает и читает надпись следующим образом: «Протагор! Отец пишет тебе: его (отца.— Ю. В.) обижает Матасий, поскольку он (Матасий.— Ю. В.) обманывает его и лишил фортегесия. Придя к Анаксагору расскажи, ведь он (Матасий.— Ю. В.) говорит, что тот (фортегесий.— Ю. В.) — раб Анаксагора, утверждал: «Мое имущество держит Анаксагор — рабов, рабынь, и дома», а тот (фортегесий.— Ю. В.) кричит и говорит, что у него нет ничего общего с Матасием; говорит, что он свободен и общегу с Матасием нет у него ничего, а что у него (Матасия.— Ю. В.) с Анаксагором, они знают каждый сам по себе. Это скажи Анаксагору и его жене. Во-вторых, он тебе сообщает: мать и братьев твоих он посылает немедленно, чтобы

они на эти (праздники или дни.— Ю. В.) прибыли (?) в город, а сам Эвневр, пришедший к нему, вернется для [совершения] жертвенных обрядов». Адрес: «Письмо на свинце от Ахиллодора сыну и Анаксагору».

Ю. Г. Виноградов восстанавливает по содержанию этого письма следующую ситуацию: «Ахиллодор нанимает фортегесия для выполнения работ, связанных с перевозкой его товаров. Но тут к отцу приходит некий Матасий и отнимает у него этого человека. Свои действия он мотивирует тем, что фортегесий якобы не раб, а поскольку сам Матасий заложил свое имущество и в том числе своих рабов Анаксагору, то и фортегесий фактически становится рабом Анаксагора. На все эти заявления фортегесий отвечает тем, что он вольноотпущенник Матасия, причем отпуск на волю был безусловным, и теперь у него нет никакой зависимости от последнего. Что же касается коммерческих дел Матасия вместе с Анаксагором, то они их знают сами, а его это никак не касается». Ахиллодор просит разобраться в этом деле, потом он сообщает, что отец послал в этот город (Ольвию) свою семью — жену и сыновей.

Другими авторами внесены определенные коррективы относительно чтения некоторых выражений, о достоверности которых трудно судить без скрупулезного специального исследования надписи. Это свидетельствует не только о трудности расшифровки данного письма, но и о возможности различного его толкования и чтения. Несомненно, что и в дальнейшем будут существовать различные варианты интерпретации рассмотренной надписи.

Анализ раннего письма дает не только яркую картину социального неравенства населения, но, что особенно важно, подтверждает значение Ольвии как административного и политического центра единого государства в последней четверти VI в. до н. э. [Виноградов, 1983, с. 387].

Диплматы. Встречаются они значительно реже, чем граффити, и более однообразны. Тем не менее представляют определенный интерес. Диплматы Нижнего Побужья изучены значитель-

но меньше, чем остальные надписи. Некоторое освещение в литературе получили подписи вазописцев и керамистов; надписи, раскрывающие имена мифологических персонажей, изображенных на сосудах и псевдонадписи, служащие дополнительным декоративным элементом композиции. Все они происходят в основном из Аттики, где производилась художественная чернофигурная и краснофигурная посуда.

На горлах амфор архаического времени нередки отдельные знаки или буквы, являющиеся метками гончаров и торговцев. На обломках горл из Ольвии и Березани (хиосские амфоры) встречаются, например, Ε, Ο, Μ, Π, Θ, Χ и т. д. На поддоне родосско-ионийских чаш нередко наносился знак в виде перекрестия, такого же типа, что и граффити. На донышках иногда красной краской писалась одна или две начальные буквы имени владельца.

Большой интерес представляют рисунки краской на донышках архаических сосудов с Березанского поселения. На донышке большого родосско-ионийского сосуда прослеживается рисунок, очевидно, четырехколонного храма с высоким фронтоном (АВ/69—185). Возможно, что этот храм был нарисован борисфенитом на поселении. Привлекают внимание рисунки корабельных якорей (АВ/63—722; АВ/66—491) на обломках сероглиняных лощеных сосудов архаического типа. На донышке родосско-ионийского кялика красной краской нарисована, очевидно, лира (АВ/75—949).

Как и среди граффити, встречаются условно-схематические изображения человека, животного, рыболовного крючка, колеса, неопределенных предметов.

Надписи представляют собой важный и один из наиболее достоверных источников для рассмотрения многих вопросов истории и культуры Ольвии и ее округа. Среди греческого населения Нижнего Побужья была широко распространена грамотность. Очевидно, уже во время колонизации этого региона сюда переселилась значительная часть образованных граждан.

Благодаря надписям устанавливается время и степень распространения отдельных культов, о которых другие источники в архаический период умал-

чивают. Среди них прежде всего культы Аполлона Дельфиния и Аполлона Врача, Ахилла, Гермеса Патрея, Матери богов, Геракла и Борисфена. Большую роль в религии греков Нижнего Побужья играли магические верования.

Особое значение приобретают надписи при характеристике социальной стратификации населения Ольвийского полиса.

Интересна и ранняя ономастика Ольвии и ее окружи. Среди чисто греческих имен (Метрофан, Гекатей, Тихон, Катокл, Главк, Анаксагор, Посидей, Фемист, Неокл, Лих, Анагора и др.), большинство которых — ионийские, встречается варварское имя Матасис; значительный интерес представляет и имя Боспорих, свидетельствующее о связях с Боспором.

Архаические надписи Березани и Ольвии сохранили неизвестные по письменным источникам топонимы Халкена и Арбинаты.

Скульптура

В Ольвии, как и в одной из приполютийских колоний, найдено сравнительно большое количество архаической скульптуры. Основная часть — привозная, отдельные экземпляры изготовлялись на месте. Обобщающего исследования этих памятников до настоящего времени не имеется, хотя большинство из них опубликовано. Значительное внимание изучению скульптуры, найденной в дореволюционный период при раскопках Ольвии и ее некрополя, уделили Б. В. Фармаковский и О. Вальдгауэр [Фармаковский, 1915, с. 82—133; 1924, с. 164—170; Вальдгауэр, 1923; 1924; 1927]. Эти же скульптуры рассматривались и позднее [Блаватский, 1947, с. 55—56; Иванова, 1953, с. 48—50; Максимова, Наливкина, 1955, с. 298—300; Бритова, 1971, с. 141; Славин, 1971, с. 465; Кобылина, 1972, с. 6; Соколов, 1973]. Во время раскопок Ольвии найдена скульптура архаического «куро́са», исследованию которой посвящена статья А. П. Чубовой и М. М. Лесницкой [Карасев, Леви, 1976, с. 42; Чубова, Лесницкая, 1976, с. 210—218].

За время исследования Ольвии и ее

некрополя найдено более 20 фрагментированных или частично фрагментированных скульптур, на Березани — одну. На поселениях ольвийской периферии скульптуры архаического времени пока не встречены. Все эти памятники подразделяются на три основные группы: архаические «куро́сы», надгробные памятники, скульптуры львов. Каждая скульптура представляет собой оригинальное произведение.

Архаические «куро́сы». Одним из наиболее распространенных видов архаической скульптуры в Элладе были образы богов и героев, получившие условное название «куро́сов» или «Аполлонов». Статуарный тип стоящей в строго фронтальном построении юношеской фигуры заимствован греками из Египта и был особенно широко распространен в VI в. до н. э. [Richter, 1970].

В Ольвии найдено пять фрагментированных скульптур этого типа, имеющих некоторые общие стилистические признаки, но в то же время у каждой из них — свои особенности и характерные черты.

К наиболее раннему времени относится фрагмент головы, найденный в 1906 г. во время раскопок цитадели [Фармаковский, 1909, с. 32; Phmakowsky, 1909, p. 118]. Сохранилась левая тыльная сторона головы высотой 0,19 и шириной 0,10 м (рис. 47, 2). Памятник высечен из белого крупнозернистого мрамора. Поверхность обломка покрыта желтой патиной, местами сбита и сильно стерта.

Волосы переданы длинными, спускающимися назад параллельными волнистыми прядями, которые пересекаются горизонтальными углублениями, обрамляя рельефно трактованное ухо. Пышной массе волос и тонкой линии ушной раковины свойственна мягкая моделировка.

Наиболее близкими аналогиями прически ольвийского «куро́са» можно считать милетскую голову «куро́са» из Гиеронды, голову «куро́са» из самосской колонии Перинфа, мелосскую статую «куро́са» [Blümel, 1963, S. 36—37; Richter, 1970, p. 90—92]. Скорее всего, статуя ольвийского «куро́са» была привезена в Ольвию из метрополии Миле-

та, особенно славившегося в это время созданием различных скульптур.

Фрагмент описываемой скульптуры датировался исследователями по-разному: началом VI в. до н. э. [Waldhauer, II, S. 1; Максимова, Наливкина, 1955, с. 298; Бритова, 1971, с. 141]; серединой второй четверти VI в. до н. э. [Blümel, 1963, S. 58]; серединой VI в. до н. э. [Фармаковский, 1909а, с. 32; Блаватский, 1947, с. 55]. В наиболее полном исследовании скульптур архаических «курсов» из собраний всех музеев мира Г. Рихтер относит его к мелосской группе 555—540 гг. до н. э., что является наиболее правильным [Richter, 1970, p. 90—92].

Судя по размерам головы, статуя была соразмерна человеческому росту и, очевидно, являлась культовой статуей Аполлона, главного покровителя вновь образованного полиса. Во многом сходен с этим фрагментом и обломок головы «курса», хранящийся в Московском историческом музее, который Г. Рихтер также относит к мелосской группе того же времени.

Третий фрагмент статуи «курса» найден в закладе могилы в 1924 г. [Фармаковский, 1924, с. 164—170]. Сохранилась верхняя часть торса с плотно прижатой к телу левой рукой (высота 0,17, ширина 0,2 м) (рис. 47, 1). Скульптура изготовлена из белого крупнозернистого мрамора. На поверхности торса — выбоины и сколы.

Для этой статуи свойственна мягкая моделировка и тщательная проработка всех деталей: узкие плечи круто опущены, массивные грудные мускулы подчеркнуты выделенными ключицами и тонким, почти графическим рисунком костей нижней части грудной клетки. На животе отчетливо обозначена «linea alba», на спине суммарно — лопатки, между которыми резкой углубленной линией показан позвоночник. Правая рука слегка отведена в сторону. Прическа короткая, локоны едва достигают плеч.

Г. Рихтер выделена группа памятников, аналогичных статуе «курса» из Птойона, к которой она относится и ольвийский фрагмент [Richter, 1970, p. 129]. В ольвийской скульптуре наблюдается та же мягкая моделировка,

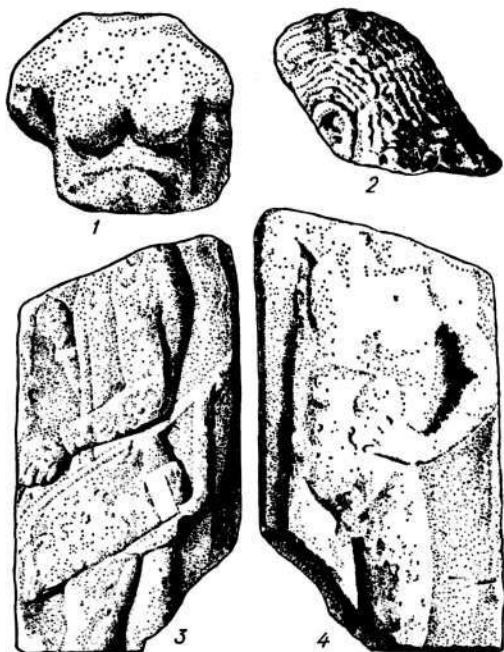

Рис. 47. Скульптура. «Курсосы» и надгробные рельефы.

которая была свойственна восточногреческому искусству, что в какой-то мере свидетельствует о ее изготовлении в Милете.

В отношении датировки описываемой скульптуры также отсутствует единая точка зрения: вторая четверть — середина VI в. до н. э. [Фармаковский, 1924, с. 169—170]; вторая треть VI в. до н. э. [Максимова, Наливкина, 1955, с. 298; Бритова, 1971, с. 141]; середина VI в. до н. э. [Блаватский, 1947, с. 56]; последняя четверть VI — начало V в. до н. э. [Richter, 1970, p. 129]. Отметим, что в этой статуе прослеживаются элементы, характерные для скульптуры последней четверти VI в. до н. э.

Размеры торса указывают на то, что статуя была небольшой (около 0,5—0,55 м). находка ее в закладе погребения в какой-то мере показывает, что она являлась надгробным памятником, хотя не исключено и ее культовое назначение.

Небольшая голова архаического «курса» найдена в 1979 г. на полу подвала дома Е-6 конца IV в. до н. э. (0—79/2001). Голова имеет следы вторичного использования — очевидно, служила

Рис. 48. Скульптура. «Куросы».

растиральником (рис. 48, 1). Верхняя и нижняя ее части сильно сбиты. Мрамор белый, крупнозернистый, покрыт патиной. Высота головы 0,11, окружность 0,33 м.

В отличие от рассмотренных выше, для нее характерна суммарная моделировка, отсутствие четких пластических форм, ясная трактовка черт лица, что, возможно, еще больше подчеркивается плохой сохранностью. Волосы переданы сплошной массой, окаймляющей невысокий лоб в виде рельефно выделенной полосы, резко закругленной по бокам ниже глаз и как бы обрезанной. Углубленной линией имитируется повязка на голове юноши. На затылке и с боков сделаны небольшие насечки, при помощи которых выделены из сплошной массы волос отдельные пряди. В трактовке волос заметна асимметрия. Глаза, выпуклые, косо поставленные, сильно удлинненные, с едва намеченными надбровными дугами, размещены непропорционально высоко. Рот маленький, с нечетко моделированными уголками губ. Щеки почти плоские, сглаженные.

Отдельные детали в передаче прически сближают голову ольвийского «куроса» с «куросами» из Аттики конца VI — первой четверти V в. до н. э., но для последних характерна тщательная моделировка черт лица [Richter, 1954, p. 3; Harrison, 1965, p. 19]. Суммарность и некоторая условность в моделировке головы ольвийского «куроса», неумение передать прическу соответственно выработанным в архаическое время канонам, отсутствие определенной четкости в трактовке лица, асимметричность,

возможно, могут свидетельствовать о том, что данная статуэтка была изготовлена в Ольвии из небольшого куска мрамора в пределах первой четверти V в. до н. э. Первоначально она служила в культовых целях, возможно, изображала Аполлона, что подтверждает имитирующая тению углубленная линия на голове.

В 1969 г. при раскопках гимнасия найдена верхняя часть статуи «куроса» [Карасев, Леви, 1976; Чубова, Лесницкая, 1976, с. 210—218]. Она стояла *in situ* в северной нише одного из помещений конца IV — начала III вв. до н. э. Высота памятника 0,55 м, ширина в плечах 0,42 м. Статуя изготовлена из светло-серого плотного известняка (рис. 48, 2). Она также отличается суммарной моделировкой. Голова юноши (в плане почти прямоугольной формы) довольно больших размеров. Лицо обрамляют сплошной массой волос, спадающие на спину ниже плеч. Они закрывают уши и подрезаны внизу полукругом. На плоском лице хорошо видна асимметрия. Лоб небольшой, глаза посажены высоко, правый глаз — ниже левого. Рот очень маленький, непропорционален в соотношении с другими чертами лица. Асимметрия наблюдается и при трактовке массивной короткой шеи: правая сторона значительно толще левой. Округлый подбородок низко нависает над шеей, создавая теневые эффекты. Торс также передан в условно-суммарной манере: мускулатура рук и груди почти не выделена, только на груди едва заметными линиями намечен треугольник; плечи узкие, опущенные книзу.

А. П. Чубова и М. М. Лесницкая, опубликовавшие этот памятник, на основании материала (местного известняка) и упрощенной суммарной трактовки образа юноши, справедливо считают, что скульптура изготовлена в Ольвии в конце VI — начале V в. до н. э. [Чубова, Лесницкая, 1976, с. 217—218]. Авторы публикации относят его к изображениям Аполлона и предполагают, что первоначально статуя стояла в священной роще теменоса, а после повреждения перенесена в гимнасий и обрезана под полуфигуру. Однако на скульптуре отсутствуют следы вывет-

ривания. Скорее всего, она все время находилась в закрытом помещении. Это одна из немногих архаических статуй, использовавшихся в Ольвии столь длительный период.

Помимо вышерассмотренных памятников, в Ольвии сохранилась часть мраморной плиты-базы с округлой выемкой в центре для крепления на свинце подножия статуи «курса» [Виноградов, 1978, с. 67—69]. Вокруг выемки сохранилась часть надписи. На основании точной аналогии — базы статуи «курса», посвященной в Дельфы сыновьями паросского скульптора Харопина, Ю. Г. Виноградов убедительно реконструирует тип ольвийского памятника и надпись. Вотивная статуя «курса», стоявшая на постаменте в Ольвии, была посвящена какому-то божеству, возможно Аполлону, неким Архенактом около середины VI в. до н. э.

Надгробные памятники. К архаическому времени относится около 15 надгробных памятников, найденных на Березанском поселении и в Ольвии, которые можно разделить на три основных типа: антропоморфные надгробия; прямоугольные стелы с треугольным завершением (чаще всего с надписями); стелы с рельефными изображениями.

Антропоморфные надгробия найдены в основном на Березанском поселении [Лапин, 1978, ф. 24, с. 283—285; Копейкина, 1980, с. 18]. В Ольвии также обнаружены антропоморфные надгробия, однако отнесение их к архаическому времени ничем не подтверждается. Ни одно из березанских надгробий не найдено *in situ*, все они, за некоторыми исключениями, являются вторично использованными или же найдены случайно. Однако вторично их используют чаще всего в строительных остатках, датируемых не позже первой половины V в. до н. э., что позволяет относить эти надгробия к рассматриваемому времени. Одна стела была найдена в горизонтальном положении на месте архаического некрополя [Копейкина, 1980, с. 18].

Все стелы изготовлены из местного серого известняка высотой от 0,40 до 1,30 м. Для них характерна грубая обработка камня. В стилистическом отно-

шении их можно разделить на три варианта. К первому относится надгробие с четко проработанной маленькой головой и четырехугольной формы туловищем с покатыми плечами. В нижней части оно слегка расширяется, что придает надгробию приземистость. Вторым вариантом представлен надгробиями более вытянутой прямоугольной формы с маленькой овальной головой без выделения каких-либо черт. К третьему — относятся надгробия еще более упрощенной формы: четырехугольное основание, чаще всего суженное внизу, завершается нечетко выраженным треугольником, очевидно, имитирующим голову. Все надгробия или вкапывались в землю, или же вставлялись в известняковые постаменты, как это зафиксировано при находке стелы Л. В. Копейкиной.

Прямоугольные стелы с треугольным завершением отличаются от выше рассмотренных более четким выделением треугольника и более тщательной обработкой известняка. На лицевую поверхность плит наносились надписи, рассмотренные выше. Три надгробия такого типа найдены только в Ольвии [IRE, I², 212, 213, 214].

К третьему типу относятся три стелы с рельефными изображениями. Первая из них, найденная на Березанском поселении во время раскопок Г. Л. Скадовского, представляет собою прямоугольную известняковую плиту (возможно, в верхней части имелось треугольное завершение, однако оно не сохранилось), на лицевой части которой высечено рельефное изображение мужской головы в профиль [Яйленко, 1982, рис. 1а, 1б]. Под рельефом помещена надгробная эпитафия. Рельеф невысокий, плохой сохранности. Черты лица читаются с трудом. Голова слегка наклонена в левую сторону. Глаз передан в виде небольшого углубления; нос крупный, рот слегка приоткрыт, подбородок четко подчеркнут. На голове мужчины, очевидно, был шлем, низко надвинутый на лоб. Это указывает на принадлежность стелы воину или же должностному лицу, имевшему отношение к защите поселения. По надписи стела датируется серединой — третьей четвертью VI в. до н. э. [Яйленко, 1982,

с. 259—267]. Это наиболее ранняя скульптура, изготовленная греческим мастером в Северном Причерноморье.

От второй стелы сохранилась голова мужчины в профиль, высотой 0,11 м, шириной 0,095, толщиной 0,07 м. Она найдена в 1906 г. в Ольвии и хранится в Одесском археологическом музее [Окспапп, 1928, S. 94, Abb. 12.; Одесский археологический музей АН УССР, рис. 52]. Рельеф вытесан из мелкозернистого белого мрамора. На поверхности головы имеются повреждения в виде отдельных сколов: сбита часть носа, губ, подбородка. Лицо подано в профиль с большим глазом, длинным носом и неестественно толстыми, слегка приоткрытыми губами. Спереди прическа моделирована в виде небольших квадратиков, четко окаймляющих большое ухо с рельефно изогнутой и тщательно проработанной раковинкой; сбоку волосы широкими параллельными локонами спускаются на плечи и грудь. Передняя часть прически аналогична трактовке волос на ранних статуях «курсов». Близкие аналогии ей пока неизвестны. По стилистическим особенностям трактовки лица и прически можно считать, что она изготовлена в Ионии в середине — третьей четверти VI в. до н. э. О назначении рельефа судить трудно: он мог быть как надгробием, так и votивной стелой.

Третья стела, сохранившаяся фрагментарно, найдена в 1895 г. на территории с. Парутино в Ольвийском некрополе [Фармаковский, 1915, с. 82—127]. Сохранилась средняя часть памятника высотой с одной стороны 0,47 м, с другой 0,66, шириной 0,36 м. Стела высечена из крупнозернистого белого мрамора. На одной стороне в неглубоком рельефе изображен обнаженный юноша в фас (рис. 47, 4). Сохранился торс с полусогнутой левой рукой, покоящейся на животе у бедра, и верхняя часть ноги. Правая рука, отбитая вместе с плечом, судя по наклону торса юноши с приподнятой правой мышцей груди, была поднята высоко вверх и опиралась, вероятно, на копье или посох. Древко прислонено вплотную к фигуре юноши с правого бока и выделено едва заметной рельефной полосой, слегка очерченной с двух

сторон. Исходя из общего расположения сохранившейся фигуры, левая нога юноши выступала несколько вперед, вся тяжесть туловища покоилась в основном на правой ноге.

На оборотной стороне стелы помещена фигура в профиль в восточной одежде (короткой куртке) с обнаженной нижней частью (рис. 47, 3). На плите она занимает меньше места, чем предыдущая. С левой стороны подвешен горит с луком, занимающий всю ширину плиты. Лицевая часть горита расписана орнаментом в виде плетенки. В руках — стрела, направленная острием вниз. Как и древко, она передана в едва заметном рельефе. Ряд стилистических признаков в трактовке фигур и оружия в плоском рельефе свидетельствует об их одновременном изготовлении в одной мастерской и одним скульптором.

На узких боковых торцах стелы высечены надписи, сохранившиеся, как и рельефы, фрагментарно. Изучение надписей говорит в пользу того, что данный памятник является не votивной стелой, посвященной Афине Лейодоте, святилище которой, по мнению Б. В. Фармаковского, находилось вдали от Ольвии (в скифской земле), а надгробной стелой Леонкса, сына Мольпагора, погибшего, возможно, при исполнении каких-то служебных обязанностей.

Среди многочисленных памятников древнегреческой скульптуры подобной или близкой описываемой по сюжету и расположению рельефов неизвестно. Она привлекла к себе самое пристальное внимание отечественных и зарубежных исследователей. Не обошлось и без курьеза — немецкий ученый Ф. Альтхайм в труде об истории Азии в древнегреческий период опубликовал фотографию ольвийской стелы с лучником как изображение сакского лучника из Персеполя, хранящегося в Берлинском государственном музее [Althelm, 1947, Abb. 23].

В научной литературе существуют различные точки зрения относительно определения сюжета стелы, места изготовления, датировки. Некоторые исследователи вслед за Б. В. Фармаковским считают, что на стеле изображены гре-

ческий юноша (воин) и амазонка [Фармаковский, 1915; Латышев, IPE, I², 270; Соколов, 1973, с. 24]. Другие ученые считают изображения война в восточной одежде скифом [Иванова, 1953, с. 49; Славин, 1973, с. 465; Pfuhl, Möbius, 1977, S. 278]. Однако ни в том, ни в другом случае исследователи не учитывали тот факт, что нижняя часть фигуры обнажена, что абсолютно не свойственно не только изображениям амазонок, но и скифов. Скорее всего, что Леокс являлся важным государственным деятелем и на его надгробной стеле с оборотной стороны была высечена фигура слуги — война, погибшего вместе с ним.

Большинство исследователей считает стелу привозной из Ионии, скорее всего, из Милета [Фармаковский, 1915; Блаватский, 1947; Максимова, Наливкина, 1955; Akurgal, 1955, S. 27]. Об ее ольвийском происхождении высказалась только А. П. Иванова [1953, с. 49]. Она считала, что точность, с которой передан варварский костюм, заставляет предположить о том, что стела изготовлена в Ольвии греческим мастером, стремившимся реалистически изобразить представителя местной среды. Однако этой точке зрения противоречит ряд фактов: характер камня, тонкая проработка отдельных деталей фигуры, прекрасное знание анатомии человека, наиболее характерные черты, свойственные восточногреческой скульптуре (мягкое исполнение поверхности фигур, их целостное построение, четкость силуэтов на узких пространствах плиты, почти графическое изображение деталей одежды и вооружения) несомненно свидетельствует о ее ионийском происхождении. Стела относится к тем редким произведениям ионийского искусства, которые создавались первоклассными мастерами, хорошо знакомыми с достижениями греческой скульптуры и обладающими тонким техническим мастерством обработки мрамора. Обзор же позднеархаической собственно ольвийской скульптуры говорит о том, что в Ольвии работали заурядные мастера.

Разноречивые точки зрения существуют в научной литературе относительно датировки описываемой стелы.

Б. В. Фармаковский относил ее к 475—460 г. до н. э., М. М. Кобылина к 470 г. до н. э., Г. И. Соколов к началу V в. до н. э. [Фармаковский, 1915; Кобылина, 1972, с. 6; Соколов, 1973, с. 24]. Некоторые зарубежные исследователи датируют стелу 490—480 гг. до н. э. [Pfuhl, Möbius, S. 278]. Учитывая положение Милета, можно считать, что стела была изготовлена в самом начале V в. до н. э. Несомненно, ее вытесывали по специальному заказу для умершего или погибшего Леокса, имевшего перед городом большие заслуги и по всей вероятности, приехавшего из Милета.

Скульптуры львов. В середине XIX в. на ольвийском некрополе возле одного из курганов были найдены две сравнительно хорошо сохранившиеся скульптуры львов [Мурзакевич, 1853, с. 247]. До настоящего времени они не рассматривались как памятники искусства, хотя о них и существует большая библиография, главным образом посвященная многочисленным знакам, которыми испещрены фигуры животных [Драчук, 1975, с. 14—15].

Фигуры львов совместно с плитами, на которых они лежат, высечены из больших блоков светло-серого плотного мрамора. Обработка плит по своей тщательности значительно уступает моделировке фигур. Длина одной из скульптур 1,70 м (длина фигуры зверя соответствует длине плиты), ширина 0,36, высота спереди 0,54, сзади 0,42 м, толщина плиты 0,08—0,10 м (Оль. 17832 — Гос. Эрмитаж). На передней и задней ногах с левой стороны — большие сколы, обита также средняя часть плиты.

Лев изображен лежащим на плите прямоугольной формы с вытянутыми вперед лапами, задние поджаты. Четко выделена мускулатура, особенно на задних лапах. Туловище в основной своей части абсолютно гладкое, поверхность заполирована. Большая роскошная грива, моделированная удлиненными завитками в виде лепесков с острыми концами, спереди висит на ногах и частично заходит на спину. Таки же стилизованными завитками передана шерсть и на задней части фигуры. Передние лапы льва также детально

моделированы. Морда небольшая, глаза в виде длинных щелочек смотрят прямо.

Вторая скульптура почти во всех деталях идентична первой, однако ее сохранность значительно хуже (Ол. 17833 — Гос. Эрмитаж). Длина скульптуры (1,60 м), ширина (0,36 м) и высота соответствуют первой скульптуре. С левой стороны — несколько крупных сколов, отбита часть плиты. Траковка глаз у этого льва несколько другая: они более открыты. Прослеживается та же тщательная моделировка гривы, каждый стилизованный завиток четкой формы.

На фигурах обоих львов высечены различные углубления: овальные, круглые, неправильной овальной формы, которые, возможно, служили для каких-то культовых целей.

Аналогичные скульптуры львов найдены в Милете [Blümel, 1963, S. 59, Abb. 179—183]. Как и ольвийские, они смотрят в одном направлении, то есть являются по существу идентичными. Поэтому К. Блюмель считает, что они принадлежали разным погребальным комплексам [Blümel, S. 59, Abb. 62]. В такой же мере сказанное, очевидно, относится и к ольвийским скульптурам. Отметим, что на ольвийских скульптурах с левой стороны больше повреждений и заметны следы выветривания. Создается впечатление, что обе статуи с правой стороны были более защищены от повреждений. Очевидно, длительное время они находились в одинаковом положении: скорее всего стояли не над погребениями, а один за другим вдоль дороги.

В Милете скульптуры львов стояли на определенном расстоянии один от другого вдоль дороги (по обеим ее сторонам), ведущей к храму Аполлона, а также на центральной дороге некрополя. Они охраняли и дорогу к храму Аполлона на Делосе. Не исключено, что на Ольвийском некрополе по аналогии с Милетом также стояло несколько скульптур львов, служивших своеобразными апотропеями.

Оба ольвийских льва, как и милетские, настолько соответствуют друг другу по характеру камня, технике его обработки, размерам, стилистическим

особенностям, что, вне всякого сомнения, они изготовлены в одной мастерской. В архаическое время производилось большое количество одинаковых статуй и рельефов, предназначенных для вывоза в разные города. Особенно этим отличался Милет. Скульптуры львов из Милета, Делоса и Ольвии являются одной из серий милетского производства середины — третьей четверти VI в. до н. э. [Blümel S., 59; Strocka, 1979, S. 169—171].

В Ольвии случайно найдены еще две фигуры львов, хранящиеся в настоящее время в Одесском и Херсонском музеях [Штительман, 1977, рис. 31]. Они относятся к первой половине V в. до н. э.

Ни в одной из милетских колоний на Понте не имеется такого большого разнообразия монументальной скульптуры архаического времени, как в Ольвии. Этот факт, несомненно, является свидетельством того, что в городе поселился определенный контингент жителей, возможно, выходцев из Милета, которые стремились и способствовали созданию в городе черт, свойственных метрополии. Основная часть монументальной мраморной скульптуры принадлежит милетским скульпторам, о развитии местного ольвийского искусства свидетельствует наличие двух скульптур «курсов».

Терракота и фигурные сосуды

Коропластика и связанное с ней производство фигурных сосудов архаического времени являются ценным источником для изучения культуры древнегреческих переселенцев в период становления Ольвийского полиса и его экономических связей.

Отдельные терракоты из Ольвии и Березани публиковались в Отчетах и Известиях Археологической комиссии Б. В. Фармаковским и Э. Р. Штерном. В советское время исследованием терракот занимались М. М. Кобылина, Г. Г. Мезенцева, А. А. Передольская, Е. И. Леви, В. М. Скуднова, Л. М. Славин, Л. В. Копейкина, А. С. Русьева, Н. А. Лейпунская.

В настоящее время известно более 400 терракот и фигурных сосудов, чаще всего имитирующих статуэтки арха-

ческого времени из рассматриваемого региона. Из них более 75 % найдено при раскопках Ольвии и ее некрополя, более 20 % на Березани, остальные на поселениях. Отметим, что основная масса терракот очень фрагментирована. Большинство из них определяются по характерным признакам и аналогиям, некоторые же остаются не определенными. Из названного количества в Ольвии найдено более 40 целых или частично фрагментированных статуэток, на Березани более 20, на поселениях Большая Черноморка II, Кателино, Куцуруб, Бейкуш, Аджигол — по одной. Кроме того, на поселениях они найдены в обломках (один — три экземпляра — Широкая Балка, Чертоватое, Старая Богдановка, Бейкуш, Большая Черноморка II и др.).

Все терракоты и соответствующие им фигурные сосуды разделены по сюжетно-хронологическому принципу на две большие группы: мифологические персонажи и изображения животных.

Первая группа терракот подразделена на восемь подгрупп, в которых выделяются разные типы и варианты. Так, первая подгруппа (терракоты Деметры и Керы-Персефоны) делится на четыре типа: сидящие богини, парные изображения, стоящие богини и протомы [Русяева, 1982; 1984].

1. *Тип 1. Сидящие богини.* Этот тип представлен наиболее массовым количеством терракот. Из архаического некрополя Ольвии, Березанского поселения, Большой Черноморки II, Кателино происходят прекрасно сохранившиеся экземпляры этого типа [САИ, 1970, табл. 27; Копейкина, 1977; Русяева, 1984]. Терракоты представляют собой сидящую на троне богиню в иератической позе в длинном ионийском хитоне (рис. 49, 1—10; 50, 2, 5). Ни одна из терракот не повторяет в точности другую. Они отличаются друг от друга размерами (от 0,06 до 0,18 м), трактовкой трона, одежды, прически, лица, головного убора, положением рук, представляя самостоятельные варианты. Это говорит о том, что в Нижнее Побужье почти не поступали серии терракот, изготовленные в одной форме. Среди них выделяются терракоты родосско-

ионийского, самосского и аттического производства.

Наиболее ранние терракоты с изображением сидящей на троне богини родосско-ионийского производства относятся к середине — третьей четверти VI в. до н. э. [Копейкина, 1977, с. 97; Русяева, 1982, с. 30]. Они выполнены из глины различных оттенков с блестками, сформированы из двух половинок, раскрашены красной краской поверх белой или кремовой обмазки. Для статуэток характерна четкая моделировка черт лица, пропорциональность, тонкая художественная передача всей фигуры и одежды. На одной из березанских терракот богиня изображена на троне, который почти полностью сливается с ее фигурой, в тонком прилегающем хитоне и гиматии, наброшенном поверх стефана на голове. Округлое, полное лицо богини с характерной едва заметной улыбкой тщательно проработано [Копейкина, 1977, с. 94]. На терракоте из поселения Большая Черноморка II богиня изображена в высоком поясе, поверх которого наброшен гиматий, мягко окутывающий ее фигуру (рис. 49, 7).

Большинство терракот родосско-ионийского производства относится к последней четверти VI — первой четверти V в. до н. э. В качественном отношении они нередко уступают более ранним, что, очевидно, объясняется увеличением серийного производства. Встречается много статуэток, выполненных небрежно в сработанных формах, с крайне схематично и условно переданными чертами лица без дополнительной обработки стекой (рис. 49, 1—9). Для них характерно все то же иератическое изображение сидящей в невысоком кресле богини в одежде, сливающейся с телом, из-под которой рельефно выступают грудь, руки и ноги.

На некоторых терракотах хитон трактован с одной или тремя широкими складками между ног (рис. 49, 10). Волосы разделены пробором и густой массой обрамляют высокий лоб. На голове — стефана, калаф или высокий пояс, поверх которых чаще всего наброшен гиматий. Руки традиционно лежат на коленях, реже одна рука находится

Рис. 49. Терракоты сидящих богинь.

у груди или держит какой-либо атрибут; ноги параллельно одна другой, иногда со слегка раздвинутыми носками, всей ступней поставлены на скамеечку или прямоугольный выступ трона [Русяева, 1982, с. 30—32; 1984; Русяева, Лейпунская, 1982].

К самосскому производству последней четверти VI в. до н. э. относятся две фрагментированные терракоты из Ольвии, характерной особенностью ко-

торых является изображение богини с теми же основными признаками, за исключением большого живота и крупных черт лица; последние, очевидно, могут указывать на образ Деметры-Каберы [Русяева, 1979, рис. 46] (рис. 50, 7).

Статуэтки аттических коропластов также не получили в данном регионе такого широкого распространения, как родосско-ионийские. Они появляются здесь в последней четверти VI в. до н. э. и бытуют вплоть до конца первой четверти V в. до н. э. В отличие от выше-

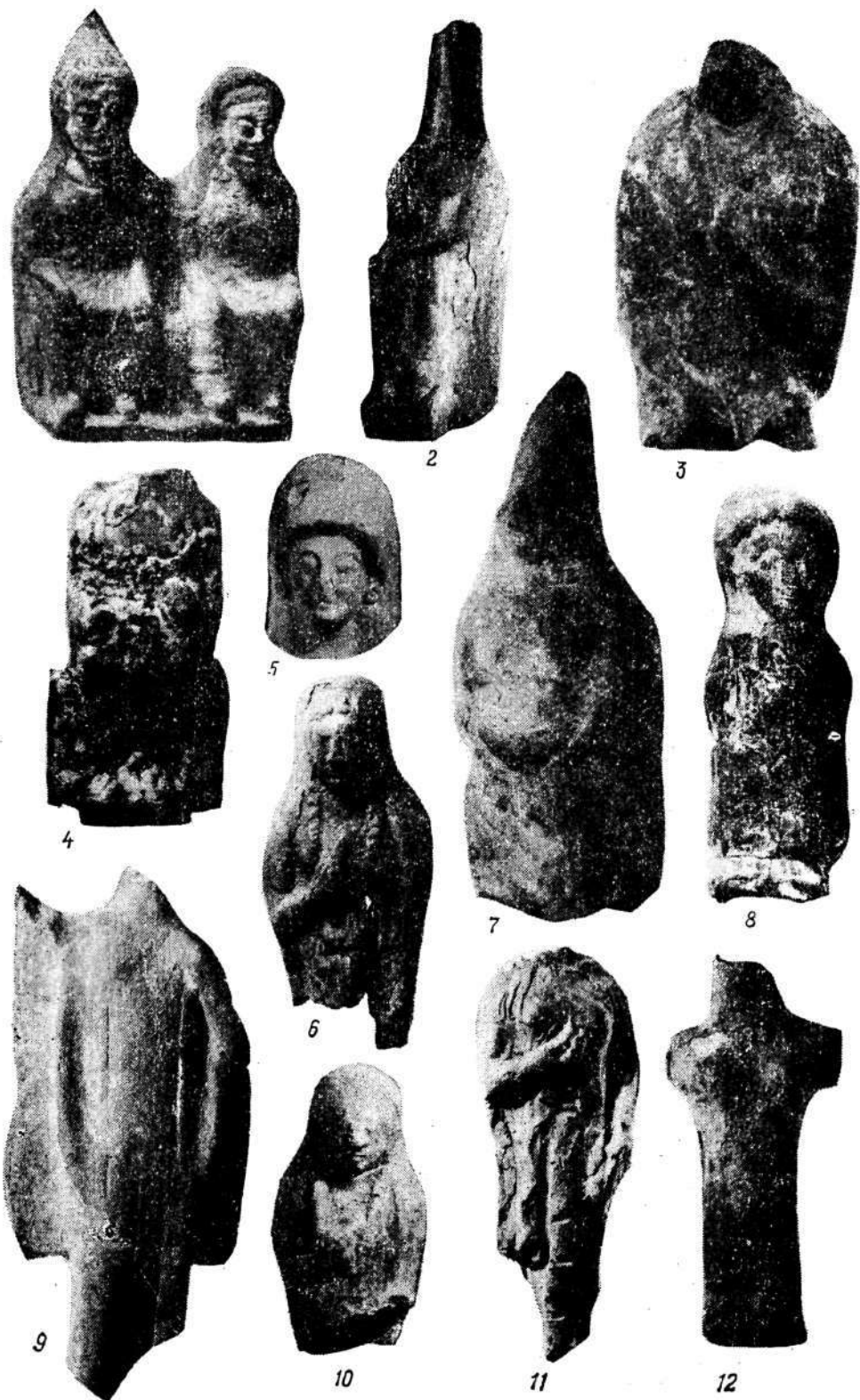

Рис. 50. Терракоты сидящих и стоящих богинь.

рассмотренных, в трактовке богини на троне уделялось больше внимания ее украшениям, головному убору, раскраске; трон делался высоким с боковыми выступами. Один из вариантов этого типа представлен полностью сохранившейся статуэткой из Кателино (рис. 49, 8). При внешнем сходстве с родосско-ионийскими терракотами здесь большое внимание уделено моделировке головы. Узорчатые фестоны волос надо лбом и длинные волнистые пряди, падающие на плечи, ожерелье на груди, красная краска, оживляющая тонкий рисунок улыбающихся губ, придают ей нарядность и живость [САИ, 1970, 1, табл. 38, 3; Русяева, 1982, с. 33]. Миниатюрная головка от сходного типа терракот найдена на поселении Чертоватое (рис. 50, 5).

К концу VI — первой четверти V в. до н. э. относятся статуэтки сидящей богини с атрибутом (цветок лотоса, гранат, яйцо), которые чаще всего отождествляют с образом Кору-Персефоны (рис. 49, 3, 50, 3). Такие терракоты в нескольких экземплярах найдены в Ольвии и на Березани [Русяева, 1982, с. 36; Русяева, 1984]. К редкому варианту терракот относится фрагмент из Березани: богиня сидит на кубовидном троне без спинки, держа гранат в правой руке возле груди [Русяева, 1984, с. 132]. Волосы волнистыми прядями спускаются на спину и грудь. Подобная трактовка волос характерна для архаических скульптур «курсов» и кор, а также милетских статуй сидящих Браихидов [Blümel, 1967; Tschelt, 1961]. Так же передааны волосы на глиняных статуэтках Артемиды и Афродиты из Родоса [Higgins, 1954]. Однако изображение сидящей богини с такой прической и такой же формы трона редко для древнегреческой коропластики. Плод граната являлся атрибутом Кору-Персефоны. Аналогичная терракота найдена в Киммерике [САИ, 1970, 2, рис. 27].

На трактовку отдельных деталей терракот сидящих богинь оказала сильное влияние скульптура. Большинство исследователей отмечается связь этих терракот с милетской монументальной скульптурой. Тип сидящей на троне богини в ператической позе получил наи-

более широкое распространение на Родосе, Самосе, в материковой Ионии, в том числе Милете и Аттике, откуда они завозились в отдаленнейшие местности античного мира [Winter, 1; Higgins, 1954].

Тип сидящей богини для древних эллинов более всего ассоциировался с образом земледельческих богинь. Он был характерен только для позднеархаического времени. Началу изготовления таких терракот в период наиболее интенсивной эмиграции греков и прекращения с завершением ионийско-понтийской колонизации, находки их в огромном количестве на колонизируемых землях в какой-то мере свидетельствует о том, что они были связаны с освоением новых земель и развитием аграрного хозяйства.

Тип 2. Парные изображения. Такого типа статуэтка самосского производства конца VI в. до н. э. найдена в архаическом погребении на Березани [Штерн, 1908, с. 92] (рис. 50, 1). На ней представлены две сидящие фигуры в длинных хитонах и гиматиях, ниспадающих с головы. На одной — головной убор конической формы, на другой — низкая стезфана. Черты обоих лиц тщательно проработаны. Сохранились следы красной краски по белой обмазке. Эта двухфигурная композиция получила в литературе различную трактовку. Так, Э. Р. Штерн и Б. В. Фармаковский видели в ней два женских божества архаического типа [Штерн, 1908, с. 92]. А. А. Передольская трактует данную группу как безбородого молодого кабира в Персефону, основываясь на парных изображениях безбородого Аида и Персефоны [1960, с. 26]. Однако детальное изучение терракоты показало, что изображены два женских божества, а коническая шапка свойственна Деметре-Кабире [Русяева, 1982, с. 44]. Такой тип терракот крайне редко встречается в древнегреческой коропластике.

Тип 3. Стоящие богини. Несколько фрагментированных терракот конца VI — начала V в. до н. э. найдено в Ольвии и на Березанском поселении. Богини изображены в строго фронтальной позе с традиционным жестом — одна из рук возле груди с атрибутом или без него, другая опущена вдоль те-

ла и сливается с ним [Русяева, 1982, с. 38—39; 1984, с. 134] (рис. 50, 8—9, 11). На некоторых фигурках прослеживается сравнительно тщательная моделировка одежды. На других — черты выполнены небрежно: толстый нос, едва намеченные губы, низко опущенный к груди подбородок, не выделена шея.

Терракоты этого типа, судя по глине и стилистическим признакам, относятся к родосско-ионийскому и аттическому импорту. Одна из терракот сделана в Ольвии [САИ, 1970, 1, с. 34, 39; Русяева, 1982, с. 39]. Голова богини, очевидно, изготовлена в форме, снятой с терракоты родосского образца, а туловище прилеплено вружную. Оно несоразмерно с головой, очень короткое, правая рука, естественно толстая и короткая, поднята к шее, другая — длинная, почти достигающая ступней, опущена вдоль туловища (рис. 50, 8). Статуэтка относится к концу VI — началу V в. до н. э. и принадлежит к одному из самых ранних образцов ольвийской коропластики. К местному производству первой половины V в. до н. э. относится фрагмент терракоты с поднятой к груди левой рукой. Статуэтка очень суммарная, со множеством отпечатков пальцев на лицевой стороне.

Тип 4. Протомы. Терракоты представляют собой погрудное, а позже — полуфигурное изображение божеств с отверстием для подвешивания на оборотной стороне. Сравнительно широкое распространение они получили в античном мире только со второй половины VI в. до н. э. Они редко встречаются на поселениях Ольвийского полиса, в том числе и на Березани, где найдено всего пять фрагментов протом и два — на поселении Чертоватое.

Наиболее ранние протомы из Ольвии (третья четверть VI в. до н. э.) обнаружены в погребениях, небольшая часть — в городских слоях. Известно более десяти вариантов протом, отличающиеся трактовкой прически, одежды, отдельных черт лица, а также своими размерами (от 6 до 19 см) (рис. 51, 1—4, 7). Тем не менее они имеют и общие стилистические признаки: моделировка волос мельчайшими зигзагами, очень высоко посаженные уши, иногда

с большими круглыми серьгами, миндалевидные глаза, растянутые в улыбку губы, пухлый массивный подбородок, иногда большие наклепные розетки на головном уборе. Аналогичные протомы в большом количестве найдены на Родосе [Higgins, 1954].

Миниатюрный фрагмент протомы аттического производства обнаружен на поселении Чертоватое (рис. 51, 2). На нем сохранилось изображение одежды, абсолютно сходной по трактовке с одеждой на мраморной фигуре Керы из Афинского акрополя, относящейся к 535—530 гг. до н. э. [Richter, 1970]. Вероятно, протома относится к последней четверти VI в. до н. э.

В конце VI в. до н. э. в Ольвии изготавливались местные протомы по привозным образцам; дефекты после оттискивания в форме не исправлялись. Пропорциями лица и приемами передачи его отдельных черт ольвийские протомы сходны с аттическими и самосскими, однако выполнены значительно грубее. Так, поверхность одной протомы небрежно замазывалась пальцами; на другой — процарапаны глаза, а нос и лоб сдвинуты в сторону.

II. Терракоты с изображением Афродиты. Ко второй подгруппе относятся только один тип статуэток богини: из наиболее распространенных в архаической коропластике изображений Афродиты с голубем в руке (рис. 50, 6, 10). Они найдены в фрагментах на Березани и в Ольвии [Копейкина, 1977, с. 97—100; Русяева, 1982, с. 65—66; 1984, с. 134—135]. Среди них выделяются два варианта: вотивные статуэтки и фигурные сосуды типа арибаллов, часть из которых также посвящалась божествам. Причем это была абсолютная имитация как по размерам, так и полному сходству образа. Они датируются последней четвертью VI — началом V в. до н. э.

Афродита изображалась с большими выпуклыми глазами и тщательно моделированными бровями, подчеркивающими косой разрез глаз, маленьким острым подбородком и улыбкой на губах. Из-под гиматия, плотно облегающего голову, волосы волнистыми прядями спадают на шею и спину. Чаще всего в правой руке богиня держит

Рис. 51. Фигурные сосуды. Протомы. Аполлон.

голубя у груди, левая опущена вдоль тела. На некоторых фигурках сохранились следы раскраски (рис. 51, 1, 2).

Многие исследователи считают, что основным центром их производства был Родос, однако не исключено, что они изготовлялись и в ионийских городах.

III. Терракоты с изображением Артемиды. Третья подгруппа представлена одной архаической терракотой из Березанского поселения, которую можно связывать условно с образом этой богини: на троне сидит богиня в иератической позе, сходная почти во всех деталях с вышерассмотренными статуэтками сидящих богинь, но с медвежьей головой [Кобылина, 1948, с. 163—166; САИ, 1970, 1, с. 32, рис. 8, 2]. Описываемая терракота уникальна в античной коропластике. Так как Артемида являлась покровительницей диких животных и в глубокой архаике сама символизировала животных, вполне вероятно, что в ее культе находили выражение эти древнейшие пережитки верований, особенно свойственные Артемиде Бравронии. По аналогии с терракотами сидящих богинь ее можно отнести ко второй половине VI в. до н. э.

IV. Терракоты с изображением Кибелы. Известен один тип сидящей в иератической позе богини со львенком на коленях (рис. 50, 4). В Ольвии найдено три терракоты [САИ, 1970, 1, рис. 27, 4; Русева, 1982, с. 81—82]. Кибела сидит на троне с прямоугольной спинкой в невысоком калафе, из-под которого на грудь спадают по три локна. Черты лица несколько смазаны и невыразительны. На терракотах сохранился толстый слой обмазки со следами голубой и красной краски. В конце VI — начале V в. до н. э. такой тип терракот был распространен на Родосе и в Ионии, в частности, в Галикарнассе [Higgins, 1954, p. 67]. Мраморные и известняковые рельефы Кибелы периода архаики известны в Милете и Дидимах [Robinson, IV, p. 94].

V. Терракоты с изображением Аполлона. В Ольвии и на Березани найдено несколько терракот стоящего юноши, возможно Аполлона. Этот тип терракот имеет ряд вариантов. К наиболее распространенному относится несколько терракот из Ольвии и Березани с изображением стоящего юноши в гиматии [Копейкина, 1977, рис. 8А; Русева, 1982, с. 95—96]. Он стоит на высокой подставке, слегка выдвинув правую ногу вперед. Волосы пышной массой с пробором посередине обрамляют невысокий лоб, спадая на грудь и плечи

длинными прядями, как и на женских фигурах. Отличаются они в основном только пропорциями построения фигуры и прической: для одних характерны широкие плечи, подчеркнуто узкая талия и сплошная масса волос, зачесанных назад; для других — более плавные контуры фигуры, округлые линии плеч и рук. По аналогии с родосскими они датируются второй половиной VI в. до н. э. [Higgins, 1967, p. 36], в отдельных случаях выделена более дробная датировка — 30—20-е годы VI в. до н. э. [Копейкина, 1977, с. 100—101].

Второй вариант, представленный одной терракотой, происходит из Ольвии [САИ, 1970, 1, 3, 26]. Сохранилась верхняя часть обнаженного «курося» со слегка повернутой к левому плечу головой (рис. 51, 9). На большом лице с толстым носом, приподнятым подбородком и широким лбом застыла едва заметная улыбка, характерная для архаических скульптур. Шея толстая, почти сливается с телом, плечи асимметричны. Руки отбиты у предплечий; судя по сохранившимся частям, они были вытянуты вперед. Трактовка прически сближает описываемую терракоту с изображением Аполлона [Русева, 1982, с. 95—96]. Характер глины и облицовки, а также стилистические приемы трактовки прически и глаз указывают на коринфское производство второй половины VI в. до н. э. Отдельными стилистическими чертами близка к этой терракоте голова юноши с застывшей улыбкой и небрежно проработанными надо лбом фестонами волос.

Третий вариант терракоты стоящего в фронтальной позе обнаженного «курося», очевидно, родосско-ионийского производства найден в Ольвии [Русева, 1982, с. 96] (рис. 51, 8). Голова не сохранилась. Фигура сформована в виде высокого столбика на высокой подставке, с вытянутыми вдоль тела руками и небрежно обозначенной мускулатурой. Сохранились следы белой обмазки и розовой краски. Подобный тип изображений курося, образом которого мог быть Аполлон Тенейский, был широко распространен в античном мире. Не исключено, что к изображениям Аполлона относится фрагмент

терракотового фигурного сосуда из Ольвии, покрытого блестящей кремовой обмазкой [Леви, 1941]. Мужское лицо представлено с узким, сильно выступающим подбородком, большими раскрашенными темными глазами, растянутыми в улыбке губами (рис. 51, 6). Зигзагообразной полосой переданы волосы над низким лбом с высоко поднятыми бровями, также обозначенными черной краской. Судя по глине и росписи, сосуд, очевидно, был привезен из Хиоса. Его можно датировать первой четвертью VI в. до н. э.

VI. *Терракоты с изображением силенов*. Среди них выделяется тип сидящего на корточках старика с некоторыми различиями в трактовке положения рук. Терракоты этого типа найдены в Ольвии, на Березани и поселении Аджигол [САИ, 1970, 1, рис. 30, 1; Русяева, Лейпунская, 1982, с. 61]. Чаще всего встречаются терракоты сидящего на корточках силена с короткими сложенными на животе руками, маленькими рожками по бокам макушки лысой головы, широкой бородой и глазами навыкате (рис. 52, 5).

Аналогичные изображения, которые исследователи относят к родосскому импорту конца VI — начала V в. до н. э., встречаются в различных местностях Эллады и Причерноморья. Найдено несколько фрагментов от терракот силена с утрировано большим животом, высоко поднятыми оттопыренными ушами, выпученными глазами [Русяева, 1982, с. 100]. Как и в предыдущих статуэтках, силен сидит на корточках со сложенными на коленях руками. Такие статуэтки чаще всего встречаются на Родосе в первой половине V в. до н. э. [Higgins, 1954]. К редкому варианту описываемых терракот относится фрагмент из Ольвии: руки силена вытянуты в стороны [Русяева, Лейпунская, 1982, с. 61—62].

VII. *Терракоты с изображением кабиров*. В позднеархаический период с культом кабиров связываются статуэтки так называемых тучных демонов. Несколько статуэток этой подгруппы, которые можно разделить на три типа, найдены в Ольвии и в значительно большем количестве на Березанском поселении [САИ, 1970, 1, с. 42—43; Пе-

Рис. 52. Терракота. Силены, Кабиры, антропоморфные божества.

редольская, 1960, с. 24—25; Копейкина, 1977, с. 101—102; Русяева, 1984, с. 136—137].

Тип 1. Мужская обнаженная фигура на согнутых в коленях ногах с большим животом и сложенными на нем руками (рис. 52, 1—4). Схематично переданы кисти рук. Утрированно трактованы большой живот, толстые жировые складки на нем и массивная грудь, что придает сходство с древнейшими глиняными фигурками женского божества плодородия. Непропорционально большая голова почти сливается с туловищем. На одних волосы переданы сплошной массой, на других — в виде мелких завитков. Только на одной фигурке с Березанского поселения на голове имеется конусовидной формы убор — пилос, характерный для изобра-

жений кабиров (рис. 52, 7). Размеры терракот — 7—7,5 см. Чаще всего они окрашены темно-красной охрой. Относятся ко второй половине VI в. до н. э.

Тип 2. Найдено две терракоты (одна сильно фрагментирована) на Березанском поселении [САИ, 1970, 1, рис. 9, 2; Русяева, 1984]. Одна изображает сидящую на троне богиню в иератической позе в плотно облегающем фигуру хитоне и гиматии, на плече которой сидит миниатюрная фигурка «тучного демона», аналогичная рассмотренным выше. От другой терракоты сохранилась только маленькая фигурка возлежащего кабира в пилосе и невыразительная часть другой фигуры.

Тип 3. В Ольвии найдена одна терракота второй половины VI в. до н. э. с изображением старого кабира. Он сидит на невысокой подставке, на голове высокий конусообразный убор, ноги расставлены. В терракоте отсутствует пластическая формовка лица, не считая большого носа с горбинкой и бороды лопатообразной формы. Руки с длинными грубо обозначенными кистями лежат на коленях. Поза характерна для силефов архаического родосско-ионийского типа.

Наибольшее количество терракот кабиров найдено в погребениях и святилищах Родоса, встречаются они также на Самосе, Липдосе, Паросе, Самофракии, Аттике, в Причерноморье.

VIII. Антропоморфные лепные изображения. Сравнительно редко встречаются в Нижнем Побужье: шесть в Березани, два в Ольвии, одно на поселении Купуруб. Это грубое и схематическое изображение человека, или же маленькая фигурка человека с очень схематическими условными чертами, грубо и неумело вылепленная из одного комка глины и частично обожженная (рис. 52, 6, 8). Размеры от 4 до 6 см. Некоторые исследователи считают, что они изготовлялись представителями местного негреческого населения [Копейкина, 1981; Марченко, 1985]. Подобного типа идола были известны в архаический период и во многих местностях Греции [Higgins, 1954], особенно до изготовления терракот в формах. Несомненно, что они являются примитивными изображениями демонов

плодородия и хранителей домашнего очага. Такие терракоты найдены в слоях, ямах и земляночных помещениях второй половины VI в. до н. э.

IX. Varia. К описываемой подгруппе относятся различные фрагменты терракот, не имеющих достаточно данных для определения сюжета. Значительную часть составляют мелкие обломки (часть руки, ноги, шеи, слитны и т. д.), датировка которых определяется чаще всего комплексом, где они найдены. Меньшую часть составляют обломки головы божества, торса или нижней части фигуры, трудно определяемые из-за отсутствия аналогичных изображений. Так, фрагмент нижней части столбообразной фигуры с массивными ступнями ног и неестественно длинными пальцами из Березанского поселения мог принадлежать, скорее всего, какому-то мужскому божеству, однако не исключено, что так могли изобразить Артемиду или Афродиту в их архаическом облике [Русяева, 1984]. В это время встречаются большие терракоты с изображением Аполлона, Артемиды с зайцем или другим животным, Афродиты с голубем в виде столбообразных фигур, закутанных в гиматий. Найдены также отдельные фрагменты мужских голов с большими бородами, которые могли принадлежать Зевсу, Гермесу, Дионису или другим божествам.

К отдельной подгруппе следует отнести четыре фигурных сосуда с Березанского поселения в виде терракотовой головы воина в коринфском шлеме родосско-ионийского производства второй половины VI в. до н. э. [Одесский Археологический музей, 1983] (рис. 51, 5). Шлем глубоко надвинут на голову, под ним четко выделены большие миндалевидной формы глаза, нос, рот, подбородок. Данные изображения вполне могли отождествляться в Северном Причерноморье с образом Ахилла, популярного здесь с самого раннего времени. Из Ольвии происходит фигурный сосуд с головой Ахилла-воина значительно более позднего времени (первые века нашей эры).

В архаической коропластике Нижнего Побужья хорошо выделяется группа терракот различных животных. По сравнению с предыдущей группой их

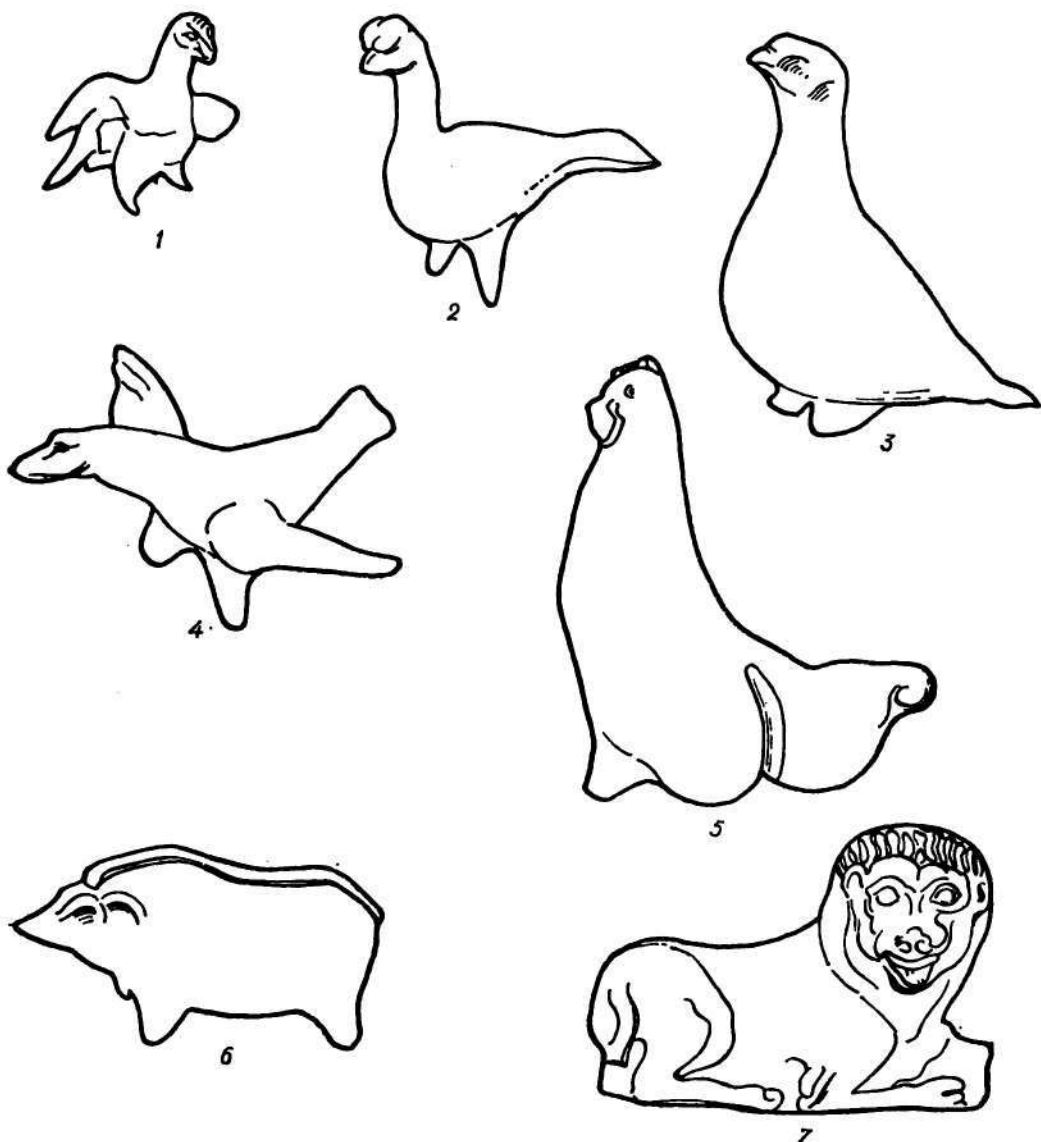

Рис. 53. Терракота. Животные.

значительно меньше, уже и ареал распространения: в основном Ольвия, Березань, Большая Черноморка; на других поселениях они встречаются крайне редко. Целые статуэтки найдены главным образом в архаических погребениях Ольвии и Березани. В этой группе выделяется десять подгрупп.

I. *Терракоты свиной*. Среди изображений животных наиболее популярна свинья, что, видимо, связано с культом и широким почитанием Деметры, жерт-

венным животным которой она являлась. Фигурки небольших размеров (высота 4—5, длина 6—10 см). Глина высокого качества, тонкая, хорошо отмученная, цвет варьируется от светло-оранжевого до красного с примесями слюды. Статуэтки изготовлялись из двух половинок, внутри полые. Качество отделки не всегда одинаково, иногда они вылеплены довольно небрежно.

Среди этих терракот прослеживаются два типа: стоящая на коротких ногах свинья с поднятой головой (иногда довольно длинной и острой, характерной

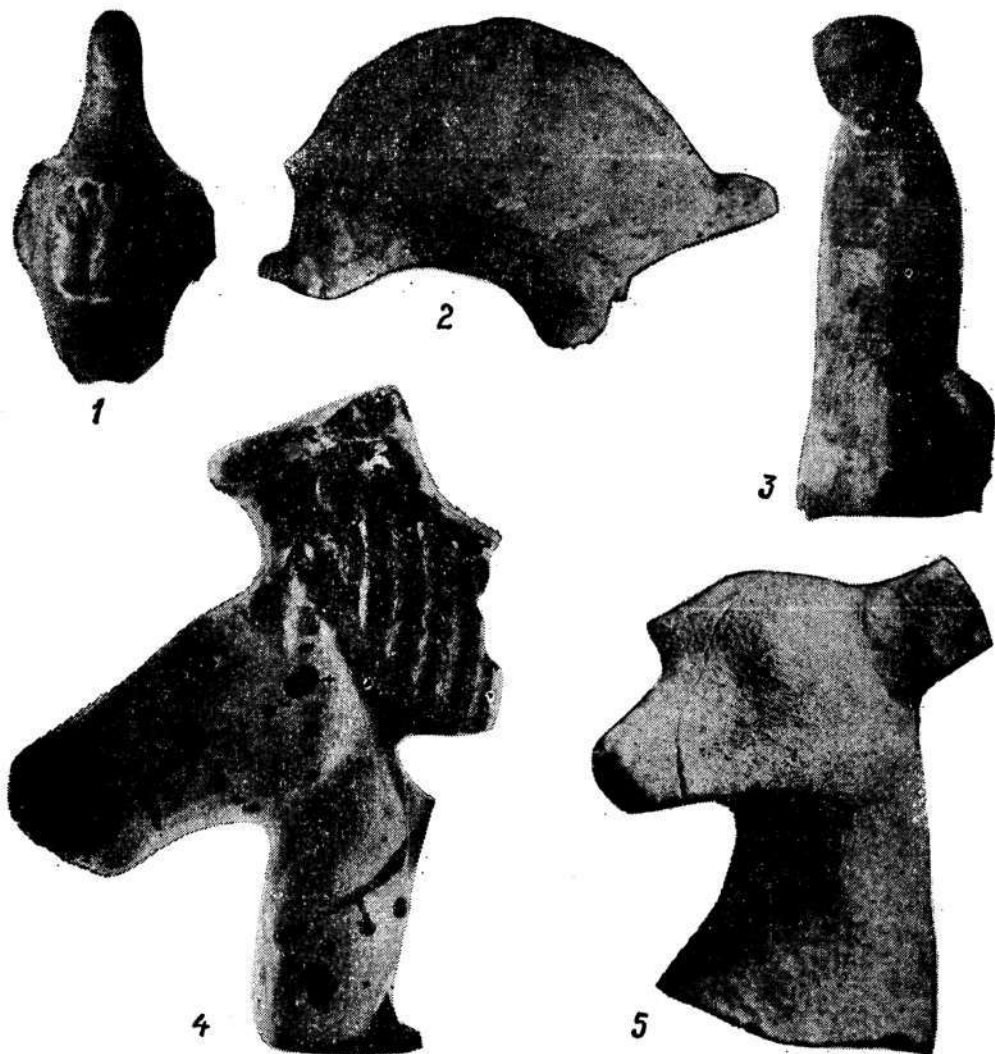

Рис. 54. Терракота. Животные.

для вепря), с рельефно выделенным хребтом, выпуклыми глазами (рис. 53, б) и лежащая свинья с вытянутыми ногами [САИ, 1970, 1, с. 50]. Вторым типом представлен одной фрагментированной терракотой, найденной в полуземлянке второй половины VI в. до н. э. на участке АГД в Ольвии. Судя по глине и стилистическим признакам оба типа терракот принадлежат к родосско-ионийскому импорту второй половины VI — начала V в. до н. э. [Higgins, 1954].

II. *Терракоты лошадей.* Найдено два фрагмента на Березанском поселении [Копейкина, 1977, рис. 9; Русае-

ва, 1984]. Судя по ним, статуэтки небольшие (5—8 см высоты, до 10 см в длину). Характер глины и обжиг сходны с терракотами свиней родосско-ионийского импорта второй половины VI в. до н. э. От одной терракоты сохранился только круп лошади, который не дает полного представления о всей фигурке, от другой — средняя часть лошади и нога всадника. Этот тип терракот был известен в Галикарнассе во второй половине VI в. до н. э. [Higgins, 1954]. Большой интерес представляет и фрагмент фигурного сосуда ионийского производства второй половины VI в. до н. э. из Ольвийского некрополя с изящной росписью (рис. 54, 4).

III. *Терракоты собак.* Найдены в очень фрагментированном виде в Ольвии и на Березанском поселении [Копейкина, 1977, рис. 9; Русяева, 1984]. На терракотах изображены различные породы: одна — с длинной острой мордой и поставленными вверх ушами; другая — маленькая, с невыразительно сформированной мордочкой; третья — с маленькой мордой, небольшими ушами, открытой пастью; четвертая — с длинной толстой мордой (рис. 54, 5). Художественная трактовка терракот также различна: одни отличаются подробной моделировкой всех частей тела, другие весьма схематичны. По составу глины их можно отнести к родосско-ионийскому и аттическому производству второй половины VI — начала V в. до н. э.; один экземпляр из серой с грубыми примесями глины, возможно, был изготовлен на Березани.

Изображения собак в античной корoplastике встречаются редко. Терракотовые фигурки собак служили вотивными приношениями в культе Гекаты и Аполлона в архаический период, несколько позже Аскления.

IV. *Терракоты львов.* Сохранились значительно лучше. Найдены в основном в позднеархаических погребениях Ольвии [САИ, 1970, 1, с. 51], а также на Березани [Копейкина, 1977, с. 102]. Львы изображены лежащими на прямоугольных плитах с повернутой вправо головой (рис. 53, 7). Размеры разные (высота от 3 до 6, длина от 6 до 11 см). На одних четко моделированы все детали (волнистыми рельефными линиями переданы завитки шерсти на голове, большие круглые глаза, толстый нос, полуоткрытая пасть с высунутым языком, мускулатура задней части туловища); на других — абсолютно отсутствует четкая трактовка деталей. Им присуще суммарное изображение всей фигуры.

Одна из таких терракот, полностью сохранившаяся, изготовлена из сплошного комка глины, многие ее части сформированы от руки. По составу глины она также отличается от остальных. Все это дает возможность считать, что она была изготовлена в Ольвии и положена в погребение в виде апотропея или же в связи с хтоническим культом

Кибелы, статуэтка которой также обнаружена в одном из позднеархаических ольвийских погребений. Образ льва связывался и с другими божествами, в частности с Аполлоном, Артемидой, Дионисом. Статуи лежащих львов стояли по сторонам священной дороги, ведущей к храму Аполлона в Дидимах близ Милета и на некрополе Милета; 12 стоящих статуй львов охраняли храм Аполлона на Делосе. На ольвийском некрополе также найдены две монументальные скульптуры лежащих львов милетского производства второй половины VI в. до н. э.

V. *Терракоты обезьян.* Известно три типа изображений обезьяны. К первому принадлежит найденная в позднеархаическом слое фигурка с Березани [САИ, 1970, 1, рис. 8, 4]. Обезьяна изображена спящей с детенышем на коленях. Левой лапой она поддерживает его за плечо, правой — за левое бедро. Голова детеныша возле груди, левая лапа на груди матери. Небрежность и некоторая схематичность в трактовке отдельных деталей свидетельствует о том, что она изготовлена в изношенной форме. Высота статуэтки 9 см.

Ко второму типу относятся несколько терракот из Ольвии, сравнительно плохо сохранившихся. Обезьяна сидит на корточках со склоненной вправо головой и вытянутыми вперед передними лапами. На терракоте хорошо сохранилась розовая краска, которой она была полностью покрашена. Высота фигурки 3 см. Относится к ионийскому производству конца VI — первой половины V в. до н. э. Близкие по стилистическим признакам терракоты конца VI в. до н. э. найдены на Родосе [Higgins, 1954].

К третьему типу относятся пять лепных статуэток из серой глины. В основном они найдены в комплексах первой половины V в. до н. э. в Ольвии и принадлежат к местному производству (рис. 54, 3). Обезьяна стоит на задних лапах, передние — подвдаты к морде. Голова и туловище сформированы крайне суммарно, без проработки отдельных деталей. Высота фигурок 8—10 см.

В более позднее время обезьяну изображали сидящей на дельфине и свинье,

ее статуэтки клали в могилы, что, очевидно, подтверждает ее связь с хтоническими культами плодородия. Не исключено, что они служили также своеобразными апотропеями.

VI. Терракоты черепах. Найдево более 15 экземпляров, в основном фрагментированных, из хорошо отмученной глины желтых и красных оттенков с небольшими примесями слюды, в слоях второй половины VI — первой половины V в. до н. э., главным образом в Ольвии и на Березани. Изображался один тип черепах: на выпуклом панцире — рельефные прямоугольные деления, рельефный ободок по краю и четыре коротких выступа вместо ног (рис. 54, 2). Для некоторых характерна четкая моделировка с элементами графичности. Верхняя часть изготавливалась в форме, нижняя от руки. Из-под панциря выступает маленькая вытянутая круглая голова, иногда на вытянутой шее [САИ, 1970, 1, рис. 8, 5; 11, 5; 28, 9; Русьева, 1982, с. 140; 1984, с. 141]. Обычно верхняя часть терракоты покрывалась красной краской. Размеры статуэток различны (высота 3—8, длина 5—12 см). Аналогичные терракоты как по характеру глины, так и по стилистическим данным найдены на Родосе и датируются в основном началом V в. до н. э.

VII. Терракота летучей мыши. Единственное изображение летучей мыши найдено в Ольвии. Высота терракоты 1,5, длина 3,5 см [Русьева, Лейпуцкая, 1982, с. 63]. Фигурка, невзирая на ее миниатюрность, тщательно моделирована: голова с большими ушами и вытянутой мордочкой, поджатые лапы, крылья орнаментированы почти графически насечками и параллельными тонкими линиями. Посередине туловища имеется сквозное отверстие, возможно, ее носили как апотропей. Характер глины подтверждает ее родосско-ионийское происхождение конца VI — начала V в. до н. э.

VIII. Терракоты птиц. В позднеархаических слоях Ольвии, Березани и некоторых поселений найдены небольшие глиняные фигурки голубей, петухов, орла и других видов птиц. Наибольшее разнообразие прослеживается в изображениях голубей: в виде фигур-

ных сосудов с отверстием на спине, сидящих с поджатыми лапами; лепных фигурок сидящих птиц; голубей с распростертыми крыльями, под которыми изображены птицы [САИ, 1970, 1, рис. 25, 3; 28, 1, 4; Копейкина, 1977, рис. 10; Русьева, 1984, с. 141] (рис. 53, 1—4; 54, 1).

Фигурные сосуды в виде голубей точно имитируют терракотовые фигурки, соответствуют их размерам, характеру глины и стилистическим признакам. Отличие состоит лишь в том, что они имеют отверстие и небольшой венчик, слегка отогнутый наружу. Изготавливались эти сосуды из хорошо отмученной глины красноватого цвета с большим количеством слюды. Их размеры: высота 4—5, длина 8—10 см. Отметим, что глина сходна с глиной терракот и фигурных сосудов в виде Афродиты с голубем и сирены, что, очевидно, может свидетельствовать об их изготовлении в одних мастерских. Голуби изображены сидящими с поджатыми лапами. Чаще всего они моделировались условно и служили подставками для устойчивости терракоты. Голова с небольшим клювом и слегка выделенным хохолком поднята кверху. Крылья моделированы условно в виде небольших выступов. Этот тип изображения голубя был широко известен в различных центрах античного мира, но относится главным образом к родосско-ионийскому импорту середины — второй половины VI в. до н. э. [Glaro Rhodos, vol., VIII: Blinkenberg, 1931, p. 113; Maximova, 1927]. На одной из терракот хорошо сохранились роспись: клюв красный, глаза черные, оперение хвоста обозначено черными линиями и точками между ними, шея и грудь покрыты желтой краской.

В позднеархаическом погребении Ольвии найдена одна терракота голубя с распростертыми крыльями и птенцами под ними [САИ, 1970, 1, рис. 28, 4]. Птица изображена с длинной шеей, узким прямым хвостом. Туловище изготовлено в форме, а крылья и птенцы — вручную. В этом же погребении найдена терракота как бы взлетающего голубя. Тщательной моделировкой головы, туловища, сложенных на животе лап отличается миниатюрная фигурка

голубя из Ольвии [Русяева, Лейпунская, 1982, с. 62].

Известно и несколько фрагментированных лепных терракот голубей небольших размеров (высота от 2 до 4 см) из грубо промешанной серой или коричневой глины, относящиеся к местному производству. Формовка фигуры и отдельных частей схематична, условна, подобно примитивным фигуркам лепных божков. В античной мифологии голубь чаще всего связывался с культом Афродиты и земледельческих божеств.

Сравнительно редкими были изображения петухов: обломок терракоты найден в Ольвии, а целая фигурка на о. Левка [САИ, 1970, 1, рис. 1, 2; 28, 5]. Терракота петуха из о. Левка относится к коринфскому импорту начала V в. до н. э. Для них характерна плоская рельефная трактовка фигуры с вытянутой шеей, полуопущенным крылом, передачей рельефными штрихами маховых перьев и хвоста. Высота фигурки 6,5 см. Глина плотная, светлая, поверхность залощена.

Ольвийская статуэтка петуха этого же времени выполнена объемно и более суммарно: концы крыльев и ноги — в виде выступов, на которые опирается птица с высоко поднятой головой, трактовка которой отличается подробной моделировкой и раскраской (рис. 53, 5). Высота 11 см. Относится к восточногреческому импорту.

Петух считался священной птицей многих божеств: Персефоны, Плутона, Аполлона, Геллоса и др.

В Ольвии найдена статуэтка орла. Орел изображен стоящим с распростертыми крыльями. Высота 10 см. Вся поверхность покрыта красной краской. Глина светло-красная с блестками слюды, что, очевидно, свидетельствует о ее родосско-ионийском происхождении позднеархаического времени.

В Ольвии и на Березанском поселении встречено также несколько обломков терракот, не поддающихся точному определению, но предположительно изображающих медведя, пантеру, целикана, бычка. В отчетах Э. Р. Штерна упоминаются глиняные изображения головы барана и змеи [1907, с. 45; 1909, с. 55].

Таким образом, терракоты и имитирующие их фигурные сосуды из Ольвии и ее окружи позднеархаического времени привозились главным образом из Восточной Эллады и Аттики, в меньшей степени из Коринфа, то есть тех центров, с которыми город поддерживал наиболее интенсивные торговые связи, прослеживаемые и по другим источникам. Например, по керамике, скульптуре, изделиям торевтики и т. д. В конце VI — начале V в. до н. э. в Ольвии начинают готовить терракоты по привозным образцам. Они не отличались хорошим качеством.

Определенное развитие в Нижнем Побужье получило изготовление различных лепных фигурок животных и птиц, а также примитивных антропоморфных изображений. Делались также вручную глиняные вотивные хлебцы, фаллосы и различные другие вотивы, которые нередко находят в одних комплексах с лепными статуэтками. Изготовление лепных вотивов различных типов было связано чаще всего с религиозными празднествами в Элладе. Нередко вотивы просто сушили, изредка обжигались. Поэтому к нам дошло незначительное их количество. Но даже сохранившиеся немногочисленные изделия свидетельствуют о существовании в Нижнем Побужье памятников народного примитивного искусства, столь свойственного во все времена каждому народу.

Назначение терракот и фигурных сосудов было различным: они клались в погребения, хранились в доме, служили вотивными приношениями в святилища и на домашние алтари, чаще всего типа эсхары. Основное количество терракот найдено при исследовании жилых комплексов, сравнительно меньше при раскопках ольвийских теменосов. В одной из ольвийских землянок терракота сидящей Деметры стояла *in situ* на известняковой плите прямоугольной формы в углу помещения. На поселении Куцуруб антропоморфная фигурка найдена в небольшом зольнике (домашняя эсхара) в углу землянки совместно с лепными хлебцами и вотивными кружками; на поселении Большая Черноморка терракоты сидящей Деметры обнаружены на полу землянки.

Отметим, что именно в архаическое время в Ольвии и на Березанском поселении терракоты имели большое значение в погребальном обряде по сравнению с последующим временем. В архаических могилах Ольвии и Березани особенно часто встречались терракоты женских божеств, а иногда и наборы терракот.

Украшения и предметы туалета

Изучение украшений и предметов туалета проливает свет на определенные аспекты жизни греческих колонистов в Нижнем Побужье: направление импорта и экспорта, развитие ремесел, этническую принадлежность и характер верований их носителей. Комплекс ольвийских украшений дает также достаточно цельное представление об украшениях Греции, поскольку на ее территории находки архаических украшений, особенно из драгоценных металлов, чрезвычайно немногочисленны.

Украшения делятся на следующие типы: височные бляшки, серьги, бусы, браслеты, кольца, булавки, фибулы, нашивные бляшки и пуговицы. Материалы раскопок представляют таким образом все типы архаических украшений, кроме диадем.

Височные бляшки крепились к головной повязке на тонкой золотой или матерчатой ленте. В Ольвийском некрополе обнаружено четыре пары подобных золотых украшений [ОАК за 1903, с. 150; ОАК за 1911, с. 15, рис. 16; ОАК за 1913—1915, с. 41, рис. 52; АА., с. 244, рис. 61]. Это плоские круглые щитки большого диаметра (4,5—5 см), края которых окружены точечным ободком, а посередине вытеснена розетка с шестью крупными и столькими же более мелкими лепестками; в центре крупной розетки помещена небольшая восьмилепестковая розетка. Бляшки различаются деталями рисунка розеток и способом их крепления к ленте. К двум парам были приделаны петельки на краю щитка, а на двух других для этой цели служило небольшое круглое отверстие около точечного ободка (рис. 55, 4, 5). Эти украшения имеют близкие аналогии в находках из архаического некрополя Родоса [Clara Rhod-

os, 1, 1928, p. 64]. Привезены они в Ольвию из какого-то ионийского центра.

Серьги. Представление об архаических серьгах можно составить по достаточно многочисленным и разнообразным золотым изделиям, найденным в Ольвии и на Березани. Бронзовые и оловянные серьги из-за плохой сохранности в земле встречаются очень редко. Наиболее многочисленную группу составляют серьги-калачики, затем спиралевидные подвески, крупные серьги с изображением львов, подвески-птички и некоторые другие. В архаический период серьги-калачики и спиралевидные подвески носили не только женщины, но и мужчины, о чем свидетельствуют памятники изобразительного искусства [Marshall, 1911, p. XXXIII, fig. 47], а также находки на Березани [Силантьева, 1976, с. 125] и в Нимфее [Силантьева, 1959, с. 74].

Почти все серьги импортированы из Греции, а некоторые являются выдающимися памятниками ионийской гонимости [Фармаковский, 1914, с. 32; Онайко, 1960, с. 34]. Среди бронзовых экземпляров имеются формы, не характерные для греческого убора: гвоздевидные и биконические. По-видимому, это ольвийские изделия по местным образцам [Островерхов, 1981, с. 30]. Все виды представлены на рис. 56, 56—68 и табл. 1*

Бусы — наиболее массовый тип украшений; чаще всего они встречаются в погребениях, главным образом женских, и при исследовании жилых комплексов. Скопления бус находят на месте мастерских, где их изготовляли, например на Ягорлыцком поселении [Островерхов, 1981а, с. 214—228].

Бусы, найденные на территории Ольвийского полиса, изготовлены из разнообразных материалов (табл. 2). Первое место по количеству и многообразию форм занимают бусы из стекла и египетского фаянса (рис. 56, 41—55), затем из металла: золота (рис. 56, 1—11), серебра (рис. 56, 12), свинца (рис. 56, 15), бронзы (рис. 56, 13, 14); камня — горного хрусталя (рис. 56,

* Подробный анализ серег и литературу см. в статье М. В. Скржинской [1986].

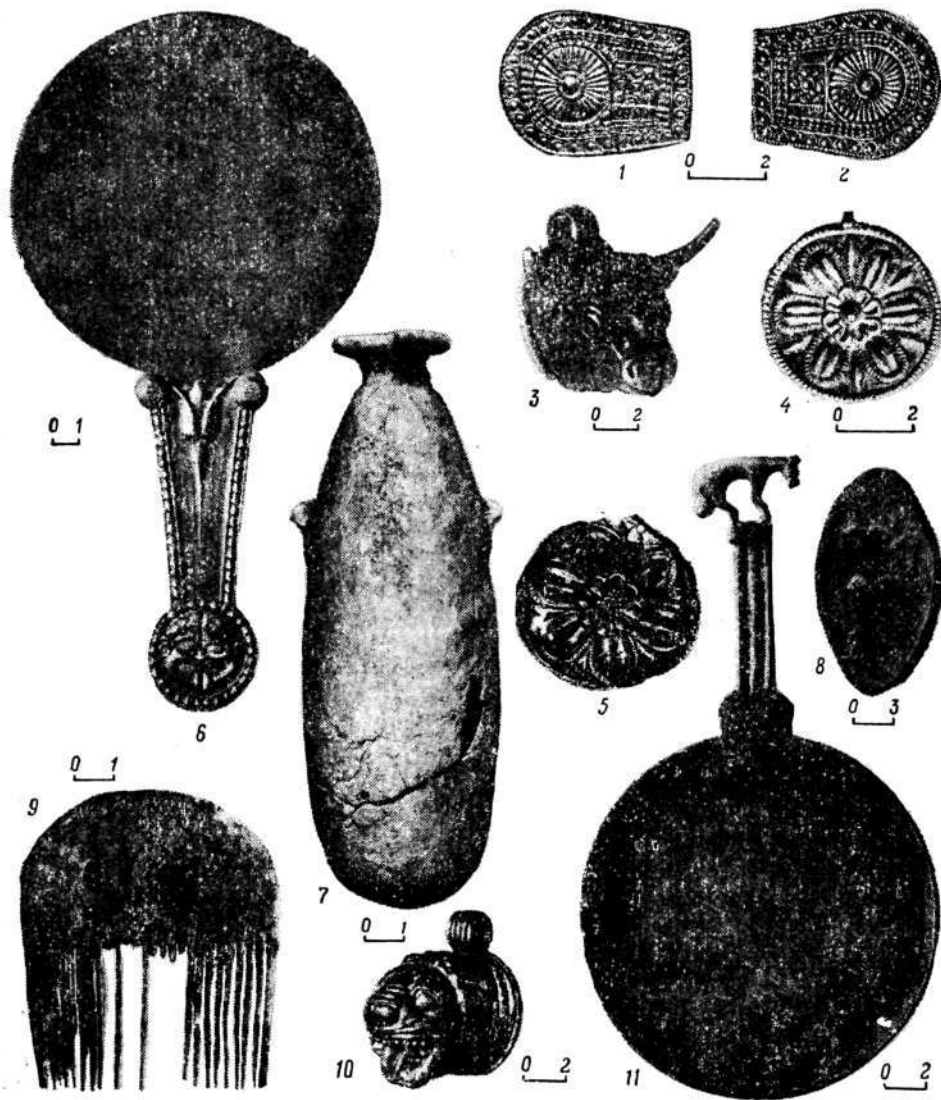

Рис. 55. Украшения и предметы туалета.

20—22), сердолика (рис. 56, 23—24), мрамора (рис. 56, 25, 26), гальки (рис. 56, 29), меловой породы (рис. 56, 27, 28); кости (рис. 56, 31—37); янтаря (рис. 56, 18—19) и гагата (рис. 56, 17).

Чаще всего из бус составляли ожерелья, иногда браслеты. Крупные бусины могли служить пуговицами, изредка застежками или украшением обуви. Кроме того, бусинами расшивали пояса и края одежды. Например, в богатом архаическом погребении воина на Березани золотые и сердоликовые бусы

украшали пояс [Горбунова, 1969, с. 24].

Скромные ожерелья состояли из стеклянных бус и бус и подвесок из египетского фаянса; нередко в них заключались бусины одной формы, но встречаются сочетания до шести—восьми разнообразных бус не только по форме, но и по материалу. Выдающимися произведениями античной торевтики являются несколько золотых ожерелий из Ольвийского некрополя [ОАК за 1909—10, с. 94, рис. 119; ОАК за 1913—15, с. 41, рис. 52] *.

* Виды ольвийских ожерелий, классификацию бус и литературу вопроса см. в статье М. В. Скржинской [1986].

Таблица 1. Серьги

Наименование	Место находки. год	Материал	Место хранения	№ на рис. 56
Серьги-калачки: летые тисненые с орнаментом	О. 1910, п. 9; 1911, п. 4, 34, Ягорлыцкое поселение	Серебро	ГЭ	56
	Березанский клад 1975 г.	Свинец	ИА АН УССР	57
	О. покупка конца XIX в.;	Золото	МИД	59
	О случайная находка 1949	»	МИД	60
тисненые без орнамента	О. 1910, п. 7; 1911, п. 11; 1913, п. 15	»	ГЭ	58
полые, украшенные фили- гранью	О. покупка 1900	»	ГЭ	61
Подвески в форме птичек	О. покупка 1900; 1912, п. 64	»	ГЭ	62
Спиралевидные подвески	Б. 1901, п. 371; О. 1910, п. 7; 1912, п. 2; 1913, п. 10	»	ГЭ	63, 64
Серьги-шаушница с голов- ками львов	О. 1911, п. 81; 1912, п. 36, 39, 97; 1913, п. 100	»	ГЭ	68
Серьги с подвеской-шар- ком	О. 1911, п. 99; Б. 1901, п. 371	Серебро, золото	ГЭ	65
Гвоздевидные серьги	О. 1911, п. 46	Бронза	ГЭ	66
Бионические серьги	Ягорлыцкое поселение, 1973 г.	»	ИА АН УССР	67

Браслеты делятся на стержневые и пластинчатые; подавляющее большинство — стержневые: они согнуты из отрезка более или менее толстого металлического стержня круглого или овального сечения. Целые, хорошо сохранившиеся браслеты известны в считанных экземплярах. Фрагменты, особенно бронзовые, встречаются в раскопках довольно часто.

Наиболее широко были распространены простые бронзовые браслеты из нетолстой проволоки, иногда орнаментированной врезками из линий и точек [ГЭ инв. № 0.1910, 1; 0.1912, 4] *. Их несомкнутые концы часто имели утолщения (АМ, инв. № АБ/72 № 81), иногда в форме головок животных. Подобные браслеты изготавливали и из серебра [ГЭ инв. № 0.1911, 369]. Изделия такого рода встречаются в раскопках других городов Северного Причерноморья [Гайдукевич, 1959, с. 152, рис. 1, 2] и в самой Греции [Robinson, 1941, tab., XII]. Выводы археологов о наличии медно-литейного производства Ольвии архаического периода, а также на Ягорлыцком поселении дают основания считать, что большая часть простых бронзовых браслетов была местного производства. Свидетельством этого является находка на Ягорлыцком

поселении заготовок браслетов с окончанием в виде шишечек [Островерлов, 1981, с. 30].

Наряду с бронзовыми встречаются простые железные браслеты. Три экземпляра из некрополя Ольвии сделаны в виде круглых замкнутых колец (1911 г., п. 20, 35; 1913 г., п. 83) **.

Среди ольвийских находок есть более искусно сделанные и дорогие браслеты. Наиболее распространенными видами были изделия, согнутые из массивного круглого бронзового или серебряного стержня, к концу которого крепились скульптурные головки львов из золота или серебра (браслет с золотыми львиными головками — АА, 1914, с. 246; серебряный браслет с утраченными головками животных — ГЭ инв. № 0.1911, 449). Такие браслеты изготавливались в Восточном Средиземноморье во второй половине VI в. до н. э. [Фармаковский, 1914, с. 38; Онайко, 1960, с. 34]. Ольвиополиты не только носили их сами, но и продавали своим северным соседям. Например, в кургане второй половины VI в. до н. э. возле с. Емчиха вместе с известными только по находкам в Ольвии серьгами обнаружены два бронзовых браслета

* Инвентарные номера приводятся только у неопубликованных вещей.

** Здесь и далее даются ссылки на Ольвийский некрополь; первая цифра указывает год раскопок, последующие номера погребения.

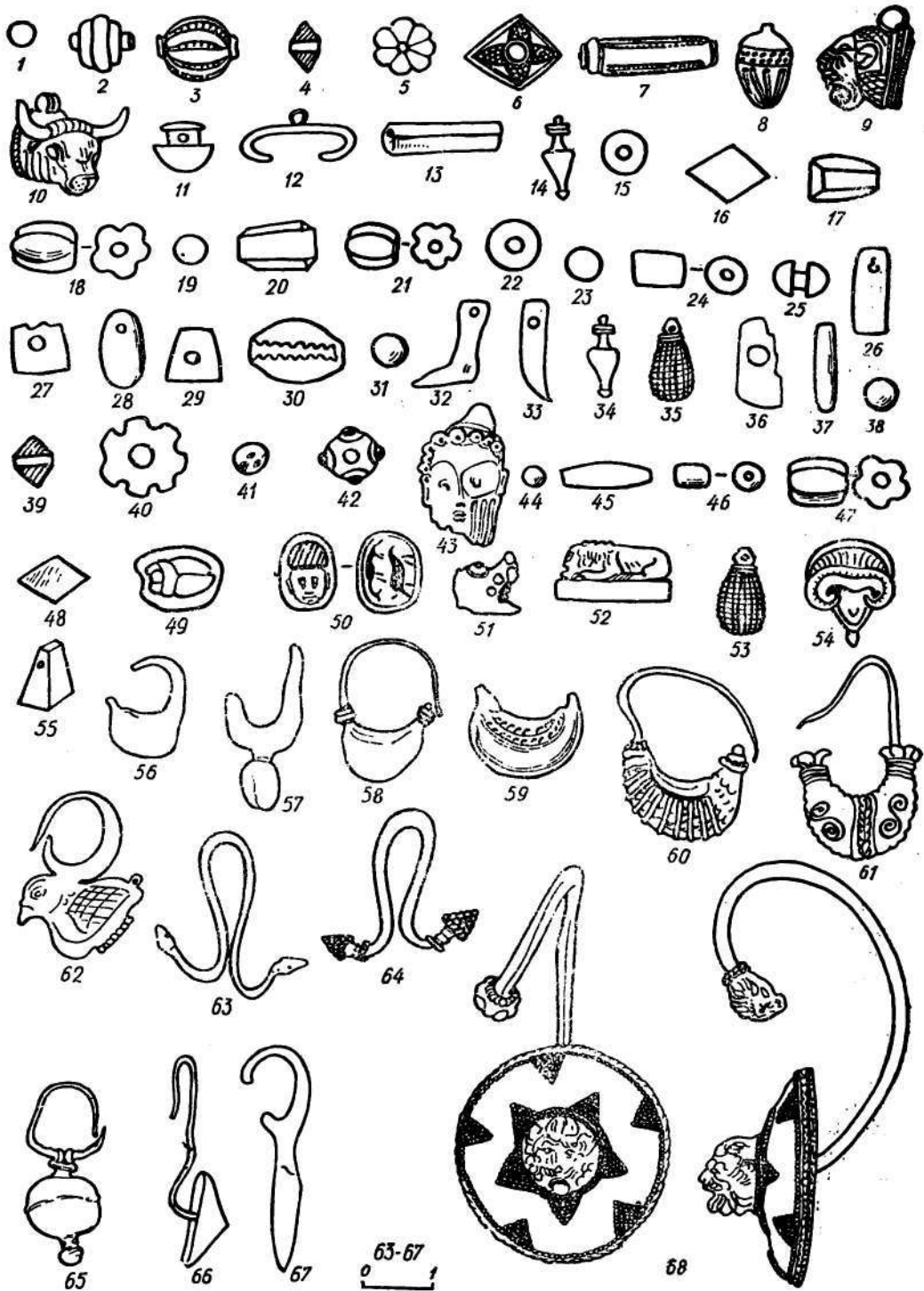

Рис. 56. Серьги, бусы и подвески.

с серебряными головками львов [Ковпаненко, 1961, с. 21, рис. 17].

Пластинчатые браслеты, изготовляющиеся из тонкой металлической пластины путемковки или литья, представлены двумя экземплярами из некропо-

Таблица 2. Бусы, подвески, прошивы

Наименование	Место находки, год	Материал	Место хранения	№ на рас. 56
Круглые бусы	О. 1911, п. 81, 96; 1913, п. 102	Золото	ГЭ	1
» »	О. 1911, п. 50; 1914, п. 75	Свинец	ГЭ	15
» »	О. 1911, п. 50	Янтарь	ГЭ	19
» »	О. 1910, п. 75; 1911, п. 50; 96, 102	Сердолик	ГЭ	23
» »	О. 1909, п. 18; 1910, п. 7	Кость	ГЭ	31
» »	Массовый материал из Ольвиин. Березани. Ягорницкого поселения	Стекло одноцветное, многоцветное, глазчатые бусы	ГЭ, ИА АН УССР	38, 40, 41, 42
» »	Массовый материал из Ольвиин и Березани	Египетский фаянс	ГЭ, ИА АН УССР	44
Круглая бусина с вапачным полском	Березанский клад 1975	Золото	МИД	2
Округлоблестчатые бусы	О. 1913, п. 97	»	ГЭ	3
	О. 1909, п. 29; 1910, п. 75	Янтарь	ГЭ	18
	О. 1912, п. 9	Горный хрусталь	ГЭ	21
Биконические бусы	О. 1911, п. 111	Стекло	ГЭ	40
	О. 1913, п. 37, 97	Золото	ГЭ	4
	Массовый материал из Ольвиин. Березани и Ягорницкого поселения	Стекло	ГЭ, ИА АН УССР	39
Бочковидные бусы	О. 1912, п. 31	Гагат	ГЭ	17
	О. 1911, п. 50	Горный хрусталь	ГЭ	22
Веретенообразные бусы	Массовый материал из Ольвиин и Березани	Египетский фаянс	ГЭ, ИА АН УССР	45
Короткоцилиндрический бисер	Массовый материал из Ольвиин	То же	ГЭ	46
Подвеска в виде головки мужчины	О. 1913, п. 75	Стекло	ГЭ	43
Подвеска в виде головки собаки	Козырка. 1981 г.	Стекло	ИА АН УССР	51
Подвеска в виде головки барана	О. 1911, п. 50	Египетский фаянс	ГЭ	54
Подвеска в виде головки быка	О. покупка 1913	Золото	ГЭ	10
Подвеска в виде колодок львов	О. 1913, п. 10; покупки в Ольвиин 1900 и 1924 гг.	»	ГЭ	9
Подвеска в виде бутона	Березанский клад 1975	»	МИД	8
Подвески в виде шишки	О. 1911, п. 94	Египетский фаянс	ГЭ	53
Амфорозидные подвески	О. 1911, п. 50	Кость	ГЭ	35
	О. 1913, 77; 1911, п. 34, 107	Бронза	ГЭ	14
	О. 1913, п. 29	Золото	ГЭ	11
	О. 1911, п. 50	Кость	ГЭ	34
Подвеска в виде ноги	О. 1911, п. 50	»	ГЭ	32
Подвеска в виде зуба	О. 1912, п. 67	»	ГЭ	33
Подвеска-палочка	О. 1911, п. 50	»	ГЭ	37
Прямоугольные подвески	О. 1912, п. 67	»	ГЭ	36
Овальные подвески	О. 1913, п. 52	Белый камень	ГЭ	23
Усеченно-пирамидальные подвески	О. 1910, п. 9; 1911, п. 50	Мрамор	ГЭ	26
	О. 1913, п. 13	Египетский фаянс	ГЭ	35
Круглопроволочная лунница	О. 1911, п. 99	Серебро	ГЭ	12
Подвеска из гальки	О. 1911, п. 50	Галька	ГЭ	29
Подвеска из раковины наури	О. 1910, п. 9	Раковина	ГЭ	30
Пронивы в виде ромбов	О. 1913, п. 97	Золото	ГЭ	2
	О. 1910, п. 75; 1913, п. 97	»	ГЭ	3
	О. 1910, п. 75	Лигнит	ГЭ	16

Наименование	Место находки, год	Материал	Место хранения	№ на рис. 58
Цилиндрические пронизи	О. 1912, п. 39	Египетский фаянс	ГЭ	
	Б. 1901, п. 371	Золото	ГЭ	7
	О. 1913, п. 82; 1912, п. 67	Бронза	ГЭ	13
Четырехгранная пронизь	О. 1911, п. 50, 102	Сердолик	ГЭ	24
	О. 1910, п. 75	Горный хрусталь	ГЭ	20
Усеченно-коническая пронизь	О. 1910, п. 7	Меловая порода	ГЭ	27
Скарабеи	Б. 1900—1901; О. 1909, п. 122, 189; 1911, п. 177	Египетский фаянс	ГЭ	49
Скарабеоиды	Б. 1900—1901; О. 1908	То же	ГЭ	50
Пронизь с фигурой лежащего льва	О. 1911, п. 50	"	ГЭ	52

лей Ольвии и, возможно, Березани [Штейн, 1927, с. 449—462].

Найденный в Ольвии пластинчатый браслет сделан из серебра (ГЭ инв. № 0.1911, 30). Несомкнутые концы имели фигурное окончание в виде головок хищников кошачьей породы, покрытые листками из электра. Глаза и уши животных выделены гравировкой. По середине браслет декорирован пояском выпуклых точек. Сохранилось три фрагмента браслета, утрачено одно из окончаний с головкой животного и часть середины изделия. Браслет восточносредиземноморской работы второй половины VI в. до н. э.

В большинстве случаев в погребениях ольвийского полиса браслеты найдены возле рук. Однако в двух погребениях VI в. до н. э., открытых в 1902 г., у ног обнаружены фрагменты бронзового и железного браслетов [Фармаковский, 1906, с. 134, 149].

Перстни, кольца и печати помимо декоративной выполняли и утилитарные функции: их оттиск удостоверял личность; им приписывали магические и охранительные свойства.

Оттиск печати играл роль замка и указывал на владельца. Резные изображения на каменных, прикрепленных на стержне к металлической дужке, известны с крыто-микенской эпохи. В оправе перстней резные и прочие драгоценные и полудрагоценные камни появляются лишь в IV в. до н. э. На территории Ольвийского государства найдена одна архаическая инталия: на

круглом белом камне вырезаны две фигуры, вооруженные мечами и щитами [ОАК за 1908, с. 89, рис. 77, 78].

С рубежа VII—VI вв. в греческом мире стала широко распространяться мода на металлические перстни с гравированными изображениями. На территории Ольвийского полиса найдены подобные целые, но чаще фрагментированные перстни из электра, серебра, бронзы и железа. Рисунки на них самые разнообразные. Напомним, что еще в начале VI в. до н. э. законы Солона запрещали мастерам гравировать дважды одно и то же изображение, чтобы печать могла служить удостоверением личности лишь одного человека [Diog. Laert., I, 57].

В Ольвийском погребении найден электровый перстень, изготовленный в одной из ионийских мастерских в начале V в. до н. э. (рис. 55, 8). На нем изображена женская фигура в длинном одеянии, с большой головой и крупным носом, что характерно для архаических рисунков. Женщина протягивает руки к двум шарикам: это Даная, ожидающая Зевса, спустившегося к ней в виде золотого дождя [Неверов, 1983, с. 36—37].

Хорошо сохранились изображения на двух серебряных перстнях: на одном — лев с поднятым хвостом, на другом — лев, готовящийся к прыжку. Оба перстня ионийской работы с ромбовидными щитками. На втором перстне в каждый угол ромба вбито по маленькому гвоздику из электра. Такие перстни

с вбитыми штифтами или гвоздиками встречаются в разных областях Греции. По верованию древних греков, вбитые гвозди предотвращали несчастья, отвращали от дурного глаза и болезней [Максимова, 1956, с. 438—439, рис. 1]. Как и гвозди, фигура льва на перстне имела магическое значение.

В некрополе Ольвии найдено немало тонких проволочных колец с несомкнутыми концами из золота и серебра, а в слоях городища фрагменты бронзовых и железных колец. По пять одинаковых золотых проволочных колец найдено в двух ольвийских погребениях (ГЭ, инв. № 0.1912, 164—168; 0.1913, 462—465), серебряные кольца обнаружены в трех могилах (ГЭ, инв. № 0.1911, 101; 0.1911, 383; 0.1911, 352).

Булавки, пуговицы и нашивные бляшки. Многие виды греческой одежды скреплялись на плечах. Для этого использовались булавки, фибулы и пуговицы. Последние выполняли не только утилитарную, но нередко и просто декоративную роль, подобно бляшкам, нашивавшимся для украшения костюма.

Булавки и фибулы из Ольвии (ГЭ, инв. № 0.1911, 155; 0.1911, 176) и Березани (АМ, инв. № АБ/76 № 489; АБ/75 № 846; АБ/67 № 564) сделаны исключительно из меди и бронзы.

Мелкие бронзовые пуговицы плохо сохраняются в земле. В Ольвии найдены две сравнительно крупные пуговицы (ГЭ, инв. № 0.1910, 230 — круглая выпуклая пуговица диаметром 0,8 см; ГЭ, инв. № 1914, 28 — круглая пуговица с ушком диаметром 2 см). Золотые мелкие круглые выпуклые пуговицы известны по находкам в архаических погребениях Ольвии (ГЭ, инв. № 0.1912, 56; 0.1910, 18), Березани (ГЭ, инв. № Б, 8). Большинство пуговиц гладкие. Лишь на шести вытеснена фигура свернувшегося хищника [Фармаковский, 1914, с. 26, табл. VIII, 2], который, по мнению С. И. Капошиной [1950, с. 178], сходен со зверем, многократно повторенным на хвосте и лапах келермесской пантеры.

Находки большого числа мелких пуговиц в одном погребении свидетельствуют о том, что ими расшивали одежду. Например, 123 мелкие золотые

полусферические пуговицы с петелькой для пришивания обнаружены в одном погребении (ГЭ, инв. № 0.1910, 18). Менее состоятельные граждане расшивали одежду бронзовыми пуговицами (сообщение В. М. Отрешко о раскопках архаического поселения у Черноморки).

Бляшки, украшавшие одежду, имели разнообразные формы: круглые, треугольные, четырехугольные. Одни из них гладкие, другие орнаментированы либо геометрическим узором, либо розетками. Все найденные бляшки выполнены из золота. В ольвийских погребениях они встречаются редко и, как правило, в небольшом количестве (например, четыре из л. 15, 1912, две из л. 34, 1911). Необычайным богатством отличалось мужское погребение VI в. до н. э. на Березани, открытое Г. Л. Скадовским [Лапин, 1966, с. 103—104]. Одежду на груди погребенного украшали 157 мелких бляшек различных форм, а две крупные бляшки с тисненым геометрическим орнаментом (рис. 55, 1, 2) — пришиты к поясу [Горбунова, 1969, с. 24]. Ближайшие аналогии орнаментации крупных бляшек известны на подобных изделиях из архаического некрополя Эфеса [Капошина, 1956, с. 230].

Особую разновидность представляют так называемые гвоздевидные булавки, которые скрепляли либо женскую прическу либо ткань на головном уборе. Применение такого вида булавок (чаще всего бронзовых, реже железных, золотых или серебряных) не характерно для греков. В VII—VI вв. до н. э. подобные булавки встречаются в уборе жителей лесостепной зоны Восточной Европы, а исходные формы — в культурах эпохи бронзы Средней и Южной Европы [Петренко, 1978, с. 20].

Гвоздевидные булавки и литейные формы для них обнаружены на Березани [Ольговский, 1980, с. 194—195], Ягорлыцком поселении и Марицынском могильнике [Островерхов, 1981, с. 30—31]. Длина булавок от 3 до 14 см. Чаще всего они оканчиваются шляпкой, как у гвоздя (отсюда и происходит их название), реже конец оформлялся в виде грибка или биконической головки. Изготовление гвоздевидных булавок на античных поселениях — один из

многочисленных примеров работы греческих колонистов с учетом вкусов их северных соседей и торговых партнеров.

К предметам туалета относятся гребни, стригили, зеркала, сосуды для оливкового и душистых масел, благовонных мазей и косметики, а также для хранения украшений, румян, белил, остатки которых нередко находят в архаических погребениях.

Гребни. Античные гребни изготавливались из дерева и кости, реже из металла. В архаических слоях гребни встречаются редко: мелкие деревянные изделия в земле не сохраняются, а металлические, выходя из употребления, шли на переплавку. Лучше всего сохраняются обломки костяных гребней. Хороший образец (рис. 55, 9) найден в одной из ям на Березани с материалом второй половины VI в. до н. э. [Копейкина, 1976/98, рис. 72].

Стригили — необходимая принадлежность атлета. Они служили для массажа и для соскабливания приставших к телу песка и масла, которым натирались перед упражнениями. Стригили нередко клали в мужские погребения; например, железный стригиль найден в грунтовой могиле конца VI в. до н. э. [Фармаковский, 1906, с. 156].

Зеркала. На территории Ольвии и ее хоры к настоящему времени обнаружено 46 бронзовых зеркал более или менее хорошей сохранности. Из них четыре найдены на Березани, одно в Марицынском могильнике, одно близ с. Чертоватое, остальные в некрополе Ольвии. Все они имеют боковую ручку в круглый диск. Диаметр последнего колеблется от 12 до 21 см, длина всего изделия от 20 до 35 см. Отметим, что в Греции вообще не производили зеркал с диском более 20—22 см, так что ольвийские находки дают образцы всех размеров, какие изготавливали в тот период. Привозные, а также зеркала ольвийского производства, выполненные в традиционных греческих формах, отличаются сравнительной легкостью (250—400 г); зеркала, украшенные в «зверином» стиле, значительно массивнее (700—800 г).

По характеру крепления ручки зеркала делятся на четыре типа: 1) со

стержнем для насадки ручки; 2) с приклепанной ручкой; 3) цельнолитые или цельнокованные (рис. 55, 6); 4) с припаянной ручкой, украшенной в зверином стиле (рис. 55, 11).

В архаический период Ольвия была крупнейшим и, пожалуй, единственным центром изготовления зеркал в Северном Причерноморье. В то же время сюда привозили из Греции зеркала практически всех существовавших тогда типов. Зеркала ольвийского производства, наряду с некоторой частью привозных, играли в VI в. до н. э. существенную роль в торговом обмене греков со скифами, о чем свидетельствуют многочисленные находки зеркал в скифских курганах*.

Сосуды для туалетных принадлежностей. Для хранения всевозможных масел существовали различные виды сосудов: алабастры, арибаллы, лекифы, амфориски, аски. Их не только держали дома, но и носили с собой. Отправляясь на палестру, злини к руке подвешивал на шнурке сосуд для масла. На чернофигурной вазе конца VI в. до н. э. изображен юноша, льющий на ладонь масло из арибалла, прикрепленного шнурком к кисти руки [Richter, Milne, 1935, p. 16]. При всем разнообразии внешнего вида общей чертой арибаллов является наличие узкого горлышка и венчика с широкими и отогнутыми краями. Через узкое горлышко масло должно было литься тонкой струйкой или каплями, которые растирали по телу венчиком сосуда. Последний таким образом служил не только вместилищем для масла, но и приспособлением для растирания.

Наряду с керамическими в Ольвии обнаружены фаянсовые арибаллы как обычной, так и фигурной формы. Среди них маленькие голубовато-зеленые арибаллы высотой 5,5 см. Такие сосуды в VI в. до н. э. изготавливались в Навкратисе и, вероятно, на Родосе. Особо следует выделить два редких арибалла в форме ежей; горло этих сосудов было выполнено в виде человеческой головы [ОАК за 1909—1910, с. 93,

* Литературу вопроса и описание всех зеркал см. в статье М. В. Скрижинской [1984]

рис. 115]. Они изготовлены в мастерских Навкратиса из грубого фаянса, покрытого зеленоватой глазурью [Фармаковский, 1914, с. 18, табл. VIII, рис. 1].

Судя по изображению на вазах и находкам в погребениях, арибаллы использовали главным образом мужчины, а женщины хранили в алабастрах душистые масла [Richter, Milne, 1935, p. 16—17].

В архаических слоях Ольвии алабастры встречаются сравнительно редко. Наиболее ранние керамические относятся к алабастрам коринфского типа. Керамические алабастры из Аттики появляются в 70-е годы V в. до н. э. [Горбунова, 1979, с. 44]. Среди архаического материала VI в. до н. э. известно более десятка сосудов из алабастра (рис. 55, 7). Попадают алабастры из «финикийского» стекла — импорт из Восточного Средиземноморья.

В некрополе Ольвии в погребениях последней четверти VI в. до н. э. найдено три целых стеклянных алабастра [Vosčinina, 1967, S. 557]. Два из них, высотой 11 см, происходят из одного погребения (1910 г., п. 7). Они изготовлены из непрозрачного стекла и украшены по всей поверхности лилово-красными зигзагообразными поясами [ОАК за 1909—1910, с. 94, рис. 122, 123]. Третий алабастр, высотой 13,7 см, выполнен из темно-синего стекла и орнаментирован светло-голубыми нитями, переходящими в полосы [1912 г., п. 94].

На рубеже архаического и классического периодов из стекла в технике песчаного ядра изготавливали маленькие туалетные сосуды и других форм, например амфориски (1914, п. 2) и флаконы (1910, п. 52). В архаических слоях городища и поселений Ольвийского полиса в небольших количествах встречаются обломки сосудов из «финикийского» стекла. Обломки столь незначительны, что определить форму сосуда невозможно.

Существовало несколько видов туалетных шкатулок: в мелких (обычно

это были пиксиды) хранили румяна, белила и другие косметические принадлежности; в крупных (главным образом, леканах) — украшения. Название пиксиды говорит о том, что в основном такие коробочки делали из дерева *λεβίς* — «буковое дерево»). Сохранившихся деревянных пиксид архаического периода не обнаружено. В Ольвии и Березани найдено значительное количество коринфских керамических пиксид разнообразных форм [Boriskowskaia, 1967, с. 426]. Самые ранние из них датируются третьей четвертью VI в. до н. э.

Леканы ионийского и аттического производства встречаются, начиная с первой половины VI в. до н. э. Ионийские леканы нередко орнаментированы поясами из красноватого лака [Левин, 1964, с. 151, рис. 19]; аттические — украшены изображениями птиц, спрен и пантер. Их обломки попадают как на городищах, так и в поселениях [Фармаковский, 1914, табл. III, 3; Рабичкин, 1951, с. 122]. На Березани найдено несколько обломков крышек аттических чернофигурных лекан второй четверти VI в. до н. э., расписанных в манере известного мастера Ладоса [Горбунова, 1982, с. 39].

Изучение украшений и предметов туалета показывает, что ольвиополиты употребляли в своем быту предметы, изготовленные в различных центрах Греции, среди которых встречаются выдающиеся произведения античного прикладного искусства. Вследствие важной роли украшений в торговле греков со скифами на территории Ольвийского государства уже в VI в. до н. э. возникли мастерские, где производились массовые украшения из недорогих материалов: стеклянные бусы, бронзовые браслеты, серьги и кольца. Ольвийские мастера, работая с учетом вкусов своих торговых партнеров, изготавливали нехарактерные для греческого убора булавки и украшали свои изделия (прежде всего зеркала) в скифском зверином стиле.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение античных памятников Нижнего Побужья архаического времени в отличие от других регионов распространения античной культуры в Северном Причерноморье до последнего времени велось односторонне. В основном исследовались только Ольвия и поселения на о. Березань.

Между тем для решения и разработки ряда проблем древней истории не только Ольвийского государства, но и окружающих племен, имеет большую важность изучение комплекса материальной культуры и характера формирования сельской округи именно на наиболее раннем этапе — этапе проникновения в Северное Причерноморье античной культуры. Важность и актуальность темы обуславливается также и тем, что ее разработка позволяет получить представление о культуре населения государства в целом, то есть населения не только собственно города, но и поселений сельской округи.

Сказанное определило постановку двух основных задач исследования. Это в первую очередь обобщение большого накопленного материала по различным категориям памятников культуры архаического времени. Второй важной задачей является составление аннотированной карты сельских поселений архаического времени региона Нижнего Побужья.

И та, и другая задачи в отношении Ольвийского государства архаического времени поставлены впервые в отечественном антиковедении. Именно первой задаче и посвящена настоящая монография.

В результате анализа памятников культуры архаического времени как самой Ольвии и поселения на о. Бере-

зань, так и окружающих поселений обобщены сведения о важнейших категориях памятников. Это градостроительство и архитектура, погребальные сооружения, керамический комплекс, орудия труда и остатки ремесленного производства, оружие, памятники монетно-весовой системы, скульптура, коропластика, памятники письменности, украшения. Все это позволяет впервые получить достаточно полное представление о культуре и занятиях населения Ольвийского государства VI — первой четверти V вв. до н. э. в целом.

Естественно, отнюдь не все перечисленные категории памятников культуры получили одинаково полное освещение в предлагаемой монографии. Сказанное в первую очередь касается архитектуры сооружений общественного назначения, памятников письменности, погребальных сооружений сельских некрополей. Подобное положение объясняется недостаточностью источниковедческой базы.

В связи с этим хотелось бы отметить такой момент, как почти полное отсутствие сельских могильников этого времени — они единичны. Естественно, в данном случае отнюдь нельзя исключать, что подобная ситуация является следствием недостаточной исследованности сельской округи, хотя разведки и проводились достаточно тщательно. Но этот феномен в случае его истинности может иметь и другое объяснение — захоронение жителей небольших поселений происходило в каких-то общих некрополях, возможно Березанского поселения или Ольвии. Как бы то ни было, то или иное решение данного вопроса имеет немаловажное значение для раскрытия особенностей фор-

мирования государства. Очевидно, целенаправленный поиск ранних могильников является в настоящее время одной из наиболее важных и актуальных задач полевых работ в ближайшие годы.

В наиболее выигрышном положении находятся такие источники, как керамический комплекс, земляночные структуры, хотя, разумеется, и здесь есть свои пробелы. Существуют и нерешенные проблемы и белые пятна — это гипотетичность реконструкции наземных частей полуземлянок, неразработанность критерия датировки культурного слоя на основании наиболее ранних материалов, проблема этничности лепной керамики в отношении характеристики этнической структуры населения и пр. Часть этих вопросов выходит за рамки задач данной монографии. Однако нерешенность этих вопросов затрудняет в определенных случаях об-

щую характеристику и обобщение конкретных материалов, этнохронологическую характеристику культурных напластований. Часть вопросов остается нерешенной из-за недостаточности источниковедческой базы.

Подводя итог в целом, отметим, что, несмотря на перечисленные выборочно проблемы и задачи, не получившие в силу объективных причин того или иного решения, предлагаемая работа подводит итог определенного этапа накопления значительного количества данных по архайке Нижнебугского региона.

Проведенное исследование, как представляется, создает предпосылки для перехода к углубленной разработке ряда проблем исторического уровня — таких, как социально-экономическая и демографическая характеристика государства, особенности его формирования, этнический состав населения и пр.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Античные государства Северного Причерноморья.* Археология СССР.— М.: Наука, 1984.— 392 с.
- Анозин В. А.* Монеты стрелки // Ольвия и ее округа.— Киев: Наукова думка, 1986.— С. 68—89.
- Археологічний музей.*— Київ, Наукова думка, 1971.— 105 с.
- Археологія УРСР.*— В 3 т.— Київ, 1971.— т. 2.— 502 с.
- Бертье-Делагард А. Л.* Поправки общего каталога монет П. О. Вурачкова.— М., 1907.— 36 с.
- Бертье-Делагард А. Л.* Относительная стоимость монетных металлов на Боспоре и Борисфене в половине IV в. до Р. Хр. // ИС.— 1909.— т. 1.— С. 22—81.
- Бібіков С. М., Крижицький С. Д.* Дослідження античних пам'яток на Україні // Археологія.— 1982.— № 40.— С. 55—71.
- Бессонова С. С.* О скифских повозках // Древности степной Скифии.— Киев: Наукова думка, 1982.— С. 102—117.
- Билимович Э. А.* Этруские бронзовые сечечки, найденные в Северном Причерноморье // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху.— Л.: Аврора, 1979.— С. 26—36.
- Бич О. И.* Первые раскопки некрополя Пантикапея. Дневник раскопок П. Дюбрюкса в 1816—1817 гг. // МИА.— 1959.— № 69. С. 296—321.
- Блаватский В. Д.* Искусство Северного Причерноморья в античную эпоху.— М.: Изд-во АН СССР, 1947.— 119 с.
- Блаватский В. Д.* Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья.— М.: Изд-во АН СССР, 1954.— 158 с.
- Блаватский В. Д.* Отчет о раскопках Пантикапея в 1945—1949, 1952 и 1953 гг. // МИА.— 1962.— № 103.— С. 6—86.
- Блаватский В. Д., Кошеленко А. Г., Кругликова И. Т.* Полис и миграция греков // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Материалы I Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья.— Тбилиси: Мецниереба, 1979.— С. 7—29.
- Болтенко М. Ф.* Раскопки на острове Березані в 1946 р.— АП УРСР, 1949.— Т. 2.— С. 31—38.
- Борисковская С. П.* Расписная керамика архаического Коринфа, ее художественное и историческое значение // Автореф. дисс... канд. ист. наук.— Л., 1966.— 49 с.
- Борисковская С. П.* О некоторых стилистических группах и мастерах ориентализирующих коринфских ваз 1-й четверти VI в. до н. э. // Культура и искусство античного мира.— Л.: Аврора, 1971.— С. 5—17.
- Борисковская С. П.* Группа раннекоринфских алабастров ориентализирующего стиля в Эрмитаже // Художественная культура и археология античного мира.— М.: Наука, 1976.— С. 59—66.
- Брашинский И. Б.* К вопросу о торговых связях Ольвии с Эгной // КСИА АН СССР.— 1963.— Вып. 95.— С. 20—24.
- Брашинский И. Б.* Раскопки района темениса Ольвии в 1960—1962 гг. // КСИА АН СССР.— 1965.— Вып. 103.— С. 94—103.
- Брашинский И. Б.* Новые архитектурные терракотовые украшения из Ольвии // КАМ.— 1966.— С. 47—52.
- Брашинский И. Б.* Новые данные о торговле Ольвии с Самосом // КСИА АН СССР.— Вып. 109.— С. 22—26.
- Брашинский И. Б.* Материалы к изучению торговых связей Ольвии // СА.— 1968.— № 2.— С. 260—264.
- Брашинский И. Б.* Методика выяснения стандартных емкостей античных греческих остродонных амфор // НОСА, 1975.— Ч. 3.— С. 22—24.
- Брашинский И. Б.* Методика изучения стандартов древнегреческой керамической тары // СА.— 1976.— № 3.— С. 87—101.
- Брашинский И. Б.* Фасосская амфора из Нимфея и некоторые вопросы античной метрологии // ВДИ.— 1978.— № 2.— С. 135—144.
- Брашинский И. Б.* К проблеме локализации группы амфор с так называемыми стаканообразными ножками // КСИА АН СССР.— 1983.— Вып. 174.— С. 8—10.
- Брашинский И. Б., Демченко А. И.* Исследования Елисаветовского могильника в 1966 г. // КСИА АН СССР.— 1969.— Вып. 116.— С. 111—117.
- Брашинский И. Б., Марченко К. К.* Строительные комплексы Елисаветовского городища на Дону // СА.— 1978.— № 2. С. 204—221.
- Вригова Н. Н.* Искусство античных городов Северного Причерноморья // Искусство народов СССР.— М.: Изд-во Из. искусство, 1971.— Т. 1.— С. 138—183.

Буйский С. В. Оборонительные сооружения Ольвийского государства первых вв. н. э. // Автореф. дисс... канд. ист. наук.— Киев, 1984.— 19 с.

Буйский С. В. Стратегический фактор в топографии ольвийской хоры догетского времени // Актуальные проблемы археологических исследований в УССР. // Тез. докл. конференция.— Киев, 1981.— С. 77—78.

Буйский С. В. Первичный жилищно-хозяйственный модуль раннеантичных поселений ольвийской хоры / Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ // Тез. докл. III конф. молодых ученых ИА АН УССР.— М.— 1986.— С. 26—28.

Бураков А. В., Буйский С. В., Отрешко В. М. Отчет о разведке на побережье Березанского и Сосницкого лиманов // НА ИА АН УССР, № 1973/13.

Бурачков П. О. Общий каталог монет, принадлежащих эллинистическим колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря.— Одесса, 1884.— Ч. 1.— 269 с.

Вальдгауэр О. Ф. Античная скульптура.— Петроград: Изд-во Брокгауза и Эфрона.— 1924.— 92 с.

Виноградов Ю. Г. Киклические поэмы в Ольвии // ВДИ.— 1969.— № 3. С. 142—150.

Виноградов Ю. Г. Новые материалы по раннегреческой экономике // ВДИ.— 1971.— № 1.— С. 64—76.

Виноградов Ю. Г. Древнейшее греческое письмо с острова Березань // ВДИ.— 1971.— № 4.— С. 74—100.

Виноградов Ю. Г. Из истории архаической Ольвии // СА.— 1971а.— № 2.— С. 232—238.

Виноградов Ю. Г. О методике обработки греческих эпиграфических памятников (по ольвийским материалам) // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР.— М.: Наука, 1978.— С. 46—75.

Виноградов Ю. Г. Варвары в прозографии Ольвии // Демографическая ситуация в Причерноморье.— Тбилиси: Мецниереба, 1981.— С. 131—148.

Виноградов Ю. Г. Синопта и Ольвия в V в. до н. э. Проблема политического устройства (часть 2) // ВДИ.— 1981.— № 3.— С. 49—75.

Виноградов Ю. Г., Русаева А. С. Культ Аполлона и календарь в Ольвии // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья.— Киев: Наукова думка, 1980.— С. 19—64.

Гагаринюк Н. А., Отрешко В. М. Лепная керамика архаического поселения Большая Черпоморка II // Древности степной Скифии.— Киев: Наукова думка, 1982.— С. 75—90.

Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тирятаки 1935—1940 гг. // МИА.— 1952.— С. 15—134.

Горбунова К. С. Краснофигурные килики из раскопок ольвийского теменоса // Ольвия. Теменос в агора.— М.— Л.: Наука, 1964а.— С. 175—188.

Горбунова К. С. Чернофигурный кратер мастера Лядоса // СА.— № 3.— 1964.— С. 297—301.

Горбунова К. С. Отчет о полевых работах на о. Березань в 1965 г. // НА ИА АН УССР.— Ф. № 1965/29.— Инв. № 4455.

Горбунова К. С. Самосская амфора с комастами // СГЭ.— 1966.— Вып. XXVII.— С. 35—38.

Горбунова К. С. Отчет о полевой работе Березанского отряда Гос. Эрмитажа в 1960 г. // НАИА АН УССР.— № 1960/42.

Горбунова К. С. Исследования на о. Березань // АО 1966.— М.— 1967.— С. 206—207.

Горбунова К. С. Березанский некрополь // АО 1967.— М.— 1968.— С. 207—208.

Горбунова К. С. Древние греки на острове Березань.— Л.: Советский художник, 1969.— 44 с.

Горбунова К. С. Килик с комастами из раскопок на Березани в 1966 г. // СА.— 1970.— № 4.— С. 199—201.

Горбунова К. С. Фрагменты аттических чернофигурных чаш Тлесеона с о. Березань // Художественная культура и археология античного мира.— М.: Наука, 1976.— С. 94—96.

Горбунова К. С. Аттические алабастры, найденные в некрополях Северного Причерноморья // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху.— Л.: Аврора, 1979.— С. 37—49.

Горбунова К. С. Аттическая чернофигурная керамика из раскопок 1962—1971 гг. на участке «Г» о. Березань // Художественные изделия античных мастеров.— Л.: Аврора, 1982.— С. 36—49.

Горбунова К. С., Конейкина Л. Б. Березаньская экспедиция Эрмитажа в 1970—1971 гг. // Тезисы пленарных и секционных доповідей.— Одесса.— 1972.— С. 211—212.

Граков В. Н. Техника изготовления металлических наконечников стрел у скифов и сарматов // ТСАРАНИОН.— 1930.— Т. 5.— С. 70—90.

Граков В. Н. Тара и хранение сельскохозяйственных продуктов в классической Греции в VI—IV вв. до н. э. // ИГАИМК.— 1935.— № 108.— С. 147—183.

Граков В. Н. Клеймо на амфоре VI в. до н. э. // ИС.— 1957.— Т. 2.— С. 16—18.

Граков В. Н. Еще о монетах — стрелках // ВДИ.— 1971.— № 3.— С. 123—127.

Долгоруков В. С. Укрепления раннегреческого города // Археология старого и нового света.— М.: Наука, 1982.— С. 176—190.

Драчук В. С. Системы знаков Северного Причерноморья.— Киев: Наукова думка, 1975.— 176 с.

Жебелев С. А., Мальберг В. К. Три архаических бронзы из Херсонской губернии // МАР.— 1907.— № 32.— 57 с.

Зеест И. Б. Керамическая тара Елизаветовского городища и его курганного некрополя // МИА.— 1951.— № 19.— С. 119—124.

Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора // МИА.— 1960.— № 83.— 178 с.

Зеест И. Б., Марченко В. Д. Некоторые типы толстостенной керамики из Пантикалея // МИА.— 1962.— № 103.— С. 149—166.

Иванова А. П. Искусство античных городов Северного Причерноморья.— Л.: Изд-во ЛГУ, 1953.— 192 с.

Ильинская В. А. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья.— Киев: Наукова думка, 1968.— 188 с.

Капошина С. И. Оборонительные сооруже-

ния Ольвии как исторический источник // ИГАИМК.— 1933.— Вып. 100.— С. 374—415.

Капошина С. И. Погребения скифского типа в Ольвии // СА.— 1950.— № 13.— С. 74—89.

Капошина С. И. О скифских элементах в культуре Ольвии // МИА.— 1956.— № 50.— С. 154—189.

Капошина С. И. Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья // МИА.— 1956а.— № 50.— С. 211—254.

Карасев А. Н. Оборонительные сооружения Ольвии // КСИИМК.— 1948.— Вып. 22.— С. 25—37.

Карасев А. Н. Планы Ольвии XIX в. как источники для исторической топографии города // МИА.— 1956.— № 50.— С. 11—34.

Карасьов А. М. До питання про найдавніші рови і вали Ольвії // АП.— 1962.— Т. 7.— С. 16—28.

Карасев А. Н. Монументальные памятники Ольвийского теменоса // Ольвия. Теменос и агора.— М.— Л.: Наука, 1964.— С. 27—130.

Карасев А. Н. Раскопки ольвийской агоры в 1967—1969 гг. // КСИА АН СССР.— 1972.— Вып. 130.— С. 35—44.

Карасев А. Н., Леви Е. И. Работы Ольвийской экспедиции ЛОИА в 1960—1962 гг. // КСИА АН СССР.— 1965.— Вып. 103.— С. 80—93.

Карасев А. Н., Леви Е. И. Раскопки ольвийской агоры в 1970 г. // КСИА АН СССР.— 1975.— Вып. 143.— С. 11—20.

Карасев А. Н., Леви Е. И. Исследование Ольвии после Б. В. Фармаковского // Художественная культура и археология античного мира.— М.: Наука, 1976.— С. 22—45.

Каришковский П. Я. Про державний устрій Ольвії // ВІЖ.— 1973.— № 2.— С. 98—101.

Карышковский П. О. Ольвийские эпинимы // ВДИ.— 1978.— № 2.— С. 82—88.

Книпович Т. Н. Ионийская ваза с Таманского полуострова и клазоменский стиль в памятниках греческих поселений северного побережья Черного моря // ИГАИМК.— 1927.— Вып. 5.— С. 85—101.

Книпович Т. Н. Некрополь в северо-восточной части ольвийского городища // СА.— 1940.— № 6.— С. 92—106.

Книпович Т. Н. Раскопки некрополя на территории северо-восточной части Верхнего города в Ольвии в 1938 г. // СА.— 1940 а.— № 6.— С. 302—303.

Книпович Т. Н. Архаический некрополь на территории Ольвии // КСИИМК.— 1940 б.— Вып. 6.— С. 80—82.

Книпович Т. Н. Керамика местного производства из раскопа И // Ольвия.— Киев: Изд-во АН УССР, 1940 в.— Т. 1.— С. 129—170.

Книпович Т. Н. Некрополь на территории Ольвии I // КСИИМК.— 1941.— Вып. 10.— С. 112—120.

Книпович Т. Н. Ольвийская экспедиция (1947 г.) // КСИИМК.— 1949.— Вып. 27.— С. 21—30.

Книпович Т. Н. Художественная керамика в городах Северного Причерноморья // АГСП.— М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1955.— С. 356—391.

Кобылина М. М. Статуэтка «медведицы»

с о. Березани // ВДИ.— 1948.— № 3.— С. 163—166.

Кобылина М. М. Аштычная скульптура Северного Причерноморья.— М.: Наука, 1972.— 32 с.

Ковпащенко Г. Т. Курганы раннескифского времени в бассейне р. Реев.— Киев: Наукова думка, 1981.— 159 с.

Козуб Ю. И. Некрополь Ольвий // Археология УРСР.— Київ: Наукова думка, 1971 а.— С. 299—306.

Козуб Ю. И. Зброя // Археологія УРСР.— Київ: Наукова думка, 1971 б.— С. 444—453.

Козуб Ю. И. Модель лука из Ольвии // Скифские древности.— Киев: Наукова думка, 1973.— С. 270—274.

Козуб Ю. И. Некрополь Ольвий V—IV ст. до н. э.— Київ: Наукова думка, 1974.— 274 с.

Козуб Ю. И. Древнейшее святилище Ольвии // Ольвия.— Киев: Наукова думка, 1975.— С. 139—163.

Козуб Ю. И. Предметы Ольвий // Археологія.— 1979.— № 29.— С. 3—34.

Козуб Ю. И. Предметы Ольвии // Проблемы археологии, истории и культуры.— Ереван: изд-во АН Арм.ССР, 1979 а.— С. 316—325.

Козуб Ю. И. Отчет о раскопках предгорья и некрополя Ольвии в 1962 г. // НА ИА АН УССР.— № 1982/23 а.

Колобова К. М. Из истории раннегреческого общества (о Родос в IX—VII вв. до н. э.)— Л.: Изд-во ЛГУ, 1951.— 339 с.

Колобова К. М. Древний город Афини.— Л.: Изд-во ЛГУ.— 374 с.

Копейкина Л. Г. Группа родосских амфор с о. Березани // СГЭ.— 1968.— Вып. 39.— С. 44—47.

Копейкина Л. В. Особенности развития родосско-ионийской керамики в первой половине VI в. до н. э. и вопросы локализации некоторых ее групп // ВДИ.— № 1.— С. 93—106.

Копейкина Л. В. Родосско-ионийская керамика «ориентализирующей» группы из раскопок на острове Березани // СА.— 1970.— № 2.

Копейкина Л. В. Фрагмент родосско-ионийской тарелки из раскопок 1966 г. на острове Березани // СА.— 1970 а.— № 3.— С. 197—202.

Копейкина Л. В. Отчет о работе Березанской археологической экспедиции в 1972 г. // НА ИА АН УССР.— № 1972/83.

Копейкина Л. В. Отчет о работе Березанской археологической экспедиции 1973 г. // НА ИА АН УССР.— № 1973/71.

Копейкина Л. В. Самый ранний образец расписной древнегреческой керамики из раскопок на о. Березани // СА.— 1973.— № 2.— С. 240—244.

Копейкина Л. В. Западная граница Березанского поселения // АО 1974.— М., 1975.— С. 297—299.

Копейкина Л. В. Новые данные об облике Березани и Ольвии в архаический период (источники строительной традиции) // СА.— 1975 а.— № 2.— С. 188—199.

Копейкина Л. В. Отчет о работах Березанской археологической экспедиции Гос. Эрмитажа в 1975 г. // НА ИА АН УССР.— № 1975/79.

Копейкина Л. В. Отчет о раскопках Березанской археологической экспедиции в 1976 г. // НА ИА АН УССР.— № 1976/98.

Копейкина Л. В. Некоторые итоги исследования архаической Ольвии // ХКААМ.— М.: Наука, 1976.— С. 131—142.

Копейкина Л. В. Комплекс архаических терракот с Березани // ВДИ.— 1977.— № 3.— С. 92—104.

Копейкина Л. В. Отчет о раскопках на Березани в 1977 г. // НА ИА АН УССР.— № 1977/94 а.

Копейкина Л. В. Отчет о работе Березанской археологической экспедиции Гос. Эрмитажа в 1978 году. // НА ИА АН УССР.— № 1978/51.

Копейкина Л. В. Особенности развития Березанского поселения в связи с ходом колониационного процесса // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья.— Тбилиси: Мецниереба, 1979.— С. 106—113.

Копейкина Л. В. Развитие чернофигурного стиля в квазоменской керамике (по материалам из раскопок на о. Березани) // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху.— Л.: Аврора, 1979 а.— С. 7—25.

Копейкина Л. В. Раскопки Березанского поселения // АО 1976.— М.— 1979 б.— С. 345—346.

Копейкина Л. В. Отчет о работе Березанской археологической экспедиции Гос. Эрмитажа в 1979 г. // НА ИА АН УССР.— № 1979 а/88.

Копейкина Л. В. Отчет о работе Березанской археологической экспедиции Гос. Эрмитажа в 1980 г. // НА ИА АН УССР.— № 1980/84.

Копейкина Л. В. Исследование архаического некрополя Березанского поселения // АИУ в 1978—1979 гг. Тезисы докладов XIII конференции ИА АН УССР.— Днепрпетровск, 1980 а.— С. 104.

Копейкина Л. В. Результаты работ Березанской экспедиции.— АО 1980.— М.— 1981.— С. 263—264.

Копейкина Л. В. Особенности развития поселения на о. Березани в архаический период (по результатам раскопок на северо-западном участке) // СА.— 1981 а.— № 1.— С. 192—208.

Копейкина Л. В. Элементы местного характера в культуре Березанского поселения архаического периода // Демографическая ситуация в Причерноморье в период великой греческой колонизации. Материалы II всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья.— Цхалтубо, 1979.— Тбилиси: Мецниереба, 1981 б.— С. 157—162.

Копейкина Л. В. Родосско-ионийская керамика VII в. до н. э. с о. Березани и ее значение для изучения раннего этапа существования поселения // Художественные изделия античных мастеров.— Л.: Аврора, 1982.— С. 6—35.

Копейкина Л. В. Чернофигурная аттическая амфора из раскопок древнегреческого поселения на острове Березани // СГЭ.— 1982 а.— Вып. 17.— С. 39—41.

Корпусова В. Н. Расписная родосско-ионий-

ская ойнохос из кургана у с. Филатовка в Крыму // ВДИ.— 1980.— № 2.— С. 100—104.

Крапивина В. В. Весовые гири Ольвии // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья.— Киев: Наукова думка, 1980.— С. 83—98.

Крапивина В. В. Архаические весовые гири Березани и Ольвии // Ольвия и ее округа.— Киев: Наукова думка, 1986.— С. 105—111.

Крисин Г. С. Дятлячи похоронены в урнах на о. Березани // ВОРК.— 1930.— Ч. 4—5.— С. 97—103.

Крижицкий С. Д., Русаева А. С. Найденіші житла Ольвії // Археологія.— 1978.— № 28.— С. 3—26.

Крижицкий С. Д. Жилые ансамбли древней Ольвии (IV—II вв. до н. э.).— Киев: Наукова думка, 1971.— 144 с.

Крижицкий С. Д. Начальные этапы эволюции античных жилых домов Северного Причерноморья // 150 лет ОАМ АН УССР.— Киев: Наукова думка, 1975.— С. 103—104.

Крижицкий С. Д. Древнейшие слои жилых кварталов Ольвии // Тезисы докладов XIV международной конференции античных социалистических стран «Эйрене».— Ереван: Изд-во АН Арм.ССР, 1976.— С. 220—222.

Крижицкий С. Д. Основные итоги работы Ольвийской экспедиции // КСИА АН СССР.— 1979 а.— Вып. 159.— С. 9—16.

Крижицкий С. Д. О развитии городской территории Ольвии в первом тысячелетии до нашей эры // ПГКСВП, Тбилиси: Мецниереба, 1979 б.— С. 119—125.

Крижицкий С. Д. Архитектура античных жилых домов Северного Причерноморья // Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. доктора архитектуры.— М.— 1980.— 50 с.

Крижицкий С. Д. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья (VI в. до н. э.— IV в. н. э.).— Киев: Наукова думка, 1982.— 166 с.

Крижицкий С. Д. Ольвия. Историко-графическое исследование архитектурно-строительных комплексов.— Киев: Наукова думка, 1985.— 190 с.

Крижицкий С. Д., Буйский С. В., Бураков А. В., Отрешко В. М., Рубан В. В. История Ольвийской сельской округи // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья.— Киев, 1980.— С. 3—18.

Крижицкий С. Д., Отрешко В. М. К проблеме формирования Ольвийского полиса // Ольвия и ее округа.— Киев.— 1986.— С. 3—17.

Крупное Е. И. Древняя история Северного Кавказа.— М.: Наука, 1960.— 367 с.

Крюгер О. О. Надгробие Леокса, сына Молвагора // ИРАИМК.— 1921.— Т. 1.— С. 41—50.

Крюгер О. О. Эпиграфические мелочи // ИРАИМК.— 1924.— Т. 4.— С. 91—94.

Кульская О. А. Химико-технологическое исследование ольвийских изделий // Ольвия.— Киев: Изд-во АН УССР, 1940.— Т. 1.— С. 171—185.

Культура и искусство Причерноморья в античную эпоху. Каталог выставки.— М.: Изд-во Советский художник, 1983.

Лалин В. В. Отчет о раскопках древнегреческого поселения на о. Березани в 1961—

1962 г. // НА ИА АН УССР.— № 1961.— 1962/6—а.

Лалин В. В. Раскопки поселения на о. Березань в 1960 г. // КСИА АН УССР.— 1961 а.— Вып. 2.— С. 43—52.

Лалин В. В. Экономическая характеристика Березанского поселения // Античный город.— М.: Изд-во АН СССР, 1963.— С. 31—39.

Лалин В. В. Греческая колонизация Северного Причерноморья (Критический очерк отечественных теорий колонизации).— Киев: Наукова думка, 1966.— 240 с.

Лалин В. В. Раскопки древнегреческого поселения на о. Березань в 1966 г. // АИУ.— 1968.— Вып. 1.— С. 145—149.

Лалин В. В. Исследования древнегреческого поселения на о. Березань // АИУ.— 1967.— Вып. 2.— С. 150—155.

Лалин В. В. Дослідження на о. Березані в 1969 році // АДУ.— 1972.— Вып. 4.— С. 157—160.

Лалин В. В. Отчет Березанской экспедиции Археологического музея Института зоологии АН УССР в 1974 г. // НА ИА АН УССР.— № 1974/100.

Лалин В. В. Отчет о раскопках древнегреческого поселения на о. Березань в 1975 г. // НА ИА АН УССР.— № 1975/114.

Лалин В. В. Проблемы генезиса античной северокричерноморской цивилизации // 150 лет ОАМ АН УССР.— Киев: Наукова думка, 1975.— С. 100—102.

Лалин В. В. Березань и проблемы генезиса античной северокричерноморской цивилизации // НА ИА АН УССР.— 1978.— фонд. 24.— 438 с.

Латышев В. В. Заметки по греческой эпиграфике // ИРАИМК.— 1922.— Т. 2.— С. 65—70.

Леву Е. И. Привозная греческая керамика из раскопок Ольвии в 1935 и 1936 гг. // Ольвия.— Киев: Изд-во АН УССР, 1940.— Т. 1.— С. 105—127.

Леву Е. И. Терракотовая архаическая головка, найденная в Ольвии // СА.— 1941.— Т. 7.— С. 308—317.

Леву Е. И. К вопросу об ольвийской агоре // СА.— 1954.— Т. 21.— С. 319—342.

Леву Е. И. Ольвийская агора // МИА.— 1956.— № 50.— С. 35—118.

Леву Е. И. Итоги раскопок ольвийского темноса и агоры (1951—1960 гг.) // Ольвия. Темнос и агора.— М.— Л.: Наука, 1964.— С. 5—26.

Леву Е. И. Материалы Ольвийского темноса // Ольвия. Темнос и агора.— М.— Л.: Наука, 1964 а.— С. 131—174.

Леву Е. И. Отчет о работе Ольвийской экспедиции ЛОИА АН УССР в 1971 г. // НА ИА АН УССР, № 1971/94.

Леву Е. И. Архаическая керамика из раскопок ольвийской агоры 1968—1969 гг. // КСИА АН СССР.— 1972.— Вып. 130.— С. 45—52.

Леву Е. И., Крыжицкий С. Д. Основные результаты раскопок Ольвии 1970—1974 гг. // НОСА.— 1975.— Ч. 2.— С. 71—74.

Леву Е. И. Новые посвященные надписи Аполлону Дельфинию из раскопок Ольвии // История и культура античного мира.— М.: Наука, 1977.— С. 124—134.

Леву Е. И. Раскопки ольвийской агоры и темноса (1971—1974 гг.) // КСИА АН СССР.— 1978.— Вып. 156.— С. 36—45.

Леву Е. И., Марченко К. К., Ваулина М. П., Виноградов Ю. Г., Доманский Я. В., Конейкина Л. В., Пруцко В. И., Шилих К. К. Исследования ольвийского городища // АО 1974.— М., 1975.— С. 314—315.

Лейпунська Н. А. Лутерії в Ольвії // Археологія.— 1980.— 33.— С. 32—46.

Лейпунская Н. А. Керамическая тара из Ольвии.— Киев: Наукова думка, 1981.— 119 с.

Лейпунская Н. А., Назарчук В. И., Ибраимова А. М. Раскопки Центрального и западного кварталов в 1978 г. // НА ИА АН УССР.— № 1978/24 в.

Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии.— М.: Учпедгиз, 1957.— 620 с.

Максимова М. И. Античные фигурные вазы.— М., 1916.— № 1.— 146 с.

Максимова М. И. Резные камни // Античные города Северного Причерноморья.— М.— Л., Изд-во АН СССР, 1955.— С. 438—439.

Максимова М. И., Налескина М. А. Скульптура // АГСП.— 1955.— С. 297—324.

Малеев И. П. Коринфские арибаллы с растительным орнаментом из Ольвии // ИАК.— 1914.— № 54.— С. 83—98.

Малеев И. П. Две архаические коринфские вазы из коллекции Голубцова // ИАК.— 1915.— Вып. 58.— С. 57—81.

Манцевич А. П. Березанская амфора // ИГАИМК.— 1927.— Т. 5.— С. 283—295.

Марченко К. К. Фракийцы на территории Нижнего Побужья во второй половине VII—I вв. до н. э. // ВДИ.— 1974.— № 2.— С. 149—161.

Марченко К. К. Барбары в составе населения Березань и Ольвию во второй половине I в. до н. э. // Автореф. дис. ... канд. вст. наук.— Л., 1974.— 20 с.

Марченко К. К. Ленная керамика Березань и Ольвии второй половины VII—VI вв. до н. э. (по материалам раскопок 1953—1970 гг.) // ХКААМ.— 1976.— С. 157—166.

Марченко К. К. Убежище позднеархаического времени в Нижнем Побужье // АО 1976.— М., 1980.— С. 301—302.

Марченко К. К. Работы Нижнебугской античной экспедиции // АО 1980.— М., 1981.— С. 279—280.

Марченко К. К., Виноградов Ю. А., Головачева Н. В., Доманский Я. В. Раскопки античного поселения Старая Богдановка II // АО 1978.— М.— 1979.— С. 364.

Марченко К. К., Доманский Я. В. Отчет о работе Периферийного отряда Ольвийской экспедиции в 1975 г. // НА ИА АН УССР.— № 1975/66.

Марченко К. К., Доманский Я. В. Античное поселение Старая Богдановка 2 // АС.— 1981.— Вып. 22.— С. 62—75.

Марченко К. К., Доманский Я. В., Виноградов Ю. А., Головачева Н. В., Шауб И. Ю. Раскопки поселений античного времени в Нижнем Побужье // АО 1977.— М.— 1978.— С. 353—354.

Мезенцева Г. Г. Ольвийські терракоти // *Наук. зап. КДУ.*— 1956.— № 15.— Вып. 6.— С. 179—202.

Мелюкова А. И. Вооружение скифов // *САИ.*— 1964.— Вып. Д—1—4.— 83 с.

Мецианино И. И. Отчет о работах Ольвийской экспедиции // *СГАИМК.*— 1931.— Вып. 2.— С. 23—24.

Мурзакевич Н. Н. Ольвийские древности // *ЗООИД.*— 1853.— Т. 3.— С. 246—247.

Надписи Ольвия.— Л.: Наука, 1968.— 132 с.

Одесский археологический музей АН УССР.— Киев: Наукова думка, 1983.— 196 с.

Ольговский С. Я. Цветной металл с Березани // *СА.*— 1980.— № 4.— С. 190—200.

Ольговский С. Я. Спектральный анализ мідних та бронзових виробів з Ягорлицького поселення // *Археологія.*— 1981.— 36.— С. 37—41.

Ольговский В. С. Скифские катакомбы в Северном Причерноморье // *СА.*— 1977.— № 4.— С. 108—128.

Онайко Н. А. Античный импорт в Среднем Приднепровье // *СА.*— 1960.— № 2.— С. 25—41.

Онайко Н. А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII—V вв. до н. э. // *САИ Д—1—27.*— М.: Наука, 1966.— 70 с.

Онайко Н. А. Архангелский Торик. Античный город на северо-востоке Понта.— М.: Наука, 1980.— 179 с.

Орешников А. В. Описание древнегреческих монет, принадлежащих императорскому Московскому университету.— М., 1981.— 353 с.

Островерзов А. С. О железоделательном производстве античных центров Днепровского и Бугского лиманов // 150 лет ОАМ АН УССР // *Тез. докл.*— Киев: Наукова думка, 1975.— С. 132—134.

Островерзов А. С. Антична склоробна майстерня на Ягорлицькому поселенні // *Археологія.*— 1978.— 25.— С. 41—49.

Островерзов А. С. Про чорну металургію на Ягорлицькому поселенні // *Археологія.*— 1978 а.— 28.— С. 26—36.

Островерзов А. С. Экономические связи Ольвия, Березани и Ягорлицького поселення со Скифией (VII — середина V вв. до н. э.).— *НА ИА АН УССР.*— № 578. 1978 б.— 378 с.

Островерзов А. С. К вопросу о сырьевой базе античного ремесленного производства в районе Днепровского и Бугского лиманов (по материалам Ягорлицького поселения) // *ВДИ.*— 1979.— № 3.— С. 115—126.

Островерзов А. С. Обработка кольчужных металлов на античных поселениях // *Археологія.*— 1981.— 36.— С. 26—37.

Островерзов А. С. Древнейшее античное производство стеклянных бус в Северном Причерноморье // *СА.*— 1981 а.— № 4.— С. 214—226.

Островерзов А. С. К вопросу о сырьевой базе античных ремесленных центров Днепровско-Бугского лимана // *Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья.*— Киев: Наукова думка.— 1981 б.— С. 107—112.

Отрешко В. М. Отчет о работе Каборгского отряда Ольвийской экспедиции в 1971 г. // *НА ИА АН УССР.*— № 1971/20 д.

Отрешко В. М. Отчет о работе Каборгского отряда Ольвийской экспедиции в 1972 г. // *НА ИА АН УССР.*— № 1972/26.

Отрешко В. М. Отчет о раскопках поселения Большая Черноморка 2 в 1973 г. // *НА ИА АН УССР.*— № 1973/13.

Отрешко В. М. Отчет о раскопках поселения Большая Черноморка 2 в 1974 г. // *НА ИА АН УССР.*— № 1974/26.

Отрешко В. М. Архангелские и классические слои на поселении у Записовой Балки // 150 лет ОАМ.— Киев: Наукова думка, 1975, с. 129—130.

Отрешко В. М. Отчет о раскопках поселения Большая Черноморка 2 в 1975 г. // *НА ИА АН УССР.*— 1975/21.

Отрешко В. М. Отчет о раскопках поселения Большая Черноморка 2 в 1976 г. // *НА ИА АН УССР.*— № 1976/12.

Отрешко В. М. Позднеархангелские поселения Березанского лимана // *Открытия молодых археологов Украины.* Киев: Наукова думка, 1976 а.— Ч. 1.— С. 31—33.

Отрешко В. М. Граффити, найденные на поселении Большая Черноморка 2 в 1973 г. // *Некоторые вопросы археологии Украины.*— Киев: Изд-во КГУ.— 1977.— С. 40—44.

Парович-Пешикан М. Некрополь Ольвия эллинистического времени // Киев: Наукова думка.— 1974.— 218 с.

Передольская А. А. Следы культа кабанов на Березани // *СГЭ.*— 1960.— Вып. 19.— С. 23—27.

Петерс В. Г. Военное дело // *Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья.*— М.: Наука.— 1984.— С. 187—197.

Петренко В. Г. Украшения Скифии VII—III вв. до н. э. // *САИ.*— 1978.— Вып. Д—4—5.— 143 с.

Пичикян И. Р. Ордерная архитектура Северного Причерноморья VI—V вв. до н. э. // *ВДИ.*— 1975.— № 1.— С. 117—137.

Прендель Р. А. Археологические исследования на о. Березани // *Тр. VI АС.*— Одесса.— 1886.— № 1.— С. 216—219.

Пругло В. И. Раскопки северо-западного района ольвийской агоры в 1975 г. // *КСИА АН СССР.*— 1978.— Вып. 156.— С. 45—53.

Рабинович Б. З. Шлемы скифского периода // *ТОИПК.*— 1941.— Т. 1.— С. 99—171.

Рабицкий В. М. К вопросу о первых поселениях на побережье Бугского лимана // *НА ИА АН УССР.*— № 471.

Рабицкий В. М. Поселение у Широкой Балки // *КСИИМК.*— 1951.— Вып. 40.— С. 114—124.

Радлов Н. Э. Два черепка с острова Березани // *ИАК.*— 1910.— 37.— С. 81—86.

Розанова Н. П. Бронзовое зеркало с надписью из Ольвия // *Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья.*— М.— Л.: Наука, 1968.— С. 248—251.

Рубан В. В., Отрешко В. М. Раскопки поселения Чертоватое II // *АО 1975.*— М.— 1976.— С. 387.

Рубан В. В. Литейная форма с поселения Козырка XV // *СА.*— 1979.— № 3.— С. 249—258.

Рубан В. В. О датировке Ягорлицького поселения // *Исследования по античной археологии Северного Причерноморья*— Киев: Наукова думка, 1980.— С. 104—115.

Рубан В. В. О хронологии раннеантичных поселений Бугского Лимана (по материалам

хросских амфор) // Материалы по хронологии археологических памятников Украины.— Киев: Наукова думка, 1982.— С. 96—113.

Рубан В. В. Керамика Ягорыцкого поселения из собрания Херсонского музея // СА.— 1983.— № 1.— С. 285—291.

Рудык Ф. Древнее поселение Викторівка I (VI—III вв. до н. э.) // МАСП.— 1957.— Вып. 1.— С. 63—66.

Руслева А. С. Разведки в районе Березанского лимана // АИУ 1965—1966.— Киев, 1967.— Вып. 1.— С. 141—145.

Руслева А. С. Поселения Пітухівка I біля Ольвії // — Археологія, 1968.— № 21.— С. 206—213.

Руслева А. С. Раскопки Бейкушского поселения близ Ольвии // АИУ 1967.— Киев, 1968 а.— Вып. 2.— С. 146—150.

Руслева А. С. Культурні предмети з поселення Бейкуш поблизу с. Березани // — Археологія.— 1971 а.— № 2.— С. 22—29.

Руслева А. С. Разведки и раскопки поселений близ Ольвии // АИУ 1968.— Киев, 1971 б.— Вып. 3.— С. 180—184.

Руслева А. С. Розкопки Бейкушського поселення // АДУ 1969, Киев, 1972.— Вып. 4.— С. 174—177.

Руслева А. С. Земледельческие культы в Ольвии догетского времени // Киев: Наукова думка, 1979.— 172 с.

Руслева А. С. Исследования Ольвии на участке АГД // АО 1979.— М.— 1980 а.— С. 332.

Руслева А. С. О функциональном назначении нового общественного комплекса Ольвии // Археологические исследования на Украине в 1978—1979 гг. Тезисы докладов XVIII конференции Института археологии АН УССР.— Днепрпетровск, 1980.— С. 109—110.

Руслева А. С. Античные терракоты Северо-Западного Причерноморья (VI—I вв. до н. э.) // Киев: Наукова думка, 1982.— 165 с.

Руслева А. С. Терракоты с Березанского поселения (из раскопок В. В. Лацива) // Античная культура Северного Причерноморья.— Киев: Наукова думка, 1984.— С. 129—147.

Руслева А. С., Лейпунская Н. А. Группа терракот из Ольвии // Новые памятники древней и средневековой художественной культуры.— Киев: Наукова думка, 1982.— С. 58—77.

Руслева А. С., Рутковский А. Г. Отчет о раскопках на участке АГД (Ольвийская экспедиция) в 1976 г. // НА ИА АН УССР.— № 1976/1.

Руслева А. С., Черненко Е. В. Новые находки оружия из Ольвии // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья.— Киев: Наукова думка, 1980.— С. 99—104.

Сидорова Н. А. Архаическая керамика из Пантикапея // МИА.— 1962.— 103.— С. 94—148.

Силантцева Л. Ф. Некрополь Нимфея. Некрополи боспорских городов // МИА.— 1959.— 69.— С. 5—107.

Силантцева Л. Ф. Спиралевидные подвески Боспора // Труды Гос. Эрмитажа.— 1976.— Т. 17.— С. 123—137.

Скадовский Г. А. Приложение к дневнику раскопок на о. Березани в 1900 году,

табл. VIII, рис. 3 // Архив ЛОИА АН СССР.— Ф. 1.— 1900.— № 141 б.— Часть 3

Сиржинская М. В. Зеркала архаического периода из Ольвии и Березани // Античная культура Северного Причерноморья.— Киев: Наукова думка, 1984.— С. 105—129.

Сиржинская М. В. Греческие серьги и ожерелья // Ольвия и ее округа.— Киев: Наукова думка, 1986.— С. 112—126.

Скуднова В. М. Кольцеобразные сосуды с перекидной ручкой // Труды отдела истории и культуры античного мира.— 1945.— Т. 1.— С. 131—139.

Скуднова В. М. Аттические чернофигурные клички из Березани // Сообщения Гос. Эрмитажа.— 1955.— С. 35—37.

Скуднова В. М. Местная расписная керамика Нимфея VI в. до н. э. // КСИА АН СССР.— 1957.— № 7.— С. 73—75.

Скуднова В. М. Обломки чернофигурных сосудов мастера Софилоса из Березани // СГЭ.— 1957 а.— № 12.— С. 48—49.

Скуднова В. М. Хросские кубки из раскопок на острове Березани // СА.— 1957 б.— № 4.— С. 128—139.

Скуднова В. М. Чернофигурные лекфисы з архаичного некрополя Ольвії // АП УРСР.— 1958.— Т. 7.— С. 113—130.

Скуднова В. М. Из неизданных материалов Ольвии VI—V вв. до н. э. // СА.— 1959.— № 29.—30.— С. 248—262.

Скуднова В. М. Погребения с оружием из архаического некрополя Ольвии // ЗОАО.— Одесса.— 1960.— Т. 1(34).— С. 60—74.

Скуднова В. М. Родосская керамика с о. Березани // СА.— 1960 а.— № 2.— С. 153—167.

Скуднова В. М. Архаический некрополь Ольвии // Архив античного отдела Гос. Эрмитажа.— 1965.— 225 с.

Скуднова В. М. Некрополь Березани // НА ИА АН УССР.— Ф. 17, № 69.

Славин Л. М. Ольвия // Київ: Изд-во АН УССР, 1938.— 88 с.

Славин Л. М. Отчет о работе Ольвийской экспедиции в 1946—1949 гг. // НА ИА АН УССР.— № 1950/11.

Славин Л. М. Древний город Ольвия // Киев: Изд-во АН УССР, 1951.— 96 с.

Славин Л. М. Археологічні дослідження городищ, поселень та могильників ольвійського оточення у 1949—1950 рр. // АП.— 1955.— Т. 5.— С. 127—148.

Славин Л. М. Розкопки Ольвії в 1949—1951 рр. // АП.— 1955 а.— Т. 5.— С. 95—110.

Славин Л. М. Давньогрецьке поселення на острові Березань // Історичний збірник КДУ.— 1956.— № 7.— С. 157—169.

Славин Л. М. Ольвия как город в VI—I вв. до н. э. // СА.— 1958.— Т. 2.— С. 276—297.

Славин Л. М. Ольвійські квартали центральної частини Верхнього міста // АП УРСР.— 1962.— Т. 2.— С. 3—32.

Славин Л. М. Мистецтво // Археологія Української РСР.— Київ: Наукова думка, 1971.— Т. 2.— С. 462—479.

Смирнов К. Ф. Савроматы // М.: Наука, 1964.— 379 с.

них I Секційних доповідей.— Одесса, 1972.— С. 212—214.

Тарадас А. М. Пифосы с рельефным декором на Северо-Западного Причерноморья // 150 лет ОАМ.— Киев: Наукова думка, 1975.— С. 106—108.

Толстой И. И. Врач и Дельфиний // ИАК.— 1905.— Вып. 14.— С. 44—53.

Толстой И. И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья // М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1953.— 154 с.

Фабрициус И. В. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР.— Киев: Изд-во АН УССР, 1951.— Вып. 1.— 153 с.

Фармаковский Б. В. Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 г. // ИАК.— 1903.— 8.— С. 1—113.

Фармаковский Б. В. Раскопки в Ольвии в 1902—1903 гг. // ИАК.— 1906.— Вып. 13.— 306 с.

Фармаковский Б. В. Раскопки в Ольвии // ОАК за 1906 г.— 1909 а.— С. 1—50.

Фармаковский Б. В. Раскопки в Ольвии // ИАК.— 1909.— Вып. 33, С. 103—136.

Фармаковский Б. В. Раскопки в Ольвии // ОАК за 1907 г.— 1910.— С. 1—66.

Фармаковский Б. В. Раскопки в Ольвии // ОАК за 1909—1910 гг.— 1913.— С. 1—105.

Фармаковский Б. В. Арханчельский период в России // МАР.— 1914.— № 34.— С. 15—78.

Фармаковский Б. В. Памятники античной культуры, найденные в России // ИАК.— 1915.— Вып. 58.— С. 82—133.

Фармаковский Б. В. Раскопки в Ольвии // ОАК за 1913—1915 гг.— 1918.— С. 1—51.

Фармаковский Б. В. Арханчельский «курсор» из Ольвии // СГАИМК.— 1924.— С. 164—170.

Фармаковский Б. В. Ольвийская экспедиция (1926 г.) // СГАИМК.— 1926.— № 1.— С. 309—314.

Фармаковский Б. В. Отчет о раскопках в Ольвии в 1924 году // СГАИМК.— 1926 а.— № 1.— С. 143—163.

Фармаковский Б. В. Розкопування Ольвії, р. 1926.— Одесса, 1929.— 74 с.

Фурманская А. И. Медполитейное ремесло в Ольвии // НА ИА АН УССР.— 1953.— № 951.

Фурманська А. І. Ливарні форми з розкопок Ольвії // АП УССР.— 1958.— Т. 7.— С. 40—60.

Фурманська А. І. Бронзоліварне ремесло в Ольвії // Археологія.— 1963.— Т. 15.— С. 61—70.

Худяк М. Н. Из истории Нимфея (VI—III вв. до н. э.).— Л.: Изд-во ГЭ, 1962.— 64 с.

Цветаева Г. А. К вопросу о торговых связях Пантикалея // МИА.— 1957.— № 56.— С. 182—201.

Черненко Е. В. Скифский доспех.— Киев: Наукова думка, 1968.— 190 с.

Черненко Е. В. Ножины греческого меча из Ольвии // Скифы и сарматы.— Киев: Наукова думка, 1977 а.— С. 120—127.

Черненко Е. В. О влиянии военного дела скифов на военное дело античных государств Северного Причерноморья // Материалы симпозиума по проблемам греческой колонизации и структуре раннеантичных государств Северного и Восточного Причерноморья. Тезисы докладов конференции.— Цхалтубо,

1977.— Тбилиси: Мецниереба, 1977 б.— С. 66—68.

Черненко Е. В. О влиянии военного дела скифов на военное дело античных государств Северного Причерноморья // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья.— Тбилиси: Мецниереба, 1979.— С. 414—415.

Черненко Е. В. Скифские лучники.— Киев: Наукова думка, 1981.— 166 с.

Черненко Е. В. Деталь ножен ксифоса из Ольвии // Античная культура Северного Причерноморья.— Киев: Наукова думка, 1984.— С. 174—178.

Членова Н. Л. Скифский олень // МИА.— 1962.— № 115.— С. 167—203.

Чубова А. П. Серая керамика арханчельского времени из некрополя Ольвии в собрании Эрмитажа // НА ИА АН УССР.— 4.— 81.— Ф. 12.— № 146.

Чубова А. П., Лесницкая М. М. Ольвийский курс // ХКААМ.— 1976.— С. 210—218.

Чуистова Л. И. Античные и средневековые весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье // Археология и история Боспора.— Симферополь: Крымиздат, 1962.— Т. 2.— С. 7—236.

Шалагинова О. І. Розписні родосько-іонійські кіліки архаїчного часу в Березанського поселення // Археологія.— 1980.— 33.— С. 20—31.

Шарафутдинова Э. С. Заключительный этап позднего бронзового века на Нижнем Дону (памятники кобьяковской культуры) // СА.— 1973.— № 2.— С. 3—26.

Шайб И. Ю. Афинская чернофигурная керамика с изображением сфинксов // КСИА АН СССР.— 1979.— 159.— С. 60—65.

Шмидт Р. В. Греческая арханчельская керамика Мирмекия и Тиритаки // МИА.— 1952.— № 25.— С. 223—248.

Штейн В. Ф. Бронзовый браслет с острова Березани // ИРАИМК.— 1927.— Вып. 5.— С. 449—462.

Штерн Э. Р. Graffiti на античных южно-русских сосудах // ЗООИД.— 1897.— 20.— С. 162—199.

Штерн Э. Р. Новый эпиграфический материал, найденный на юге России // ЗООИД.— 1901.— 23.— С. 1—32.

Штерн Э. Р. Новый эпиграфический материал // ЗООИД.— 1907.— 26.— С. 74—76.

Штерн Э. Р. Раскопки на о. Березани // ОАК за 1904 г.— 1907.— С. 41—49.

Штерн Э. Р. О раскопках на острове Березани // ОАК за 1905 г.— 1908.— С. 35—38.

Штерн Э. Р. Раскопки на о. Березани // ОАК за 1906 г.— 1909.— С. 50—58.

Штерн Э. Р. Раскопки на о. Березани // ОАК за 1907 г.— 1910.— С. 66—75.

Штерн Э. Р. Краткий отчет о раскопках на о. Березани в 1908 г. // ЗООИД.— 1910 а.— Вып. 28.— С. 39—48.

Штерн Э. Р. Раскопки на острове Березани // ОАК за 1908 г.— 1912.— С. 84—93.

Штігельман Ф. М. Античне мистецтво // Київ: Мистецтво, 1977.— 179 с.

- Эрман Н. А. Навкратийский кубок, найденный на о. Березани // ИАК.— 1911.— Вып. 40.— С. 142—158.
- Яценко В. П. К датировке и чтению березанского письма Ахиллодора // ВДИ.— 1974.— № 1.— С. 133—151.
- Яценко В. П. Вопросы интерпретации березанского письма Ахиллодора // ВДИ.— 1975.— № 3.— С. 133—149.
- Яценко В. П. Несколько ольвийских и березанских граффити // КСИА АН СССР.— 1979.— Вып. 159.— С. 53—60.
- Яценко В. П. Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ.— 1980.— № 2, № 3.— С. 72—99, 75—116.
- Яценко В. П. Греческая колонизация VII—III вв. до н. э. // М.: Наука, 1982.— 312 с.
- Яценко В. П. Весоюзный симпозиум «Античная балканистика—4» // ВДИ.— 1982.— № 3.— С. 195—202.
- Ярослав Е. Ф. О некоторых гирях Пантикапей и Ольвии // МАСП.— 1982.— Вып. 4.— С. 243—246.
- Akurgal E. Zwei Grabstellen vorklassischer Zeit aus Sinope // 111 Winkelmannsprogramm der archäologischen Gesellschaft zu Berlin.— 1955.— S. 5—29.
- Alexandrescu P. Necropola tumulară // Histria.— 2.— 1966.— p. 134—285.
- Alexandrescu P. Pour une chronologie des VI—IVe siècles — Thraco — Dacia.— 1976.
- Alscher L. Griechische Plastik // Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1954.— Bd. 1.— 159 S.; Bd. 2.— 292 S.
- Althelm F. Weltgeschichte Asiens im griechischen Zeitalter // Halle — Saale: Max Niemeyer Verlag, 1947.— Bd. 1.— 412 S.
- Anderson J. K. Excavations on the Kofina Ridge, Chios // BSA.— N 49.— 1954.
- Aricescu A. Tezaurul de semne de schimb premonetare de la Enisala // SCN.— Vol. 6.— 1975.— P. 17—24.
- Beazley J. D. Attic Black — figure Vase — painters // Oxford.— 1958.— 136 p.
- Blinkenberg Chr. Les petits objets. Fouilles de L'Akropole Lindos // Berlin — Stuttgart, W. de Gruyter, 1931.— Bd. 1 — 776.— S.— Bd. 2.— 152 pl.
- Blümel C. Die archaisch griechischen Skulpturen der staatlichen Museen zu Berlin // Berlin: Acad. Verlag, 1963.— 75 S.
- Boardman J., Hayes H. Excavations at Troia.— The Archaic Deposit // Oxford, 1966.
- Boriskovskaia S. P. On Trade Connections between the Greek Cities of the Northern Black Sea Coast and Corinth on the Archaic Period.— Die Griechische Vase. Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock // 1967.— Heft 7/8.
- Bravo N. Une lettre sur plomb de Beresan // DHA.— 1974.— N 1.— p. 111—174.
- Carapanos C. Dodone et ses ruines // Paris, 1878.— pl. 96.— N 1.
- Chadwick Y. The Beresan Lead Letter // Proceedings of the Cambridge Philological Association.— 1973.— Vol. 199.— p. 35—37.
- Claumont C. W. Gravestone and Epigram // Mainz, 1970.
- Clara Rhodos. Studi e materiali pubblicati a cura dell'Istituto storico-archeologico di Roma // Bergamo, Off. Istituto Italiano d'Arti grafiche.— 1938.— Vol. 8.— 373 p.
- Cook J. Old—Smyrna // BSA.— 1958—1959.— N 53—54: 1965.— Vol. 60.— P. 1—34.
- Cook R. M. Fikellura Pottery. // BSA.— 34, 1933—1934.— p. 1—98.
- Cook R. M. Ionia and Greece in 800—600 B. C. // JHS.— 66.— 1946.— p. 67—98.
- Cook R. M. The Distribution of Chiot—Pottery. // BSA.— 1949.— Vol. 44.— p. 154—161.
- Cook R. M. A List of Clazomenian Pottery. // BSA.— 1952.— Vol. 47.— P. 149—151.
- Cook R. M. Greek Painted Pottery. // London: Methuen and Co LTD, 1960.— 370. p.
- Cook R. M., Woodhead A. G. Painted Inscriptions on Chiot—Pottery. // BSA.— 1952.— 47, p. 157—161.
- Crygitsky S. D., Roussifaeva A. S. Les plus anciennes habitations d'Olvia // Dialogues d'histoire ancienne.— 1980.— N 6.— p. 73—100.
- Dornseiff F. Das Alphabet in Mystik und Magie // Leipzig — Berlin: B. G. Teubner, 1922.— 177 S.
- Dragendorff H. Thera: Untersuchungen, Vermessungen und Ausgrabungen in den Jahren 1895—1902 II Theräische Gräber // Berlin, 1903.— 423 S.
- Dumitriu S. Cartierul de locuinte din zona de vest a cetății, in epoca arhaică // Histria.— 1966.— 2.— p. 19—131.
- Dupont P. Classification et détermination de provenance des céramiques Grecques Orientales archaïques d'Istros // Dacia.— 1983.— 27.— N 1—2, p. 19—43.
- Dupont P. Amphores Commerciales Archaïques de la Grèce de l'Est // La parola del Basato, rivista di Studi antick., 1982, Napoli.— fasc. CCIV—CCVII, s. 193—209.
- Ebert M. Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn, Gouv. Cherson (Süd. Russland) // Prähistorische Zeitschrift.— Leipzig, 1913, Bd. 5.— 113 S.
- Ebert M. Ausgrabungen bei den Gorodok Nikolajewka am Dnjepr, Gouv. Cherson // Prähistorische Zeitschrift.— 1913.— H. 1/2.
- Elderkin K. Buttons and their Use on Greek Garments // The Journal of archaeological Institute of America.— 1928.— V. 37.— P. 333—345.
- Friedländer P. Epigrammata // Berkeley.— Los Angeles, 1948.
- Furtwängler A. Archaischer Goldschmuck // AA.— 1884.
- Furtwängler A. Olympia // Berlin, 1890.— Bd. 4.— S. 925.
- Gentili B. Epigramma et elegia // L'Epigramme grecque. Entretiens sur l'antiquité classique // 1968.— 14.— p. 45—58.
- Ginters W. Das Schwert der Skythen und Sarmaten in Südrussland // Berlin, 1928.— S. 96.
- Grace V. Amphoras and the Ancient Wine Trade // Princeton, 1961.— 42 p.
- Grace V. Samian Amphoras // Hesperia.— 1971.— 40.— N 1.— P. 52—96.
- Graf F. Das Kollegium der Molpoi von Olbia // Museum Helveticum.— 1974.— 31.— S. 209—215.
- Guarducci M. Epigrafia greca I // Roma: Istituto poligrafico dello Stato.— 1967.— 580 p.

- Hadaczek K.** Der Ohrschmuck der Griechen und Etrusker // Wien, 1903.
- Hansen P. A.** Friedländer. Epigrammata 117 d // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik.— 1975.— 16.— N 1.— S. 79—82.
- Harrison E. B.** Archaic and archaistic Sculptures // Princeton, New Jersey: The American School of classical Studies at Athens, 1965.— 192 p.
- Haspels E.** Attic Black — figured Lekythoi // Paris, 1936.— 198 s.
- Higgins R. A.** Catalogue of the terracottas in the department of Greek and Roman antiquities British Museum // London: Brit. Museum printed by Order of the Trustees, 1954.— 432 p.
- Higgins R. A.** Greek and Roman Jewellery // London: Methuen and Co 8 LTD, 1961.— 236 p.
- Higgins R. A.** Greek terracottas // London: Methuen and Co LTD, 1967.— 169 p.
- Hiller H.** Ionische Grabreliefs der 1. Hälfte des 5. Jh. v. Chr // Tübingen: Verlag E. Wasmuth, 1975.— 340 S.
- Iehasse Jet. L.** La necropole préromaine d'Aleria (1960—1963) // Gallia, 25^c Supplément.— Paris, 1973.
- Iohansen K. F.** Les vases sicyoniens // Paris Kopenhagen: Piot, 1923.— 194 p.
- Jacobsthal P.** The date of the Ephesian Foundation — deposit // JHS.— Vol. 71.— 1951.— P. 85—95.
- Jeffery Z. H.** The local scripts of archaic Greece // Oxford: At the Clarendon Press.— 1961.— 476 p.
- Keller O.** Die antike Tierwelt // Leipzig: Engelmann, 1909.— 434 S.
- Kinch K. F.** Fouilles de Vroulia (Rhodes): Berlin, 1914.— 275 p.
- Klimovsky E. W.** Numismatique antique, problèmes et méthodes // 1975, 9 (рецензия).— NC.— 1976.— p. 282—283.
- Köhler H. E. K.** Mémoires sur les Iles et la course consacrées à Achille dans le Pont Euxin // St. Petersburg: Ac. imp. des Sciences 1827.— 221 p.
- Kraay C. M.** Archaic and classical Greek coins.— London: Methuen and Co Ltd, 1976.— 390 p.
- Kurtz D., Boardman J.** Greek Burial Customs.— London, 1971.— 384 p.
- Lambrino M.** Les vases archaïques d'Histria.— Bucuresti, 1938.
- Lambros M. P.** Monnaies portant les inscriptions ΔΙΟΣ ΑΙΤΑΙΟΥ et ΑΠΟΛΛΩΝΟΣ ΙΑΤΡΟΥ BCH.— 2.— 1878.— p. 508—510.
- Lang H.** Numeral notation on Greek Vases // Hesperia.— 25.— 1.— 1956.
- Lang M.** Weights and Measures // The Athenian Agora.— Princeton, New Jersey, 1964.— Vol. 10.— Part. 1.— P. 2—33.
- Lazzarini M. L.** Le formule delle dediche votive nella Grecia arcaica // Atti della Accademia nazionale dei Lincei, Roma, 1976.— Serie 8.— Vol. 19.— Fasc. 2.— 306 p.
- Lordkipanidze O. D.** Colchis in the Early Antique Period and her Relations with the Greek World // Archeologia Warszawa, 1966.— 19.— p. 37—40.
- Marshall F. H.** Catalogue of the Jewellery Greek, Etruscan, and Roman in the Department of Antiquities British Museum: London, 1911.
- Maximova M. I.** Les vases plastiques dans l'antiquité // Paris: Geuthner, 1927.— Vol. 1.— 223 p.; Vol. 2.— 48 pl.
- Oksmann E.** Antike Skulpturen in Odessa // AA.— 1928.— 1—2 Heft.— S. 32—94.
- Paul E.** Antike Welt in Ton, Griechische und römische Terrakotten des archäologischen Instituts in Leipzig // Leipzig VEB Seemann, Buch und Kunstverlag, 1959.— 112 S.
- Payne H.** Necrocorinthia // Oxford: The Clarendon press, 1931.— 364 p.
- Payne H. G.** Archaeology in Greece // JHS.— 54.— 1934.— p. 185—200.
- Peek W.** Griechische Vers — inschriften. Grab — Epigramme // Berlin: Akademie Verlag, 1955.— 241 S.
- Pfuhl E., Möbius H.** Die ostgriechischen Grabreliefs // Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1977.— Bd. 1.— 276 S.
- Pharmakowsky B.** Olbia 1901—1908. Fouilles et trouvailles // ИАК.— 1909.— вып. 3.— с. 103—115.
- Rau P.** Die Gräber der früher Eisenzeit im unteren Wolgagebiet // Studien zur Chronologie der Skythischen Pfeilspitze Verlag: Volkskommissariat für Bildungswesen der Wolgadeutschen Republik (Zentralmuseum). Pokrowsk, 1929.— 112 s.
- Richter G. M. A.** Catalogue of Greek Sculptures // Massachusetts: Harvard University Press, 1954.— 123 p. 164 pl.
- Richter G. M. A.** Handbook of Greek Art // London: The Phaidon Press, 1960.— 421 p.— 500 ill.
- Richter G. M. A.** Korai. Archaic Greek maidens.— A Study of the development of the Kore type in Greek sculpture.— London: Phaidon, 1968.— 327 p.
- Richter G. M. A.** Kouroi. Archaic Greek youths.— London, New York: Phaidon, 1970.— 365 p.— 650 ill.
- Richter G., Milne M.** Shapes and names of Athenian vases // New York, 1935.
- Robinson E. S. G.** Coins from the Ephesian Artemision reconsidered // JHS.— vol. 71.— 1951.— p. 156—167.
- Robinson D. M.** Excavations at Olynthus.— Baltimore.— London, Oxford: The J. Hopkins Press, Hymphrey Milford // University Press, 1931, N 4, 106 p.
- Robinson D.** Excavations at Olynthus. Metal and Minor Miscellaneous Finds // Baltimore.— London; The Johns Hopkins Press, 1941.— part 10.— 593 p.
- Rousstaeva A. S.** Les cultes agraires a Olbia Pontique // Dialogues d'histoire ancienne.— 1983.— 9.— p. 185—196.
- Rumpf A.** Lydische Salbgefäße // Mitteilungen des Deutschen archäologischen Instituts, Athenische Abteilung, 1920.— 45.— S. 167.
- Rumpf A.** Zu dem Klasomenischen Denkmäler // IDAI.— 1933.— B. 48.— S. 55—83.
- Schiering W.** Werkstätten Orientalisierender Keramik auf Rhodos.— Berlin: Verlag Gerb. Mann, 1957.— 151 S.

Sparkes B. A., Talcott L., The Black and Plain Pottery of 6 th, 5 th, 4 th Centuries // Athenian Agora, Princeton, New Jersey, 1970.—vol. 12.

Stern E. Graffiti // *Philologus*, 1913.—72.—S. 536—558.

Strocka V. M. Variante, Wiederholung, Serie in griechischen Bildhauerei // *JDAI*.—1979.—94.—S. 168—176.

Fuckelt K. Die archaischen Skulpturen von Didyma.—Berlin: Gebr. Mann Verlag, 1970.—247 S.

Vinogradov I. Olbia // *Xenia*, Konstanz: Universitätsverlag, 1981.—47 S.

Vogell A. Griechische Altertümer südrussischen Fundorts aus dem Besitze // *A. Vogell*.—Karlsruhe, Cassel, 1908.—128 S.

Voščinina A. I. Frühantike Glasgefäße in der Ermitage. Die Griechische Vase // *Wissen-*

schaftliche Zeitschrift der Universität Rostock 1967.—Heft 7/8.

Waldhauer O. Ancient Marbles in the Moscow Historical Museum // *JHS*.—1924.—44.—p. 45—54.

Waldhauer O. Die antike Skulpturen der Ermitage.—Berlin—Leipzig: Verlag von W. de Gruyter, 1928.—1.—84 S; 1931.—2.—75 S; 3.—1936.—85 S.

Waldhauer O. Ein Askos aus der Sammlung Chanenko in Kiew // *Jahrbuch der Deutschen Archäologischen Instituts*.—Bd. 44.—1929.—S. 246.

Walter H. Samos // *Bonn*, 1968.—Bd. 5

Winter F. Die Typen der figurlichen Terracotten // *Berlin—Stuttgart: Spemann*, 1903.—Bd. 1—272 S; Bd. 2—480 S.

Wolters P. Das Kabirenheiligtum bei Theben // *Berlin: Gruyter*, 1940.—Bd. 1.—285 S.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГСП	— Античные города Северного Причерноморья	МАР	— Материалы по археологии России
АГ	— Античный город	МАСП	— Материалы по археологии Северного Причерноморья
АИУ	— Археологические исследования на Украине	МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
АО	— Археологические открытия	МИД	— Киевский музей исторических драгоценностей
АМ	— Археологический музей Академии наук УССР	НА ИА АН УССР	— Научный архив Института археологии АН УССР
АДУ	— Археологічні дослідження на Україні	НО	— Надписи Ольвии
АП УРСР	— Археологічні пам'ятки УРСР	НОСА	— Новейшие открытия советских археологов
ВДИ	— Вестник древней истории	НиЭ	— Нумизматика и эпиграфика
ВЛУ	— Вестник Ленинградского государственного университета	НС	— Нумизматический сборник
	— Вісник Одеської комісії краєзнавства	ОАМ	— Одесский археологический музей
ВОКК	— Государственный исторический музей	ОАК	— Отчеты археологической комиссии
ГИМ	— Государственный Эрмитаж	ПАМК	— Проблемы античной истории и культуры
ГЭ	— Древности Боспора Киммерийского	ПГКСВП	— Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья
ДБК	— Записки Одесского археологического общества	ПИСПАЭ	— Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху
ЗОАО	— Записки Одесского общества истории и древностей	САИ	— Свод археологических источников
ЗООИД	— Известия Археологической комиссии	СА	— Советская археология
ИАК	— Известия Государственной Академии истории материальной культуры	СГАИМК	— Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры
ИГАИМК	— Известия Российской Академии истории материальной культуры	СГЭ	— Сообщения Государственного Эрмитажа
ИРАИМК	— Исследования по античной археологии Северного Причерноморья	СП	— Жебелев С. А. Северное Причерноморье
ИААСП	— Культура античного мира	Тр. АС —	— Труды... Археологического съезда
КАМ	— Киевский государственный университет	Тр. ГИМ —	— Труды Государственного исторического музея
КГУ	— Краткие сообщения Института археологии	ТСА РАНИОН	— Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
КСИА	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры	ТОИПК	— Труды отдела истории первобытной культуры
КСИМК	— Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея	ХКААМ	— Художественная культура в археологии античного мира
КСОГАМ	— Матеріали з археології Північного Причорномор'я	ЦНПМ	— Центральный научный природоведческий музей АН УССР
МАПП			

AA	— Archaeologischer Anzeiger	АБ(Б.)	— Античная Березань
BSA	— The Annual of the British School at Athens	АГД	— Наименование участка раскопок в Ольвии
DHA	— Dialogues d'histoire ancienne	Адм. Б.	— Аджигольская Балка
JAlA	— The Journal of archaeological Institute of America	КОЗ.	— Козырка
JDAI	— Jahrbuch des Deutschen Archaeologischen Instituts	БЧ.	— Большая Черноморка
JHS	— Journal of Hellenic Studies	Дм.	— Дмитровка
MDAI	— Mitteilungen des Deutschen Archaeologischen Instituts, Athenische Abteilung	Е-6	— Наименование участка раскопок в Ольвии
PZ	— Prähistorische Zeitschrift	Каб.	— Каборга
WZUR	— Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock	Бейк.	— Бейкуш
ZPE	— Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik	О.	— Ольвия
		ОЛ.	— Ольвия из коллекции Эрмитажа
		ОШ.	— Ольвия, Широкая Балка
		ШБ.	— Широкая Балка
		ЮЗА	— Юго-запад агоры — наименование участка раскопок в Ольвии

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3	Лепная керамика (<i>К. К. Марченко</i>)	104
ГЛАВА 1		Металлическая посуда (<i>М. В. Скржинская</i>)	116
ПАМЯТНИКИ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА И АРХИТЕКТУРЫ	5	ГЛАВА 3	
Основные этапы развития (<i>С. Д. Крыжицкий</i>)	5	РЕМЕСЛЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО. ОРУДИЯ ТРУДА. ОРУЖИЕ	118
Полуземлянки и землянки (<i>С. Н. Магарани, В. М. Отрешко</i>)	8	Ремесленное производство (<i>Н. А. Сом</i>)	118
Градостроительство (<i>С. Д. Крыжицкий</i>)	27	Орудия труда (<i>В. М. Отрешко</i>)	125
Погребальные сооружения некрополей Ольвии и ее округи (<i>Ю. В. Козуб</i>)	27	Оружие (<i>С. Б. Буйский</i>)	127
ГЛАВА 2		Весовые гири (<i>В. В. Крапивина</i>)	131
КЕРАМИКА	35	ГЛАВА 4	
Восточногреческая расписная керамика (<i>В. Н. Корпусова</i>)	35	ПАМЯТНИКИ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ И БЫТА	134
Коринфская керамика (<i>В. Н. Корпусова</i>)	53	Эпиграфические памятники (<i>А. С. Русаева</i>)	134
Аттическая керамика (<i>Ю. В. Козуб</i>)	57	Скульптура (<i>А. С. Русаева</i>)	154
Простая столовая керамика (<i>В. В. Крапивина</i>)	71	Терракота и фигурные сосуды (<i>А. С. Русаева</i>)	160
Кухонная керамика (<i>Н. А. Лейпунская</i>)	79	Украшения и предметы туалета (<i>М. В. Скржинская</i>)	175
Лутерии (<i>Н. А. Лейпунская</i>)	83	Заключение	184
Амфоры (<i>Н. А. Лейпунская</i>)	87	Список литературы	186
Хозяйственная керамика (<i>Н. А. Лейпунская</i>)	102	Список сокращений	197

МОНОГРАФИЯ

**СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВИЧ КРЫЖИЦКИЙ
ЮЛИЯ ИВАНОВНА КОЗУВ
АННА СТАНИСЛАВОВНА РУСЯЕВА** и др.

**КУЛЬТУРА
НАСЕЛЕНИЯ ОЛЬВИИ
И ЕЕ ОКРУГИ
В АРХАИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ**

*Утверждено к печати ученым советом
Института археологии АН УССР*

**Редактор
Л. Л. ВАЩЕНКО**
**Художественный редактор
И. М. ГАЛУШКА**
**Технический редактор
Т. С. БЕРЕЗЯК**
**Корректоры
Э. П. ШКОЛЬНИК, А. С. УЛЕЗКО**

ИБ № 8417

Славо в набор 17.12.86. Подп. в печ. 11.05.87.
БФ 25070. Формат 70×100/16. Бум. тип. № 1.
Обычн. нов. гарн. Выс. печ. Усл. печ. л. 16,25. Усл.
кр.-отг. 16,74. Уч.-изд. л. 19,54. Тираж 1130 экз.
Заказ № 6—3826. Цена 3 р. 10 к.

Издательство «Наукова думка».
252001 Киев 4, ул. Рейсина, 3.

Отпечатано с матриц Головного предприятия рес-
публичного производственного объединения
«Полиграфкинг», 252057, Киев, ул. Довженко, 3
в Нестеровской городской типографии, 292310,
Нестеров Львовской обл., ул. Горького, 8.

Зак. 2926.